ПРОШЕДШЕЕ ФИЛОСОФІИ.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Политико-экономическіе этюды. Спб. 1869. (изд. распр.).

Соціологія, одинъ томъ русскаго отд. Международной научной библіотеки. Спб. 1880. Цѣна 2 руб. 50 к., въ перепл. 3 руб. Складъ изданія у М. Стасюлевича и въ магазинахъ «Новаго Времени».

La Sociologie, essai de philosophie sociologique. 1 vol. in-8 de la Bibliothèque scientifique internationale, Paris. 1881. (G. Baillière, F. Alcan, édit.) prix... 6 fr.

Прошедшее философіи, опытъ соціологическаго изслѣдованія общихъ законовъ развитія философской мысли. Томъ I. Часть первая: Историческія данныя. Москва 1886. Цѣна 2 руб. 50 к. Складъ изданія въ магазинахъ «Новаго Времени».

ПРИГОТОВЛЯЮТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Непознаваемое, философское изслѣдованіе.

Опытъ введенія въ естественную исторію экономическихъ явленій.

Очерки и опыты, критическіе и философскіе.

I Е. де Роберти)
Р-58 п. т. II

Прошедшее Философіи

ОПЫТЪ

СОЦІОЛОГИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ ОБЩИХЪ ЗАКОНОВЪ РАЗВИТІЯ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ.

Е. де Роберти.

In necessariis unitas, in dubiis libertas, in omnibus caritas.

ТОМЪ II.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ВЫВОДЫ.
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: ФИЛОСОФІЯ ПРОШЕДШАГО И ГЕНЕЗИСЪ ФИЛОСОФІИ НАУКЪ.

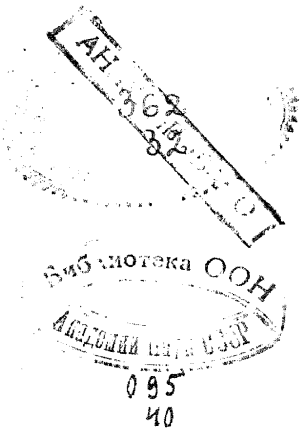
Москва.
Типографія В. В. Исленьева, Средняя Кисловка, д. Волковыхъ.
1886.

вед.

Прил 38

Прил 39

Чшк
Р.



ЭТОТЪ ТОМЪ

ПОСВЯЩАЕТСЯ

МОЕМУ ДРУГУ И УЧИТЕЛЮ

Григорію Николаевичу

ВЫРУБОВУ.

Содержаніе второго тома.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВЫВОДЫ.

Стр.

ГЛАВА I.—Соціологическое объясненіе общаго хода развитія философіи до нашей эпохи. Законъ трехъ типовъ метафизики и общій (динамическій) законъ развитія философіи. — 1. Гипотетическіе элементы моей теоріи. — 2. Параллельное изученіе ряда наукъ и ряда типичныхъ формъ философіи.—3. Общее значеніе нашей классификаціи. Историческія границы принятаго дѣленія.—4. Характеръ и результаты нашего анализа. Фиктивная независимость метафизики отъ спеціальныхъ наукъ.—5. Соціологическое объясненіе развитія философіи. Законъ трехъ типовъ метафизики и его различныя формулы. — 6. Индуктивное распространеніе закона трехъ типовъ. Законъ соотношенія между наукою и философіею. — 7. Незнаніе и гипотеза. Монизмъ науки и монизмъ метафизики. — 8. Практическое значеніе нашихъ формулъ. Условія успѣшной борьбы съ метафизическими заблужденіями 1

ГЛАВА II.—Законъ соотношенія между науками и философіей и законъ трехъ состояній—1. Различныя толкованія закона Конта, въ зависимости отъ трехъ возможныхъ гипотезъ по вопросу о причинной связи между состояніемъ философскихъ и состояніемъ научныхъ понятій въ каждую эпоху.—2. Ближайшая къ формулѣ Конта соціологическая гипотеза. Неосновательность ея. — 3. Обратная соціологи-

Стр

ческая гипотеза Причины ея превосходства —4 Психологическая гипотеза Ея недостатки —5 Неправильная терминология Необходимыя поправки Мысль научная и мысль философская — 6 Малочисленность научныхъ понятій въ первыя эпохи исторіи Отсутствіе прямой генетической связи между научнымъ міропониманіемъ и предшествовавшими ему фазами философской мысли — 7 Эмпирическій характеръ формулы Конта Теоретическое объясненіе закона трехъ состояній болѣе общимъ закономъ соотношенія между науками и философіей 17

ГЛАВА III — Возраженія противъ закона Конта — 1 Двѣ основныя группы возраженій —2 Сверхъестественное вмѣшательство, концепты лежащихъ за предѣлами чувственнаго опыта сущностей и понятіе объ естественномъ законѣ — 3 Множественность сущностей и дуализмъ родовыхъ абстрактныхъ сущностей и ихъ конкретныхъ проявленій —4 Ученіе о непознаваемомъ — 5 Два основныхъ недоразумѣнія Ограниченность нашихъ познавательныхъ средствъ и относительность нашихъ знаній, какъ факты психологіи и какъ элементы общей, или философской, гипотезы —6 Стремленіе къ познанію первыхъ и конечныхъ причинъ явленій, какъ признакъ, дифференцирующій всякую философію отъ всякаго положительнаго знанія Отрицаніе возможности другой философіи, кромѣ метафизической — 7 Законъ трехъ состояній, какъ послѣдовательная смѣна общихъ или философскихъ методовъ Двѣ объяснительныя формулы Философская точка зрѣнія, основанная на широкомъ примѣненіи гипотезы, и философская же точка зрѣнія, опирающаяся на научно-провѣренные факты и отношенія 35

ГЛАВА IV — Законъ трехъ состояній и гипотетическій методъ въ философіи и наукѣ —1 Взглядъ Конта на роль философской гипотезы въ наукѣ — 2 Произвольный характеръ объясненія Конта —3 Двѣ параллельныя послѣдовательности Законъ, управляющій научною эволюціей и эмпирическій законъ, управляющій эволюціей философскою —4 Философскія гипотезы —5 Научныя гипотезы — 6 Эволюція научной мысли, какъ соціологическое условіе эволюціи мысли философской Совмѣстное существованіе

Стр

теологии, метафизическихъ системъ и положительныхъ наукъ Потребность знанія и потребность міропониманія — 7 Процессъ дифференцированія главныхъ разрядовъ нашихъ понятій Методологическія послѣдствія антагонизма между наукою и философіею — 8 «Научное» и «ненаучное» въ области науки и въ области философіи Синтетическое единство метода въ обѣихъ сферахъ Единство метода аналитическое 51

ГЛАВА V —**Психологическое объясненіе общаго хода развитія философіи** — 1 Сущность психологическаго способа объясненія — 2 Роль «теоріи познаванія» въ метафизическихъ системахъ Первая фаза развитія психологіи —3 Превращеніе элементарной психологической задачи въ краеугольный камень систематическаго пониманія природы Наивный реализмъ древнихъ Реализмъ, идеализмъ и реальный идеализмъ —4 Новѣйшія попытки объясненія общаго хода развитія философіи, начиная съ Гегеля и кончая Льюисомъ и Спенсеромъ Эволюціонная схема Вайнингера —5 «Что существуетъ дѣйствительно?» Классификація воззрѣній различныхъ школъ на реальное бытіе и эволюція соотвѣтствующихъ міропониманій —6 Исходная точка эволюціи главный или «данный» рядъ воззрѣній на реальное и сумма наличнаго опыта человѣчества Вторая фаза, производный рядъ реальныхъ элементовъ субстраты, силы и субстанціи Третья фаза чистое мышленіе и метафизика общихъ концептовъ Четвертая фаза ens realissimum, абсолютное бытіе и философія тожества Пятая фаза абсолютный нуль мистическаго и философскаго нигилизма Два выхода нессимистическій квіетизмъ и возвращеніе къ ряду опытныхъ данныхъ—позитивизмъ —7 Возраженія противъ психологическаго объясненія исторіи философіи Различные взгляды на психологію и логическія послѣдствія ихъ Метафизическій характеръ психологическаго объясненія Отвлеченіе отъ одной субстанціи и отрицаніе всѣхъ остальныхъ Психологическое объясненіе, какъ сенсуалистическая теорія 64

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ФИЛОСОФІЯ ПРОШЕДШАГО И ГЕНЕЗИСЪ ФИЛОСОФІИ НАУКЪ.

Стр.

ГЛАВА I.—**Философія прошедшаго и супранатурализмъ.** — 1. Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ и вѣроятной будущности трехъ умственныхъ итоговъ соціологической эволюціи: супранатурализма, метафизики и науки. — 2. Постановка вопроса о супранатурализмѣ.—3. Супранатурализмъ, какъ философія давнопрошедшаго и какъ міропониманіе громаднаго большинства. Борьба народныхъ массъ съ высшими классами. — 4. Единство міропониманія въ первобытныя времена и дуализмъ, смѣнившій это единство съ первыми проблесками цивилизаціи.—5. Взгляды Вольтера и Канта, Юма и Гоббса.—6. Современные взгляды. — 7. Умственныя побѣды народныхъ массъ. Значеніе такихъ нивеллирующихъ реакцій.—8. Союзъ супранатурализма съ метафизикою. Схоластика, какъ общій, не чуждый и нашей эпохѣ фактъ исторіи мысли Смѣшеніе субъективной необходимости съ объективною и его послѣдствія. — 9. Конкретная психологія. Теологическая и метафизическая иллюзіи, какъ факты общественной эмбріологіи. Мнѣніе Ренана.—10. Историческій нигилизмъ XVIII-го вѣка и идеалистическая реакція XIX-го. Единомысліе руководящихъ философскихъ партій по вопросу о соціологическомъ значеніи вѣры въ сверхъестественное. Супранатурализмъ, какъ могущественное орудіе социальной дисциплины. Условія, при которыхъ такое міропониманіе является, напротивъ того, разлагающимъ началомъ.—11. Дѣйствительныя и мнимыя, вообра-

Стр.

жаемыя общественныя заслуги супранатурализма. Вѣра въ сверхъестественное, какъ средство проводить въ народную массу плоды высшей культуры Отсутствіе рѣзкаго антагонизма между развитіемъ супранатурализма и научною эволюціей.—12. Условія, отъ которыхъ зависятъ высокія цивилизующія свойства супранатурализма. — 13. Законъ трехъ типовъ метафизики распространяется и на проявленія супранатурализма. Послѣдній, какъ зачаточный и элементарный идеализмъ. Объясненіе живучести идеалистическихъ системъ.—14 Анимизмъ и его спеціализація—антропоморфизмъ. — 15. Супранатуралистическій идеализмъ и новое объясненіе общаго значенія, въ развитіи философской мысли, трехъ главныхъ направленій метафизики 97

ГЛАВА II. — Философія прошедшаго и супранатурализмъ. *(Окончаніе).*—1. Будущность супранатурализма.—2. Два теченія мнѣній. Связь одного изъ нихъ съ сенсуалистическою теоріей познанія. — 3. Двѣ коренныя ошибки въ постановкѣ вопроса.—4. Соціологическіе элементы задачи.—5. Перенесеніе вопроса на несвойственную ему почву и послѣдствія такого заблужденія. — 6. Мнимое упрощеніе задачи и невозможность ея полнаго разрѣшенія въ одномъ какомъ-нибудь смыслѣ.—7. Значеніе общаго научнаго закона Законъ соотношенія и вытекающія изъ него историческія обобщенія. Приложеніе къ вопросу о будущности супранатурализма —8. Постепенное ограниченіе сферы общественнаго дѣйствія супранатуралистическихъ доктринъ и постепенный упадокъ ихъ значенія. — 9. Другія стороны проблемы.—10. Перестановка элементовъ вопроса. Патологическія и нормальныя явленія въ жизни человѣческихъ обществъ. —11. Общественныя условія, дѣлающія возможными и необходимыми появленіе и существованіе такихъ сложныхъ продуктовъ духовной жизни народовъ, какъ супранатуралистическія ученія.—12. Замѣчательный паралогизмъ.—13. Условія, способствовавшія его образованію. Непровѣряемыя иллюзіи —14. Источники супранатуралистическихъ гипотезъ.—15. Вліяніе наслѣдственности, подбора, ассоціаціи представленій и т. п. основныхъ условій эволюціи общественныхъ организмовъ. Иллюзія скептиковъ и свободныхъ мыслителей нашей эпохи. — 16. Приспособленіе личности къ

Стр.

соціальной средѣ и послѣдней къ средѣ физической, какъ двоякій источникъ нравственныхъ началъ Отожествленіе этихъ началъ съ супранатуралистическими идеями. Смѣшеніе области сверхъестественнаго съ областью вѣры и идеализаціи дѣйствительности.—17. Занимающая насъ проблема, какъ задача психо-соціальной механики. — 18. Вѣра науки и вѣра въ науку. Вѣра, какъ настоятельная потребность человѣческаго духа. Правильное направленіе этой потребности и истинный смыслъ нашего предложенія объ устраненіи гипотезы изъ области философіи. Теорія супранатуралистическихъ вѣрованій и исторія ихъ.—19. Совпаденіе нашихъ выводовъ съ выводами эволюціонизма.— 20. Отрицаніе сверхъестественнаго, какъ точка исхода всякой метафизики. Отрицаніе и научная философія.— 21. «Непознаваемое» философіи и «непознаваемое» супранатурализма. «Непознаваемое» науки. — 22. Близкое родство между отрицаніемъ сверхъестественнаго всѣми видами метафизическаго теизма и пантеизма и теоріей непознаваемаго Двойные софизмы и двойныя гипотезы.—23. Эмпирическіе и произвольные, непровѣряемые элементы общей гипотезы, лежащей въ основѣ ученія о непознаваемомъ и метафизическаго отрицанія сверхъестественнаго. Историческая форма этого отрицанія 12

ГЛАВА III.—Философія прошедшаго и наука.—1. Постановка вопроса о будущемъ метафизики. — 2. Вліяніе философіи на науку и науки на философію.—3. Роль научнаго фактора.—4 Необходимость спеціальныхъ философій отвлеченныхъ наукъ, какъ промежуточныхъ звеньевъ между послѣдними и общею философіею, резюмирующею ихъ результаты.—5. Два параллельныхъ теченія въ исторіи метафизики. Обращеніе метафизическихъ системъ въ спеціальныя философіи болѣе или менѣе значительныхъ группъ отвлеченныхъ наукъ. Дальнѣйшая спеціализація. Постепенное замѣщеніе метафизики метапсихологіей и металогикой. — 6. Условное значеніе полноты и единства метафизическаго міропониманія. Метафизика, какъ особая форма вырожденія спеціальнаго знанія. — 7. Вліяніе апріорной философіи на развитіе спеціальныхъ наукъ.—8. Соціологическія условія научнаго прогресса. — 9. Медленное вымираніе прежнихъ

Стр

типовъ философской мысли.—10. Объективныя и субъективныя условія существованія метафизики —11. Ученіе о непознаваемомъ въ періодъ процвѣтанія и во время упадка метафизики.—12. Смѣшеніе «непознаваемаго» съ «несводимымъ».—13. Защита априорной философіи, какъ особаго вида эстетическаго творчества. — 14. Процессъ отвлеченія въ наукѣ, философіи и искусствѣ. Связь искусства съ наукою и философіей. Основное различіе между научнымъ и философскимъ творчествомъ и творчествомъ искусства. — 15. Остановка аналитическаго процесса мысли на низшихъ ступеняхъ его и обратный переходъ отъ общаго къ индивидуальному. Истинная сущность искусства. Общее значеніе «химическаго» въ умственной и эстетической сферѣ — 16. Метафизическое заблужденіе и философская истина.— 17. Новая теорія истины и заблужденія.—18. Спеціальныя науки, какъ источникъ метафизики и научной философіи . 176

ГЛАВА IV.— Заключеніе. Генезисъ философіи наукъ и значеніе современнаго движенія въ области философіи (научно-философскія системы нашей эпохи. — 1. Научное міропониманіе.—2. Различіе между понятіемъ о «развитіи» и понятіемъ объ «установленіи». Генезисъ отвлеченныхъ наукъ.—3. Ошибочность обычнаго взгляда на философію и ея отношеніе къ наукѣ.—4. Научно-философскія системы.— 5. Аподиктическая точка зрѣнія. Позитивизмъ и его задачи. — 6. Идеальное, или абсолютное, и реальное, или условное и относительное, единство явленій.—7. Историческая точка зрѣнія. Ослабленное успѣхами знанія вліяніе закона метафизической односторонности (закона трехъ типовъ).—8. Завершеніе ряда отвлеченныхъ наукъ группою описательныхъ отраслей знанія и значеніе этого факта въ эволюціи философской мысли.—9. Методологическая точка зрѣнія. Новѣйшій матеріализмъ.—10. Эклектическія и охранительныя стремленія. Причины, обусловливающія колебанія современной мысли.—11. Философскій языкъ и философскіе нравы. — 12. Условія образованія отрицательныхъ концептовъ ума.—13. Научно-философскія системы, какъ переходная ступень отъ метафизики къ философіи наукъ. — 14. Средства и цѣли въ области философіи. Два камня прет-

Стр.

новенія: односторонность точекъ исхода и гипотетичность выводовъ. Всеобщая и спеціальная причинность. 225

Примѣчанія къ части второй 263

Примѣчанія къ части третьей 285

КОНЕЦЪ.

Прошедшее философіи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВЫВОДЫ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

СОЦІОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ ОБЩАГО ХОДА РАЗВИТІЯ ФИЛОСОФІИ ДО НАШЕЙ ЭПОХИ. ЗАКОНЪ ТРЕХЪ ТИПОВЪ МЕТАФИЗИКИ И ОБЩІЙ (ДИНАМИЧЕСКІЙ) ЗАКОНЪ РАЗВИТІЯ ФИЛОСОФІИ.

1. Гипотетическіе элементы моей теоріи.—**2.** Параллельное изученіе ряда наукъ и ряда типичныхъ формъ философіи.—**3.** Общее значеніе нашей классификаціи. Историческія границы принятаго дѣленія.—**4.** Характеръ и результаты нашего анализа. Фиктивная независимость метафизики отъ спеціальныхъ наукъ.—**5.** Соціологическое объясненіе развитія философіи. Законъ трехъ типовъ метафизики и его различныя формулы.—**6.** Индуктивное распространеніе закона трехъ типовъ. Законъ соотношенія между наукою и философіею.—**7.** Незнаніе и гипотеза. Монизмъ науки и монизмъ метафизики.—**8.** Практическое значеніе нашихъ формулъ. Условія успѣшной борьбы съ метафизическими заблужденіями.

1. Изученіе прошедшаго философіи привело насъ къ заключеніямъ довольно опредѣленнымъ и, какъ намъ кажется, не лишеннымъ теоретическаго и практическаго значенія.

Мы предложили чрезвычайно простую классифи-

кацію общихъ типовъ, къ которымъ могутъ быть сведены всѣ, безъ исключенія, метафизическія системы, и разсмотрѣли затѣмъ, съ разныхъ сторонъ, внутреннюю связь, существующую между этимъ дѣленіемъ и однимъ изъ могущественнѣйшихъ факторовъ общественной эволюціи — состояніемъ положительныхъ знаній въ различныя эпохи исторіи человѣчества. Мы вывели отсюда частный законъ развитія философіи, которому можно дать названіе закона трехъ типовъ метафизики и который позволяетъ, на той же почвѣ соціологическихъ фактовъ и отношеній, искать формулу болѣе общаго закона, обнимающаго собою условія развитія всякой философіи. Но прежде, чѣмъ слѣдовать далѣе въ этомъ направленіи, считаемъ не лишнимъ бросить общій взглядъ на пройденный путь и уже достигнутые результаты.

Прошедшее философіи—явленіе сложное, обнимающее собою весь рядъ философскихъ ученій, всѣ измѣненія, которымъ эти ученія подвергались въ теченіе времени и всѣ отношенія, которыя связываютъ философскія доктрины и системы съ другими историческими фактами и съ другими группами общественныхъ явленій. Чтобы разобраться въ этой массѣ данныхъ, нужно было, по необходимости, намѣренно съузить кругъ изучаемыхъ явленій, нужно было очертить его разъ навсегда, и при томъ съ точностью, не допускавшею вредныхъ уклоненій въ сторону. Мы такъ и поступили. Не теряя изъ виду другихъ сторонъ исторической эволюціи, когда это не мѣшало нашему анализу, мы неизмѣнно ставили на первый планъ—внутреннее содержаніе философскихъ системъ.

Но анализируя философскія доктрины прошедшаго, но вскрывая эти организмы, жившіе когда-

то полнымъ силы и блеска существованіемъ, но отыскивая то, что̀ было живою душою отошедшихъ въ исторію міропониманій, и выслѣживая вліянія и факторы, приведшіе къ медленному вымиранію прежнихъ системъ, я, по необходимости, изъ простого опасенія потерять нить къ выходу изъ этого лабиринта сложныхъ причинъ и слѣдствій, долженъ былъ руководствоваться твердо намѣченною заранѣе, общею точкою зрѣнія. Я слѣдовалъ въ этомъ случаѣ примѣру моихъ предшественниковъ, съ тою разницею, что гипотетическіе элементы моей теоріи легко и, такъ сказать, сами собою провѣрялись помощью анализа, которому они служили точкою исхода и опоры. Руководившій мною взглядъ естественно вытекалъ изъ главнаго стремленія настоящаго труда — желанія найти общую почву для образующейся въ наше время „философіи наукъ“ и всей совокупности прежнихъ системъ, которыя также старались достигнуть опредѣленнаго міропониманія.

2. И я, какъ мнѣ кажется, не ошибся, выдвинувъ впередъ, наперекоръ большинству историковъ философіи, или поставивъ во главѣ моихъ объясненій, рядъ положительныхъ наукъ и состояніе ихъ въ ту или другую эпоху. Первымъ плодомъ моихъ поисковъ въ этомъ направленіи была извѣстная читателямъ классификація философскихъ системъ. Совпаденіе ея съ употребительными и въ обычной философской номенклатурѣ дѣленіями можетъ служить только новымъ доказательствомъ вѣрности моей точки исхода въ глазахъ всѣхъ, кто знаетъ, сколько несознанныхъ вполнѣ, а лишь смутно предугадываемыхъ истинъ скрывается иногда въ продуктахъ коллективнаго труда,

и какую цѣну имѣютъ часто такія указанія для повѣрки выводовъ, добытыхъ личными усиліями. Моя классификація, сверхъ того, тѣсно примыкаетъ къ классификаціи наукъ, принятой позитивною школою и уже выдержавшей испытаніе времени. Она не основана на одномъ съ нею началѣ, или на началѣ усложненія явленій, и въ этомъ смыслѣ совершенно независима отъ нея; но дѣленія ея, тѣмъ не менѣе, вполнѣ соотвѣтствуютъ главнымъ ступенямъ іерархической лѣстницы отвлеченнаго знанія. Другое существенное отличіе ея отъ классификаціи наукъ состоитъ въ томъ, что ею различаются не послѣдовательныя, а одновременныя явленія, не ступени развитія, а сосуществующія группы фактовъ. Все это, вмѣстѣ взятое, въ извѣстной степени объясняетъ, почему ни одна изъ этихъ двухъ классификацій въ отдѣльности не можетъ привести къ открытію условій, вліявшихъ на развитіе прежней философіи, и почему для достиженія этой цѣли необходимо сопоставленіе и параллельное изученіе обоихъ рядовъ—ряда наукъ и ряда типичныхъ формъ метафизики.

3. Но какою бы точкою зрѣнія первоначально ни руководствовался изслѣдователь, раздѣляя философскія системы на группы или классы и опредѣляя выдающіеся, типичные признаки такихъ категорій,—не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что свою классификацію онъ, прежде всего, долженъ установить какъ общій фактъ, вполнѣ совпадающій съ конкретною дѣйствительностью, или не допускающій такихъ исключеній, которыя нельзя бы было удовлетворительнымъ образомъ объяснить вмѣшательствомъ другихъ вліяній. Такая необходимость по меньшей мѣрѣ столь же очевидна,

какъ и необходимость начинать изученіе исторіи философіи съ разграниченія или классификаціи философскихъ системъ и съ точнаго описанія типичныхъ формъ ихъ. Только тщательное выполненіе этихъ двухъ элементарныхъ требованій соціологическаго метода и можетъ обезпечить успѣхи дальнѣйшаго анализа, и въ состояніи доставить надежное основаніе для всѣхъ послѣдующихъ обобщеній.

Отсюда понятно, какую важность имѣло въ нашихъ глазахъ доказательство, что классификація наша не оставляетъ въ сторонѣ ни одного изъ міропониманій прошедшаго, что она своими типами обнимаетъ всѣ существовавшія системы. Конечно, бо́льшая часть работы, посвященной этой цѣли, не прошла вовсе предъ глазами читателя; но, съ этою оговоркою, нашей попыткѣ нельзя, какъ намъ кажется, отказать въ искренномъ стремленіи не покидать почвы фактовъ и въ не менѣе искренной готовности встрѣтить на этой почвѣ всякія возраженія. Свою исходную точку, свое начало дѣленія философскихъ ученій мы постоянно выставляли какъ общій, не терпящій никакихъ исключеній фактъ, со всѣми естественными послѣдствіями такого взгляда. Тотъ же критерій мы приложили и къ двумъ другимъ вопросамъ, тѣсно связаннымъ съ классификаціею философскихъ доктринъ. Изъ этихъ вопросовъ одинъ касался того обстоятельства, могутъ ли различные типы общаго пониманія міра существовать вмѣстѣ, одновременно, или же они, по необходимости, только слѣдуютъ другъ за другомъ; другой же относился къ точному опредѣленію историческихъ границъ принятаго дѣленія. Въ первомъ случаѣ, основывая нашъ выводъ о строго параллельномъ развитіи всѣхъ трехъ напра-

вленій метафизики на постоянномъ свидѣтельствѣ исторіи, мы тѣмъ же путемъ старались объяснить и кажущееся исключеніе, представляемое высшими формами сенсуалистической философіи. Во второмъ, мы пришли къ убѣжденію, что наша классификація справедлива, въ полномъ своемъ объемѣ, лишь для тѣхъ системъ, которыя занимали историческую сцену вплоть до нашихъ дней. Что значеніе этой классификаціи не простирается, въ равной степени, на всякое міропониманіе, безотносительно ко времени его появленія,—лучше всего видно изъ наблюденій настоящей эпохи, когда, рядомъ съ прежними формами философіи, впервые появились и такія попытки общаго объясненія явленій, которыя безъ очевидной натяжки уже не могутъ быть всецѣло сведены къ типамъ или нормамъ, исключительно господствовавшимъ въ прошедшемъ. Но заключеніе это равносильно, въ сущности, отрицанію у метафизики характера основной или постоянной формы философіи и признанію за нею лишь временнаго и преходящаго значенія.

4. Въ соціологіи, какъ и во всякой другой наукѣ, недостаточно установить общій фактъ и опредѣлить границы его историческаго дѣйствія; надо еще объяснить его, надо отыскать его причину, надо попытаться связать его внутреннею, неразрывною связью съ другою, сосѣднею группою явленій. Только такимъ путемъ можно надѣяться достигнуть самаго важнаго и драгоцѣннаго результата научнаго изслѣдованія: закона, неизмѣннаго, при равенствѣ прочихъ условій, отношенія между явленіями. Задача, которая подлежала нашему разрѣшенію, была, слѣдовательно, весьма ясная: съ какимъ дру-

гимъ рядомъ или съ какою другою группою явленій постоянно связано распаденіе философскихъ системъ прошедшаго на описанные типы? Поверхностное изслѣдованіе или анализъ первой, такъ сказать, степени, приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію, что въ сложномъ процессѣ образованія того или другого міропониманія участвовали въ прошедшемъ и участвуютъ нынѣ множество общественныхъ явленій, или что причинность всякаго міропониманія обнимаетъ собою едва-ли не всю совокупность соціологическихъ факторовъ (54). Но остановиться на такомъ выводѣ—значило только признать то, что было всѣмъ давно извѣстно, хотя, само по себѣ, и имѣло огромную важность. Въ этомъ хаосѣ терялась всякая руководящая нить, всякая возможность отличить предыдущіе факты отъ послѣдующихъ, причину отъ слѣдствія: являлась, поэтому, необходимость прибѣгнуть къ болѣе глубокому анализу, который бы строго изолировалъ каждый отдѣльный факторъ, изучая его въ полной независимости отъ всѣхъ прочихъ. Полученные такимъ путемъ результаты, очевидно, носятъ печать намѣренной односторонности; но возможныя дополненія и поправки къ нимъ касаются всегда ихъ примѣненія на практикѣ, а не теоретическаго значенія ихъ.

И вотъ подобный анализъ и привелъ насъ къ заключенію, что состояніе философскихъ спекуляцій въ прошедшемъ представляетъ собою группу явленій, которая неизмѣнно сопровождаетъ другую группу, имѣющую не менѣе общіе характеръ и значеніе: состояніе положительныхъ наукъ въ соотвѣтствующія эпохи. При этомъ внимательное изученіе такой связи съ избыткомъ показало, что въ устанавливаемомъ ею постоянномъ отношеніи состояніе

положительныхъ наукъ несомнѣнно играетъ роль предшествующаго и рѣшительно господствующаго явленія.

Другими словами, мы убѣдились въ томъ, что болѣе или менѣе рѣзкая односторонность основныхъ гипотезъ метафизики, позволившая намъ свести ихъ къ немногимъ главнымъ типамъ, была необходимымъ послѣдствіемъ значительныхъ пробѣловъ въ циклѣ отвлеченныхъ наукъ и недостаточной зрѣлости каждой изъ нихъ, взятой въ отдѣльности. Отсутствіе положительнаго, научнаго объясненія обширныхъ категорій явленій порождало и поддерживало существованіе метафизики, или такой фазы философскаго развитія, въ которой совокупность явленій могла объясняться только при помощи гипотетическаго распространенія на всѣ разряды фактовъ—признаковъ или свойствъ, болѣе или менѣе точно наблюденныхъ въ одномъ разрядѣ. Метафизика была продуктомъ исторической необходимости, временной невозможности основать мірообъясненіе на законченномъ рядѣ положительныхъ наукъ; вотъ почему она такъ долго и служила законной замѣстительницею научной философіи. Она была „независимымъ отъ спеціальныхъ наукъ изученіемъ общихъ началъ явленій“; но такая самостоятельная роль принадлежала ей лишь постольку, поскольку ей и въ самомъ дѣлѣ нельзя было зависѣть отъ чего-то несуществующаго или находящагося въ состояніи зародыша. Это всего лучше доказывается сравненіемъ идеалистическихъ системъ съ матеріалистическими (55). Метафизика не зависѣла отъ спеціальной науки еще и на устахъ и въ воображеніи философовъ, не отдававшихъ себѣ яснаго отчета въ своихъ собственныхъ основныхъ стремленіяхъ; на са-

момъ же дѣлѣ, въ дѣйствительности, она тѣсно, рабски примыкала и къ отдѣламъ знанія, уже прочно усвоившимъ себѣ научный характеръ—матеріализмъ,—и къ наукамъ, еще только начинавшимъ примѣнять научные методы—сенсуализмъ; и, наконецъ, къ обширнымъ областямъ, въ которыя еще не проникалъ свѣтъ положительнаго изслѣдованія и въ которыхъ приходилось довольствоваться самыми ничтожными крохами эмпирическаго знанія—идеализмъ. Эта невольная судьба метафизическихъ системъ громче всего свидѣтельствуетъ о силѣ научнаго фактора и является самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ значенія спеціальной науки даже тамъ, гдѣ господство апріорическихъ гипотезъ, казалось, должно было отодвинуть научныя стремленія на задній планъ.

5. Итакъ, состояніе положительнаго знанія оказывается могущественнымъ факторомъ, опредѣляющимъ съ поразительною точностью направленіе и внутренній характеръ самыхъ разнообразныхъ системъ прежней философіи. Таковъ прямой результатъ нашего историческаго анализа. Но состояніе знанія есть сложное явленіе, которое можетъ быть успѣшно изучаемо лишь въ области науки объ обществѣ и ея методами; оно есть фактъ соціологическаго порядка, чрезвычайно важный продуктъ и въ то же время не менѣе важный двигатель общественной эволюціи. Постоянное отношеніе къ нему другого продукта и другого фактора той же эволюціи—философіи прошедшаго, отношеніе, которое выражается въ трехъ постоянныхъ направленіяхъ послѣдней, составляетъ поэтому, безъ всякаго сомнѣнія, соціологическое объясненіе соотвѣтствующихъ явленій, или настоящій законъ

соціологіи. Этотъ законъ можно облечь во множество болѣе или менѣе равнозначущихъ формулъ:—*всякое метафизическое міропониманіе есть, по необходимости, или матеріалистическое, или идеалистическое, или сенсуалистическое;—общій и особенный метафизическій характеръ или, такъ сказать, метафизическій* **родъ** *и метафизическій* **видъ** *міропониманія опредѣляются преобладаніемъ въ немъ точекъ зрѣнія, заимствованныхъ изъ частныхъ наукъ или соотвѣтствующихъ имъ областей фактовъ;—метафизическая мысль есть явленіе, необходимо сопровождающее ростъ положительной науки, отъ которой она находится въ зависимости уже потому, что только временно, какъ показалъ опытъ, восполняетъ своими гипотезами пробѣлы нашего знанія,—односторонность міропониманія находится въ прямомъ отношеніи къ несовершенству знанія въ каждую данную эпоху* и т. п. Но какую бы формулу мы ни выбрали, законъ одинаково сохраняетъ значеніе закона динамическаго, опредѣляющаго послѣдовательность явленій, или ихъ развитіе. Признаніе за нимъ — хотя бы только въ зависимости отъ устанавливаемой имъ одновременности главныхъ типовъ метафизической философіи—характера закона статическаго было бы неправильно уже потому, что нѣтъ достаточнаго основанія для отнесенія двухъ разрядовъ явленій, которые имъ связываются и, для поверхностнаго наблюдателя, дѣйствительно кажутся сосуществующими, къ какому-нибудь третьему разряду, къ какой-нибудь общей причинѣ, — а, напротивъ того, налицо имѣется не мало мотивовъ для утвержденія, что одному изъ этихъ факторовъ принадлежатъ всѣ свойства причины, или явленія необходимо предшествующаго.

Изъ многихъ возможныхъ формулъ частнаго закона развитія метафизики, мы останавливаемся на той, которая стоитъ всего ближе къ историческимъ

даннымъ и можетъ быть выражена такъ: всякое метафизическое міропониманіе есть или матеріалистическое, или идеалистическое, или сенсуалистическое. Эту формулу, найденную нами въ фактахъ прошедшаго философіи, мы и называемъ **закономъ трехъ типовъ метафизики.**

6. Въ каждой наукѣ обобщенія, относящіяся къ большому числу фактовъ, могутъ, посредствомъ правильнаго примѣненія пріемовъ индуктивнаго метода, привести къ обобщеніямъ сравнительно высшаго порядка. Процессъ индуктивнаго мышленія неохотно останавливается на той или другой ступени, когда онъ можетъ легко, безъ особыхъ усилій, безъ явнаго противорѣчія фактическимъ даннымъ или логическому ихъ сочетанію, подняться на высоту, позволяющую обнять однимъ взглядомъ болѣе значительное количество явленій. Такимъ путемъ достигается, конечно, одно только отвлеченное знаніе, по необходимости теряющее изъ виду частности и отражающее въ себѣ лишь общія очертанія вещей; но знаніемъ этого рода не пренебрегаетъ, какъ извѣстно, ни одна изъ теоретическихъ или основныхъ наукъ.

Распространеніе частнаго соотношенія, найденнаго между односторонностью метафизическихъ гипотезъ и низкою ступенью развитія всей суммы точнаго знанія, на общее соотношеніе, устанавливающееся, всегда и при всѣхъ условіяхъ, между состояніемъ философіи съ одной стороны, и состояніемъ ряда положительныхъ наукъ съ другой, представляетъ весьма типичный примѣръ подобныхъ попытокъ расширить предѣлы отвлеченнаго знанія. Индукцію эту не только было легко найти — ее

нельзя было не сдѣлать: до такой степени извѣстные всѣмъ факты подтверждаютъ, въ данномъ случаѣ, обобщеніе частнаго закона, распространеніе его на совершенно однородныя группы общественныхъ явленій. Законъ трехъ типовъ метафизики непосредственно приводитъ, такимъ образомъ, къ общему закону развитія, которому можно дать названіе **закона соотношенія** между **наукою и философіею** (56).

7. Остановимся еще на минуту на частномъ законѣ, составляющемъ ближайшій результатъ всего предыдущаго изслѣдованія. Изъ нашего изложенія явствуетъ, что въ массѣ сложныхъ фактовъ и отношеній, для которыхъ законъ метафизическихъ типовъ служитъ простою мнемонической формулою, главная, выдающаяся роль принадлежитъ двумъ основнымъ элементамъ; вокругъ нихъ правильно располагаются или кристаллизуются, такъ сказать, всѣ остальные факты и отношенія, выраженные и предвидѣнные тѣмъ же закономъ. Эти элементы суть: съ одной стороны—*незнаніе*, съ другой—*гипотеза*. Разъясненію и точному опредѣленію соотвѣтствующихъ этимъ явленіямъ понятій мы посвятили не одну страницу. Здѣсь, поэтому, вполнѣ достаточно будетъ кратко напомнить читателю тѣ положенія, которыя необходимо вытекаютъ изъ закона метафизическихъ типовъ и служатъ ему прямыми точками опоры. Они могутъ быть сведены къ слѣдующимъ тремъ главнымъ тезисамъ:

1). Каждая эпоха имѣетъ и обнаруживаетъ свое, такъ сказать, специфическое незнаніе, касающееся тѣхъ или другихъ вопросовъ; но результатъ такого незнанія всегда одинаковъ: это — гипотеза, частная, когда незнаніе касается болѣе или менѣе

краткаго ряда явленій, или вращается въ кругу однородныхъ фактовъ, и общая, когда незнаніе простирается на обширныя категоріи явленій, или обнимаетъ нѣсколько несводимыхъ другъ къ другу разрядовъ ихъ. Въ первомъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло съ научною гипотезою, которая, будучи провѣрена, становится весьма часто источникомъ знанія. Во второмъ, мы имѣемъ дѣло съ философскою гипотезою, остающейся, въ силу самаго опредѣленія своего, непровѣряемою, и потому никогда не приводящею къ положительному знанію, а только къ метафизическому, — то есть, къ одной изъ наиболѣе характерныхъ историческихъ формъ незнанія.

2). Всякая гипотеза, и научная, и философская, по существу своему монистична, т. е. въ вѣчномъ разнообразіи явленій стремится удержать общее и единое. Но въ то время, какъ всегда строго условный монизмъ научной гипотезы ищетъ общее и единое лишь въ свойствахъ и отношеніяхъ явленій, вызывающихъ, всегда и при всѣхъ условіяхъ, одни и тѣ же чувственныя воспріятія въ объединяющемъ субъектѣ, безусловный монизмъ философской гипотезы схватываетъ общее и единое и въ такихъ свойствахъ и отношеніяхъ явленій, которыя въ самомъ объединяющемъ субъектѣ сопровождаются неоднородными чувственными воспріятіями. Монизмъ науки, поэтому, убѣждаетъ и успокоиваетъ нашъ умъ, монизмъ же метафизики только безплодно раздражаетъ его, безцѣльно увеличивая и безъ того огромную сумму нашихъ сомнѣній.

3). Гипотезы метафизики имѣютъ общій характеръ потому, что онѣ должны служить для объясненія всѣхъ явленій. Но и по происхожденію своему, и по содержанію, и по достигаемой ими въ

дѣйствительности цѣли, это — гипотезы частныя, образуемыя нашимъ умомъ тѣми же способами, какіе употребляются имъ и для построенія наиболѣе спеціальныхъ гипотезъ науки. Ихъ можно сравнить съ силлогизмомъ, заключеніе котораго не содержится въ посылкахъ и который, поэтому, невѣренъ уже съ чисто формальной точки зрѣнія. Непровѣряемость общихъ гипотезъ философіи — такой же логическій недостатокъ, какъ невѣрность подобнаго силлогизма. Вотъ почему критическій анализъ такъ легко придаетъ общности метафизическихъ гипотезъ прямо противоположное значеніе. Общность эта есть результатъ умственной иллюзіи, которая, какъ всякая иллюзія, ограничена тѣсными предѣлами времени и мѣста и имѣетъ личный, индивидуальный характеръ: въ чемъ одни видятъ необыкновенную широту взгляда, то другіе признаютъ лишь непростительною односторонностью. Однимъ словомъ, философская гипотеза есть, прежде всего, крупное методологическое заблужденіе. Вмѣсто того, чтобы стремиться установить научное единство явленій, имѣющее исключительно методологическій характеръ, умъ нашъ старается отыскать единство вещей метафизическое, въ которомъ методологическая точка зрѣнія или вовсе устранена, или отодвинута на послѣдній планъ. Оба единства возникаютъ и существуютъ въ нашемъ умѣ, а не въ вещахъ, и составляютъ предметъ изученія отрасли психологіи, которая называется „теоріей познаванія“; но въ то время, какъ единство перваго рода, при такомъ анализѣ и сличеніи съ опытными данными, оказывается достигнутымъ путемъ совершенно правильныхъ умственныхъ операцій (напримѣръ, посредствомъ ряда силлогизмовъ, заключенія которыхъ строго

соотвѣтствуютъ посылкамъ), единство второго рода всегда достигается лишь помощью той или другой логической погрѣшности (57).

8. Таково, въ общихъ чертахъ, теоретическое значеніе добытыхъ въ предыдущихъ главахъ результатовъ. Поднятые нами вопросы имѣютъ, безъ всякаго сомнѣнія, и большую практическую важность; но эта сторона ихъ прямо не входитъ въ кругъ настоящаго изслѣдованія, и о ней мы можемъ упомянуть здѣсь только мимоходомъ. Укажемъ, впрочемъ, на то, что изъ закона метафизическихъ типовъ и общаго закона соотношенія между наукою и философіей несомнѣнно слѣдуетъ, что всякая борьба съ метафизикою должна оставаться безплодною, пока ее будутъ вести на почвѣ общихъ принциповъ. Метафизика, подобно еще болѣе глубокой ступени незнанія, религіи, есть, прежде всего, слѣдствіе, которое становится дѣятельною причиною лишь въ свою очередь и только тогда, когда тому благопріятствуютъ другія обстоятельства и, на первомъ планѣ, сами причины, её произведшія.

Разсматриваемая какъ соціологическій и психологическій факторъ, метафизика можетъ быть признаваема или полезною и желательною, или вредною, или, наконецъ, совершенно безразличною. Въ послѣднемъ случаѣ всего разумнѣе, конечно, предоставить вещи ихъ естественному теченію. Въ двухъ же первыхъ слѣдуетъ, очевидно, стараться дѣйствовать не на метафизику, а исключительно на причины, обусловливающія ея возникновеніе и развитіе: то есть, нужно или стремиться всячески поддержать и увеличить существующую въ обществѣ сумму незнанія, или, наоборотъ, всѣми силами бороться противъ различныхъ видовъ невѣжества. Ни въ ка-

комъ случаѣ, однако, не слѣдуетъ предаваться праздной мечтѣ, будто, доказавъ глубокую нераціональность метафизики, можно повлять на ея будущія судьбы. Такая надежда была бы вполнѣ равносильна ожиданію, что простымъ признаніемъ патологическаго значенія того или другого состоянія нашего организма можно измѣнить степень силы или распространенности соотвѣтствующихъ болѣзней (58).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ЗАКОНЪ СООТНОШЕНІЯ МЕЖДУ НАУКАМИ И ФИЛОСОФІЕЙ И ЗАКОНЪ ТРЕХЪ СОСТОЯНІЙ.

1. Различныя толкованія закона Конта, въ зависимости отъ трехъ возможныхъ гипотезъ по вопросу о причинной связи между состояніемъ философскихъ и состояніемъ научныхъ понятій въ каждую эпоху.—**2.** Ближайшая къ формулѣ Конта соціологическая гипотеза Неосновательность ея.—**3.** Обратная соціологическая гипотеза. Причины ея превосходства.—**4.** Психологическая гипотеза. Ея недостатки.—**5.** Неправильная терминологія. Необходимыя поправки. Мысль научная и мысль философская.—**6.** Малочисленность научныхъ понятій въ первыя эпохи исторіи. Отсутствіе прямой генетической связи между научнымъ міропониманіемъ и предшествовавшими ему фазами философской мысли.—**7.** Эмпирическій характеръ формулы Конта. Теоретическое объясненіе закона трехъ состояній болѣе общимъ закономъ соотношенія между науками и философіей.

1. Дойдя въ нашемъ изслѣдованіи до указанныхъ въ предыдущей главѣ общихъ выводовъ, мы на своемъ пути встрѣчаемъ знаменитое историческое обобщеніе Огюста Конта—законъ трехъ умственныхъ состояній (59). Этотъ законъ стремится объяснить тѣ же группы фактовъ, между которыми и мы старались установить постоянное отношеніе [1]). Сличеніе до-

---

[1]) Auguste Comte: Cours de philosophie positive T. I. стр. 8—9, T. IV, стр. 467—475 3-го изданія. J St. Mill: A system of Logic, перв. изд. стр. 586, G. Wyroubоff. Phil. pos. T. XXII. 1879. стр. 34.

бытыхъ нами результатовъ съ основными элементами обобщенія Конта становится, такимъ образомъ, прямо неизбѣжнымъ.

Главныя и всѣ второстепенныя формулы, въ которыя Контъ и его школа облекаютъ фактъ послѣдовательной смѣны трехъ фазъ умственнаго развитія, открываютъ широкій просторъ самымъ различнымъ объясненіямъ этого факта. Формулы эти обходятъ глубокимъ молчаніемъ весьма важный, въ соціологическомъ смыслѣ, вопросъ о причинномъ отношеніи между двумя группами явленій: состояніемъ философскихъ и состояніемъ научныхъ понятій въ каждую данную эпоху. Допуская нѣсколько противоположныхъ гипотезъ по этому вопросу, законъ Конта естественно порождаетъ безконечные споры и недоразумѣнія. Согласно одному толкованію, состояніе философіи считается главною соціологической причиною, опредѣляющею и состояніе науки въ соотвѣтствующую эпоху; согласно другому, обѣ группы явленій ставятся въ тѣсную зависимость отъ новой группы, или отъ фактора психологическаго, признаваемаго общею причиною ихъ; наконецъ, третья гипотеза открываетъ уже прямо обратное отношеніе между развитіемъ наукъ и развитіемъ философіи.

Признавая историческую достовѣрность факта, лежащаго въ основѣ закона Конта, мы отвергаемъ, какъ объясненіе этого факта преобладающимъ вліяніемъ философіи на другіе умственные продукты, — объясненіе, имѣющее скорѣе соціологическій характеръ—такъ и всякую исключительно психологическую гипотезу, построенную съ цѣлью дальнѣйшаго проникновенія въ смыслъ явленій, то есть, съ цѣлью обнаруженія скрытыхъ причинъ того или другого состоянія философіи и наукъ.

Мы являемся такимъ образомъ сторонниками третьяго объясненія, заключающагося въ признаніи за состояніемъ наукъ всѣхъ свойствъ преобладающей причины, а за состояніемъ философіи—характера необходимаго слѣдствія. Къ сожалѣнію, терминологія, усвоенная въ этомъ вопросѣ философами позитивной школы, громко говоритъ въ пользу первыхъ двухъ объясненій, и истинная мысль самого Конта видимо колеблется между всѣми тремя гипотезами, не отдавая ни одной изъ нихъ рѣшительнаго предпочтенія.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, разсмотримъ здѣсь подробнѣе обычныя толкованія закона Конта, отвергаемыя нами какъ ложныя или, по крайней мѣрѣ, какъ произвольныя и недостаточно оправдываемыя нынѣшнимъ положеніемъ нашихъ общественно-научныхъ и психологическихъ познаній.

2. Ближе другихъ къ буквальному смыслу формулы Конта стоитъ гипотеза, въ силу которой то или другое состояніе научныхъ понятій ставится въ прямую зависимость отъ того или другого состоянія общихъ или философскихъ идей. Не прибѣгая къ такому предположенію, трудно, въ самомъ дѣлѣ, объяснить себѣ, какимъ образомъ научныя понятія и возникающія изъ нихъ науки могутъ проходить чрезъ извѣстныя три фазы, о чемъ такъ много говорится въ „Курсѣ положительной философіи“. Но именно это толкованіе закона трехъ состояній и представляется намъ всего болѣе ошибочнымъ. Оно основано на наблюденіи однихъ внѣшнихъ, поверхностныхъ признаковъ явленій. Характеръ господствующаго міропониманія несомнѣнно оказываетъ вліяніе и на характеръ преобладающихъ въ спеціальныхъ наукахъ понятій: это и есть та, ярко

выраженная въ законѣ Конта, видимость, которая совершенно заслоняетъ собою другое явленіе, именно, что философія отдаетъ наукѣ лишь то, что сама отъ нея получила, и потому вліяніе, о которомъ здѣсь можетъ итти рѣчь, есть только вліяніе, такъ сказать, отраженное. Развитіе философіи не есть та vera causa, въ бэконовскомъ или вообще научномъ смыслѣ, которая производитъ дѣятельныя измѣненія въ составѣ научныхъ понятій. Надо еще объяснить самое состояніе философской мысли, надо показать, почему она бываетъ сперва теологическою, потомъ метафизическою и наконецъ научною. А если окажется при этомъ, что искомая „истинная причина“ лежитъ въ самой наукѣ, въ ея медленномъ ростѣ? Правда, ни Контъ, ни лучшіе изъ его учениковъ не останавливались долго на указанной выше гипотезѣ. Они шли далѣе и старались самому состоянію философіи подыскать другую причину, чисто психологическую; но, какъ мы увидимъ вскорѣ, такое стремленіе могло только перенести позитивистовъ въ далекое будущее соціологическихъ изслѣдованій, для которыхъ не собрано еще достаточнаго матеріала и не выработаны надлежащіе методы.

Въ началѣ исторической эволюціи, господство принадлежитъ нераздѣльно теологическому міропониманію собственно потому, что самая грубая форма теоретическаго заблужденія, антропоморфная иллюзія, естественно обусловливалась и вызывалась тогдашнимъ состояніемъ нашихъ знаній о природѣ и человѣкѣ. Состояніе это, однако, неправильно называть теологическимъ, такъ какъ религіозная окраска человѣческихъ знаній въ разсматриваемую отдаленную эпоху была въ нихъ чертою далеко не самостоятельною и не первенствующею:

но сумму научныхъ знаній этой фазы слѣдуетъ, какъ оно и было въ дѣйствительности, признавать весьма ничтожною, если не близкою къ нулю, и на первое время ограничиться такимъ указаніемъ, помня, что количественныя опредѣленія въ наукѣ всегда несравненно точнѣе качественныхъ.

Затѣмъ наступаетъ господство метафизической философіи или такого общаго видоизмѣненія теологическаго міропониманія, которое также вполнѣ удовлетворительно объясняется количественными измѣненіями въ области положительнаго знанія—относительнымъ приращеніемъ суммы нашихъ научныхъ наблюденій, представляющей, однако, въ этотъ періодъ еще массу пробѣловъ не только частныхъ, но и общихъ, касающихся обширныхъ категорій явленій. Наконецъ,открывается и эра научнаго міропониманія—на первое время въ смѣшанной или переходной формѣ научно-философскихъ системъ, при чемъ появленіе послѣднихъ вполнѣ объясняется вліяніемъ того же фактора, выросшаго и укрѣпившагося настолько, что въ ряду отвлеченныхъ наукъ, среди массы частныхъ несовершенствъ, уже болѣе не встрѣчается общихъ пробѣловъ, обнимающихъ собою цѣлые разряды явленій.

3. Но прежде чѣмъ допустить, въ видѣ объясненія существенно одинаковаго явленія — того капитальнаго факта, вокругъ котораго, по выраженію Вырубова [1]), вращается вся исторія человѣческой мысли, — обратное отношеніе между философіей и наукою, читатель, по всей справедливости, можетъ спросить, въ чемъ же заключается преимущество одного объясненія передъ дру-

[1]) Phil. pos., т. XXII, стр. 34.

гимъ, собственно въ соціологическомъ смыслѣ? Вѣдь обѣ выставляемыя причины — состояніе философіи и состояніе ряда спеціальныхъ наукъ — въ одинаковой мѣрѣ явленія соціологическія, факторы и продукты общественнаго развитія? Почему же одинъ изъ этихъ продуктовъ долженъ, въ сложныхъ и запутанныхъ отношеніяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, считаться явленіемъ всегда предшествующимъ, или настоящею причиною другого?

На этотъ вопросъ мы отвѣчаемъ тѣмъ охотнѣе, что онъ, по нашему мнѣнію, переноситъ споръ на всего болѣе свойственную ему почву.

Основанія, по которымъ, въ виду необходимости выбора между подчиненнымъ извѣстнымъ условіямъ медленнымъ ростомъ наукъ и подчиненнымъ другимъ условіямъ своеобразнымъ развитіемъ философскихъ воззрѣній, мы останавливаемся на первой группѣ явленій и признаемъ именно за нею характеръ соціологической причины, сводятся къ слѣдующимъ двумъ доводамъ.

Во первыхъ, признавая общую измѣняемость и состоянія нашихъ знаній, и состоянія нашихъ философскихъ воззрѣній, мы не можемъ, однако, не замѣтить въ этомъ отношеніи той существенной разницы, что сумма научныхъ понятій постоянно увеличивается въ объемѣ, ростетъ количественно, чего отнюдь, по крайней мѣрѣ въ той же степени, нельзя сказать о суммѣ понятій философскихъ. Міропониманія различныхъ эпохъ не увеличиваютъ замѣтно общаго итога руководящихъ идей, которыми они объясняютъ міръ и его явленія; и это настолько справедливо, что нѣкоторые историки философіи даже видятъ въ гипотезѣ убывающей прогрессіи философскихъ концептовъ (логическое слѣдствіе монизма) верховный законъ развитія философіи. Иначе

представляется дѣло съ точки зрѣнія качественной измѣняемости. Въ этомъ отношеніи понятія, прочно установившіяся въ спеціальныхъ наукахъ, всегда стремятся сохранить въ нихъ одно и то же значеніе, между тѣмъ какъ основныя понятія философіи подвергаются постояннымъ колебаніямъ и, въ концѣ концовъ, претерпѣваютъ такія коренныя измѣненія, какія выразились исторически въ смѣнѣ теологическаго міропониманія метафизическимъ и въ стремленіи замѣнить послѣднее научною философіею. Такимъ образомъ, въ качественномъ отношеніи науки и ихъ состояніе въ различныя эпохи представляются уже факторомъ постояннымъ, а философія и ея состояніе—факторомъ измѣняющимся. Но вникая въ глубокій смыслъ этой двойной измѣняемости, нельзя, какъ намъ кажется, ставить первый факторъ въ зависимость отъ второго, не впадая въ логическое противорѣчіе и не погрѣшая противъ основныхъ требованій историческаго метода (60).

Во вторыхъ, наука имѣетъ всегда цѣлью объясненіе спеціальныхъ категорій явленій, а философія—пониманіе всей суммы или совокупности вещей. Наука стоитъ настолько близко къ конкретной дѣйствительности, насколько позволяютъ условія отвлеченнаго знанія; философія же отдѣлена отъ реальнаго міра, по крайней мѣрѣ, всѣмъ пространствомъ, занимаемымъ спеціальными объясненіями и частными понятіями, составляющими ту среду или призму, чрезъ которую философъ, по необходимости, смотритъ на совокупность вещей. Отъ характера этой промежуточной области, отъ медленнаго возрастанія въ ней числа провѣренныхъ и сдѣлавшихся уже достояніемъ точной науки частныхъ понятій и объясненій, будетъ существенно зависѣть

и характеръ соотвѣтствующаго міровоззрѣнія: мѣдленное замѣщеніе теологическаго міропониманія метафизическимъ и смѣна этого послѣдняго философіею, стремящеюся стать положительною, или научною. Другими словами, пониманіе суммы можетъ быть только завершеніемъ познанія ея слагаемыхъ, и болѣе или менѣе полное незнаніе послѣднихъ всегда влечетъ за собою болѣе или менѣе полное же непониманіе образуемаго ими итога: теологическое или метафизическое объясненіе міра. До какой степени это справедливо, видно изъ того, что, несмотря на всѣ успѣхи спеціальныхъ знаній, философія наукъ до сихъ поръ еще находится въ процессѣ образованія и не скоро, по всей вѣроятности, окончательно вытѣснитъ собою метафизическое толкованіе природы.

4. Но отвергая гипотезу, допускающую эволюцію частныхъ понятій изъ общихъ концептовъ философіи, какъ нераціональную попытку поставить сумму впереди ея слагаемыхъ, мы считаемъ не менѣе ошибочнымъ и другой взглядъ, уже отрицающій всякую прямую причинную зависимость между указанными явленіями. Подобный взглядъ обыкновенно принимаетъ форму утвержденія, что философскія и научныя понятія не только развиваются вмѣстѣ, одновременно, но еще и одинаково обусловливаются какимъ-либо третьимъ явленіемъ—общею причиною ихъ. Нѣтъ спора, что въ пользу такого воззрѣнія говоритъ многое, и на первомъ планѣ (какъ и въ томъ случаѣ, который мы уже разсмотрѣли въ § 2) внѣшняя сторона явленій. Въ т ѣ с н о й и п о с т о я н н о й послѣдовательности извѣстныхъ фактовъ поверхностный наблюдатель по большей части склоненъ видѣть лишь с о в м ѣ с т н о е существо-

ваніе ихъ; но когда, какъ это, конечно, бываетъ, въ лицѣ такого наблюдателя является вмѣстѣ съ тѣмъ и мыслитель, ищущій глубокихъ корней вещей, тогда результатъ неполнаго и недостаточнаго наблюденія почти всегда получаетъ новую силу еще и потому, что онъ возводится въ необходимое слѣдствіе какой-нибудь *послѣдней* причины, которая сама, разумѣется, могла быть установлена только путемъ чисто гипотетическимъ Нѣчто подобное произошло и съ оспариваемымъ нами наблюденіемъ. Оно нашло себѣ сильную поддержку въ гипотезѣ, относящей и развитіе положительныхъ знаній, и развитіе философіи къ дѣйствію факторовъ преимущественно или даже исключительно психологическихъ. Съ этой точки зрѣнія, дѣйствительно, наиболѣе вѣроятнымъ является уже предположеніе, что тотъ или другой составъ научныхъ понятій и то или другое содержаніе философскихъ ученій суть болѣе или менѣе независимые другъ отъ друга и одновременно проявляющіеся результаты однихъ и тѣхъ же измѣненій въ психической области.

Но этотъ взглядъ кажется намъ совершенно ложнымъ. Съ одной стороны, мы считаемъ излишнимъ, для объясненія общественныхъ фактовъ, прибѣгать къ вмѣшательству явленій и причинъ, принадлежащихъ не только чуждой, но и темной, неизслѣдованной области знанія. Психологическимъ гипотезамъ въ соціологіи еще долго, думается намъ, суждено оставаться объясненіями однихъ неизвѣстныхъ явленій посредствомъ другихъ, еще менѣе извѣстныхъ. Съ другой стороны, въ психическихъ измѣненіяхъ, охватывающихъ разомъ большія общественныя группы, мы отказываемся видѣть результатъ простого дѣйствія біологическихъ или собственно психическихъ факторовъ; въ такой коллективной

психологіи, если можно такъ выразиться, въ такихъ психическихъ движеніяхъ массъ мы усматриваемъ уже соціологическія явленія. Накопленіе знаній, ростъ науки — именно факты подобнаго рода. Они или вполнѣ объясняются тѣми же условіями общественной эволюціи, какими объясняются появленіе экономическихъ потребностей и средствъ къ ихъ удовлетворенію, образованіе семьи и другихъ общественныхъ учрежденій, измѣненія въ правовыхъ отношеніяхъ и вообще развитіе всѣхъ органовъ и функцій общественной жизни, — или, какъ отчасти признавалъ это Литтре [1]), составляютъ даже сами необходимое условіе перечисленныхъ измѣненій, представляя собою, такъ сказать, первичный, основной фактъ соціологіи. Но если это такъ, то въ ростѣ и развитіи положительныхъ наукъ мы имѣемъ полное право видѣть и непосредственное, соціологически необходимое условіе измѣненій, происходящихъ въ области философіи или общаго пониманія природы.

5. Изъ сказаннаго выше слѣдуетъ, что въ терминологію закона трехъ состояній необходимо внести нѣкоторыя поправки. Признаки, выражаемые терминами „теологическій“ и „метафизическій“ должны быть всецѣло относимы къ философскимъ системамъ, имѣющимъ своимъ источникомъ двѣ сравнительно низшія ступени развитія научныхъ понятій, а не къ этимъ ступенямъ или, другими словами, должны служить характеристикой философскихъ воззрѣній, а не научныхъ понятій; послѣднія, какъ бы малочисленны и неполны они ни

---

1) La science au point de vue philosophique, стр. 367 и друг.

были въ данную эпоху, не могутъ быть одновременно научными и теологическими или метафизическими. Обычная терминологія вполнѣ соотвѣтствуетъ взгляду, по которому состояніе науки обусловливается состояніемъ философіи, и мнѣнію, по которому обѣ группы явленій равномѣрно измѣняются, въ зависимости отъ гипотетическихъ факторовъ, лежащихъ въ области индивидуальной психологіи. Но она не согласима съ защищаемымъ нами тезисомъ, и отъ нея слѣдуетъ рѣшительно отказаться, принимая наше толкованіе формулы Конта. Терминологію эту нельзя сохранить и подъ тѣмъ предлогомъ, что, въ періоды господства теологіи и метафизики, спеціальныя отрасли знанія были переполнены заимствованными у такихъ міровоззрѣній понятіями и объясненіями. На этой сторонѣ вопроса, впрочемъ, стоитъ нѣсколько остановиться.

Въ ранніе періоды развитія наука могла страдать неполнотою, отрывочностью своихъ объясненій, могла—и это случалось довольно часто—даже вовсе не объяснять многихъ разрядовъ явленій. Но какими бы удобными убѣжищами ни служили въ свое время такіе пробѣлы для религіозныхъ и метафизическихъ теорій, они сами оставались только пробѣлами, и принимать ихъ за находившія въ нихъ временное пристанище общія объясненія теологіи и метафизики—значило бы смѣшивать самыя различныя вещи и даже вѣроятную причину съ вѣроятнымъ послѣдствіемъ.

О мысли вообще или о мысли, не распавшейся еще на философскую, направленную на всеобщее и единое, и научную, направленную на спеціальное и различное, можно съ большою очевидностью утверждать, что она проходитъ черезъ три фазы Конта, во всей чистотѣ ихъ. Такая мысль мо-

жетъ легко принимать первыя, необходимыя иллюзіи за безусловную истину и вообще быть способною какъ къ глубокому антропоморфизму теологической фазы — настоящей галлюцинаціи проникновенія во внутренній смыслъ внѣшнихъ предметовъ [1])—такъ и къ переходу цѣликомъ въ метафизическое состояніе, являющееся критическимъ видоизмѣненіемъ теологическаго. Въ этой второй фазѣ, олицетворенія первой признаются ошибочными построеніями ума и частью отпадаютъ, частью замѣняются другими отвлеченіями, которымъ, однако, въ силу не вполнѣ разъясненнаго еще явленія переживанія или соціальнаго атавизма, придается значеніе, во многомъ сходное съ принадлежавшимъ первоначальнымъ обобщительнымъ попыткамъ, именно—значеніе сущностей. Такимъ образомъ, обѣ фазы сливаются въ одну великую эру фикцій или общихъ понятій, основанныхъ на иллюзіяхъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. на представленіяхъ ума, несогласныхъ съ фактами, не воспроизводящихъ ихъ во всей точности, а имѣющихъ своимъ прямымъ источникомъ болѣе или менѣе значительную сумму обыкновенныхъ ошибокъ чувствъ, памяти, сужденія, индукціи и другихъ формъ непосредственнаго и посредственнаго знанія.

Но ближе всматриваясь въ дѣйствительный ходъ историческихъ фактовъ, трудно не признать, что существованіе мысли слитной, недифференцированной есть гипотеза, не имѣющая реальнаго основанія. Исторія застаетъ человѣческую мысль уже раздвоившеюся на отрасли: научную и философскую. И потому описанный выше и несомнѣнно проис-

---

[1]) James Sully: Les illusions des sens et de l'esprit. Paris. 1883. Bibliothèque scientifique internationale

ходившій процессъ могъ относиться или къ каждой изъ нихъ порознь, или исключительно къ одной изъ нихъ. Мы раздѣляемъ послѣднее мнѣніе. Мы думаемъ, что чрезъ эру фикцій, въ дѣйствительности, проходила только мысль, стремившаяся объяснить всю совокупность явленій, а не отдѣлившаяся отъ нея весьма рано и, во всякомъ случаѣ, не позже полнаго развитія восходящей или теологической фазы, мысль научная, которая въ слѣдующемъ, нисходящемъ или метафизическомъ періодѣ уже достигла, какъ извѣстно, большой самостоятельности и значительнаго процвѣтанія. Конечно, и научная мысль никогда не была и, вѣроятно, никогда не будетъ вполнѣ свободна отъ давленія мысли философской. Въ прошедшемъ она, съ современной точки зрѣнія, только слишкомъ часто подпадала вліянію послѣдней. Вообще говоря, однако, она никогда не довольствовалась одними продуктами воображенія. Она потому и явилась могущественнымъ соціологическимъ факторомъ, дѣятельность котораго была всегда направлена къ одной цѣли: заключенію, приведенію къ концу великой эры философскихъ фикцій. Факторъ этотъ въ свое время вызвалъ обращеніе теологическихъ гипотезъ въ метафизическія; онъ же постоянно вліялъ на содержаніе и общее направленіе послѣднихъ; наконецъ, онъ же обнаружилъ ихъ конечную несостоятельность и расчистилъ, приготовилъ почву подъ новое состояніе философской мысли. Дѣятельность въ этомъ смыслѣ научнаго фактора вполнѣ очевидна: безъ помощи его могучей реакціи эра философскихъ фикцій никогда не могла бы закончиться, и умъ человѣка никогда не могъ бы возвыситься не только надъ метафизическимъ, но даже надъ теологическимъ объясненіемъ природы. Лучшимъ

доказательствомъ тому служитъ умственное состояніе современныхъ народныхъ массъ, насколько онѣ остались внѣ сферы дѣйствія точнаго знанія или только слабо подпали его вліянію (61).

6. Теологія и метафизика, въ эпоху ихъ нераздѣльнаго господства, были живымъ свидѣтельствомъ того, какъ ограничено было число частныхъ понятій и объясненій, выработанныхъ въ тотъ же періодъ спеціальными науками. Но какой соціологическій смыслъ имѣетъ такое свидѣтельство? Можно ли заключить изъ него, что умноженіе и развитіе научныхъ понятій происходило въ тѣсной зависимости отъ первыхъ двухъ умственныхъ состояній, или, наоборотъ, слѣдуетъ вывести заключеніе, что впаденіе ума въ эти два вида одного и того же основного заблужденія непосредственно обусловливалось малочисленностью научныхъ понятій и само вполнѣ объясняется исторіею возникновенія и медленнаго развитія наукъ? Что научная философія не могла выйти изъ метафизики подобно тому, какъ послѣдняя выработалась изъ теологическаго міропониманія,—на это справедливо указывалъ когда-то Литтре [1]). Съ этой точки зрѣнія законъ трехъ состояній является, очевидно, лишь удобною формулой для выраженія факта замѣщенія несуществующей еще научной философіи характеристическою смѣсью сначала теологическихъ, а потомъ метафизическихъ фикцій съ положительными истинами. Присутствіе послѣднихъ въ этой смѣси было чрезвычайно важно; положительныя истины играли тутъ роль дѣятельнаго фермента, который вызывалъ и поддерживалъ

---

1) La philosophie positive, T. I: Les trois philosophies, стр. 1.

въ умахъ продолжительный процессъ броженія, приведшій ихъ наконецъ къ убѣжденію въ полнѣйшей несостоятельности всеобъемлющихъ гипотезъ теологіи и метафизики. Формула Конта, такимъ образомъ, требуетъ еще новой поправки или, вѣрнѣе, дополненія въ томъ смыслѣ, что существованіе прямой генетической связи между первыми двумя умственными состояніями не даетъ права заключать о существованіи такой же связи между ними и третьимъ состояніемъ, или что научная философія слѣдуетъ за метафизикой, но не происходитъ отъ нея.

Нашимъ выводамъ и посылкамъ, на которыхъ они основаны, ни мало не противорѣчитъ упорная жизненность, постоянно отличавшая заблужденія первыхъ двухъ фазъ философскаго развитія. Фикціи теологіи и метафизики продолжали существовать и даже размножаться въ то самое время, когда наиболѣе важные самообманы чувства и мысли, изъ которыхъ эти фикціи первоначально возникли, были уже давно исправлены опытомъ и замѣщены, въ области частныхъ наукъ, несравненно болѣе вѣрными представленіями. Фактъ этотъ можетъ быть объясненъ только тѣмъ, что фикціи, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, вслѣдствіе общаго, философскаго и, слѣдовательно, крайне отвлеченнаго характера своего, никогда непосредственно не питались многочисленными частными иллюзіями, породившими ихъ въ эпоху полнѣйшаго безсилія положительныхъ наукъ; отдаленный источникъ этихъ прославленныхъ заблужденій былъ, такимъ образомъ, мало по малу преданъ совершенному забвенію. Чтобы вызвать его вновь въ памяти и тѣмъ положить предѣлъ дальнѣйшему развитію фантастическихъ построеній ума, необходимо было, чтобы въ об-

ласть философіи постепенно проникла новая серія общихъ понятій, возникшихъ изъ первоначальныхъ, но уже исправленныхъ опытомъ представленій, — другими словами, необходима была медленная реакція научныхъ понятій. Само собою разумѣется при этомъ, что чѣмъ большею степенью общности обладали послѣднія, или чѣмъ ближе они сами подходили къ состоянію философской зрѣлости, тѣмъ сильнѣе было и разсѣивающее дѣйствіе ихъ на призраки религіи и апріорной философіи.

7. Послѣ всего сказаннаго выше, эмпирическій характеръ закона трехъ состояній не можетъ подлежать сомнѣнію. Какъ выраженіе общаго историческаго факта, формула Конта чрезвычайно драгоцѣнна: не только лѣтописцу философіи, но и историку всякой другой группы соціологическихъ явленій она даетъ въ руки надежную путеводную нить, съ помощью которой легко классифицируются соотвѣтствующія явленія. Но она сама остается необъясненною. Почему, напримѣръ, между эпохою преобладанія теологическихъ фикцій и эпохою господства научныхъ объясненій наступаетъ періодъ, въ которомъ верховное руководство умами принадлежитъ метафизикѣ, или почему появляются вообще метафизическія гипотезы, и когда, при какихъ условіяхъ онѣ пріобрѣтаютъ и теряютъ власть надъ умами—подобныхъ вопросовъ законъ трехъ состояній прямо не разрѣшаетъ, если не считать такимъ разрѣшеніемъ ссылку на причины, глубоко сокрытыя въ области психическаго неизвѣстнаго.

Но именно на вопросъ объ условіяхъ происхожденія и развитія метафизики мы и искали отвѣта, стараясь оставаться, по возможности, на почвѣ соціологіи или, другими словами, стремясь поста-

вить наши выводы внѣ прямой зависимости отъ той или другой теоріи познаванія и, вообще, отъ постулатовъ, такъ или иначе принадлежащихъ смежнымъ съ соціологіею наукамъ, біологіи, психо-физикѣ и даже психологіи, разсматриваемой какъ конкретная отрасль обществознанія. Найдя такой отвѣтъ въ частномъ законѣ метафизическихъ типовъ, мы сочли возможнымъ гипотетически распространить заключающееся въ немъ объясненіе и на всю совокупность фактовъ, вошедшихъ въ составъ формулы Конта: въ результатѣ, какъ извѣстно читателю, получился общій законъ соотношенія между наукою и философіей. Въ томъ или другомъ состояніи знанія, понимая подъ этимъ терминомъ относительное количество научныхъ идей, мы видимъ прямую причину возникновенія, существованія и упадка какъ религій, такъ и метафизическихъ системъ. Согласно этому взгляду, относительнымъ количествомъ научныхъ понятій въ данную эпоху измѣряется и относительная сила и распространенность теологическихъ и метафизическихъ фикцій, такъ что чѣмъ больше первая величина, тѣмъ менѣе главный коэффиціентъ, образующій вторую, менѣе до совершеннаго почти исчезновенія (религіозныя вѣрованія въ интеллигентныхъ классахъ вообще и метафизическія стремленія въ наиболѣе просвѣщенныхъ слояхъ этихъ классовъ).

Нашъ общій законъ развитія философіи не заключаетъ въ себѣ, однако, ничего такого, что могло бы поколебать послѣдовательность трехъ умственныхъ фазъ или состояній. Нашъ законъ, напротивъ того, только еще болѣе подтверждаетъ достовѣрность факта, выражаемаго закономъ Конта. Истинное отношеніе между обѣими формулами выражается въ полномъ совпаденіи [illegible] изъ нихъ

№ 3

практическихъ выводовъ. Изъ предложенной нами формулы явствуетъ, что по мѣрѣ увеличенія суммы знаній исчезаютъ различные теологическіе и метафизическіе призраки прошедшаго. Но и изъ формулы Конта нельзя не вывести того-же утѣшительнаго для однихъ, прискорбнаго, можетъ быть, для другихъ заключенія. Причина такого совпаденія весьма понятна. Общій фактъ, выражаемый формулою Конта, составляетъ, очевидно, лишь естественный выводъ изъ еще болѣе общаго факта, выражаемаго нашимъ закономъ развитія философіи. Такимъ образомъ слѣдствіе, какъ часто случается, было обнаружено ранѣе его причины, или заключеніе было высказано прежде, чѣмъ его посылки; но при такихъ условіяхъ, отысканіе послѣднихъ не могло, конечно, представить никакихъ особенныхъ затрудненій (62).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ВОЗРАЖЕНІЯ ПРОТИВЪ ЗАКОНА КОНТА.

1. Двѣ основныя группы возраженій.—**2.** Сверхъестественное вмѣшательство, концептъ лежащихъ за предѣлами чувственнаго опыта сущностей и понятіе объ естественномъ законѣ.—**3.** Множественность сущностей и дуализмъ родовыхъ абстрактныхъ сущностей и ихъ конкретныхъ проявленій.—**4.** Ученіе о непознаваемомъ.—**5.** Два основныхъ недоразумѣнія. Ограниченность нашихъ познавательныхъ средствъ и относительность нашихъ знаній, какъ факты психологіи и какъ элементы общей, или философской, гипотезы.—**6.** Стремленіе къ познанію первыхъ и конечныхъ причинъ явленій, какъ признакъ, дифференцирующій всякую философію отъ всякаго положительнаго знанія. Отрицаніе возможности другой философіи, кромѣ метафизической.—**7.** Законъ трехъ состояній, какъ послѣдовательная смѣна общихъ или философскихъ методовъ. Двѣ объяснительныя формулы. Философская точка зрѣнія, основанная на широкомъ примѣненіи гипотезы, и философская же точка зрѣнія, опирающаяся на научно-провѣренные факты и отношенія.

1. Указавъ, какъ слѣдуетъ понимать формулу Конта, мы теперь можемъ разсмотрѣть главнѣйшіе упреки, которые были сдѣланы закону трехъ состояній совершенно независимо отъ того или другого толкованія его. Оставляя въ сторонѣ явныя недоразумѣнія, не трудно свести наиболѣе существенныя возраженія такого рода къ двумъ главнымъ группамъ. Первая относится къ признакамъ, кото-

рыми Контъ описываетъ три умственныя состоянія, или къ его опредѣленіямъ ихъ; вторая—къ теоріи непознаваемаго, лежащей, какъ увѣряютъ, въ основѣ, или составляющей необходимый постулатъ, этого историческаго обобщенія. Исходя изъ этихъ возраженій, заключаютъ уже о невѣрности самаго закона трехъ состояній и утверждаютъ, что невозможность совмѣстнаго и равноправнаго существованія всѣхъ трехъ родовъ міропониманій отнюдь не доказана Контомъ: не доказана относительно прошедшаго, въ которомъ всѣ три способа объясненія міра процвѣтали, будто бы, одновременно, и не доказана относительно будущаго, въ которомъ имъ, будто бы, суждено продолжать существовать и развиваться параллельно.

Результаты нашего изслѣдованія идутъ прямо на встрѣчу этимъ двумъ группамъ возраженій. Съ одной стороны, мы опредѣляемъ общія формы философскаго пониманія міра признаками болѣе согласными, какъ намъ кажется, съ историческою истиною, а съ другой, мы сами отвергаемъ всякое ученіе о непознаваемомъ, какъ глубоко метафизическое.

2. Остановимся сначала на признакахъ, служащихъ къ дифференцированію главныхъ разрядовъ, или типовъ, философскаго объясненія природы. Контъ кратко и, для своего времени, чрезвычайно мѣтко характеризовалъ послѣдовательныя перемѣны въ господствующемъ настроеніи умовъ—тремя выдающимися чертами: вѣрою въ сверхъестественное вмѣшательство, вѣрою въ реальное существованіе независимыхъ отъ явленій сущностей, которыми природа объясняется или даже управляется и, наконецъ, увѣренностью въ необходимомъ постоянствѣ отношеній между явленіями, въ подчиненности ихъ

естественному закону. Божество, сущность явленій, законъ природы—вотъ, по ученію великаго позитивиста, главные концепты, поочередно преобладающіе въ трехъ умственныхъ фазахъ, проходимыхъ человѣчествомъ.

Возставая противъ такой характеристики, многочисленные противники Конта старались доказать, что она составляетъ плодъ поверхностнаго наблюденія и лишена всякой научной цѣнности. Они въ особенности настаивали на шаткости и даже невѣрности признаковъ, приданныхъ метафизикѣ. Съ этою цѣлью часто указывалось, напримѣръ, на то, что уже древніе вполнѣ усвоили себѣ понятіе о постоянномъ отношеніи между явленіями, что затѣмъ Бэконъ, Гоббсъ, всѣ сенсуалисты и матеріалисты безпрестанно говорили о наукѣ и открываемыхъ ею законахъ природы. Какимъ же образомъ, спрашивается, всѣ эти философы могли быть метафизиками въ смыслѣ Конта, и почему концептъ единой сущности—они всѣ были монистами—такъ хорошо уживался въ ихъ умахъ съ понятіемъ объ естественномъ законѣ? Аналогичныя сомнѣнія возбуждаются и столь часто встрѣчающимися случаями совмѣстнаго существованія религіозныхъ вѣрованій съ метафизическими и научными представленіями.

Читателю извѣстны наши взгляды на теологію и метафизику; извѣстны также и опредѣленія, которыя мы даемъ этимъ двумъ разновидностямъ гипотетическаго міропониманія. Сверхъестественное вмѣшательство и концептъ лежащихъ за предѣлами чувственнаго опыта сущностей удерживаются нами какъ отличительныя черты соотвѣтствующихъ фазъ философскаго развитія только потому, что черты эти, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, рельефно высту-

паютъ наружу и, такимъ образомъ, не говоря уже о легкой усвояемости ихъ обыкновенными умами, прекрасно достигаютъ цѣли популярнаго описанія самаго общаго различія, существующаго между теологическимъ и метафизическимъ настроеніемъ ума. Но, говоря вообще, мы не придаемъ этимъ признакамъ сколько-нибудь глубокаго или существеннаго значенія. Въ предыдущихъ главахъ мы, поэтому, и старались выдвинуть впередъ другія, болѣе скрытыя, хотя и болѣе основныя черты, дифференцирующія уже не теологію отъ метафизики—вмѣстѣ съ Контомъ мы считаемъ послѣднюю простымъ видоизмѣненіемъ первой,—а всѣ формы ненаучнаго объясненія міра отъ всѣхъ видовъ научнаго міропониманія. Съ этою цѣлью, и при помощи тщательнаго анализа историческихъ проявленій философской мысли, мы именно и старались доказать, что такъ называемыя истины метафизики суть такія же индуктивныя обобщенія, какія составляютъ содержаніе всѣхъ наукъ, но только достигнутыя путемъ незаконныхъ и логически несостоятельныхъ пріемовъ открытія (63).

3. Результаты нашего изслѣдованія колеблятъ въ особенности ту „множественность“ сущностей или тотъ дуализмъ родовыхъ абстрактныхъ сущностей и конкретныхъ проявленій, которымъ Контъ, по большей части, вполнѣ довольствуется для характеристики метафизической фазы. Наше изслѣдованіе подтверждаетъ возраженіе, не разъ уже представлявшееся противъ подобнаго опредѣленія метафизики и состоящее въ томъ, что опредѣленіе это далеко не обнимаетъ собою всѣхъ формъ и ступеней развитія метафизическаго мышленія. Дѣйствительно, дуализмъ, о которомъ идетъ рѣчь,

свойственъ преимущественно переходу отъ теологіи къ метафизикѣ и встрѣчается въ системахъ, еще сохранившихъ тѣсную, непосредственную связь съ теологическимъ міросозерцаніемъ, напримѣръ, въ первобытномъ идеализмѣ или въ ученіяхъ схоластиковъ. Но уже въ болѣе развитыхъ формахъ метафизической мысли, въ матеріализмѣ, въ сенсуализмѣ и во всякомъ болѣе совершенномъ идеализмѣ, такой дуализмъ уступаетъ мѣсто абсолютному монизму, полному совпаденію всѣхъ конкретныхъ проявленій даже не съ сущностью въ прежнемъ, полу-теологическомъ смыслѣ слова, а съ однимъ какимъ-либо свойствомъ въ природѣ, которое гипостазируется, признается субстратомъ всего существующаго.

Итакъ, мы согласны съ указаннымъ сейчасъ возраженіемъ; но мы всецѣло относимъ его къ формальному несовершенству опредѣленія Конта, къ неточной терминологіи учителя: ибо метафизика все-таки остается метафизикой, какъ бы удачно или неудачно ни были описаны ея признаки, и постепенно развивается изъ теологіи, предшествуя, въ свою очередь, медленному образованію научнаго міропониманія, а не наоборотъ Самъ Контъ, какъ извѣстно, признавалъ, что плюрализмъ сверхъестественныхъ силъ и метафизическихъ сущностей составляетъ только необходимую точку исхода, а не конечный результатъ, который въ обоихъ случаяхъ всегда одинаково монистиченъ.

Въ оправданіе Конта надо еще сказать, что вѣрный относительно начала процесса, или зарожденія метафизики, признакъ, выставленный имъ съ особымъ удареніемъ—множественность сущностей, вѣренъ и относительно конца процесса, или того періода, когда преобладаніе переходитъ къ сенсуа-

листическимъ системамъ. Сенсуализмъ, какъ мы видѣли, исторически почти всегда совпадалъ съ философскимъ скептицизмомъ. Доктрина эта доказывала нелѣпость какъ матеріалистической, такъ и идеалистической метафизики, и съ этою цѣлью выставляла теорію непознаваемаго, ученіе о вещахъ самихъ въ себѣ, то есть о тѣхъ же сущностяхъ. Ни видовыя, ни родовыя сущности намъ не доступны, учитъ эта философія, тѣмъ самымъ признавая, конечно, реальное существованіе такихъ сущностей, которыя она затѣмъ сводила къ ощущенію, изъ желанія достигнуть уже субъективнаго единства мысли. Но приступая къ опредѣленію метафизики, Контъ, кажется болѣе всего имѣлъ въ виду господствовавшія въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіи теоріи естествознанія, выросшія на метафизической почвѣ; вотъ почему онъ и характеризовалъ всякую метафизику съ точки зрѣнія сенсуалистической критики матеріализма и идеализма.

4. Разсмотримъ теперь другое, гораздо болѣе важное возраженіе, вызываемое формулою Конта. Возраженіе это сводится къ тому, что законъ трехъ состояній не столько стоитъ на собственныхъ ногахъ, сколько опирается на предвзятую и весьма извѣстную философскую теорію. Законъ Конта, говорятъ его противники, есть скорѣе выводъ изъ теоріи непознаваемаго, которая, въ свою очередь, основана на дознанномъ фактѣ ограниченности человѣческихъ способностей, чѣмъ прямое обобщеніе изъ массы наблюденій надъ историческою жизнью человѣчества. Взглядъ основателя позитивизма на относительность и роковую ограниченность человѣческаго пониманія, являющійся краеугольнымъ камнемъ его теоріи познаванія, вотъ, по мнѣнію

такихъ оппонентовъ, та исходная точка, отъ которой, считая ее доказанною, безспорною истиною, Контъ отправляется въ своемъ схематическомъ изображеніи послѣдовательныхъ фазъ умственнаго развитія. Главный результатъ сенсуалистической критики составляетъ, такимъ образомъ, скрытый отъ глазъ, но крѣпкій материкъ, надъ которымъ уже возвышается болѣе или менѣе эмпирическій фундаментъ, подведенный Контомъ подъ свое знаменитое историческое обобщеніе.

5. Мы сейчасъ увидимъ, что̀ въ этомъ возраженіи вполнѣ справедливо и что̀—глубоко ошибочно. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ въ разъясненіе двухъ недоразумѣній, почти постоянно порождаемыхъ приведенною выше аргументаціею.

Первое изъ нихъ состоитъ въ томъ, что обыкновенно принимаютъ за нѣчто вполнѣ доказанное, что только въ положительной фазѣ развитія умъ человѣка, сводя всѣ явленія къ общимъ, необъяснимымъ далѣе фактамъ или законамъ, дѣйствительно становится лицомъ къ лицу съ Magnum Ignotum, съ великимъ неизвѣстнымъ, и впервые сознаетъ роковую предѣльность своихъ познавательныхъ усилій; въ теологическомъ же и метафизическомъ состояніяхъ умъ нашъ, какъ обыкновенно думаютъ, ничѣмъ не ограничиваетъ своихъ стремленій къ общему знанію. Но такой взглядъ едва-ли вѣренъ, и притомъ въ какой бы то ни было мѣрѣ. Въ теологической фазѣ всѣ явленія сводятся къ дѣйствію антропоморфной сверхъестественной воли, въ метафизической—къ одному или многимъ отвлеченіямъ или сущностямъ. Ни сверхъестественная воля, ни эти сущности, однако, не объясняются нашимъ умомъ сколько-нибудь полнѣе

или лучше, чѣмъ постоянныя отношенія, или законы природы, которыми и та, и другія впослѣдствіи замѣняются. Въ дѣйствительности, значитъ, признаніе ограниченности нашихъ познавательныхъ средствъ, какъ на это давно уже указалъ мыслитель, особенно близко стоящій къ подлинной доктринѣ Конта и чрезвычайно точно всегда комментировавшій ее[1]), нисколько не менѣе рѣшительно и сознательно въ первыя двѣ фазы, чѣмъ въ послѣднюю.

Второе недоразумѣніе проистекаетъ изъ смѣшенія вполнѣ научнаго, хотя далеко еще не разработаннаго, какъ слѣдуетъ, матеріала, послужившаго къ образованію философской гипотезы о непознаваемомъ, съ этою самою гипотезою—и состоитъ въ совершенномъ приравненіи перваго къ послѣдней, въ отожествленіи немногихъ фундаментальныхъ камней съ цѣлымъ воздушнымъ зданіемъ, временно воздвигнутымъ надъ ними. Эти разрозненные камни суть то, что дано намъ опытомъ по вопросу объ ограниченности нашихъ способностей, объ относительности нашихъ познаній. Но зданіе, которое можетъ быть сооружено изъ этого матеріала, еще ждетъ своего зодчаго. Не съумѣвъ воспользоваться до сихъ поръ этими данными для открытія хотя бы только одного частнаго, именно психологическаго закона, мы уже спѣшимъ обратить ихъ во всеобъемлющую, чисто философскую гипотезу—знаменитую теорію непознаваемаго. Таковъ, какъ мы могли убѣдиться въ томъ на каждомъ шагу нашего изслѣдованія, постоянный обычай, верховный законъ метафизики: она всегда предупреждаетъ своими гипотезами всякое положительное знаніе.

---

1) G. Wyrouboff· Le certain et le probable, l'absolu et le relatif. Philosophie positive. Томъ I.

Но отсюда явствуетъ, что всѣ факты, говорящіе въ пользу относительности нашихъ знаній и ограниченности нашихъ способностей, должны, до поры до времени, быть сосредоточены въ области частной науки, психологіи, и ни подъ какимъ предлогомъ не должны переноситься изъ нея въ область не только философіи, но даже и смежныхъ съ психологіею наукъ. Какъ ни тяжела подобная умственная дисциплина, она необходима для избѣжанія крупныхъ ошибокъ, если не для достиженія прочныхъ результатовъ. Понятно также, что, въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, указанный психологическій матеріалъ не можетъ служить основнымъ постулатомъ какой бы то ни было научной теоріи и тѣмъ болѣе обобщенія, выдаваемаго за положительный законъ. Поскольку же формула Конта основана на такомъ не подлежащемъ спору, или принимаемомъ на вѣру предположеніи, въ ней—это можно впередъ сказать—непремѣнно найдутся неточности и противорѣчія (63 bis).

6. Займемся теперь упрекомъ закону Конта въ томъ, что онъ составляетъ простой выводъ изъ теоріи непознаваемаго.

Какъ въ самой ранней, такъ и въ слѣдующей за ней фазѣ умъ человѣка всецѣло поглощенъ изслѣдованіемъ первыхъ и конечныхъ причинъ явленій, говоритъ Контъ въ поясненіе своего закона [1]). Такимъ образомъ, относительно первыхъ двухъ умственныхъ состояній по крайней мѣрѣ, въ формулѣ Конта: всѣ наши понятія и знанія проходятъ чрезъ эти двѣ фазы, содержится ясно подразумѣваемое условіе: поскольку эти понятія и знанія задаются

---

[1]) Cours, T. I, стр. 9, изданія 1869 г.

цѣлью достигнуть познанія первыхъ и конечныхъ причинъ явленій. Нельзя также сомнѣваться въ томъ, что познаніе послѣдняго рода есть самое общее изо всѣхъ возможныхъ или, другими словами, есть познаніе исключительно и въ высшей степени философское. Въ этой половинѣ своей, слѣдовательно, законъ трехъ состояній имѣетъ явно предметомъ—философское, а не научное развитіе.

Въ третьей фазѣ, продолжаетъ свою характеристику Контъ [1]), человѣческій разумъ отказывается разъ-навсегда отъ изслѣдованія начала и конечнаго назначенія вселенной, считая такое знаніе недоступнымъ своимъ силамъ и строго ограничивая себя простымъ изученіемъ порядка преемственности и сосуществованія реальныхъ явленій. Очевидно, что въ формулѣ: наши понятія и знанія переходятъ, наконецъ, въ положительную фазу, содержится невысказанный постулатъ: поскольку эти понятія и знанія уже перестали стремиться къ открытію первыхъ и конечныхъ причинъ явленій. Кромѣ этого отрицательнаго признака, Контъ не выставляетъ другихъ и тѣмъ невольно вселяетъ убѣжденіе, что въ положительномъ періодѣ всѣ, безъ исключенія, понятія и знанія становятся научными, или что во второй половинѣ своей законъ трехъ состояній имѣетъ предметомъ уже научное, а не философское развитіе.

Другими словами, въ первыхъ двухъ фазахъ, о всѣхъ нашихъ понятіяхъ утверждается, что они по необходимости — философскія, въ третьей же и послѣдней—что они, по необходимости, научныя. Философія отожествляется съ метафизикою и въ результатѣ получается, если не прямой логическій выводъ,

---

[1]) Ibid.

то, во всякомъ случаѣ, довольно рѣзкое впечатлѣніе, что философія, какъ знаніе наиболѣе общее—невозможна.

Но что такой результатъ основанъ на недоразумѣніи, что онъ есть простое слѣдствіе ошибки, незамѣтно вкравшейся въ правильную, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, операцію ума, въ этомъ едва-ли позволительно сомнѣваться. Попробуемъ же разъяснить, въ чемъ состояла такая ошибка.

Разсматриваемый какъ весьма общій выводъ изъ наблюденій надъ историческою жизнью человѣчества, законъ Конта, мы неоднократно были вынуждены признать это, совершенно вѣренъ. Въ наши спеціальныя знанія и понятія, дѣйствительно, вносились послѣдовательно двѣ несомнѣнно философскія, мірообъяснительныя точки зрѣнія: теологическая и метафизическая. Совершенно справедливо и то, что обѣ эти точки зрѣнія мало по-малу вытѣснялись изъ спеціальныхъ знаній, и что этотъ обратный процессъ, неуклонно слѣдовавшій порядку, который также былъ впервые открытъ и установленъ Контомъ [1]),—порядку убывающей общности и увеличивающейся сложности изучаемыхъ явленій, почти всегда совпадалъ съ „совершеннолѣтіемъ“ спеціальныхъ наукъ, съ періодомъ ихъ полной зрѣлости, ихъ независимости отъ какихъ бы то ни было чуждыхъ имъ общихъ воззрѣній. Но какъ бы велика ни была такая самостоятельность, позволительно спросить, была ли она настолько полною, что, по мѣрѣ изгнанія метафизическихъ объясненій, въ наши спеціальныя знанія и понятія, ставшія научными, уже не могла быть внесена никакая другая общая или философская точка зрѣнія?

---

[1]) Cours, стр. 19 и 47—89 тома I го, изданія 1869 г.

Если на законъ Конта смотрѣть, какъ на выводъ изъ дознанной ограниченности человѣческихъ способностей, или какъ на простое приложеніе, къ объясненію фактовъ умственнаго развитія, сенсуалистической теоріи непознаваемаго, то на поставленный выше вопросъ можно отвѣтить только въ одномъ смыслѣ. Что бы ни утверждалось въ словесномъ изображеніи формулы, по существу, по внутреннему смыслу она, опираясь на концептъ непознаваемаго, остается, съ одной стороны, отрицаніемъ возможности внесенія въ спеціальныя знанія и понятія иной философской точки зрѣнія, кромѣ метафизической, а съ другой — является внесеніемъ въ нихъ, хотя уже, такъ сказать, только контрабандою, именно этой метафизической точки зрѣнія. При этомъ, конечно, въ наши научныя понятія вносится не матеріализмъ, идеализмъ или даже обыкновенный сенсуализмъ, а внутреннее ядро послѣдняго міропониманія — теорія непознаваемаго, философія скептицизма и т. п. До такой степени, значитъ, необходимъ всегда и вездѣ общій, обнимающій собою совокупность природы взглядъ на вещи.

Понятая такимъ узкимъ образомъ, формула Конта не вводитъ насъ въ новую фазу философскаго развитія, а оставляетъ въ метафизическомъ періодѣ, при вполнѣ установившихся спеціальныхъ наукахъ. Что такое противорѣчіе возможно, мы тому видимъ подтвержденіе на каждомъ шагу—въ мирно процвѣтающихъ, бокъ-о-бокъ съ развившимися науками, и все еще вновь возникающихъ метафизическихъ системахъ.

Но что доказываетъ подобное явленіе? Только то, какъ намъ кажется, что мы имѣемъ дѣло съ характеристическимъ случаемъ безсознательнаго историческаго переживанія. И мы, поэтому, ни

мало не сомнѣваемся, что одновременно съ окончательнымъ образованіемъ спеціальныхъ наукъ и, въ особенности, съ завершеніемъ всего цикла ихъ происходитъ и медленный процессъ внесенія въ наши понятія и знанія третьей точки зрѣнія, дѣйствительно уже отличной отъ первыхъ двухъ и, все-таки, всеобщей или міробъяснительной.

Здѣсь мы должны сдѣлать одну важную оговорку. Придерживаясь терминологіи Конта, [1]) мы постоянно говорили о „внесеніи“ въ наши спеціальныя понятія той или другой философской точки зрѣнія. Между тѣмъ, одинъ изъ главнѣйшихъ результатовъ нашего изслѣдованія состоялъ именно въ раскрытіи истиннаго генезиса философскихъ обобщеній, въ доказательствѣ, что послѣднія первоначально всегда „выносятся“ изъ нашихъ спеціальныхъ знаній, и только тогда уже, въ свою очередь, могутъ въ болѣе или менѣе сильной степени реагировать на нихъ. Это одинаково справедливо относительно теологическихъ, метафизическихъ и научно-философскихъ обобщеній; всѣ они въ равной мѣрѣ получаютъ свою кровь и плоть отъ соотвѣтствующихъ частныхъ понятій и затѣмъ уже, въ такомъ организованномъ видѣ, вносятся обратно въ предѣлы спеціальнаго знанія. Эту существенную поправку слѣдуетъ имѣть въ виду, употребляя безразлично тотъ или другой изъ указанныхъ терминовъ.

7. Законъ Конта „формально“ признаетъ внесеніе въ наши понятія и знанія третьей всеобщей точки зрѣнія—и Контъ по-праву называетъ его великимъ закономъ. Но Контъ не вполнѣ удовлетворительно, недостаточно точно описываетъ при-

---

[1]) Cours, T. IV, стр. 664—667 перваго изданія 1839 г.

знаки этой третьей философіи и тѣмъ подаетъ поводъ смѣшивать ее съ прежними типами міропониманія или утверждать,—что до сихъ поръ и дѣлается, исходя изъ нѣкоторыхъ позитивныхъ тезисовъ,—что никакая другая философія невозможна, кромѣ метафизики, и что позитивизмъ, слѣдовательно, составляетъ отрицаніе философіи вообще.

Законъ метафизическихъ типовъ и индуктивное расширеніе его, законъ соотношенія между наукою и философіей, не впадаютъ въ эту ошибку; а потому, только опираясь на нихъ, можетъ окончательно восторжествовать надъ постоянно вновь ему дѣлаемыми возраженіями и законъ трехъ состояній, въ той краткой формулѣ, которая также была весьма счастливо придана ему великимъ французскимъ мыслителемъ—какъ послѣдовательная смѣна общихъ или философскихъ методовъ. Въ этой формулѣ уже ничего не утверждается и не подразумѣвается относительно познаваемости или непознаваемости какихъ бы то ни было явленій; въ ней не заключается скрытой теоріи познаванія, теоріи, которая въ настоящее время можетъ быть только гипотетическою даже въ области частной науки, а на философской почвѣ неминуемо получаетъ метафизическій характеръ. . Въ этой формулѣ утверждается только то, что новый, третій методъ существенно разнится отъ первыхъ двухъ. Въ чемъ состоитъ эта разница, въ чемъ заключается совершившаяся или имѣющая совершиться перемѣна,—объясняется уже нашими двумя законами.

Для того, чтобы наши понятія и знанія стали научными, нужна не только масса наблюденій и опытовъ, то есть, много времени, но и правильное производство этихъ наблюденій и опытовъ сначала надъ менѣе, а потомъ и надъ болѣе слож-

ными явленіями. Умъ человѣка, однако, не сразу вѣрно попадаетъ въ эту іерархическую колею, и потому множество усилій его обыкновенно теряется или, другими словами, всесильный факторъ, время, и тутъ вступаетъ въ свои права. Этого объясненія достаточно, согласно извѣстному канону научнаго метода, требующему устраненія „ненужныхъ“ причинъ. Прибѣгать еще къ вліянію теологической или метафизической точки зрѣнія, строго говоря, нѣтъ никакой надобности; можно и слѣдуетъ только констатировать усложненіе главной причины (незнанія) побочною (философіей незнанія), прямо изъ нея вытекающею. Какъ бы то ни было, впрочемъ, но въ теченіе первыхъ двухъ, въ сущности, вполнѣ однородныхъ фазъ развитія изъ нашихъ понятій и знаній, еще не ставшихъ научными, именно по этой причинѣ выводится точка зрѣнія общая, всецѣло основанная на методѣ гипотетическомъ. Пробѣлы знанія восполняются гипотезами всеобщаго характера только потому, что иначе нельзя объяснить природу, и только до тѣхъ поръ, пока продолжается эта невозможность. Въ третьей фазѣ, напротивъ того—и въ этомъ и заключается ея неоднородность съ предшествующими ей ступенями—изъ нашихъ знаній и понятій, уже ставшихъ научными—какимъ путемъ, мы видѣли—именно по этой причинѣ выводится точка зрѣнія общая, основанная на провѣренныхъ фактахъ и отношеніяхъ. Пробѣлы знанія теперь уже не восполняются философскими гипотезами, ибо природа становится доступною нашему пониманію и безъ такого крайняго средства, никогда и ни въ какой степени не гаран-

тирующаго насъ отъ самыхъ наивныхъ и нелѣпыхъ самообмановъ мысли.

Такимъ образомъ объясняется необходимость контовской смѣны трехъ фазъ. Эти фазы соотвѣтствуютъ тремъ возрастамъ науки. Вотъ почему онѣ повторяются и въ формѣ, все болѣе и болѣе сглаживающейся, всегда, можетъ быть, будутъ повторяться и въ индивидуальномъ, біологическомъ развитіи, воспроизводящемъ вкратцѣ крупнѣйшія черты пережитой предками соціологической эволюціи (64).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЗАКОНЪ ТРЕХЪ СОСТОЯНІЙ И ГИПОТЕТИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ ВЪ ФИЛОСОФІИ И НАУКѢ.

1. Взглядъ Конта на роль философской гипотезы въ наукѣ.—2. Произвольный характеръ объясненія Конта.—3. Двѣ параллельныя послѣдовательности. Законъ, управляющій научною эволюціей и эмпирическій законъ, управляющій эволюціей философскою.—4 Философскія гипотезы.—5. Научныя гипотезы.—6. Эволюція научной мысли какъ соціологическое условіе эволюціи мысли философской. Совмѣстное существованіе теологіи, метафизическихъ системъ и положительныхъ наукъ. Потребность знанія и потребность міропониманія.—7. Процессъ дифференцированія главныхъ разрядовъ нашихъ понятій. Методологическія послѣдствія антагонизма между наукою и философіею.—8. „Научное“ и „ненаучное“ въ области науки и въ области философіи. Синтетическое единство метода въ обѣихъ сферахъ. Единство метода аналитическое.

1. Приложимъ теперь къ закону трехъ состояній тѣ общіе выводы, которые были добыты нами до сихъ поръ по вопросу о значеніи гипотетическаго метода въ философіи и наукѣ, то есть, въ двухъ областяхъ, близко соприкасающихся, но никогда не могущихъ слиться между собою.

Наиболѣе существенныя несовершенства формулы Огюста Конта объясняются, въ значительной мѣрѣ, взглядами этого мыслителя на гипотезу.

Контъ признавалъ, что чистый эмпиризмъ никогда не ведетъ къ научному знанію, что для этого

нуженъ предварительный „взмахъ воображенія“, теорія, гипотеза, какъ бы неосновательна она ни была [1]). Нѣтъ ничего справедливѣе этого положенія. Но, отправляясь отъ него, Контъ пришелъ къ заключенію, что эмпирическимъ знаніемъ сначала руководили теологическія гипотезы, что ту же роль исполняла затѣмъ метафизика и что именно такимъ образомъ положительное знаніе и было поставлено на ноги: наступила минута, когда оно уже могло ходить безъ помочей. Оно сдѣлалось точнымъ, провѣреннымъ въ главныхъ чертахъ и подробностяхъ, и, какъ послѣдствіе этой точности или послѣдствіе ненужности теологіи и метафизики, явился позитивизмъ,—замѣна прежней философіи суммированіемъ, простымъ подытоживаніемъ общихъ результатовъ положительнаго знанія.

2. Этотъ взглядъ, однако, составляетъ самъ только гипотезу, и притомъ такую, которая едва ли можетъ быть подтверждена фактами.

Во первыхъ, подлежитъ сильному сомнѣнію, чтобы теологія и метафизика когда-либо обильно ссужали спеціальныя науки своими основными предположеніями. Желаніе быть справедливымъ ко всѣмъ явленіямъ прошедшаго и оптимизмъ особаго рода, легко превращающійся въ общественную телеологію,—одинъ изъ крупныхъ недостатковъ Конта—увлекли его здѣсь, какъ намъ кажется, на путь произвольныхъ объясненій (65).

Во вторыхъ, частная гипотеза и въ настоящее время есть необходимое условіе, основная прина-

---

[1]) Cours; Ч. IV, стр. 664—667 и др. Изд. 1-е 1839 г.

длежность спеціальной науки [1]). Но откуда могутъ теперь заимствовать свои руководящія гипотезы новые отдѣлы знаній? Не изъ теологіи или метафизики, конечно, такъ какъ современная наука окончательно порвала всякія связи съ этими двумя формами „общаго непониманія“ природы. Изъ философіи наукъ? Но эта философія не строитъ гипотезъ. Очевидно, такимъ образомъ, что спеціальное знаніе въ нашу эпоху само вырабатываетъ исходныя предположенія, въ которыхъ оно такъ нуждается на первыхъ порахъ. Но это одно уже обнаруживаетъ капитальную ошибку Конта, заключающуюся въ томъ, что онъ совершенно упустилъ изъ виду основное различіе между общею и частною, непровѣряемою и провѣряемою, философскою и научною гипотезой.

3. Въ объясненіи Конта исчезаетъ главный признакъ, отдѣляющій философію отъ науки, міропониманіе отъ пониманія части міра, и центръ тяжести различенія всецѣло переносится на признаки обыденные, популярные, бросающіеся въ глаза, но шаткіе и неопредѣленные.

Три общихъ концепта, по мнѣнію Конта, поочередно руководятъ изслѣдователями природы: идея сверхъестественнаго управленія явленіями, концептъ сущности вещей и идея естественнаго закона, неизмѣннаго отношенія между фактами или событіями. Эти признаки, безспорно, реальны. Но они одинаково встрѣчаются и въ спеціальномъ знаніи, и въ философской сферѣ, и потому естественно при-

---

[1]) I b i d. стр. 665 и слѣд., по поводу метеорологическихъ и социологическихъ наблюденій

водятъ къ смѣшенію науки и философіи. Въ основанномъ на нихъ законѣ можетъ отражаться, grosso modo, какъ это и случилось съ обобщеніемъ Конта, дѣйствительная послѣдовательность міропостроительныхъ попытокъ. Достигнуть полнаго объясненія этой послѣдовательности возможно, однако, лишь прибѣгнувъ къ гранямъ, глубоко размежевывающимъ науку съ философіей, а не къ признакамъ, служащимъ для нихъ скорѣе соединительными звеньями.

Передъ нами не одна, а цѣлыхъ двѣ послѣдовательности: развитіе наукъ и развитіе міропониманій; и каждую изъ этихъ эволюцій слѣдуетъ объяснить порознь. Между тѣмъ, въ настоящее время, положеніе вопроса такое: эволюція наукъ объяснена закономъ усложненія явленій, а послѣдовательность міропониманій не объяснена вовсе; оба же разряда фактовъ подчинены одному общему закону трехъ состояній, ни мало не совпадающему съ закономъ усложненія. Или мы сильно ошибаемся, или тутъ кроется крупное методологическое заблужденіе. Къ открытію общаго закона, управляющаго обѣими эволюціями, можно, какъ намъ кажется, приступить только послѣ прочнаго установленія спеціальнаго закона развитія философіи. И вотъ, руководствуясь такимъ взглядомъ, мы и пришли къ убѣжденію, что законъ трехъ состояній не есть искомый общій законъ, а составляетъ эмпирическую формулу спеціальнаго закона развитія философіи,—закона, которому мы, съ своей стороны, старались пріискать соотвѣтствующее теоретическое выраженіе.

4. Читателю извѣстно основное различіе, всюду проводимое нами, между частнымъ знаніемъ и философі-

ею. Принимая за наиболѣе существенный признакъ въ этомъ отношеніи то, что всеобщія и ео ipso непровѣряемыя гипотезы, въ силу самаго опредѣленія своего, составляютъ продуктъ философскаго, а не научнаго мышленія, мы заключаемъ отсюда, что теологическій или метафизическій характеръ можетъ имѣть только философія, — а отнюдь не наука. Посмотримъ же теперь, какіе результаты даетъ такой критерій въ приложеніи къ тремъ признакамъ Конта.

Что̀ такое сверхъестественная сила, сущность, естественный законъ? Концепты нашего ума, изъ которыхъ первые два несомнѣнно имѣютъ, а третій легко получаетъ гипотетическій характеръ. Но общія или частныя это гипотезы? Съ перваго взгляда можетъ казаться, что первыя двѣ гипотезы всегда общія, а послѣдняя всегда частная. Такое заключеніе, однако, будетъ не совсѣмъ вѣрно. Общій или, напротивъ, частный характеръ этихъ гипотезъ зависитъ не столько отъ ихъ реальнаго содержанія, сколько отъ того, прилагаются ли онѣ къ объясненію вполнѣ однородныхъ фактовъ или къ объясненію совокупности разнородныхъ явленій.

Разсмотримъ этотъ вопросъ нѣсколько ближе. Каждый изъ трехъ указанныхъ концептовъ сохраняетъ характеръ общей гипотезы только до тѣхъ поръ, пока имъ пользуются для цѣлей философскаго мышленія. Такъ, въ теологическомъ міропониманіи, совокупность природы (т. е. явленій весьма разнородныхъ) нормируется идеей сверхъестественнаго вмѣшательства, при чемъ на низшей ступени, въ фетишизмѣ, къ каждому особому разряду явленій приставляется особое божество; въ слѣдующей фазѣ, въ политеизмѣ, разряды явленій

дѣлаются болѣе обширными и между ними, а также между управляющими ими сверхъестественными силами устанавливается правильная іерархія; наконецъ, въ монотеизмѣ и обезличенномъ монотеизмѣ, или теизмѣ, достигается монизмъ — единство сверхъестественной силы, безсознательно уже лежавшее на глубокомъ днѣ фетишизма и политеизма. Далѣе, въ метафизическомъ міропониманіи въ т ѣ с н о м ъ смыслѣ слова совокупность природы нормируется идеей сущности, при чемъ или каждый разрядъ явленій объясняется спеціальною сущностью—плюрализмъ, свойственный меньшинству метафизическихъ философій; или весь міръ явленій раздѣляется между двумя сущностями — дуализмъ, довольно распространенная, но не особенно устойчивая форма метафизики; или всѣ явленія объясняются одною сущностью—монизмъ, составляющій высшій и конечный обликъ метафизики, тотъ логическій плодъ, который долженъ былъ естественно развиться изъ всѣхъ предыдущихъ зародышей. Наконецъ, въ метафизическомъ міропониманіи въ о б ш и р н о м ъ смыслѣ слова, обнимающемъ собою и такъ-называемыя н а у ч н о - ф и л о с о ф с к і я с и с т е м ы, совокупность природы нормируется идеей закона, неизмѣннаго отношенія между фактами, при чемъ и тутъ высшею формою, въ которую неизбѣжно, рано или поздно, превращаются всѣ другія, является научно-философскій монизмъ, объясненіе нераздѣльной совокупности вещей однимъ верховнымъ закономъ (66).

5. Съ другой стороны, будучи перенесены въ сферу спеціальнаго знанія, всѣ три концепта, послужившіе Конту отличительными признаками для

трехъ послѣдовательныхъ фазъ умственнаго развитія, неминуемо теряютъ характеръ всеобщихъ, или философскихъ, гипотезъ и превращаются въ частныя, или научно-провѣряемыя, предположенія (67).

Исторія наукъ представляетъ собою живое свидѣтельство, что это не только должно было быть, но и было такъ на самомъ дѣлѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что къ спеціальному объясненію астрономическихъ, физическихъ и т. п. явленій прилагалась на первыхъ порахъ и гипотеза о сверхъестественномъ характерѣ ихъ; но не менѣе достовѣрно также, что ничто, въ предѣлахъ частнаго знанія, не подтвердило идеи сверхъестественнаго вмѣшательства, что всѣ наблюденія говорили противъ нея, что спеціальнымъ изслѣдователямъ, въ сущности, „никогда не приходилось дѣйствительно нуждаться въ этомъ предположеніи“. Вотъ почему фетишизмъ, напримѣръ,—эта основная теологическая ячейка, въ которой супранатурализмъ еще крѣпко коренится среди міра конкретныхъ явленій,—и былъ возможенъ только до тѣхъ поръ, пока длилось общественное состояніе, при которомъ научный факторъ былъ равенъ нулю. Но лишь только въ этомъ отношеніи послѣдовала самая незначительная перемѣна, фетишизмъ оказался подрѣзаннымъ въ корнѣ. Онъ палъ навсегда, а супранатурализмъ поспѣшилъ подняться въ болѣе безопасныя сферы, удаленныя отъ всякой немедленной конкретной повѣрки, и мало-по-малу превратился въ тѣ высшія формы теологическаго міропониманія, которыя, хотя и продолжали постоянно подтачиваться спеціальнымъ знаніемъ, но для своего окончательнаго паденія нуждались уже въ иной степени зрѣлости положительныхъ наукъ.

То же самое случилось и съ метафизическими гипотезами, довольно скоро смѣнившими въ болѣе развитыхъ умахъ первоначальныя предположенія, безвозвратно сдѣлавшіяся достояніемъ народныхъ міропониманій и организованныхъ теократій. Метафизическія гипотезы, въ трехъ главныхъ типахъ своихъ, не долго держались въ спеціальныхъ отрасляхъ знанія, въ которыхъ онѣ провѣрялись легко, хотя только отрицательно, и изъ которыхъ выкидывались всякій разъ, когда эти отрасли нѣсколько подвигались впередъ и прибѣгали къ другимъ гипотезамъ, обѣщавшимъ имъ болѣе плодотворные результаты. Метафизическій плурализмъ и тутъ палъ первою жертвою, въ то время, какъ разорвавшій прямую связь съ конкретною дѣйствительностью монизмъ могъ еще долго господствовать надъ умами.

Одинаковая судьба, наконецъ, постигаетъ уже на нашихъ глазахъ и общія гипотезы научно-философскихъ системъ. Гипотезы эти теряютъ свой непровѣряемый характеръ, когда перестаютъ быть всеобщими, или вносятся въ предѣлы частной науки; современныя наблюденія, сверхъ того, наглядно убѣждаютъ, что такіе заимствованные постулаты не приживаются въ спеціальныхъ областяхъ знанія, которыя всегда предпочитаютъ имъ гипотетическія построенія, выросшія на собственной почвѣ наукъ (68).

Только этою провѣряемостью теологическихъ и метафизическихъ гипотезъ, когда онѣ спеціализируются и примѣняются къ отдѣльнымъ явленіямъ, а не ко всей суммѣ ихъ, и можно объяснить себѣ быстрые успѣхи точныхъ наукъ въ первую, теологическую, и вторую, метафизическую фазу развитія,—т. е. именно въ тотъ періодъ времени, когда

происходилъ великій застой въ направлявшихъ, будто бы, спеціальное знаніе, а, въ сущности, нормировавшихся имъ міропониманіяхъ. Если науки процвѣтали, а теологія и метафизика не падали со сколько нибудь замѣтною быстротою въ тотъ самый періодъ, когда и сумма явленій, и каждое слагаемое въ этой суммѣ объяснялись, будто бы, существенно одинаковыми фикціями, то это могло случиться только потому, что послѣднія въ положительныхъ наукахъ провѣрялись и откидывались, а въ философіи не могли быть провѣрены—и держались (69).

6. Изъ всего сейчасъ сказаннаго необходимо вытекаетъ такая дилемма: или формула Конта вѣрна только въ примѣненіи къ философіи и выражаетъ собою спеціальный законъ ея развитія; или она должна быть видоизмѣнена въ томъ смыслѣ, что хотя всѣ наши понятія, философскія и научныя, и проходятъ чрезъ три фазы, описанныя Контомъ, но послѣдній разрядъ, или научныя понятія, совершаетъ эту эволюцію несравненно быстрѣе, чѣмъ первый разрядъ, или философскіе концепты, въ зависимости отъ провѣряемаго характера, пріобрѣтаемаго въ спеціальной наукѣ всякою гипотезою—какого-бы она ни была происхожденія: теологическаго, метафизическаго или научно-философскаго. Но отсюда именно и слѣдуетъ, что эволюція спеціальныхъ наукъ предшествуетъ эволюціи философскихъ системъ, которую первая и направляетъ, или, другими словами, что наука и ея развитіе есть соціологическая причина, а философія и ея развитіе—соціологическое послѣдствіе.

Совмѣстное существованіе, въ теченіе долгихъ историческихъ періодовъ, теологіи, метафизическихъ системъ и положительныхъ наукъ (но не положи-

тельнаго міропониманія) не подлежитъ сомнѣнію, какъ не подлежитъ спору и одновременное примѣненіе одного и того же гипотетическаго метода къ изслѣдованію отдѣльныхъ разрядовъ и всей совокупности явленій. Съ усвоенной нами точки зрѣнія, противникамъ закона Конта можно сдѣлать не одну эту уступку. Съ ними можно согласиться и въ томъ, что приложеніе гипотетическаго метода къ объясненію отдѣльныхъ явленій, дающее начало спеціальному знанію, всегда по необходимости предшествуетъ распространенію того же метода и на объясненіе совокупности природы, распространенію, составляющему источникъ теологіи и метафизическихъ системъ [1]). Но гипотетическое знаніе, какъ мы видѣли, имѣетъ наклонность болѣе или менѣе быстро превращаться въ положительное, гипотетическое же міропониманіе обнаруживаетъ стремленіе всегда оставаться гипотетическимъ. Съ другой стороны, и самая потребность міропониманія могла быть только слѣдствіемъ основной потребности знанія—видоизмѣненіемъ, обобщеніемъ этой послѣдней. По всѣмъ этимъ причинамъ, гипотетическія міропониманія должны были тѣсно примыкать къ положительному знанію и почерпать изъ него матеріалы для своихъ гипотезъ. Если это менѣе очевидно относительно теологическихъ фикцій, то только вслѣдствіе того, что послѣднія, какъ самыя раннія формы философскаго объясненія природы, соотвѣтствовали историческому періоду, когда и частное знаніе не успѣло еще изъ гадательнаго, по самой сущности своей, превратиться въ положительное. Эта перво-

---

1) Louis Liard: La science positive et la métaphysique. Paris, 1879, гл. IV.

начальная ступень всякой философіи сохранилась затѣмъ до нашего времени, какъ явленіе атавическое, въ зависимости отъ множества самыхъ разнообразныхъ соціологическихъ причинъ. Но относительно всѣхъ послѣдующихъ ступеней философской эволюціи, тотъ же фактъ—тѣсная связь между общимъ пониманіемъ природы и спеціальнымъ знаніемъ ея явленій—уже рѣзко бросается въ глаза.

7. Общія гипотезы теологическаго и метафизическаго характера и гипотезы спеціальныя сначала постоянно смѣшивались между собою; человѣческій умъ не видѣлъ ясно ихъ различія и, въ частности, не видѣлъ невозможности объяснить всю совокупность явленій такими же точно пріемами, какіе употреблялись имъ для объясненія конкретныхъ фактовъ и отвлеченныхъ отъ нихъ свойствъ. Все это понятно, какъ понятно и то, что мало по малу долженъ былъ начаться процессъ дифференцированія, послѣдствіемъ котораго явилось выдѣленіе изъ общей слитной массы, или обособленіе, соотвѣтствующихъ категорій понятій. Обособленіе это вскорѣ самымъ естественнымъ образомъ приняло форму вражды, сохранившей междоусобный, по самому существу своему, характеръ не только тогда, когда теологія боролась съ метафизикой, но и тогда, когда и теологическія, и метафизическія гипотезы приходили въ прямое столкновеніе съ несознаваемымъ источникомъ своимъ—положительнымъ знаніемъ, все болѣе и болѣе пополнявшимся и выливавшимъ свое внутреннее содержаніе въ іерархическій рядъ отвлеченныхъ наукъ. Антагонизмъ этотъ и привелъ постепенно человѣческій умъ къ сравненію результатовъ одного и того же способа объясненія въ двухъ сопредѣль-

ныхъ сферахъ: отдѣльныхъ явленій и всей совокупности природы, науки и философіи,—и къ убѣжденію, что методъ годный для научнаго знанія, для изслѣдованія въ тѣсномъ смыслѣ слова, не пригоденъ для знанія философскаго, для пониманія общей связи міровыхъ фактовъ (69 bis).

8. Въ теченіе первыхъ двухъ фазъ философія не носитъ научнаго характера, несмотря на употребленіе гипотезы; въ третьей же фазѣ философія становится научною или положительною, несмотря на то, что отказывается пользоваться этимъ важнымъ орудіемъ спеціальнаго знанія. Такое заключеніе можетъ показаться парадоксальнымъ. Обыкновенно, методологическое различіе между „научнымъ“ и „ненаучнымъ“ и въ сферѣ философіи, и въ области спеціальнаго знанія выражаютъ противопоставленіемъ объективнаго метода субъективному. Но терминологія эта перестаетъ быть неясной и получаетъ опредѣленный смыслъ только тогда, когда подъ субъективнымъ методомъ разумѣютъ способъ изслѣдованія, неизмѣнно приводящій къ непровѣряемымъ предположеніямъ, а подъ объективнымъ—способъ, который такъ или иначе, индукціей или дедукціей, гипотезой или наблюденіемъ безъ гипотезы, ведетъ, въ концѣ концовъ, къ результатамъ, не имѣющимъ гипотетическаго характера. Тезисъ нашъ, съ этою поправкою, ни мало не противорѣчитъ обычному требованію—примѣненія научнаго метода во всей его строгости и къ философскимъ задачамъ. Именно по этой причинѣ гипотеза, непровѣренная индукція, и должна быть вовсе исключена изъ числа философскихъ пріемовъ изслѣдованія. Ненаучность употребленія въ философіи всѣхъ пріемовъ спеціаль-

ныхъ наукъ зависитъ отъ смѣшенія философіи съ наукою, неизбѣжно сопровождающаго ранніе періоды развитія той и другой. Научность же употребленія въ философіи только нѣкоторыхъ и даже весьма немногихъ методологическихъ пріемовъ частныхъ наукъ зависитъ отъ постепеннаго различенія (которое само обусловливается постояннымъ ростомъ наукъ) между задачами спеціальнаго знанія и цѣлями, преслѣдуемыми философіей.

Итакъ, существовавшее въ началѣ исторической эволюціи единство метода въ философіи и наукѣ отыскивается и въ концѣ или, вѣрнѣе, въ настоящей фазѣ этого медленнаго процесса; но въ то время, какъ первое единство было внѣшнее, грубо-формальное и, во всякомъ случаѣ, синтетическое, второе есть уже единство внутреннее и чисто аналитическое. Само собою разумѣется, впрочемъ, что такой общій выводъ можетъ быть окончательно подтвержденъ только научною теоріей познаванія, которая, рано или поздно, должна будетъ возникнуть изъ совокупныхъ усилій психофизики и конкретной соціологіи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ ОБЩАГО ХОДА РАЗВИТІЯ ФИЛОСОФІИ.

1. Сущность психологическаго способа объясненія. — 2 Роль „теоріи познаванія“ въ метафизическихъ системахъ. Первая фаза развитія психологіи. — 3. Превращеніе элементарной психологической задачи въ краеугольный камень систематическаго пониманія природы. Наивный реализмъ древнихъ. Реализмъ, идеализмъ и реальный идеализмъ. — 4. Новѣйшія попытки объясненія общаго хода развитія философіи, начиная съ Гегеля и кончая Льюисомъ и Спенсеромъ. Эволюціонная схема Вайнингера. — 5. „Что̀ существуетъ дѣйствительно?“ Классификація воззрѣній различныхъ школъ на реальное бытіе и эволюція соотвѣтствующихъ міроразумѣній.—6. Исходная точка эволюціи. главный или „данный“ рядъ воззрѣній на реальное и сумма наличнаго опыта человѣчества. Вторая фаза; производный рядъ реальныхъ элементовъ: субстраты, силы и субстанціи. Третья фаза: чистое мышленіе и метафизика общихъ концептовъ. Четвертая фаза: ens realissimum, абсолютное бытіе и философія тожества. Пятая фаза: абсолютный нуль мистическаго и философскаго нигилизма. Два выхода: пессимистическій квіэтизмъ и возвращеніе къ ряду опытныхъ данныхъ—позитивизмъ.— 7. Возраженія противъ психологическаго объясненія исторіи философіи. Различные взгляды на психологію и логическія послѣдствія ихъ. Метафизическій характеръ психологическаго объясненія. Отвлеченіе отъ одной субстанціи и отрицаніе всѣхъ остальныхъ. Психологическое объясненіе, какъ сенсуалистическая теорія.

1. На философскія системы такъ мало еще привыкли смотрѣть, какъ на факты соціологическаго порядка, что Огюстъ Контъ едва ли не былъ до сихъ поръ единственнымъ мыслителемъ, систематически пытавшимся приложить методы общественныхъ наукъ къ изученію этого разряда явленій. Въ огромномъ же большинствѣ случаевъ, философскія системы продолжаютъ разсматриваться, какъ чисто логическіе продукты, которые должны быть изучаемы на почвѣ и средствами одной интроспективной психологіи. Этотъ-то обычный способъ объясненія общаго хода развитія философіи мы и называемъ психологическимъ, хотя съ неменьшимъ правомъ могли бы назвать его метафизическимъ (70). И съ нимъ мы и находимъ небезполезнымъ сравнить наше собственное объясненіе—соціологическое и, поскольку намъ удалось опредѣлить объективный характеръ соотвѣтствующихъ явленій,—положительное или научное.

2. Но прежде, чѣмъ приступить къ такому сравненію, сдѣлаемъ одно общее замѣчаніе относительно доктринъ, которыя, подъ именемъ теоріи познанія, занимаютъ такое видное мѣсто въ каждой метафизической системѣ и, въ глазахъ большинства историковъ философіи, служатъ лучшимъ пособіемъ для различенія и классификаціи основныхъ направленій метафизической мысли.

Доктрины эти имѣютъ существенно психологическій характеръ. Придавать имъ философское значеніе, видѣть въ нихъ нѣчто болѣе, чѣмъ односторонніе психологическія ученія, вырабатываемыя каждымъ міропониманіемъ при помощи извѣстныхъ логическихъ пріемовъ и имѣющія столь же спе-

ціальное происхожденіе, какъ физико-химическія (космогоническія), біологическія или общественныя теоріи тѣхъ же системъ, можно только по недоразумѣнію, или по привычкѣ разсматривать результатъ, т. е. тотъ или другой общій взглядъ на природу и человѣка, отдѣльно отъ источника его—суммы положительныхъ знаній соотвѣтствующей эпохи. Единственною истинно-философскою частью въ пестромъ агломератѣ теорій и объясненій, представляемомъ любымъ метафизическимъ ученіемъ, является всеобщая и непровѣряемая гипотеза, крѣпко связывающая между собою эти разнородные матеріалы и придающая имъ внѣшній видъ цѣльной системы.

Всякая теорія познаванія сводится до сихъ поръ къ противоположенію понятій о субъектѣ и объектѣ. Но вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ логическихъ категорій принадлежитъ первой фазѣ развитія психологіи, тому хаотическому состоянію ея, когда ея абстрактная часть, входящая въ составъ біологіи или образующая самостоятельную вѣтвь въ іерархіи отвлеченнаго знанія—объ этомъ еще спорятъ—еще не отдѣлена отъ конкретной, которая имѣетъ дѣло съ сочетаніемъ законовъ абстрактной психологіи и отвлеченной соціологіи. Этой-то зарождающейся психологіи, полунаучной, крайне поверхностной, принимающей опредѣленія за отношенія, слова и понятія за реальные процессы, безспорно должна быть приписана заслуга возбужденія элементарной задачи, состоящей въ различеніи и описаніи составныхъ частей нашихъ представленій. Предметъ этотъ, очевидно, образуетъ еще общее владѣніе абстрактной и прикладной психологіи и своимъ синтетическимъ характеромъ,

своей нерасчлененностью напоминаетъ исключительные объекты изученія прежней біологіи—замкнутые въ тѣсныхъ предѣлахъ расы, индивидуальные организмы (71).

3. Но если точный и всесторонній анализъ внутренняго содержанія нашихъ представленій составляетъ задачу весьма спеціальную, могущую быть удовлетворительно разрѣшенною только въ предѣлахъ и методами частной науки, то превращеніе такой проблемы въ краеугольный камень систематическаго пониманія природы является заблужденіемъ, послѣдствія котораго неисчислимы, хотя упорное повтореніе его и объясняется довольно просто.

Вопросъ о составныхъ частяхъ нашихъ представленій есть одинъ изъ любопытнѣйшихъ—съ антропоцентрической точки зрѣнія. Главная причина возбуждаемаго имъ интереса кроется именно въ томъ, что это—вопросъ чисто психологическій и, слѣдовательно, интенсивно человѣческій. Но вмѣсто того, чтобы признать за нимъ такой крайне спеціальный характеръ, сплошь и рядомъ защищаютъ прямо противоположное мнѣніе. Смѣшеніе въ данномъ случаѣ происходитъ отъ того, что интересъ, возбуждаемый вопросомъ, придаетъ ему субъективную важность, которая тѣмъ легче превращается въ субъективную общность, что человѣкъ мысли привыкъ видѣть важное только въ общемъ. Затѣмъ уже, въ силу извѣстной иллюзіи, субъективная общность незамѣтно принимается за объективную. Внѣ же именно этого сочетанія идей, вопросъ объ объектѣ и субъектѣ не имѣетъ ни чрезмѣрнаго значенія, постоянно ему приписываемаго, ни такого общаго характера,

который давалъ бы право вывести его за тѣсныя границы элементарной психологіи. Доказательствомъ тому служитъ примѣръ какъ другихъ наукъ, такъ и обыкновеннаго, ненаучнаго мышленія и различныхъ разрядовъ практической дѣятельности: здѣсь, какъ извѣстно, различеніе между объектомъ и субъектомъ не играетъ ровно никакой роли (72).

Но, помимо указанной ассоціаціи идей, существуютъ и другія, еще болѣе, можетъ быть, серьезныя и дѣятельныя причины, порождающія ту роковую иллюзію, которая заставляетъ насъ видѣть въ спеціально-научномъ вопросѣ общую задачу міропониманія. Причины эти берутъ свое начало въ законахъ, управляющихъ развитіемъ философской мысли.

Точки исхода философіи незнанія лежатъ по большей части въ области фактовъ, мало или вовсе не изслѣдованныхъ строгими методами положительной науки; этимъ объясняется, между прочимъ, почему ближайшимъ „неизвѣстнымъ“, къ познанію котораго одинаково стремился и первоначальный матеріализмъ, и первоначальный идеализмъ, были явленія, непосредственно открывавшіяся за предѣлами міра неорганическаго. А такъ какъ между этими явленіями, до научнаго установленія біологіи, самую видную роль игралъ человѣкъ вообще, безъ тщательнаго разграниченія между его простѣйшими и сложнѣйшими функціями, то первыя попытки матеріалистическаго и идеалистическаго объясненія природы должны были стоять скорѣе на антропологической, чѣмъ на собственно психологической почвѣ. И дѣйствительно, какъ мы знаемъ, матеріализмъ древнихъ въ вопросѣ объ объектѣ и субъектѣ вполнѣ довольствовался наивнымъ реализмомъ, далѣе котораго не шелъ, въ

свою очередь, и идеализмъ такихъ мыслителей, какъ Аристотель. Древніе идеалисты, въ родѣ Платона, который не отвергаетъ объективнаго существованія представленій, могли видѣть въ идеяхъ единственно реальное, а въ вещахъ или явленіяхъ — только кажущееся; во всякомъ случаѣ, до абсолютнаго или чисто психологическаго идеализма, въ которомъ идеи и явленія признаются продуктомъ одного субъекта, имъ было такъ же далеко, какъ древнимъ матеріалистамъ до абсолютнаго реализма, въ которомъ идеи и явленія разсматриваются, какъ продуктъ одного объекта.

Все это, однако, значительно мѣняется, когда, вслѣдъ за распространеніемъ предѣловъ положительнаго знанія и въ строгомъ соотвѣтствіи съ такимъ расширеніемъ его границъ, въ область еще не изслѣдованнаго точною наукою „неизвѣстнаго“ перемѣщается и центръ тяжести, или главныя точки исхода, философской мысли. Тогда основныя гипотезы философіи, какъ мы объяснили это въ своемъ мѣстѣ [1]), начинаютъ все болѣе и болѣе совпадать съ группою отвлеченныхъ отъ живого человѣка психологическихъ свойствъ. Тогда отъ антропологическихъ вопросовъ философія мало-по-малу обращается къ психологическимъ задачамъ, т. е. подвергается процессу, который Спенсеръ называетъ переходомъ отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному. Но тогда же достигаетъ своей кульминаціонной точки, своего крайняго развитія и различеніе между субъектомъ и объектомъ,—и въ результатѣ получаются три метафизическихъ объясненія

[1]) См. часть 1-ая, passim, и часть 3-яя, глава третья: Философія прошедшаго и наука.

основъ нашего знанія: реализмъ, или теорія познаванія, сводящая всѣ явленія, въ томъ числѣ и наши ощущенія, къ одному источнику — объекту; идеализмъ, или теорія, сводящая явленія и представленія къ субъекту; и наконецъ реальный идеализмъ, или теорія, стремящаяся примирить эти два крайніе взгляда въ одномъ высшемъ синтезисѣ (72 bis).

4. Послѣ этого указанія на нѣкоторые существенные недостатки психологическихъ теорій, въ примѣненіи къ общимъ задачамъ метафизической мысли, перейдемъ теперь къ главному предмету настоящей главы—къ психологическому же способу объясненія всей исторіи философіи.

Вращаясь преимущественно въ кругу психологическихъ вопросовъ, метафизика постоянно стремилась найти въ нихъ и ключъ къ уразумѣнію всего хода своего собственнаго развитія, — къ объясненію тѣхъ измѣненій и превращеній, которыя испытала философская мысль, начиная съ знаменательнаго момента, когда человѣкъ робко рѣшился о б н я т ь о д н и м ъ в з г л я д о м ъ казавшееся ему уже тогда б е з к о н е ч н ы м ъ разнообразіе явленій и, такимъ образомъ, впалъ въ первое, на почвѣ философіи, логическое противорѣчіе съ самимъ собою. Въ особенности въ послѣднія два столѣтія, когда утомленіе отъ пройденнаго пути невольно побуждало оглянуться назадъ и спросить себя о настоящемъ смыслѣ и цѣли затраченныхъ усилій, рѣдкая школа не выступала съ готовымъ и всегда, разумѣется, чисто психологическимъ объясненіемъ внутренней эволюціи философскихъ системъ. Новѣйшія попытки въ этомъ родѣ, ме-

жду которыми особеннаго упоминанія заслуживаетъ типичная во многихъ отношеніяхъ теорія Гегеля, и постигшая ихъ полная неудача—хорошо всѣмъ извѣстны. Неуспѣхъ этотъ, впрочемъ, только придалъ движенію болѣе осторожный ходъ, — онъ не остановилъ его и, за немногими исключеніями, между которыми Огюстъ Контъ занимаетъ, безспорно, главное мѣсто, не измѣнилъ его существенно психологическаго характера. Въ этомъ вопросѣ на старой дорогѣ осталась даже блестящая группа мыслителей, которымъ нашъ вѣкъ обязанъ быстрымъ развитіемъ научно-философскихъ системъ и которые сами непосредственно примыкаютъ къ великому матеріалистическому и сенсуалистическому движенію двухъ прошлыхъ столѣтій. Лучшіе представители критицизма и научнаго монизма въ Германіи, новыя школы во Франціи и Италіи и, на первомъ мѣстѣ, столь вліятельная своей всемірной популярностью англійская группа, съ Стюартомъ Миллемъ, Гербертомъ Спенсеромъ и Льюисомъ во главѣ,—послѣ немногихъ колебаній, вызванныхъ смѣлой иниціативой Конта—продолжали, по прежнему, искать въ законахъ одного духа объясненія сложнаго явленія, ближайшія причины котораго очевидно лежали въ области общественныхъ фактовъ.

Исторія этихъ попытокъ и очень любопытна, и очень поучительна; къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности войти тутъ въ сколько нибудь подробное разсмотрѣніе этого, вообще, еще мало разработаннаго предмета. Кромѣ того, одинъ выдающійся, типичный примѣръ, обслѣдованный со всѣхъ сторонъ, будетъ для насъ здѣсь несравненно полезнѣе, чѣмъ цѣлый рядъ ученій, о которыхъ мы

могли бы упомянуть только вскользь. Вотъ, между прочимъ, причина, по которой мы рѣшились, оставивъ въ сторонѣ наиболѣе громкія имена современной философіи, сосредоточить наше вниманіе на скромной работѣ, едва ли не прошедшей незамѣченною на страницахъ спеціальнаго журнала, въ которомъ она появилась.[1]) Эволюціонная схема Вайингера имѣетъ въ нашихъ глазахъ еще и то преимущество, что, будучи основана на трудахъ корифеевъ научно-философскаго движенія нашихъ дней, она только облекаетъ въ систематическую форму главные результаты всѣхъ прежнихъ попытокъ психологическаго объясненія общаго хода развитія философіи.

5. Руководимый правильнымъ взглядомъ, Вайингеръ также начинаетъ съ классификаціи философскихъ системъ. Но въ основу ея онъ кладетъ воззрѣнія различныхъ школъ на реальное бытіе или тѣ отвѣты, которые мыслители даютъ на вопросъ: „Что существуетъ дѣйствительно?“ Всѣ разногласія и безчисленныя теоріи философовъ сводятся имъ къ немногимъ основнымъ гипотезамъ по этому вопросу, частное значеніе котораго, какъ психологической проблемы (что считается нами за реально или дѣйствительно существующее?), отступаетъ у него на задній планъ или даже вовсе теряется изъ виду. Такой же скрытый характеръ спеціальной задачи психологіи имѣетъ и логическое начало, съ по-

---

1) Vierteljahrsschrift für wissenschaftl. Philosophie. 1878. 3-tes und 4-tes Heft; H. Vaihinger Das Entwickelungsgesetz unser Vorstellungen uber das Reale.

мощью котораго Вайингеръ выводитъ изъ своей классификаціи общій законъ, управляющій эволюціей философскихъ мнѣній. Начало это заключается въ извѣстной операціи ума, называемой отвлеченіемъ. Исторія философіи представляется нѣмецкому критику медленнымъ процессомъ, въ теченіе котораго человѣческая мысль послѣдовательно вырабатываетъ себѣ все болѣе и болѣе общія и отвлеченныя понятія о реальномъ. Человѣчество, этотъ „великій философъ“, не перестаетъ выставлять въ этомъ направленіи гипотезы, образующія собою восходящую лѣстницу міроразумѣній, въ которой нижнею ступенью являются ученія, не различающія между чувственнымъ, или случайнымъ, и реальнымъ, необходимымъ, или единственно-сущимъ въ философскомъ смыслѣ,—а высшую, кульминаціонную точку составляютъ доктрины, въ которыхъ, путемъ постепенныхъ и незамѣтныхъ отвлеченій, понятіе о реальномъ до того обнажается, до того отрѣшается отъ всякихъ чувственныхъ или опытныхъ признаковъ, что начинаетъ не только граничить, а даже прямо совпадать съ понятіемъ о „небытіи“.

Борьба изъ-за понятія о наивысшей реальности — вотъ, въ краткой формулѣ, все содержаніе исторіи философіи. Сколько системъ и главъ школъ, столько и теорій о реальномъ, tot capita, tot sensus. На первый, поверхностный взглядъ въ развитіи философіи все кажется произвольнымъ и, во всякомъ случаѣ, безконечно измѣнчивымъ; въ сущности, однако, это видимое разнообразіе сводится къ немногимъ кореннымъ типамъ, къ немногимъ основнымъ воззрѣніямъ, которыя, будучи сто разъ откинуты и включены въ число окончательно опро-

вергнутыхъ заблужденій, постоянно снова находили, находятъ и будутъ находить защитниковъ и представителей. Но и въ самомъ порядкѣ, въ которомъ воззрѣнія на реальное — ибо объ нихъ только и идетъ рѣчь—слѣдуютъ другъ за другомъ, замѣчается неуклонная правильность, указывающая на существованіе между ними тѣсной внутренней связи [1]). Остается открыть законъ этой послѣдовательности или этого развитія, и нѣмецкій философъ приступаетъ къ такой задачѣ, не выводящей насъ за предѣлы психологіи, опираясь, главнымъ образомъ, на методы и данныя этой спеціальной науки.

Въ эволюціи понятія о реальномъ онъ усматриваетъ пять послѣдовательныхъ ступеней или фазъ, одинаково проходимыхъ какъ умомъ индивидуальнаго человѣка, такъ и коллективнымъ разумомъ человѣчества. Фазы эти отличаются другъ отъ друга постепенно возрастающею отвлеченностью и въ той же мѣрѣ, слѣдовательно, убывающею конкретностью своего содержанія, т. е. нашихъ представленій о сущности вещей. Тѣмъ же признакомъ, само собою разумѣется, характеризуются и всевозможныя системы философіи; такъ что и по этому способу объясненія классификація системъ и законъ развитія философіи совпадаютъ въ своей основѣ.

6. Разсмотримъ же ближе каждую изъ этихъ пяти ступеней.

Исходную точку эволюціи образуютъ міровоззрѣнія, которыя, стоя лицомъ къ лицу съ не-

---

1) Viert. fur wiss. Phil., 1878, 3 Heft, стр. 301—302.

раздѣльною массою чувственныхъ воспріятій, изъ которыхъ слагается для насъ и внѣшній міръ предметовъ, и внутренній міръ нашихъ мыслей и чувствованій, не успѣли еще справиться съ безконечнымъ разнообразіемъ данныхъ опыта, и въ погонѣ за единствомъ явленій, въ поискѣ за сущностью вещей только въ слабой мѣрѣ прибѣгли къ отвлеченію. Ступень эта имѣетъ огромное значеніе: проходя ее, человѣчество вырабатываетъ рядъ представленій и понятій о реально-существующемъ, изъ котораго образуется его наличный опытъ, и получается та твердая почва, на которую безсознательно опираются впослѣдствіи и самый смѣлый полетъ фантазіи, и самое высокое отвлеченіе. Отъ этого ряда неминуемо отправляются и къ нему же неизбѣжно приходятъ всѣ другія категоріи философскихъ воззрѣній на реальное. Онъ составляетъ основную тему, на которую философы всѣхъ школъ только разыгрываютъ безконечныя варіаціи. Онъ данъ намъ опытомъ и заключаетъ въ себѣ какъ непосредственныя, такъ и посредственныя ощущенія наши, или все то, что англійская психологія называетъ „возможностями ощущенія“;—словомъ, всю совокупность дѣйствительныхъ и возможныхъ состояній чувства, изъ которыхъ ближайшимъ образомъ состоитъ природа, включая въ нее и человѣка. Поэтому, этотъ рядъ Вайингеръ называетъ главнымъ или „даннымъ“ рядомъ нашихъ воззрѣній на реальное [1]). Это, такъ сказать, сырой матеріалъ, надъ которымъ разъ навсегда суждено работать философской мысли.

Но именно эта работа и подвигается впередъ

---

[1]) Ibidem, стр. 307.

правильными ступенями или градаціями, изъ которыхъ каждая выставляетъ цѣлый рядъ воззрѣній на реальное, сохраняющій къ предшествующему ряду извѣстное, постоянное отношеніе. Операція ума, при помощи которой мы изъ непосредственныхъ данныхъ опыта вырабатываемъ нѣчто новое или кажущееся намъ таковымъ, состоитъ, во первыхъ, въ различеніи, въ общемъ потокѣ ощущеній, твердыхъ точекъ субъекта и объекта, принимаемыхъ за субстанціи, лежащія въ основѣ двухъ главныхъ разрядовъ нашихъ воспріятій, и во вторыхъ, все въ болѣе и болѣе отвлеченномъ пониманіи этихъ первоначальныхъ элементовъ сознанія.

Согласно этому взгляду, вторую ступень философской эволюціи образуютъ міровоззрѣнія, въ которыхъ, благодаря только что описанному двойному процессу, умъ нашъ вполнѣ усвоиваетъ себѣ ту гипотезу, что текущія воспріятія и ощущенія — только преходящія выраженія чего-то болѣе реальнаго, лежащаго за ними и состоящаго изъ отдѣльныхъ субстратовъ, силъ и субстанцій, изъ субъектовъ и объектовъ разнаго рода. Такое пониманіе природы возникаетъ очень рано и можетъ быть разсматриваемо, какъ самая обыкновенная философія, или философія здраваго смысла. Положительная, основанная на достовѣрныхъ памятникахъ исторія уже застаетъ человѣчество на этой второй ступени, изъ чего слѣдуетъ, повидимому, что, только пройдя чрезъ продолжительное психогенетическое развитіе, занимающее первую фазу, человѣкъ начинаетъ мыслить вполнѣ сознательно, рѣзко различая свое „я“ отъ окружающаго міра. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что рядъ элементовъ, которымъ въ этой второй фазѣ болѣе или менѣе

наивно приписывается высшая реальность, есть только производный изъ главнаго или основного ряда данныхъ опыта и составляетъ лишь первый характеристическій шагъ на пути метафизическаго отвлеченія. На этой ступени стоитъ значительная часть религіозной философіи и вся первоначальная метафизика. Чувственное познаніе, αἴσθησις древнихъ грековъ, окончательно смѣняется здѣсь рефлектирующею мыслью, δόξα μετὰ λόγον. Дуализмъ въ этомъ періодѣ составляетъ довольно обыкновенное явленіе,—но и монизмъ уже громко заявляетъ свое право на существованіе, а рука объ руку съ ростомъ монистическихъ стремленій идетъ, какъ мы знаемъ, и распаденіе философіи на три направленія, изъ которыхъ два крайнія — матеріализмъ и идеализмъ—рѣшительно господствуютъ въ началѣ этого процесса дифференцированія.

Но та же логическая необходимость, которая заставила въ свое время человѣческій умъ отвлечь отъ міра текущихъ и временныхъ ощущеній, какъ единственно реальную и неизмѣнную сущность ихъ— отдѣльныя субстанціи и силы, побуждаетъ его къ новому шагу въ томъ же направленіи, внушаетъ ему непреодолимое желаніе подойти еще ближе къ внутреннему ядру, къ сердцевинѣ явленій. Мы вступаемъ въ третью фазу философскаго развитія, въ которой отдѣльныя сущности и силы замѣняются еще болѣе общими понятіями, добытыми изъ этихъ сущностей процессомъ дальнѣйшаго отвлеченія. Совершенно подобно тому, какъ позади ощущеній и воспріятій лежатъ субстанціи, составляющія причину и внутреннее ядро ощущеній, позади субстанцій лежатъ общія идеи о нихъ, которыя суть нѣчто болѣе реальное, чѣмъ сами субстанціи. Об-

щая идея все проникающаго и во всемъ воплощающагося духа или совершенно такая же общая идея все развивающаго изъ себя, движущагося или имѣющаго протяженіе атома — вотъ, напримѣръ, высшія реальности этой ступени развитія, въ продолженіе которой окончательно формируется большинство наиболѣе извѣстныхъ концептовъ метафизики. Чистое мышленіе, „νόησις“ древнихъ грековъ, теперь вытѣсняетъ собою рефлектирующую мысль предыдущаго періода, при чемъ, однако, многія системы еще видимо колеблются между „метафизикой сложныхъ и разрозненныхъ субстанцій“ и „метафизикой болѣе простыхъ и логически объединенныхъ сущностей“. Во главѣ этихъ смѣшанныхъ системъ, въ древности и въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, стоитъ философія Аристотеля. Исключительными же представителями собственно третьей ступени служатъ: въ лагерѣ идеалистовъ—Платонъ, а между матеріалистами—Демокритъ и, вообще, всѣ наиболѣе послѣдовательные мыслители древности и среднихъ вѣковъ. Борьба номинализма съ реализмомъ, которая, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, упорно ведется еще и въ настоящее время [1]), это—борьба второй ступени съ третьею; а вся исторія философіи—не что иное, какъ безконечный споръ за преобладаніе и длинный рядъ столкновеній между всѣми пятью основными воззрѣніями на реальное бытіе.

Переходъ отъ третьей фазы къ четвертой совершается въ силу тѣхъ же побужденій, которыми былъ обусловленъ переходъ отъ второй къ третьей

---

1) Spitzer: Nominalismus und Realismus in der neuesten deutschen Philosophie. Leipzig. 1876.

и которыя могутъ быть сведены на присущее человѣческому уму стремленіе—все болѣе и болѣе упрощать „психическую реакцію на міровое возбужденіе“, то есть, упрощать свое міропониманіе [2]). Логически послѣдовательное мышленіе не можетъ остановиться на половинѣ того пути, который ведетъ къ высшимъ отвлеченіямъ. Оно дѣлаетъ еще шагъ и вступаетъ въ фазу, въ которой и общіе концепты предыдущаго періода перестаютъ удовлетворять его. Оно и въ нихъ или, вѣрнѣе, за ними начинаетъ отыскивать нѣчто еще болѣе реальное и существенное, ens realissimum, въ которомъ уже окончательно сливается все существующее, всѣ различія,—origo omnium formarum, или нѣчто такое, что въ каждую данную минуту равно и тожественно всей совокупности явленій и заключаетъ въ себѣ первую причину вещей, составляетъ чистое, абсолютное бытіе въ тѣсномъ смыслѣ слова. Нѣтъ надобности прибавлять, что и этотъ поискъ не остается безъ результата, а вѣнчается такимъ же успѣхомъ, какъ и всѣ предыдущіе: пока что-либо еще можетъ быть отвлечено отъ ряда опытныхъ данныхъ и что-либо еще можетъ быть обобщено въ немъ, умъ человѣка принимаетъ всякій новый шагъ въ этомъ направленіи за послѣднюю и рѣшительную побѣду свою надъ постояннымъ обманомъ чувствъ, который представляетъ ему міръ преходящихъ явленій.

Въ четвертой фазѣ устанавливается, такимъ образомъ, метафизика чистаго бытія, философія без-

---

2) V. fur wiss. Phil., I, 4; Avenarius· Ueber die Stellung der Psychologie zur Philosophie стр. 482 и слѣд.

конечнаго (со временъ неоплатониковъ — другой терминъ для абсолютнаго), или философія тожества, акосмическій пантеизмъ, самымъ виднымъ представителемъ котораго былъ Спиноза, съ такою опредѣленностью формулировавшій градацію представленій о реальномъ: „sunt diversi gradus realitatis, sive entitatis; nam substantia plus habet realitatis, quam accidens, et substantia infinita, quam finita“. Уже въ древности, впрочемъ, того же взгляда держались элеаты, отрицавшіе дѣйствительное существованіе отдѣльныхъ явленій и процессовъ въ природѣ (акосмизмъ) и не признававшіе реальности даже такого общаго факта, какъ движеніе. Къ спинозизму этой фазы болѣе или менѣе приближается масса философскихъ системъ, въ особенности въ новѣйшее время. На этой ступени, на которой чистое мышленіе предыдущей фазы обращается въ созерцательное познаваніе (θέα греческой философіи), стоятъ всѣ системы, принимающія какое-либо абсолютное, до Спенсера и Гартмана включительно; но едва ли не самыми яркими выразителями стремленій этого періода слѣдуетъ считать Шеллинга и, въ особенности, Гегеля, философія котораго можетъ быть разсматриваема, какъ логическое преддверіе, уже отчасти вводящее насъ въ метафизическій нигилизмъ слѣдующаго, пятаго періода, [1]) съ наступленіемъ котораго и завершается, строго говоря, историческій процессъ развитія метафизики.

Постепенное удаленіе отъ единичнаго и конкретнаго, непрерывное отвлеченіе признаковъ, которыми явленія отличаются другъ отъ друга и, слѣ-

1) Vaihinger, op. cit., стр. 311.

довательно, познаются нами, отыскиваніе на этомъ пути наиреальнѣйшаго остатка,—все это неминуемо приводитъ къ результату, предъ которымъ невольно содрогается чувство, но котораго не побоялся высокій разумъ цѣлаго ряда мыслителей [1]): чистое, абсолютное бытіе пантеистическихъ системъ обращается въ ничто, въ абсолютный нуль мистическаго и философскаго нигилизма. Логическій ходъ этого превращенія очень ясно описанъ у Вайингера, къ которому мы и отсылаемъ читателя, желающаго ближе ознакомиться съ подробностями этого столь же любопытнаго, сколько и важнаго умственнаго процесса [2]). Здѣсь же будетъ достаточно замѣтить, что подвигаясь все далѣе и далѣе на пути безконечнаго отвлеченія отъ единичныхъ воспріятій, или данныхъ опыта, умъ человѣка не обрѣтаетъ искомаго остатка и потому совершенно правильно заключаетъ, что ничѣмъ не квалифицированное бытіе, „абсолютное“ въ строгомъ смыслѣ слова можетъ быть вѣрно опредѣлено разумомъ только какъ „небытіе“ [3]). Заключеніе это всецѣло содержится въ посылкахъ къ нему—ученіяхъ о реальномъ, выработанныхъ предшествовавшими фазами. Переходя отъ ряда опытныхъ данныхъ къ ряду субстанцій, или впервые придавая умственнымъ отвлеченіямъ, то есть, чему-то вполнѣ отрицательному по своей природѣ, значеніе и смыслъ положительныхъ сущностей, мы заранѣе обрекаемъ себя на достиженіе и такихъ представленій о реальномъ, въ которыхъ отрицательный характеръ отвлекающей операціи

---

1) Ibidem.

2) Стр. 311—313 и 430—436.

3) Hegel: Religionsphilosophie; I, 263.

уже ничѣмъ болѣе не маскированъ, и нить ея сразу обрывается на краю пустой пропасти. Тогда только становится вполнѣ очевиднымъ, что абсолютное есть отвлеченіе, послѣдовательно доведенное до уничтоженія и объекта и субъекта сознанія [1]). На этой точкѣ останавливается продолжительный процессъ метафизическаго „очищенія“ или „опорожненія“ дѣйствительности. Процессомъ этимъ, наконецъ, достигается, если не безусловная пустота—ибо умъ человѣка продолжаетъ мыслить и психическая реальность представленія о небытіи не можетъ быть оспариваема — то, по крайней мѣрѣ, та ночь, съ которою Гегель сравниваетъ абсолютное Шеллинга и въ которой, по его словамъ, всѣ коровы черны, всѣ явленія тождественны.

Коренная ошибка въ точкѣ исхода ярко сказывается теперь въ полученномъ результатѣ. Принимая, на каждой новой ступени отвлеченія, за болѣе и болѣе существенное все то, реальность чего, въ дѣйствительности, все болѣе и болѣе блѣднѣла и исчезала, именно — символическія обозначенія и общіе концепты ума, — метафизика должна была дойти и, на самомъ дѣлѣ, дошла наконецъ до возведенія нуля на степень высшей, единственной сущности. Множество религіозныхъ и философскихъ системъ явились выразителями этой логической необходимости; не говоря уже о буддистахъ съ ихъ классическимъ ученіемъ о Нирванѣ, элеаты, неоплатоники, мистики среднихъ вѣковъ и современные эпигоны ихъ, цѣлый рядъ мыслителей нашего времени, Шеллингъ, Шлейермахеръ, Гегель, Окенъ, млад-

---

[1]) Hamilton: Discussions, стр. 21, и Mansel. The philosophy of the conditioned, стр. 99.

шій Фихте, Шопенгауэръ, Гартманъ, всѣ послѣдовательные поклонники безусловнаго или безотносительнаго, безкачественнаго или безатрибутнаго въ той или другой, идеалистической или матеріалистической формѣ, необходимо должны были, рано или поздно, такъ или иначе, притти къ единственному логическому выводу изъ философіи абсолютнаго въ строгомъ смыслѣ слова—къ признанію, что чистое бытіе вполнѣ тождественно или равно небытію. Всѣ названные мыслители могутъ, поэтому, быть разсматриваемы и какъ представители послѣдней, пятой фазы эволюціи философскихъ воззрѣній на реальное, фазы, которая, повторяемъ, составляетъ лишь естественное развитіе непосредственно предшествующихъ ей ступеней.

Достигнувъ этого кульминаціоннаго пункта, философская мысль имѣетъ передъ собою два выхода. Она можетъ успокоиться на странномъ, почти безсмысленномъ результатѣ своихъ вѣковыхъ усилій. Нелѣпость, по ироническому замѣчанію Вайингера [1]), обладаетъ для большинства умовъ особою притягательною силою: лучшимъ доказательствомъ тому служитъ именно громкій успѣхъ системъ, въ которыхъ прежніе порывы въ область неизвѣстнаго замѣнены спокойнымъ созерцаніемъ мистическаго нуля. Или она можетъ вернуться вспять, къ своей исходной точкѣ, къ ряду впечатлѣній о реальномъ, которыя образовались въ человѣческомъ мозгу подъ непосредственнымъ давленіемъ ежедневнаго опыта и гораздо ранѣе сознательнаго пробужденія ума къ философской дѣятельности. Но именно этотъ поворотъ и сопровождается послѣдствіями, влекущими

[1]) стр. 433.

за собою глубоко критическое отношеніе мыслящаго субъекта къ совокупности прежнихъ усилій обнять въ одной краткой формулѣ безконечное разнообразіе явленій. Поворотъ этотъ знаменуетъ собою начало истинной или научной философіи. Такимъ образомъ, конечная ступень эволюціи философскихъ понятій о реальномъ имѣетъ въ исторіи мысли, по меньшей мѣрѣ, такое же рѣшительное значеніе, какъ и первые шаги наши на этомъ длинномъ и трудномъ поприщѣ.

7. Ознакомивъ читателя съ однимъ изъ наиболѣе остроумныхъ и систематическихъ опытовъ построенія общей схемы философскаго развитія при помощи немногихъ данныхъ абстрактной психологіи, обратимся теперь къ указанію главнѣйшихъ возраженій, которыя могутъ быть представлены противъ всѣхъ подобныхъ попытокъ вообще. Для большей наглядности, мы группируемъ эти возраженія въ четыре главныя рубрики.

1. Законъ развитія, существенныя черты котораго были намѣчены нами въ предыдущихъ главахъ, даетъ нормы соціологическаго процесса эволюціи философскихъ ученій, а именно: развитіе послѣднихъ ставится этимъ закономъ въ зависимость отъ могущественнаго общественнаго фактора — суммы положительныхъ знаній въ каждую данную эпоху. Обобщеніе же Вайингера, подобно всѣмъ другимъ попыткамъ того же рода, даетъ нормы логическаго процесса развитія, которому съ теченіемъ времени подвергаются метафизическія системы, именно: историческая эволюція послѣднихъ ставится этимъ обобщеніемъ уже въ исключительную зависимость

отъ условій, которымъ обыкновенно подчиняется послѣдовательное или логическое мышленіе.

Но вникнемъ ближе въ истинное значеніе логическаго или, устраняя свойственную этому термину двусмысленность, психологическаго объясненія.

На психологію, какъ извѣстно, можно смотрѣть троякимъ образомъ. Съ огромнымъ большинствомъ современныхъ мыслителей ее можно признавать за абстрактную науку, непосредственно предшествующую соціологіи; съ Контомъ и позитивною школою ее можно разсматривать, какъ составную часть біологіи; наконецъ, не отрицая біологическаго характера основныхъ психическихъ фактовъ, въ огромной массѣ болѣе сложныхъ психологическихъ явленій и процессовъ можно видѣть предметъ конкретной науки, одновременно пользующейся для своихъ выводовъ законами, установленными въ двухъ абстрактныхъ наукахъ—въ біологіи и соціологіи. Изъ этихъ трехъ мнѣній, самое распространенное въ то же время и наиболѣе гипотетично: оно до сихъ поръ не могло быть подтверждено никакими положительными данными и держится, повидимому, главнымъ образомъ благодаря антропоцентрическимъ наклонностямъ большинства умовъ. Напротивъ, остальныя двѣ теоріи съ каждымъ днемъ завоевываютъ себѣ все больше и больше права на общее признаніе и все болѣе и болѣе провѣряются: одна—результатами анатомическихъ и патологическихъ наблюденій, а другая—путемъ этнографическихъ, филологическихъ и культурно-историческихъ изслѣдованій.

Какъ бы то ни было, впрочемъ, легко понять, что сторонники первыхъ двухъ взглядовъ на психологію не могутъ искать въ законахъ этой на-

уки исключительнаго объясненія развитія философіи, и въ то же время въ міровоззрѣніяхъ прошедшаго видѣть явленія не біологическаго или чисто психическаго, а соціологическаго порядка. Изъ этой дилеммы для нихъ нѣтъ и не можетъ быть другого выхода, кромѣ отрицанія соціологическаго характера разсматриваемыхъ фактовъ, или даже отрицанія соціологіи, какъ самостоятельной науки въ ряду отвлеченнаго знанія. Это вполнѣ очевидно; ибо въ противномъ случаѣ, т. е. если бъ, несмотря на признаніе и научной самостоятельности соціологіи, и соціологическаго значенія историческихъ фактовъ, совокупность которыхъ образуетъ то, что обыкновенно называется развитіемъ философіи, ученые, о которыхъ идетъ рѣчь, продолжали объяснять эти факты одними психологическими законами, они явно погрѣшили бы противъ одного изъ важнѣйшихъ требованій научнаго метода: они впали бы въ ошибку, которую совершаетъ химикъ, когда онъ объясняетъ химическую сторону явленій одними механическими или физическими свойствами матеріи, или біологъ, который для объясненія чисто біологическихъ процессовъ прибѣгаетъ къ однимъ законамъ физики или химіи (73).

Что же касается до сторонниковъ третьей гипотезы, до изслѣдователей, выставившихъ и стремящихся провѣрить предположеніе, въ силу котораго наиболѣе сложныя психологическія явленія должны быть разсматриваемы, какъ факты смѣшаннаго порядка, въ образованіи которыхъ участвуютъ преимущественно біологическія и соціологическія причины и которые, поэтому, могутъ быть успѣшно изучаемы лишь въ синтетической или конкретной наукѣ ad hoc,—то ихъ, очевидно, уже нельзя упрек-

нуть въ игнорированіи соціологическаго характера явленія, называемаго эволюціей философскихъ системъ. Они, стараются быть одинаково справедливыми и къ чисто біологической, и къ собственно соціологической сторонѣ психологическихъ процессовъ и продуктовъ. Требуя объясненія послѣднихъ въ предѣлахъ и методами конкретнаго знанія, они поступаютъ совершенно такъ же, какъ астрономъ, объясняющій „астрономически“ факты, имѣющіе не одни механическія свойства, или минералогъ, объясняющій спеціальными пріемами своей науки извѣстную группу явленій, въ которыхъ преобладаютъ физико-химическіе процессы, или зоологъ и ботаникъ, изучающіе строеніе и физіологическія отправленія животныхъ и растеній въ ихъ конкретной связи съ другими свойствами и явленіями въ природѣ.

Но можно ли развитіе метафизики или вообще философіи разсматривать, какъ фактъ конкретнаго или смѣшаннаго порядка, на который необходимо пролить одновременно свѣтъ и біологическихъ, и соціологическихъ отношеній и законовъ? На этотъ вопросъ мы склонны отвѣчать утвердительно. Такая гипотеза кажется намъ всего болѣе согласною съ суммою извѣстныхъ фактовъ. Трудно, дѣйствительно, оспаривать то, что въ каждую метафизическую систему входитъ, помимо соціологическихъ, и множество собственно біологическихъ или психо-физическихъ элементовъ: таковы, нѣкоторыя индивидуальныя иллюзіи, патологическія вліянія, идіосинкразіи всякаго рода и т. п. Мы думаемъ, поэтому, что рано или поздно, конкретное или біосоціологическое изслѣдованіе развитія философіи когда-нибудь да будетъ считаться наиболѣе совер-

шеннымъ способомъ изученія этого крайне сложнаго разряда фактовъ. Въ настоящую минуту, однако, примѣненіе такихъ пріемовъ кажется намъ еще преждевременнымъ. Если развитіе философіи есть явленіе смѣшаннаго, біо-соціологическаго порядка, то его конкретному изслѣдованію должно предшествовать тщательное изученіе его главныхъ составныхъ элементовъ въ соотвѣтствующихъ абстрактныхъ наукахъ. Но это невозможно, пока соціологическая сторона вопроса останется, по прежнему, погруженною въ глубокій мракъ. Разсѣять до нѣкоторой степени послѣдній—являлось такимъ образомъ первою, настоятельною необходимостью; въ эту сторону именно и была направлена наша попытка.

II. Психологическое объясненіе развитія философіи одинаково несправедливо въ отношеніи какъ психической, такъ и общественной стороны объясняемыхъ фактовъ. Это—простое описаніе процесса отвлеченія, которому такъ беззавѣтно предаются приверженцы всѣхъ метафизическихъ школъ; но такое описаніе не раскрываетъ ни біологическихъ, ни соціологическихъ причинъ или условій этого процесса. Вполнѣ вѣрно въ этомъ объясненіи только эмпирическое наблюденіе, служащее ему основаніемъ и состоящее въ томъ, что умъ человѣка въ своихъ философскихъ концептахъ, какъ и въ научныхъ, постоянно стремится все къ высшимъ и высшимъ отвлеченіямъ. Понятно, однако, что подмѣченный этимъ наблюденіемъ фактъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть возведенъ на степень общаго закона развитія философіи. Въ этомъ не трудно убѣдиться, допустивъ на минуту, что сумма

нашихъ знаній о природѣ оставалась неизмѣнною во все время, потраченное умомъ человѣка на переходъ отъ второй философской фазы къ послѣдней. Развѣ не очевидно, дѣйствительно, что, при такихъ условіяхъ, философствующій умъ непремѣнно остановился бы на добытыхъ имъ въ концѣ эволюціи результатахъ и не имѣлъ бы рѣшительно никакого побужденія возвратиться къ исходной точкѣ пройденнаго пути, къ опытнымъ даннымъ первой или положительной фазы? Психологическое объясненіе, слѣдовательно, прежде чѣмъ получить значеніе дѣйствительнаго объясненія соотвѣтствующихъ фактовъ, должно еще доказать, что умъ нашъ одаренъ особою внутреннею силою, дающею ему возможность усматривать, независимо отъ уроковъ опыта, собственныя иллюзіи и непрерывно подвигающею его такимъ образомъ на пути прогресса. Но подобная гипотеза не только ни на чемъ не основана, она прямо противорѣчитъ наиболѣе извѣстнымъ фактамъ. Возвращеніе къ опытнымъ даннымъ первой фазы развитія — какъ называетъ этотъ шагъ впередъ сенсуалистическая критика [1])— возвращеніе, знаменующее собою паденіе метафизики и появленіе на историческую сцену научно-философскаго міропониманія, не можетъ быть приписано собственному импульсу ищущаго истины ума, или голому созерцанію имъ метафизическаго нуля, къ которому его, наконецъ, приводитъ рядъ безсознательно совершенныхъ имъ грубыхъ методологическихъ промаховъ. Возвращеніе это, въ дѣйствительности, застаетъ данныя опыта, составляющія содержаніе науки, въ совершенно иномъ

---

[1]) См. далѣе, стран. 93.

положеніи, чѣмъ то, въ которомъ онѣ находились въ началѣ эволюціи. И вотъ это-то иное состояніе науки—а вовсе не тѣ отрицательные результаты, съ которыми, какъ показываетъ исторія, философы возились уже очень давно—и открываетъ позднѣйшимъ поколѣніямъ глаза на тщетность метафизическихъ усилій и ошибочность прежнихъ методовъ философствованія. Дѣйствительно, не говоря уже о такихъ міровоззрѣніяхъ, какъ философія Будды, которая процвѣтала цѣлыя тысячелѣтія, не породивъ ничего подобнаго научной философіи, развѣ теоріи Гегеля или Шопенгауэра, притомъ уже на нашихъ глазахъ, не разбились тотчасъ же о непреодолимыя препятствія, представившіяся имъ со стороны окончательно возмужавшаго и окрѣпшаго знанія? Исторія на каждомъ шагу свидѣтельствуетъ о несостоятельности чисто-психологическаго объясненія безконечной смѣны міровоззрѣній, и исторія не менѣе постоянно указываетъ на важную роль въ этой эволюціи общественныхъ факторовъ. Переходъ отъ метафизики къ научной философіи становится понятенъ только при помощи соціологическаго закона, объясняющаго такой переходъ, какъ постепенное вымираніе метафизики и медленное нарожденіе философіи наукъ. И тутъ, конечно, совершается правильная эволюція, но она исходитъ изъ ряда опытныхъ данныхъ, освѣщенныхъ позднѣйшею наукою, а не изъ ряда произвольныхъ и мистическихъ отвлеченій послѣдней фазы метафизики, который можетъ сохранить въ глазахъ мыслителя нѣкоторое значеніе только какъ рѣзкій, вполнѣ наглядный симптомъ упадка или истощенія всѣхъ прежнихъ способовъ объясненія міра.

III. Нельзя не замѣтить, впрочемъ, что не въ одномъ отвлеченіи, какъ бы далеко оно ни шло, кроется роковая ошибка метафизическаго мышленія. Напротивъ того, совершенно ясно, что полное отрицаніе „типовъ“ рода на томъ основаніи, что въ конкретной дѣйствительности существуютъ только „экземпляры“ рода, было бы осужденіемъ не столько метафизики, сколько всякаго научнаго процесса мысли. Не отвлеченіе, взятое само по себѣ, доводитъ метафизическое мышленіе до того заключительнаго ряда философскихъ воззрѣній, въ которомъ все сливается въ абсолютное небытіе, а отвлеченіе, неразрывно связанное съ гипотетическимъ утвержденіемъ исключительности того или другого типа рода (субстанцій второй фазы развитія), т. е. отвлеченіе отъ одной субстанціи, и игнорированіе или отрицаніе всѣхъ остальныхъ. Отвлеченіе, которое систематически не впадало бы въ послѣднюю ошибку, дало бы въ результатѣ одно лишь безразличное понятіе о бытіи, понятіе, которое, логически, есть едва ли не самое общее, а психологически, по замѣчанію Спенсера, есть „самое постоянное представленіе“, остающееся по отнятіи всѣхъ остальныхъ. Но такъ какъ къ дѣлу примѣшивается роковая односторонность, обусловливаемая незнаніемъ, то и небытіе конечной ступени метафизики является лишь естественною, логически неизбѣжною отплатою за матеріалистически, идеалистически или сенсуалистически понятое абсолютное бытіе непосредственно предшествующаго періода.

IV. Метафизическія школы никогда и никакъ не могли объяснить дѣйствительнаго міра явленій уже

потому, что онѣ никогда и никакъ не могли вывести его изъ своихъ отвлеченій, все болѣе и болѣе удалявшихся отъ конкретной дѣйствительности, или отъ ряда опытныхъ данныхъ первой фазы. Оттого всѣ философіи прошедшаго, несмотря на постоянныя усилія казаться міробъясненіями, были только формами мironепониманія, видами философіи незнанія. Какъ справедливо замѣчаетъ Вайингеръ[1]), верховное честолюбіе метафизики было всегда направлено на то, чтобы путемъ логической дедукціи вывести индивидуальное изъ общаго, измѣнчивое изъ постояннаго, множественное изъ единственнаго, различное и противоположное изъ сходнаго и тожественнаго, наконецъ относительное изъ абсолютнаго; но такая цѣль не могла быть и не была достигнута ни одною системой. „Не покидая прямой линіи логическаго заключенія, не допуская ни малѣйшаго уклоненія основныхъ доказательствъ въ ту или другую сторону“, говоря словами Эммануила Канта [2]), нельзя было изъ высшихъ рядовъ отвлеченій вывесть низшіе, или возстановить живую, конкретную реальность изъ голаго остова, который былъ предварительно выпрепарованъ изъ нея самою метафизикою. Это легко прослѣдить на главныхъ системахъ послѣдней, и притомъ какъ для матеріалистическаго, такъ и для идеалистическаго направленія (74).

Эту сторону вопроса психологическое объясненіе освѣщаетъ весьма удовлетворительно, вполнѣ подтверждая выводы, достигнутые нами другимъ

---

1) стр 440.

2) Traume eines Geistersehers erlautert purch Traume der Metaphysik.

путемъ и на другой почвѣ [1]). Но и въ этомъ отношеніи соціологическая теорія имѣетъ одно громадное преимущество: она объясняетъ всю метафизику, а не одну, хотя и бо́льшую часть ея—матеріализмъ и идеализмъ, какъ дѣлаетъ то теорія психологическая, составляющая результатъ сенсуалистической критики, которая, какъ мы уже знаемъ, уничтожаетъ матеріалистическую и идеалистическую метафизику, но не поражаетъ метафизики вообще. И схема Вайнгера есть не что́ иное, какъ схема раціональнаго сенсуализма, въ которую легко укладываются матеріализмъ и идеализмъ, но безъ очевидной натяжки не помѣщается сама сенсуалистическая философія. Главнѣйшіе сенсуалисты давно высказали краеугольныя положенія, на которыхъ основывается теперь психологическое объясненіе развитія философіи. По собственному признанію защитниковъ этой теоріи [2]), уже Локкъ круто повернулъ философію въ сторону опытныхъ данныхъ первой фазы. Ему принадлежитъ превосходное сравненіе философской „субстанціи“ съ той черепахой, на которой, какъ извѣстно, держится земля: отнимите эту черепаху, говоритъ онъ, и земной шаръ не провалится,—уберите изъ философіи субстанцію въ какой бы то ни было фазѣ ея развитія, и ни мысли наши, ни нравственные поступки не потеряютъ отъ этого ни одной іоты своей устойчивости. Другой сенсуалистъ, Юмъ, проводя параллель между міровою субстанціей Спинозы и представленіемъ о субъектѣ, на-

---

[1]) См. въ части первой главу, посвященную общей характеристикѣ метафизики.

[2]) Vaihinger, op. cit., стр. 429.

глядно объясняетъ, какъ понятіе объ абсолютномъ бытіи, о послѣднемъ тожествѣ идей и вещей должно было возникнуть подъ давленіемъ совершенно такихъ же мотивовъ, какіе привели къ образованію всѣхъ прочихъ субстанцій; онъ указываетъ и на то, что, постепенно отвлекая отъ предметовъ ихъ конкретныя свойства, мы мало-по-малу доходимъ до полнаго уничтоженія объективнаго міра и незамѣтно впадаемъ въ философскій нигилизмъ, въ которомъ концептъ „небытія“ является единственнымъ ключемъ къ познанію великой тайны вселенной [1]).

Конечно, сенсуализмъ избѣгаетъ отвлеченій и отъ чисто духовной, и отъ матеріальной субстанціи и потому, въ заключеніе очерченнаго выше параллельнаго процесса опорожненія дѣйствительности и истощенія философствующаго ума, не доходитъ ни до идеальнаго (абсолютное бытіе), ни до матеріальнаго (безкачественные, непротяжимые атомы) нуля или небытія; но за то, самъ того не замѣчая, сенсуализмъ предается такому же точно отвлеченію отъ субстанціи біологическаго или психо-физическаго происхожденія и характера, отъ факта или, вѣрнѣе, отъ понятія о воспріятіи, и гипостазируетъ это понятіе. Выдвигая впередъ рядъ опытныхъ данныхъ, сенсуализмъ имѣетъ въ виду раскрыть ошибочную точку исхода матеріализма и идеализма. Но не говоря уже о томъ, что и матеріализмъ часто прибѣгалъ къ той же точкѣ опоры въ своей борьбѣ съ идеализмомъ, сенсуалистическая философія, вырабатывая теорію непознаваемаго и при-

---

[1]) Treatise of human nature, I, IV, 5, Inquiry concerning the human understanding, XII, I.

давая ей значеніе не психологическаго только, а широкаго философскаго обобщенія, тѣмъ самымъ опять покидаетъ твердую почву фактовъ и, въ свою очередь, обращается въ метафизическую систему. Отсюда видно, что сенсуализмъ шелъ рука объ руку съ наукою только до тѣхъ поръ, пока имъ преслѣдовались чисто критическія цѣли; но въ своихъ положительныхъ стремленіяхъ, эта основная разновидность философіи прошедшаго была поставлена въ ту же необходимость опережать науку или, другими словами, искать истину собственнымъ, самостоятельнымъ путемъ, какую одновременно съ нею испытали и всѣ другія направленія метафизики. Законъ соотношенія между науками и философіей и законъ трехъ типовъ не оставляютъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Изъ тѣхъ же законовъ слѣдуетъ, что при другомъ состояніи нашихъ знаній не только сенсуализмъ, но и матеріализмъ и идеализмъ могутъ и даже должны постепенно утратить основныя черты, пріобрѣтенныя ими подъ давленіемъ историческихъ условій. По мѣрѣ того, однако, какъ будетъ происходить этотъ процессъ обезличенія и самоуничтоженія метафизики, подвинется впередъ и другой процессъ—окончательнаго перенесенія философскихъ вопросовъ и задачъ на почву опытныхъ данныхъ, провѣренныхъ всѣмъ рядомъ спеціальныхъ наукъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ФИЛОСОФІЯ ПРОШЕДШАГО И ГЕНЕЗИСЪ ФИЛОСОФІИ НАУКЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ФИЛОСОФІЯ ПРОШЕДШАГО И СУПРАНАТУРАЛИЗМЪ.

1. Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ и вѣроятной будущности трехъ умственныхъ итоговъ соціологической эволюціи: супранатурализма, метафизики и науки.—**2.** Постановка вопроса о супранатурализмѣ.—**3.** Супранатурализмъ, какъ философія давнопрошедшаго и какъ міропониманіе громаднаго большинства. Борьба народныхъ массъ съ высшими классами. — **4.** Единство міропониманія въ первобытныя времена и дуализмъ, смѣнившій это единство съ первыми проблесками цивилизаціи.—**5.** Взгляды Вольтера и Канта, Юма и Гоббса.—**6.** Современные взгляды.—**7.** Умственныя побѣды народныхъ массъ. Значеніе такихъ нивеллирующихъ реакцій.—**8.** Союзъ супранатурализма съ метафизикою. Схоластика, какъ общій, не чуждый и нашей эпохѣ фактъ исторіи мысли. Смѣшеніе субъективной необходимости съ объективною и его послѣдствія. — **9.** Конкретная психологія. Теологическая и метафизическая иллюзіи, какъ факты общественной эмбріологіи. Мнѣніе Ренана. —**10.** Историческій нигилизмъ XVIII-го вѣка и идеалистическая реакція XIX-го. Единомысліе руководящихъ философскихъ партій по вопросу о соціологическомъ значеніи вѣры въ сверхъестественное. Супранатурализмъ, какъ могущественное орудіе

соціальной дисциплины. Условія, при которыхъ такое міропониманіе является, напротивъ того, разлагающимъ началомъ. — 11. Дѣйствительныя и мнимыя, воображаемыя общественныя заслуги супранатурализма. Вѣра въ сверхъестественное, какъ средство проводить въ народную массу плоды высшей культуры. Отсутствіе рѣзкаго антагонизма между развитіемъ супранатурализма и научною эволюціей.—12. Условія, отъ которыхъ зависятъ высокія цивилизующія свойства супранатурализма.— 13. Законъ трехъ типовъ метафизики распространяется и на проявленія супранатурализма. Послѣдній, какъ зачаточный и элементарный идеализмъ. Объясненіе живучести идеалистическихъ системъ — 14. Анимизмъ и его спеціализація — антропоморфизмъ. — 15. Супранатуралистическій идеализмъ и новое объясненіе общаго значенія, въ развитіи философской мысли, трехъ главныхъ направленій метафизики.

1. Супранатурализмъ, метафизика, наука — эти результаты и высшія точки различныхъ фазъ человѣческой культуры—никогда еще, повидимому, не возбуждали въ умахъ такого глубокаго интереса, какъ въ настоящее время, въ эпоху появленія и быстраго роста системъ философіи, обновленной въ самомъ корнѣ своемъ колоссальными успѣхами положительныхъ наукъ за послѣднія триста лѣтъ. Въ этой области съ особенною силою сказывается потребность выбраться, наконецъ, изъ хаоса произвольно образованныхъ понятій и достигнуть порядка строго научныхъ опредѣленій. Повинуясь такому теченію, научно-философскія системы нашихъ дней все болѣе и болѣе отказываются преслѣдовать космогоническія задачи и, взамѣнъ того, выдвигаютъ впередъ рядъ предварительныхъ, частью методологическихъ, частью культурно-историческихъ вопросовъ, между которыми главное мѣсто принадлежитъ, безспорно, вопросу о взаимныхъ

отношеніяхъ и вѣроятной будущности этихъ трехъ крупныхъ итоговъ—одновременно и факторовъ — соціологической эволюціи: супранатурализма, метафизики, науки.

Въ продолженіе настоящей работы мы не теряли изъ виду этой серьёзной задачи современной философіи. Но до сихъ поръ мы, въ извѣстномъ смыслѣ, только собирали и разработывали логическій и историческій матеріалъ, безъ котораго немыслима правильная постановка относящихся сюда вопросовъ. Къ болѣе систематическому группированію послѣднихъ и къ формулированію имѣющихъ и практическое значеніе выводовъ мы не приступали. Этотъ пробѣлъ мы попытаемся пополнить теперь, въ послѣдней части нашего труда.

2. Начнемъ съ супранатурализма, или съ самаго древняго факта многовѣковаго и крайне сложнаго процесса развитія, нѣкоторые законы котораго мы старались установить въ предыдущемъ изложеніи. Здѣсь мы встрѣтимся съ такими существенными частностями занимающей насъ задачи, какъ точное опредѣленіе явленій супранатурализма и выясненіе ихъ соціологическаго значенія, какъ раскрытіе истиннаго отношенія между ними и явленіями метафизическаго порядка, а также между ними и фактами научнаго развитія (что̀ дастъ намъ возможность правильно поставить вопросъ о вѣроятной будущности супранатурализма); наконецъ, какъ справедливая оцѣнка безусловнаго отрицанія сверхъестественнаго во всей природѣ. Разсмотримъ же эти составныя части „супранатуралистической проблемы“ въ указанномъ сейчасъ порядкѣ.

I. Сущность явленій супранатурализма и ихъ соціологическое значеніе.

3. Если метафизика есть философія прошедшаго, то супранатурализмъ не можетъ быть опредѣленъ иначе, какъ философіей давнопрошедшаго.

При этомъ, какъ бы глубоко мы ни старались проникнуть въ даль временъ, оставившихъ по себѣ литературные памятники, мы вездѣ видимъ одно и то же явленіе: философія отражала въ себѣ міропониманіе—въ дѣйствительности, постоянное, безпокойное стремленіе къ пониманію міра, ко внесенію единства и гармоніи въ хаосъ явленій и понятій—отдѣльныхъ лицъ и классовъ, стоявшихъ, по своему досугу и порожденному этимъ досугомъ умственному развитію, на верхнихъ ступеняхъ общественной лѣстницы; а супранатурализмъ выражалъ собою тѣ же самыя стремленія, но уже низшихъ слоевъ или массы населенія. Супранатурализмъ, или философія давнопрошедшаго, былъ вездѣ, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и философіей громаднаго большинства.

Столкновеніе и борьба между различными частями общественнаго организма, — прямое выраженіе жизненности этого организма — происходили одновременно и на почвѣ внѣшнихъ фактовъ, и въ области отвлеченныхъ понятій; но и въ послѣднемъ случаѣ такой конфликтъ былъ, самъ по себѣ, фактомъ соціологическаго порядка. Это ясно видно на любомъ историческомъ примѣрѣ, взятомъ изъ этой области явленій. Такъ, іонійская школа и всѣ вообще греческіе философы VI-го вѣка были сравнительно счастливы въ своемъ упорномъ преслѣдованіи того, что̀ они считали грубыми народными

предразсудками; аристократическій строй іонійской колоніи служилъ имъ вѣрною защитою противъ неудовольствія массъ и его обыкновенныхъ послѣдствій. Но уже аѳинская школа и большинство философовъ V-го и IV-го вѣка расплачиваются личными гоненіями за смѣлость своей проповѣди. Преобладавшій тогда демосъ не терпѣлъ рѣзкаго противорѣчія своему міропониманію, —и Сократъ приговаривается къ отравленной чашѣ, Аристотель поспѣшно покидаетъ Аѳины, чтобы не подвергнуться той же участи; сочиненія Протагора сжигаются по приказанію выбранныхъ народомъ судей, и самъ онъ спасается бѣгствомъ; Анаксагоръ избѣгаетъ казни добровольнымъ изгнаніемъ и т. п. Тѣ же явленія повторяются и среди совершенно другихъ условій цивилизаціи; въ Индіи, напримѣръ, вслѣдствіе кастоваго устройства ея, образованные классы смѣло проповѣдываютъ абстрактный пантеизмъ, граничащій съ абсолютнымъ отрицаніемъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на фантастическія вѣрованія народной массы, и т. п.

Не иначе развивается этотъ идейно-общественный антагонизмъ и въ другія эпохи, и у другихъ народовъ. Онъ повинуется однимъ и тѣмъ же законамъ во всемъ прошедшемъ философіи. И въ теченіе всей новѣйшей исторіи столкновенія философскихъ системъ съ ученіями супранатурализма составляютъ простой отголосокъ глухой и упорной борьбы между различными общественными классами. Но одинаковыя причины производятъ всегда и одинаковые результаты: и на примѣрѣ свободныхъ мыслителей Англіи XVII-го вѣка и французскихъ энциклопедистовъ XVIII-го мы видимъ смягченное ушедшими впередъ общественны-

ми нравами повтореніе того, что въ VI-мъ и IV-мъ вѣкахъ до нашей эры имѣло мѣсто съ іонійской и аѳинской школами. Въ свободной, но аристократической Англіи XVII-го вѣка никто не думаетъ о пріобщеніи народа къ борьбѣ философскихъ мнѣній; напротивъ того, въ политически угнетенной, но уже демократической по своимъ нравамъ Франціи XVIII-го столѣтія первымъ проявленіямъ свободной мысли тотчасъ же противопоставляется фанатизмъ народной толпы [1]).

4. Что же происходило въ этомъ смыслѣ въ самомъ началѣ общественной эволюціи? Мы говоримъ, конечно, не о тѣхъ безконечно отдаленныхъ періодахъ, которые современная наука вынуждена принять для объясненія медленнаго образованія на земномъ шарѣ первыхъ зародышей общественности, а о сравнительно болѣе позднихъ эпохахъ, о которыхъ мы можемъ составить себѣ нѣкоторое, хотя и слабое, понятіе изъ аналогіи съ не совсѣмъ исчезнувшими и въ настоящее время обществами дикарей. Очевидно, что пока не было общественнаго распаденія на классы или сословія, не могло быть и раздѣленія единаго, по самому существу своему, міропониманія на міропониманіе болѣе просвѣщенныхъ единицъ, которое вскорѣ стало называться философіей (метафизикой), и на міропониманіе грубой массы—супранатурализмъ, къ которому изъ мотивовъ уже скорѣе чувства, а не разума, присоединялись (въ иныя времена стадно, а въ другія индивидуально) и личности высшихъ классовъ (75).

---

[1]) Ланге: Исторія матеріализма, томъ I, стр. 4.

Справедливость этого взгляда провѣряется и на тѣхъ эпохахъ, когда, по какимъ либо причинамъ, временно наступало общее умственное одичаніе съ его послѣдствіемъ—огрубѣніемъ нравовъ, какъ это случилось, напримѣръ, въ началѣ среднихъ вѣковъ; тогда, если не вовсе исчезала, то замѣтно сглаживалась, въ особенности на поверхности общественной жизни, двойственность соціологическаго характера, о которой мы говорили выше и которая безсознательно лежитъ въ основѣ обычнаго противопоставленія супранатурализма и философіи.

И потому, если справедливо, что „пониманіе міра, естественно господствующее въ самыхъ древнихъ періодахъ цивилизаціи, не возвышается надъ противорѣчіями дуализма и фантастическими формами олицетворенія природы“; если вѣрно, далѣе, что „первыя попытки, имѣвшія цѣлью освободить нашъ умъ отъ этихъ противорѣчій, избѣгнуть обыкновенныхъ иллюзій чувствъ и достигнуть систематическаго воззрѣнія на міръ“ и положили начало философіи; если справедливо, наконецъ, что философія была вовлечена въ неизбѣжную борьбу съ супранатуралистическими представленіями о природѣ, именно вслѣдствіе хаотическаго характера послѣднихъ и стремленія проснувшейся мысли къ единству и порядку [1]),—то не менѣе вѣрно и то, что мы имѣемъ здѣсь дѣло лишь съ чисто внѣшними отличіями, что и самый отсталый супранатурализмъ вноситъ уже значительную долю единства и гармоніи въ хаосъ представленій, возбуждаемыхъ конкретнымъ міромъ, что философія и вѣра въ сверхъестественное, однимъ словомъ, представля-

---

[1]) Lange; op cit., стр. 1—2.

ютъ собою только два, соціологически различно обставленные вида одной и той же умственной потребности, двѣ соприкасающіяся ступени въ одномъ и томъ же развитіи общественной мысли.

5. Этотъ взглядъ на сущность супранатурализма не новъ. Болѣе или менѣе сознательно и открыто высказывали его въ различныя времена множество философовъ. Вольтеръ и Кантъ были оба этого мнѣнія, — Вольтеръ, такъ часто повторявшій, что если бъ „сверхъестественной воли“ не существовало, ее слѣдовало бы выдумать, и Кантъ, требовавшій признанія существованія того же начала, какъ основы для практической морали. Если бъ Бэйль, вѣрившій въ возможность атеистическаго государства, говорилъ Вольтеръ, имѣлъ подъ своимъ управленіемъ только пять или шесть сотъ крестьянъ, онъ скоро рѣшился бы проповѣдывать идею сверхъестественнаго правосудія. Это простое практическое замѣчаніе было раздуто Кантомъ въ ту роскошную теорію о необходимости и пользѣ искать опоры для нравственной жизни въ началахъ, прямо отвергаемыхъ разумомъ, которая до сихъ поръ не перестаетъ возбуждать удивленіе тонкихъ цѣнителей высокихъ нелѣпостей метафизики, людей, обыкновенно проходящихъ съ закрытыми глазами мимо крупицы истины, содержащейся въ восхищающихъ ихъ парадоксахъ [1]). Но „безвыходныя, повидимому, противорѣчія, которыми Кантъ завершилъ свое ученіе и изъ-за которыхъ вдали виднѣ-

---

1) См. Strauss Voltaire — Sechs Vortrage, 1870, стр. 188; Hettner: Litteraturgeschichte des 18-ten Jahrhunderts, II, стр. 201, и Lange, op. cit., I, стр. 308, 310.

лись улыбающіяся черты его учителя Юма“ [1]), не были вовсе противорѣчіями ни для яснаго ума послѣдняго, ни для рѣшительной логики его предшественника Гоббса. Юмъ говоритъ просто и кратко, что „супранатурализмъ есть не что̀ иное, какъ форма—разумѣется, популярная—философіи [2]); а Гоббсъ характеризуетъ эту форму такъ: „традиціонный страхъ передъ невидимыми силами природы называется супранатурализмомъ, когда онъ поддерживается во имя государства; онъ называется суевѣріемъ, когда не имѣетъ оффиціальнаго происхожденія“ [3]) (76 и 77) [4]).

6. Супранатурализмъ есть философія „невѣдающей“ массы,—простая истина эта, которую уже древность понимала совершенно отчетливо, до сихъ поръ затемняется софизмами всякаго рода; но софизмы эти теперь менѣе, чѣмъ когда-либо, заслуживаютъ серьёзнаго опроверженія. Этнографія и первобытная исторія приходятъ здѣсь на помощь одинокому мыслителю и даютъ ему въ руки тысячи конкретныхъ доказательствъ строго научной точности приведенной выше краткой формулы. Современный соціологъ легко убѣждается въ томъ, что какъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, такъ и въ историческихъ аггрегатахъ ихъ, называемыхъ обществами, міропониманія вырабатываются крайне медленно. „Общіе концепты, говоритъ Эспинасъ,

---

1) Герценъ· Сочиненія; т. VIII, стр. 108

2) Т. IV, стр 171.

3) Leviathan, гл 6, стр. 45.

4) Большая часть примѣчаній къ этой и слѣдующимъ главамъ имѣютъ существенное значеніе.

долго пребываютъ въ умахъ, едва сознаваемые, и достигаютъ ясности и точности, отличающихъ высшія ступени сознанія, только послѣ цѣлаго ряда постоянно повторяемыхъ усилій и благодаря развитію языковъ... Значительное число народовъ еще не вышло изъ такого состоянія, а въ средѣ націй, достигшихъ философскаго развитія, огромныя соціальныя группы, вслѣдствіе своей неспособности къ обобщенію и отвлеченію, не имѣютъ еще иныхъ средствъ, помимо вѣры въ сверхъестественное, для пониманія своей судьбы и устройства своей жизни“ [1]). „Вѣра въ сверхъестественное и философія, говоритъ другой авторъ, — родныя сестры: онѣ проистекаютъ изъ одного источника; и та и другая выражаютъ какое нибудь общее пониманіе міра, и вся разница между ними состоитъ въ томъ, что первая представляетъ собою философію отсталую, или сдѣлавшуюся исключительнымъ достояніемъ массъ“ [2]).

7. Бываютъ, однако, какъ было замѣчено выше [3]), эпохи въ исторіи, когда народныя массы одерживаютъ не только физическія или нравственныя, но и чисто умственныя побѣды надъ руководящими классами — реакціи могучаго характера, которыя вихремъ сметаютъ вѣками накопившіяся различія и обломками ихъ быстро засыпаютъ всѣ пропасти чудовищно-неравномѣрной цивилиза-

---

[1]) Espinas La philosophie expérimentale en Italie, Введеніе, стр. 15.

[2]) Fritz Schultze· Philosophie der Naturwissenschaft, Leipzig. 1881—2.

[3]) См. выше, стр. 103.

ціи. Эпохи эти имѣютъ свои хорошія и свои дурныя стороны. Служа источникомъ обновленія въ томъ смыслѣ, въ какомъ можно считать обновленіемъ всякое возвращеніе къ исходнымъ точкамъ, всякое начатіе дѣла сызнова, періоды такого затмѣнія, въ общемъ ходѣ развитія человѣчества, довольно рѣдки,—и это, конечно, большое счастье. Когда наступаетъ подобный кризисъ, міропониманіе народныхъ массъ овладѣваетъ всѣми умами, и супранатурализмъ вступаетъ во всѣ права философіи — лучшее доказательство, въ глазахъ непредубѣжденнаго соціолога, внутренняго тожества этихъ двухъ факторовъ общественнаго развитія, непрерывно борющихся между собою именно и только вслѣдствіе того, что они преслѣдуютъ одну и ту же цѣль, а не наоборотъ, какъ силятся увѣрить насъ тѣ, кто мечтаетъ положить предѣлъ этой законной враждѣ какимъ-то полюбовнымъ размежеваніемъ между областью вѣры и областью философскаго изслѣдованія (78).

8. Но будучи родоначальною формою метафизики, первою ступенью философіи незнанія, супранатурализмъ не всегда открыто враждуетъ съ высшими формами той же философіи. Весьма часто, въ особенности когда онъ становится міросозерцаніемъ и болѣе развитыхъ слоевъ общества, супранатурализмъ не только заключаетъ временное перемиріе съ метафизикою, но и прямо вступаетъ съ нею въ тѣсный союзъ. Плодомъ этого сочетанія двухъ различныхъ видовъ философіи незнанія является схоластика, которая составляетъ въ этомъ смыслѣ фактъ весьма общій, проходящій черезъ всю исторію мысли и далеко не чуждый и на-

шей, столь кичащейся своимъ просвѣщеніемъ эпохѣ. Корень главныхъ заблужденій супранатурализма, метафизики и схоластики одинъ и тотъ-же: это—субъективная иллюзія, принимающая временную психологическую необходимость, какъ выражается Герингъ [1]), за необходимость постояннаго характера, лежащую въ самомъ объектѣ познанія. Гипотеза, выставляемая первоначально для объясненія наиболѣе достовѣрныхъ фактовъ и явленій, съ теченіемъ времени сама становится чѣмъ-то „непосредственно-извѣстнымъ", чѣмъ-то такимъ, что одно можетъ придать достовѣрность всякому знанію. Credo ut intelligam — говоритъ сначала вѣрующій, т. е. принимаю существованіе сверхчувственнаго міра, чтобы понять и объяснить себѣ существованіе міра чувственнаго. Но вскорѣ отношеніе это превращается въ прямо противоположное, и міръ чувственный является въ роли простого или случайнаго придатка къ міру сверхчувственному, условный и гипотетическій характеръ котораго уже окончательно забытъ и рѣзко отрицается. Разстояніе между этою точкой исхода и этимъ результатомъ проходится скоро; но оно само по себѣ—громадно, и лучшее понятіе о немъ даетъ характеристическій протестъ, крикъ боли и отчаянія, невольно вырывающійся изъ устъ сознательно вѣрующаго: credo, quia absurdum. Одинаковый, въ своихъ главныхъ признакахъ и въ своемъ конечномъ исходѣ, психозъ — если можно назвать такъ иллюзію, пережившую длинный рядъ человѣческихъ поколѣній и ставшую вполнѣ нормальнымъ явленіемъ—овладѣваетъ и умами метафизи-

[1]) См. наше примѣчаніе 78.

ковъ всѣхъ оттѣнковъ, отъ упрямаго догматика до податливаго скептика, которые всѣ одинаково начинаютъ съ безсознательнаго suppono, ut intelligam и кончаютъ безсмысленнымъ affirmo, quia absurdum.

9. Психологія, какъ конкретная наука, какъ результатъ соединенія біологическихъ изслѣдованій съ чисто соціологическими, въ настоящее время уже — нѣчто болѣе, чѣмъ простое desideratum будущаго [1]); такая психологія видимо получаетъ свое начало, свое практическое осуществленіе изъ рукъ тѣхъ самыхъ ученыхъ и мыслителей, которые, оставаясь на почвѣ теоріи, рѣзко отвергаютъ ея возможность или необходимость. Она медленно созидается изъ матеріаловъ, доставляемыхъ ей со всѣхъ сторонъ новыми и весьма популярными отраслями изслѣдованія: психологіей народовъ, дикарей, дѣтей, сравнительною этнографіей, наукою о религіяхъ, изученіемъ низшихъ общественныхъ организмовъ или древнѣйшихъ, до-историческихъ формъ соціальнаго быта и т. п. И вотъ эта-то психологія уже указываетъ на цѣлый рядъ духовныхъ явленій, присущихъ исключительно естественному, первобытному, необразованному уму.

Явленія эти [2]) раскрываютъ такую глубокую пропасть между методами мысли, свойственными культурному человѣку и способами мышленія, къ которымъ прибѣгаетъ естественный, некультивированный умъ, что изслѣдователю почти невозможно отрѣшиться отъ впечатлѣнія, что онъ имѣетъ тутъ

---

[1]) См. мою Соціологію, гл. X-ую.

[2]) Göring. Op cit., I, стр. 202, 203 и 209.

дѣло съ двумя различными разрядами законовъ или, такъ сказать, съ двумя психологіями, которыя не должны быть смѣшиваемы — низшею и высшею. Супранатуралистическія иллюзіи составляютъ типическія, во всѣхъ отношеніяхъ, проявленія первой, или низшей, психологіи. Продолжительнымъ существованіемъ своимъ онѣ обязаны исключительно общественнымъ условіямъ, поддерживающимъ и питающимъ указанный дуализмъ психо-соціальнаго характера. Но эти иллюзіи, сверхъ того, переживаютъ себя еще и въ иллюзіяхъ метафизики или философскихъ самообманахъ болѣе образованнаго меньшинства, имѣющихъ своимъ безсознательнымъ источникомъ тѣ же первобытные методы разсужденія, отъ которыхъ развитой человѣкъ освобождается только при помощи науки, и только пока онъ твердо стоитъ на ея почвѣ. Оба разряда иллюзій, поэтому, составляютъ факты, одинаково принадлежащіе общественной эмбріологіи (79).

Итакъ, если и можно согласиться съ мнѣніемъ Ренана, что „человѣкъ по инстинкту плететъ свои вѣрованія, какъ паукъ паутину“, то только относительно человѣка на извѣстной ступени развитія, обладающаго извѣстнымъ количествомъ познаній извѣстнаго качества. Супранатурализмъ есть потребность, покуда и поскольку онъ необходимость; переставая же быть необходимостью, онъ, подобно многимъ другимъ чертамъ и отличіямъ пройденныхъ фазъ развитія, перестаетъ быть и потребностью. Индивидуальный и общественный опытъ неоднократно подтверждали это, теоретически столь ясное, положеніе.

10. Все, что мы сказали до сихъ поръ въ этой

главѣ и все, что мы старались объяснить въ этой книгѣ, доказываетъ до очевидности, что супранатурализмъ есть очень крупное соціологическое явленіе, находящееся въ самой тѣсной связи и въ прямомъ взаимодѣйствіи съ многочисленными другими условіями общественной эволюціи. Историческій нигилизмъ XVIII-го вѣка, окончивъ свою необходимую работу, сошелъ со сцены. Въ область преданій отходитъ, въ свою очередь, и идеалистическая реакція, которую нашъ вѣкъ противопоставилъ матеріалистическимъ увлеченіямъ предшествовавшей ему великой эпохи. Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ вопросахъ, вѣсы исторической критики видимо начинаютъ приходить въ должное равновѣсіе. Явнымъ признакомъ наступившей перемѣны служитъ единогласіе въ вопросѣ о соціологическомъ значеніи супранатурализма, все болѣе и болѣе устанавливающееся между руководящими философскими партіями, матеріалистами, позитивистами, поборниками критическаго идеализма и т. д., и то почтительное уваженіе, которымъ всѣ эти группы стараются окружить—какъ историческія, такъ и современныя проявленія индивидуальной совѣсти (80).

Но въ этомъ отношеніи надо остерегаться и всякихъ преувеличеній. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что супранатурализмъ служилъ нѣкогда и, при наличности одинаковыхъ условій, можетъ и впредь служить могущественнымъ орудіемъ соціальной дисциплины. Но когда супранатурализмъ не соотвѣтствуетъ другимъ условіямъ общественнаго развитія, когда сумма знаній, напримѣръ, сильно переростаетъ его, онъ является наоборотъ, разлагающимъ началомъ. Правда, дѣйствіе послѣдняго

рода не только не приписывается ему, какъ хирургъ приписалъ бы разложеніе крови присутствію въ тканяхъ тѣла, неуподобляемаго болѣе или ставшаго постороннимъ организму, а приписывается его паденію, т. е. явленію, необходимо сопровождающему новыя условія. Но такой способъ выражаться можетъ быть логически терпимъ лишь постольку, поскольку подъ паденіемъ супранатурализма понимается именно то, что онъ сдѣлался постороннимъ тѣломъ, отъ котораго организмъ еще не успѣлъ освободиться. Полное удаленіе супранатуралистическихъ представленій изъ духовнаго организма отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ обществъ возможно лишь подъ условіемъ полной же замѣны этихъ концептовъ другимъ міросозерцаніемъ. Но тогда, какъ постоянно показываетъ опытъ, ничто не угрожаетъ болѣе ни внутреннему единству и гармоніи чувствъ и мыслей, которыя необ ходимы для счастія личности, ни внутреннему или нравственному порядку, которымъ держится всякое общежитіе.

11. Общественныя заслуги супранатурализма велики, но между ними надо различать дѣйствительныя отъ мнимыхъ. Дѣйствительны эти заслуги во всѣхъ отношеніяхъ для народныхъ массъ, стоящихъ на извѣстной, довольно низкой ступени культуры. Дѣйствительны онѣ—и на эту сторону дѣла мало обращали вниманія—еще и постольку, поскольку болѣе образованные классы проводятъ въ менѣе образованные, путемъ супранатуралистическихъ ученій, плоды другой, высшей культуры, имѣющей своимъ источникомъ или метафизику, или науку.

Супранатурализмъ, міросозерцаніе народа, со-

ставляетъ безподобное средство для пріобщенія народныхъ массъ къ завоеваніямъ ума въ совершенно чуждыхъ первобытному міровоззрѣнію областяхъ знанія и мысли. Всѣ болѣе совершенныя формы супранатурализма основаны и держатся на этомъ свойствѣ супранатуралистическихъ идей вообще — быть хорошими проводниками и носителями понятій и чувствъ, не имѣющихъ съ ними ничего общаго, если даже не прямо враждебныхъ имъ.

Такая отличительная черта супранатурализма, впрочемъ, принадлежитъ, повидимому, всѣмъ низшимъ формамъ духовнаго развитія по отношенію къ высшимъ; но эта сторона вопроса еще ждетъ своей разработки въ философской литературѣ. Въ послѣдней, и то крайне рѣдко, попадаются лишь общія указанія на то, что эволюція идей о сверхъестественномъ вмѣшательствѣ, въ главныхъ своихъ проявленіяхъ, была вовсе не такъ враждебна эволюціи научной, какъ обыкновенно думаютъ (81).

Но общественныя заслуги супранатуралистическихъ доктринъ бываютъ и мнимыя, воображаемыя. Мнимы эти заслуги во всѣхъ отношеніяхъ для высоко-культивированныхъ умовъ и для тѣхъ классовъ общества, которые стали причастны даже не научной, а высшей метафизической культурѣ. Послѣдняя нынѣ видимо проникаетъ въ нѣкоторыхъ странахъ въ самую толщу народную, преимущественно въ формѣ матеріалистическихъ и соціалистическихъ стремленій и теорій. Здѣсь роль супранатурализма уже сыграна, и самъ онъ является омертвѣлымъ органомъ, дальнѣйшее присутствіе котораго въ организмѣ можетъ быть только вреднымъ. Мнимы эти заслуги еще и тогда, когда разница между низ-

шими и высшими общественными слоями настолько уже сгладилась, что между ними можетъ быть установлено болѣе тѣсное, болѣе прямое общеніе,— когда для обогащенія народныхъ массъ выработанными досугомъ высшихъ классовъ началами общественности (которыя большею частью, хотя не научно, различаются какъ начала частной и общественной нравственности) нѣтъ уже надобности прибѣгать къ безнравственному, самому по себѣ, средству лицемѣрія въ области личныхъ убѣжденій или къ какому бы то ни было воздѣйствію на соотвѣтствующія представленія народа, къ какимъ бы то ни было попыткамъ развитія, обновленія или усовершенствованія старыхъ понятій и объясненій.

12. Однимъ словомъ, великія общественныя заслуги и достоинства, приписываемыя супранатурализму, вовсе не принадлежатъ ему самому, безотносительно, а зависятъ исключительно отъ наличности двухъ условій или обстоятельствъ. Первое изъ нихъ состоитъ въ томъ, что и супранатурализмъ есть міропониманіе и, какъ таковое, обладаетъ всѣми общественными свойствами міропониманій вообще; но этимъ и объясняется, почему эти свойства обращаются въ прямо противоположныя качества, какъ только супранатуралистическія гипотезы перестаютъ помогать общему объясненію природы. Второе условіе состоитъ въ томъ, что супранатурализмъ былъ и до сихъ поръ остается міропониманіемъ, превосходно приспособленнымъ къ низкому умственному уровню и ограниченнымъ потребностямъ огромнаго большинства членовъ каждаго человѣческаго общества. Какъ скоро, однако, такое приспособленіе становится не нужнымъ, быстро исче-

заютъ и всѣ высокія общественныя свойства супранатуралистическихъ ученій, какъ это неопровержимо доказывается примѣромъ отдѣльныхъ личностей и образованнаго меньшинства въ цивилизованныхъ обществахъ.

II Отношеніе супранатурализма къ метафизикѣ.

13. Опредѣленіе супранатурализма, какъ первой ступени въ эволюціи философской мысли, если опредѣленіе это вѣрно, вводитъ всѣ когда либо существовавшія объясненія міра дѣйствіемъ сверхъестественныхъ силъ въ обширный кругъ явленій, управляемыхъ закономъ трехъ типовъ метафизики и закономъ соотношенія между науками и философіей.

Но это, другими словами, значитъ, что въ то время, какъ послѣдній законъ содержитъ въ себѣ ключъ къ уразумѣнію истиннаго отношенія супранатурализма къ наукѣ, первый заключаетъ въ себѣ всѣ данныя для уясненія постояннаго отношенія супранатурализма къ метафизикѣ.

Согласно съ закономъ трехъ типовъ, супранатурализмъ можетъ быть только матеріалистическою, идеалистическою или сенсуалистическою односторонностью человѣческаго духа. Къ какой же изъ этихъ трехъ категорій метафизическаго мышленія должна быть отнесена эта основная разновидность первобытной философіи? На этотъ вопросъ, какъ намъ кажется, можно дать только одинъ отвѣтъ.

Супранатурализмъ былъ всегда и всегда останется идеализмомъ, болѣе или менѣе зачаточнымъ, элементарнымъ и несовершеннымъ, какъ идеализмъ всегда былъ и всегда останется болѣе или менѣе утонченною и роскошно развившеюся формою вѣ-

ры въ сверхъестественное. Въ правильности этого взгляда мы могли убѣдиться во всѣхъ случаяхъ, когда намъ приходилось говорить объ идеализмѣ и сравнивать его съ двумя другими типами философской мысли прошедшаго. Мы видѣли, между прочимъ, какъ близко подошелъ къ этому мнѣнію одинъ изъ величайшихъ философовъ новѣйшей эпохи, Юмъ [1]). Мы видѣли также, что глубокая внутренняя связь между супранатуралистическимъ міровоззрѣніемъ и идеалистическою метафизикою сказывалась уже на такихъ бьющихъ въ глаза фактахъ, какъ средневѣковая схоластика [2]), какъ занесеніе дуализма изъ теологіи въ метафизику, чрезъ посредство болѣе услужливыхъ системъ идеализма [3]), какъ пренебреженіе, съ которымъ и всякая теологія, и всякій послѣдовательный идеализмъ всегда относились къ „матеріальнымъ“ или „вторымъ“ причинамъ вещей, имѣвшимъ въ ихъ глазахъ значеніе простыхъ орудій единой идеальной причины.

Близкое родство съ супранатурализмомъ наполняетъ собою сплошь всю длинную лѣтопись мнимыхъ побѣдъ и дѣйствительныхъ крушеній идеализма. Даже высшее выраженіе послѣдняго, философія тожества (мысли и бытія), по справедливому замѣчанію Ланге [4]), имѣетъ чисто спиритуалистическое происхожденіе. И въ этомъ родствѣ лежитъ одна изъ глубокихъ причинъ жизненности, какую обнаружи-

---

[1]) См. ч. I, гл. пятая. «Эпоха расцвѣта сенсуализма», стр. 153; а также соч. Юма: «Natural History of religion» Т. IV. Собр. соч., стр. 443—4, 446—7.

[2]) См. ч. I, гл. вторая· «Идеализмъ», стр. 30—31.

[3]) Ibidem, стр. 41—42.

[4]) Op. cit, Т. 1. стр. 58.

вали до сихъ поръ идеалистическія системы. Въ продолжающемся вліяніи идеализма, этой сравнительно наименѣе совершенной формы метафизики, нельзя не видѣть, дѣйствительно, факта ничѣмъ не вытравимой наслѣдственности, постоянно вновь склоняющей умы къ принятію объясненій, глубокіе корни которыхъ лежатъ въ далекомъ прошедшемъ человѣчества [1]).

14. Современный супранатурализмъ и современный идеализмъ имѣютъ одинъ общій источникъ: переживаніе древнѣйшей ошибки человѣческой мысли, первороднаго, едва ли не до-историческаго заблужденія, извѣстнаго въ наукѣ подъ именемъ а н и м и з м а, или стремленія къ оживленію и одухотворенію внѣшней природы; заблужденіе это весьма скоро спеціализируется въ а н т р о п о м о р ф и з м ъ, въ стремленіе къ очеловѣченію и даже олицетворенію всѣхъ явленій. „Въ умственныхъ операціяхъ дикаря", говоритъ такой знатокъ этнографіи и психологіи первобытныхъ племенъ, какъ Тэйлоръ, „мы встрѣчаемся съ свойственнымъ ребенку состояніемъ мысли, въ которомъ прошедшее не отличается отъ будущаго, фактъ отъ вымысла, сонъ отъ бодрствованія и ночная тьма отъ дневнаго свѣта. Изъ этого умственнаго состоянія, на всемъ пространствѣ обитаемаго міра, возникъ глубокій, сосредоточенный въ себѣ спиритуализмъ, простиравшійся на всѣ разряды явленій и составившій фундаментъ, на которомъ были впослѣдствіи воздвигнуты высшія построенія мысли. Въ этомъ первона

---

[1]) F Schultze. P h i l o s o p h i e d e r N a t u r w i s s e n s c h a f t. Leipzig 1881.

чальномъ умственномъ состояніи, ассоціація идей царитъ вполнѣ и нераздѣльно. Не встрѣчая, до поры до времени, никакого отпора въ свидѣтельствахъ опыта, ассоціація эта порождаетъ тѣ призраки воображенія, которые наполняютъ собою всю жизнь дикаря и даютъ проникнуть струѣ безумія даже въ культивированные умы высшихъ расъ. Отъ поколѣнія къ поколѣнію, однако, медленно совершается извѣстнаго рода естественный подборъ, стремящійся къ изверженію негодныхъ и безцѣнныхъ элементовъ, къ сохраненію здоровыхъ и сильныхъ задатковъ развитія. Вильгельмъ Гумбольдтъ въ нѣсколькихъ словахъ выразилъ одинъ изъ величайшихъ законовъ нашей умственной исторіи: „человѣкъ“, говоритъ онъ, „начинаетъ всегда съ того, что ищетъ объясненія внѣшнихъ явленій въ области мысли... Первая идея его—та, что міръ управляется идеей“ [1]).

Итакъ, грубый фетишизмъ дикаря является настоящимъ первообразомъ всѣхъ формъ, до самыхъ утонченныхъ включительно, какія принимаетъ впослѣдствіи вѣра въ сверхъестественное, и всѣхъ видоизмѣненій, какія претерпѣваетъ столь родственная ей по существу идеалистическая метафизика (82). Но съ другой стороны, и послѣдняя, вмѣсто того, чтобы бороться съ первобытнымъ анимизмомъ—эта борьба была величайшею заслугою другой философской односторонности, матеріализма—только и дѣлала, въ теченіе долгихъ вѣковъ, что обновляла его, смягчала его рѣзкости и угловатости, придавала ему все болѣе неопредѣленныя и туманныя очер-

[1]) E. B. Tylor: лекція объ умственномъ состояніи первобытнаго человѣка.

танія. Въ этомъ смыслѣ идеализмъ, можетъ статься, даже прямо содѣйствовалъ развитію супранатуралистическихъ представленій (83).

15. Намъ остается прибавить очень немногое къ защитѣ тезиса о близкомъ родствѣ супранатурализма и идеалистической метафизики,—тезиса, который непосредственно вытекаетъ изъ правильнаго толкованія, при помощи фактовъ исторіи, закона трехъ типовъ. И это немногое будетъ само только добавочнымъ разъясненіемъ основного взгляда нашего на роль, принадлежащую, въ общемъ ходѣ развитія метафизической мысли, тремъ главнымъ ея направленіямъ.

Мы видѣли въ предыдущихъ главахъ, что чрезъ всю исторію философіи красною нитью тянутся три основныя гипотезы. Умъ человѣка, усвоивъ себѣ механико-физическую сторону явленій, ошибочно предполагаетъ, что ею исчерпывается вся сумма послѣднихъ. Точно также, усвоивъ себѣ—и притомъ скорѣе внутреннимъ чутьемъ, чѣмъ внѣшними средствами положительнаго знанія, помощью случайныхъ наблюденій—другую сторону міровыхъ явленій, событія и факты гиперорганическаго характера, человѣкъ одинаково предполагаетъ, что онъ овладѣлъ ключемъ къ уразумѣнію всѣхъ, безъ исключенія, явленій. Переходъ отъ одной изъ этихъ иллюзій къ другой, — чему соотвѣтствуетъ болѣе глубокое проникновеніе ума въ сферу органическихъ явленій и возведеніе этой сферы, въ свою очередь, на степень всеобъясняющаго начала, — порождаетъ, наконецъ, третью гипотезу и третью философскую иллюзію.

Но на истинное значеніе и на взаимныя отноше-

нія между собою матеріализма, идеализма и сенсуализма можно взглянуть еще инымъ образомъ, и взглядъ этотъ, исторически и соціологически вѣрный, нисколько не будетъ противорѣчить только-что изложенному объясненію. Именно, въ матеріализмѣ съ его отрывочными, но уже научными наблюденіями надъ внѣшнею природою и самыми общими и простыми ея свойствами, можно съ полнымъ правомъ видѣть преждевременную попытку прійти къ такому пониманію міра, которое, хотя въ нѣкоторой степени, заслуживало бы эпитета философіи положительнаго знанія. Матеріализмъ всегда стоялъ въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ къ отраслямъ знанія, раньше другихъ получившимъ научный характеръ; близость матеріализма къ точной наукѣ, — но не къ истинной философіи наукъ — не можетъ быть серьёзно оспариваема, какъ не можетъ подлежать серьёзному сомнѣнію и скороспѣлый, преждевременный характеръ его обобщительныхъ попытокъ. Съ другой стороны, въ идеализмѣ можно съ не меньшимъ правомъ видѣть простую реакцію, исторически вполнѣ законную и полезную, противъ самой преждевременности великаго дѣла, затѣяннаго матеріалистическою философіею и очевидно превышавшаго ея силы, приходившагося ей далеко не по плечу. Но всякая реакція, въ особенности когда она скорѣе постоянно сопровождаетъ ту или другую группу историческихъ фактовъ, чѣмъ слѣдуетъ за ними или только временно смѣняетъ ихъ, есть не что иное, какъ постоянная критика дѣломъ, примѣромъ, критика, которая въ своемъ увлеченіи весьма часто невольно становится каррикатурою того, противъ чего такъ горячо протестуетъ. По-

слѣднее и случилось съ идеализмомъ, многія системы котораго тѣмъ легче получили значеніе настоящихъ пародій на доктрины матеріализма, что въ то время, какъ ошибка матеріалистовъ состояла въ отожествленіи неизвѣстнаго цѣлаго міровыхъ явленій съ весьма небольшою, но уже научно-изслѣдованною частью ихъ,—ошибка идеалистовъ была еще грубѣе и непростительнѣе: она состояла въ странномъ смѣшеніи научно вовсе не изслѣдованной части міровыхъ явленій съ „искомою суммою“ этихъ явленій. Что касается, наконецъ, сенсуализма, то онъ и въ этомъ взглядѣ сохраняетъ значеніе видоизмѣненнаго матеріализма или неопредѣлившагося съ точностью идеализма; онъ и тутъ играетъ роль переходной ступени, безъ которой человѣческая мысль не могла обойтись уже потому, что она въ противномъ случаѣ весьма скоро постигла бы всю обманчивость двухъ противоположныхъ иллюзій своихъ и, въ частности, не дошла бы, въ идеалистическихъ построеніяхъ, до явной каррикатурности. Таково, мимоходомъ сказать, глубоко-отрицательное значеніе, принадлежащее всѣмъ попыткамъ сенсуализма построить теорію познаванія на общихъ началахъ философіи, въ полной независимости отъ соотвѣтствующихъ спеціальныхъ наукъ и въ особенности отъ успѣховъ психо-физическихъ изслѣдованій. Это домогательство было по меньшей мѣрѣ столь же преждевременно, какъ и погоня матеріалистовъ за всеобщимъ синтезисомъ явленій.

Но если, со многими безпристрастными историками философіи, принять этотъ взглядъ на идеализмъ, какъ на могучую умственную реакцію (психическую въ своемъ источникѣ, соціальную въ

своихъ дѣйствіяхъ), вызванную стремленіемъ матеріализма создать философію наукъ внѣ условій, въ которыхъ только и возможна такая философія, то за идеализмомъ нельзя будетъ не признать и обычныхъ свойствъ всѣхъ психическихъ и соціальныхъ реакцій; а между ними едва ли не главное мѣсто принадлежитъ свойству имѣть нѣкоторые, если не всѣ свои корни въ состояніи, непосредственно предшествовавшемъ явленію или группѣ, аггрегату явленій, противъ котораго направлено реагирующее дѣйствіе. Въ занимающемъ насъ случаѣ, состояніемъ, непосредственно предшествовавшимъ преждевременнымъ усиліямъ матеріализма обнять въ одной краткой научной формулѣ весь видимый міръ, было господство супранатуралистическаго пониманія этого міра. Итакъ, крѣпкая внутренняя связь, соединяющая между собою всякій супранатурализмъ и всякую идеалистическую метафизику, ясно обнаруживается и съ той новой и популярной точки зрѣнія, съ которой мы только что взглянули на внутреннюю борьбу метафизическихъ идей и направленій (84).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ФИЛОСОФІЯ ПРОШЕДШАГО И СУПРАНАТУРАЛИЗМЪ. *(Окончаніе).*

1. Будущность супранатурализма.—2. Два теченія мнѣній. Связь одного изъ нихъ съ сенсуалистическою теоріей познаванія. — 3. Двѣ коренныя ошибки въ постановкѣ вопроса.— 4. Соціологическіе элементы задачи.—5. Перенесеніе вопроса на несвойственную ему почву и послѣдствія такого заблужденія.— 6. Мнимое упрощеніе задачи и невозможность ея полнаго разрѣшенія въ одномъ какомъ-нибудь смыслѣ. — 7. Значеніе общаго научнаго закона. Законъ соотношенія и вытекающія изъ него исторпческія обобщенія. Приложеніе къ вопросу о будущности супранатурализма. — 8. Постепенное ограниченіе сферы общественнаго дѣйствія супранатуралистическихъ доктрпнъ и постепенный упадокъ ихъ значенія.—9. Другія стороны проблемы.—10. Перестановка элементовъ вопроса. Патологическія и нормальныя явленія въ жизни человѣческихъ обществъ.—11. Общественныя условія, дѣлающія возможными и необходимыми появленіе и существованіе такихъ сложныхъ продуктовъ духовной жизни народовъ, какъ супранатуралистическія ученія.—12. Замѣчательный паралогизмъ.—13. Условія, способствовавшія его образованію. Непровѣряемыя иллюзіи. — 14. Источники супранатуралистическихъ гипотезъ. — 15. Вліянье наслѣдственности, подбора, ассоціаціи представленій и т. п. основныхъ условій эволюціи общественныхъ организмовъ. Иллюзія скептиковъ и свободныхъ мыслителей нашей эпохи.—16. Приспособленіе личности къ соціальной средѣ и послѣдней къ средѣ физической, какъ двоякій источникъ нравственныхъ началъ. Отожествленіе этихъ началъ съ супранатуралистическими идеями. Смѣшеніе области сверхъестественнаго съ областью вѣры и идеализаціи дѣйствительности.—17. Занимающая насъ проблема, какъ задача психо-

соціальной механики —18. Вѣра науки и вѣра въ науку. Вѣра, какъ настоятельная потребность человѣческаго духа. Правильное направленіе этой потребности и истинный смыслъ нашего предложенія объ устраненіи гипотезы изъ области философіи. Теорія супранатуралистическихъ вѣрованій и исторія ихъ.—19. Совпаденіе нашихъ выводовъ съ выводами эволюціонизма.—20. Отрицаніе сверхъестественнаго, какъ точка исхода всякой метафизики. Отрицаніе и научная философія.—21. „Непознаваемое" философіи и „непознаваемое" супранатурализма. „Непознаваемое" науки —22. Близкое родство между отрицаніемъ сверхъестественнаго, всѣми видами метафизическаго теизма и пантеизма и теоріей непознаваемаго. Двойные софизмы и двойныя гипотезы.—23. Эмпирическіе и произвольные, непровѣряемые элементы общей гипотезы, лежащей въ основѣ ученій о непознаваемомъ и метафизическаго отрицанія сверхъестественнаго. Историческая форма этого отрицанія.

III. Будущее супранатурализма. (Отношеніе его къ наукѣ).

1. Судьба науки всегда обусловливаетъ судьбу философіи: но изъ того, что супранатурализмъ есть одна изъ формъ философіи, само собою слѣдуетъ, что общій законъ соотношенія между наукою и философіей обнимаетъ собою, какъ частный случай, и всю сумму фактовъ общественнаго характера, въ которыхъ выражается взаимодѣйствіе супранатуралистическихъ вѣрованій и научныхъ познаній каждой эпохи.

Супранатурализмъ является дѣятельнымъ факторомъ соціальной жизни, глубоко вліяющимъ на весь строй ея или, другими словами, составляетъ ж и в о е міропониманіе только до тѣхъ поръ, пока изъ совокупности научныхъ знаній не выработалось какое нибудь другое пониманіе природы и человѣка. Съ другой стороны, супранатурализмъ сохраняетъ дѣйствительную силу и значеніе, только въ тѣхъ общественныхъ наслоеніяхъ и груп-

пахъ, въ которыхъ по причинамъ, несомнѣнно имѣющимъ общественное же происхожденіе и характеръ, процессъ образованія научныхъ понятій, ведущій къ постоянной замѣнѣ одного міропониманія другимъ, не получилъ надлежащаго развитія (85).

Таковъ прямой выводъ изъ закона соотношенія между наукою и философіей, и таково общее и вмѣстѣ съ тѣмъ существенно условное рѣшеніе вопроса о вѣроятной будущности супранатурализма въ человѣческихъ обществахъ.

Послѣдній вопросъ, однако, настолько интересенъ и теоретически, и въ практическомъ отношеніи, что на немъ стоитъ остановиться, — хотя бы только для разъясненія, почему онъ такъ часто ставится неправильно сторонниками его безусловнаго разрѣшенія въ томъ или другомъ, положительномъ или отрицательномъ смыслѣ.

2. Два теченія мнѣній особенно замѣтны въ этомъ спорѣ. Защитники обоихъ мнѣній одинаково признаютъ, что супранатуралистическія представленія прямо противорѣчатъ научной истинѣ и являются простыми иллюзіями ума въ безпокойномъ поискѣ его за сокровенною сущностью вещей. Но въ то время, какъ одни утверждаютъ, что дальнѣйшее существованіе этого противорѣчія ничѣмъ не оправдывается и что иллюзія сверхъестественнаго быстро идетъ по пути, ведущему къ ея совершенному исчезновенію, другіе возражаютъ, что противорѣчіе это составляетъ коренную потребность человѣческой природы, что сохраненіе такой иллюзіи во всѣ времена вполнѣ обезпечено чисто психологическими мотивами. Тезисы эти, несмотря на

общность точки исхода, взаимно исключаютъ другъ друга. Разсмотримъ же ближе нѣкоторые аргументы, на которые опираются поборники каждаго изъ нихъ.

Первый тезисъ принадлежитъ преимущественно матеріализму и родственнымъ ему ученіямъ. Мыслители этого лагеря высказываютъ твердое убѣжденіе, что въ свободномъ обществѣ будущаго не останется мѣста ни для супранатурализма, ни для какого-бы то ни было внѣшняго проявленія его; второй міровой періодъ будетъ „эрою безъ сверхъестественнаго“ въ полномъ смыслѣ слова. Нравственность окончательно порветъ всякую связь съ супранатурализмомъ и, благодаря успѣхамъ знанія, вернется къ своему настоящему источнику — общественности. Внутреннее, психическое вліяніе всякаго культа будетъ признаваться самообманомъ, влекущимъ за собою, въ большинствѣ случаевъ, только вредныя послѣдствія. Нравственность, даже когда она самымъ слабымъ образомъ связана съ вѣрою въ сверхъестественное, неизбѣжно подвергается растлѣвающему дѣйствію послѣдней; „трансцендентный ужасъ“ заражаетъ еѐ своимъ ядомъ, и она начинаетъ осуждать такія „естественныя стремленія“, которыя сами по себѣ въ высшей степени полезны и для индивидуума, и для общества. Супранатурализмъ въ этомъ смыслѣ есть нѣчто „нечеловѣческое“, проекція въ нашемъ разумѣ наиболѣе несчастныхъ условій общественности, среди которыхъ когда-либо приходилось жить человѣчеству. Но широкое распространеніе во всѣхъ классахъ общества умственной культуры разсѣетъ этотъ неестественный миражъ и сдѣлаетъ навсегда невозможнымъ возвращеніе къ этому роковому заблужденію. Человѣкъ обратится исключительно къ человѣку, къ себѣ по-

добному; къ природѣ же онъ отнесется въ духѣ изслѣдованія, съ стремленіемъ истолковать ее, но отнюдь не со страхомъ, мольбою или другими антропопатическими чувствами и дѣйствіями. Напряженность жизненныхъ ощущеній возвысится въ той мѣрѣ, въ какой они успѣютъ освободиться изъ мертвой петли супранатуралистическихъ химеръ. Жизнь получитъ, практически, цѣну сама по себѣ, какъ, теоретически, міръ найдетъ смыслъ въ себѣ одномъ. Супранатуралистическую метафизику замѣнитъ философія, основанная на разумномъ созерцаніи міровыхъ процессовъ и уже дитя будетъ знать, что „такъ называемое абсолютное лежитъ у него подъ ногами". „Универсальный аффектъ", или „односторонне-субъективное настроеніе, испытываемое отдѣльною личностью подъ вліяніемъ всей суммы ощущеній и опытовъ, которыми внѣшній міръ постоянно снабжаетъ человѣка",—аффектъ, лежащій на глубокомъ психическомъ днѣ нашихъ философскихъ стремленій, получитъ впервые нормальное, правильное развитіе; мистическіе элементы этого настроенія отойдутъ въ область далекихъ преданій, и для всѣхъ станетъ ясно, что и супранатурализмъ въ чистомъ видѣ, и метафизическій мистицизмъ всегда были лишь патологическими извращеніями вполнѣ законнаго и плодотворнаго стремленія духа къ внутреннему единству въ пониманіи явленій[1]) (86).

Другое значеніе придаютъ супранатурализму сторонники мнѣнія, по которому этой доктринѣ принадлежитъ не одно прошедшее, но и все безпредѣльное будущее человѣчества. Они видятъ въ

---

[1]) Vaihinger: Hartmann, Duhring und Lange, ein kritischer essay, стр. 16 и 162—164. (Философія Дюринга).

супранатурализмѣ нѣчто вполнѣ нормальное, фактъ не психо-патологическаго, а психо-физіологическаго порядка. Защитниками этого тезиса являются теперь преимущественно послѣдователи научно-философскаго идеализма, прямые наслѣдники критицизма Канта и сенсуализма Юма. Супранатурализмъ,—утверждаютъ мыслители этого лагеря, — имѣетъ своимъ источникомъ ту же объединяющую, ту же „устраняющую противорѣчія“ способность человѣческаго духа, которая властвуетъ въ искусствѣ и въ метафизикѣ. Супранатурализмъ не преслѣдуетъ нравственныхъ цѣлей, и потому можетъ одинаково и служить этическому прогрессу, и санкціонировать своими ученіями самую чудовищную безнравственность. Но если съ теченіемъ времени между областью сверхъестественнаго и областью этики и устанавливается, такъ или иначе, извѣстное отношеніе, то между первою и наукою уже рѣшительно нѣтъ и не должно быть никакого соединительнаго моста. Супранатурализмъ никогда не можетъ быть знаніемъ; онъ не можетъ быть и простымъ продуктомъ чувства; онъ всегда—плодъ свободнаго творчества духа. Прикосновеніе трезваго знанія къ ученіямъ о сверхъестественномъ неминуемо влечетъ за собою ихъ извращеніе и упадокъ. Искусство, супранатурализмъ и метафизика принадлежатъ къ одной и той же категоріи психическихъ фактовъ: они не имѣютъ ничего общаго съ наукою. Подобно другимъ созданіямъ фантазіи, миѳы и догматы супранатурализма суть простые образы и символы. Истина, на исключительное обладаніе которою они заявляютъ притязаніе, носитъ всегда глубоко субъективный характеръ.

Коренясь первоначально въ чувствѣ зависимости,

о которомъ говоритъ Шлейермахеръ, и почерпая новыя силы въ „трагическомъ потрясеніи“, которое, по мнѣнію Ланге, неизбѣжно сопровождаетъ вѣру въ сверхъестественное, какъ непосредственное дѣйствіе ея, супранатуралистическое чувство, въ концѣ концовъ, составляетъ обычную и болѣе или менѣе добровольную иллюзію человѣческаго ума. Супранатурализмъ не можетъ жить безъ миѳовъ и догматовъ; но послѣдніе, переступая границы дѣйствительности и противорѣча наукѣ, лишены всякаго объективнаго значенія; мириться съ существованіемъ догматовъ можно лишь изъ-за чисто этическихъ побужденій, какъ съ существованіемъ миѳовъ можно или должно мириться изъ-за побужденій эстетическихъ. Рядомъ съ „психологіей безъ души“ возникаетъ, такимъ образомъ, „супранатурализмъ безъ вѣры въ сверхъестественное“ — единственно возможная въ будущемъ форма этой потребности нашего духа. Однимъ словомъ, въ этомъ будущемъ, которое отчасти осуществляется уже теперь, можно и должно будетъ сохранить и супранатурализмъ, и метафизику; но подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ—не вѣрить ни въ то, ни въ другое, и смотрѣть на соотвѣтствующія идеи, какъ на идеалы, не оправдываемые дѣйствительностію, а живущіе въ насъ самихъ и доставляющіе намъ чисто субъективное удовлетвореніе. Въ супранатурализмѣ не должно оставаться мѣста ни для какого другого начала, кромѣ начала свободнаго творчества [1]).

Тѣсная связь, соединяющая это рѣшеніе задачи съ сенсуалистическою теоріей познаванія, бросается въ глаза. Идея чисто субъективнаго существованія

[1]) H. Vaihinger, Op citat., стр. 191—193 (философія Ланге).

идеаловъ, которымъ, тѣмъ не менѣе, придается такое значеніе, будто имъ соотвѣтствуетъ нѣчто реальное и объективное, перестаетъ быть явною несообразностью подъ однимъ лишь условіемъ: если принять всѣ тонкія различенія, ограниченія и непровѣренныя гипотезы сенсуалистической психологіи. Такая идея могла возникнуть только на метафизической почвѣ теоріи непознаваемаго. Эта теорія прямо ведетъ къ заключенію, что человѣкъ нуждается и всегда будетъ нуждаться въ дополненіи себя самого и окружающаго его реальнаго міра другимъ міромъ, фантастическимъ, чисто идеальнымъ, въ созданіи котораго принимаютъ участіе высшія и благороднѣйшія функціи духа. Надъ ничтожными, вѣчно неудовлетворительными результатами положительнаго знанія духъ можетъ и долженъ возвыситься творчески въ поэзіи отвлеченныхъ понятій, называемой философіей, и въ поэзіи миѳовъ и символическихъ образовъ, которую можно назвать супранатурализмомъ. И тотъ, и другой видъ поэзіи имѣетъ строго „междусубъективное“ значеніе; но въ то время, какъ философія держится ближе къ реальной, научной дѣйствительности и старается пополнить ея пробѣлы логическими построеніями, сохраняющими внѣшнее, по крайней мѣрѣ, сходство съ объясненіями науки,—супранатурализмъ не заботится ни объ этомъ сходствѣ, ни о близости къ даннымъ науки, и стремится къ той же цѣли, что и философія, прибѣгая къ болѣе простому, менѣе условному, болѣе доступному всѣмъ и каждому и, въ концѣ концовъ, едва ли не болѣе дѣйствительному средству: къ созданію миѳовъ.

Все внутреннее значеніе метафизическихъ системъ и супранатуралистическихъ ученій заключается не

въ нихъ самихъ, не въ основѣ ихъ, покоящейся всегда на самообманѣ, а въ этическомъ смыслѣ, въ художественной гармоніи, въ архитектоническомъ совершенствѣ ихъ. Но отсюда слѣдуетъ, что философія не должна стремиться къ полному замѣщенію супранатурализма. Въ такомъ вытѣсненіи болѣе простой формы спекулятивнаго творчества формою болѣе сложною не предстоитъ никакой надобности. Обѣ формы прекрасно уживаются рядомъ, и не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что и та, и другая, заключивъ тѣсный союзъ съ искусствомъ въ обычномъ смыслѣ слова, будетъ и впредь посвящать свои силы облегченію тягостей земнаго существованія и такому нравственному очищенію и укрѣпленію человѣка, которое можетъ быть достигнуто лишь субъективнымъ успокоеніемъ его въ мірѣ вѣчно-цвѣтущихъ и гармонически-согласованныхъ между собою идеаловъ [1]).

3. Но оставимъ пока въ сторонѣ — мы разсмотримъ ее въ своемъ мѣстѣ — теорію внутренняго тожества эстетическаго и чисто спекулятивнаго творчества, и обратимся исключительно ко взглядамъ на будущность супранатурализма, которые раздѣляютъ въ настоящую минуту мыслителей на два противоположныхъ стана. Что̀, въ концѣ концовъ, суждено увидѣть грядущимъ поколѣніямъ: постепенный ли упадокъ и исчезновеніе супранатуралистическихъ идей и вѣрованій, или безпрерывное возрожденіе ихъ въ безконечномъ рядѣ новыхъ формъ?

---

[1]) I b i d e m , стр. 20 и 27.

Обычная постановка этого вопроса скрываетъ въ себѣ двѣ, рѣдко замѣчаемыя ошибки. Первая заключается въ предположеніи, что вопросъ о будущности супранатурализма можетъ быть рѣшенъ только въ одномъ смыслѣ; вторая состоитъ въ почти совершенномъ игнорированіи соціологическихъ элементовъ задачи и въ разрѣшеніи ея помощью чисто философскихъ соображеній, т. е., въ сущности, помощью того скуднаго матеріала, какой могутъ доставить философіи предвзятыя теоріи интроспективной психологіи.

4. Послѣдняя ошибка имѣетъ особенную важность. Внимательное разсмотрѣніе ея обнаруживаетъ, къ тому же, что она всегда тѣсно связана съ ошибкою перваго рода и неизбѣжно приводитъ къ ней.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что вопросъ о будущности супранатуралистическихъ идей есть вопросъ существенно соціологическій. Однимъ изъ важнѣйшихъ послѣдствій общежитія являются общія вѣрованія, общія въ томъ смыслѣ, что они направлены на одинаковое объясненіе окружающаго міра значительными группами людей. Союзъ послѣднихъ на почвѣ вѣры въ сверхъестественное, подобно всякому другому виду духовнаго единенія, является однимъ изъ средствъ, самопроизвольно употребляемыхъ соціальнымъ организмомъ для увеличенія внутренняго общенія своего или сплоченности. Узы этого рода не служатъ, однако, источникомъ, откуда беретъ свое начало человѣческое общество; напротивъ, все, что мы знаемъ о первыхъ проявленіяхъ общественности, громко свидѣтельствуетъ о производномъ характерѣ теоло-

гической, а впослѣдствіи и метафизической связи, или о томъ, что и та, и другая были слѣдствіемъ потребности, которую человѣческое общество ощутило сравнительно поздно. Но не одно происхожденіе супранатуралистическихъ ученій и метафизическихъ системъ находится въ тѣсной зависимости отъ условій общественнаго быта и развитія; вся дальнѣйшая судьба этихъ сложныхъ явленій отмѣчена тѣмъ же, чрезвычайно важнымъ для соціолога, признакомъ. Историческое преемство поколѣній и примыкающія къ нему явленія наслѣдственности съ одной стороны, общественное расчлененіе или необходимое распаденіе общества на неоднородныя части съ другой, не говоря уже о менѣе крупныхъ и замѣтныхъ процессахъ общественной эволюціи,—все это постоянно воздѣйствовало на супранатуралистическія ученія и метафизическія системы; всѣмъ этимъ, самымъ очевиднымъ образомъ, обусловливались общій ходъ ихъ и особенности развитія, медленный ростъ или быстрое процвѣтаніе, упадокъ и различныя, постигшія ихъ, измѣненія. Историческая преемственность обезпечиваетъ продолжительное существованіе этихъ умственныхъ построеній, возможность ихъ передачи отъ поколѣнія къ поколѣнію; наслѣдственностью объясняется переживаніе ими эпохъ наиболѣе благопріятныхъ для нихъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій; разнородный составъ общества, наконецъ, вызываетъ и поддерживаетъ борьбу ихъ между собою и съ другими формами философскаго сознанія, заранѣе опредѣляя главнѣйшіе моменты этой борьбы и ея многочисленныя превратности. Но мы не скоро кончили бы, если бъ захотѣли перечислить всѣ общественныя вліянія, которыя, безконечно

осложняя другъ друга, придаютъ исторіи супранатурализма и метафизики значеніе одной изъ наиболѣе важныхъ составныхъ частей исторіи общественнаго развитія вообще ..

Въ большинствѣ случаевъ, впрочемъ, такой взглядъ на истинную природу занимающихъ насъ здѣсь явленій никѣмъ серьезно и не оспаривается. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобы современные ученые и философы могли сомнѣваться въ цѣлесообразности изученія этихъ фактовъ въ тѣсной связи со всѣми другими общественными явленіями, или могли смотрѣть на вопросъ о будущности супранатурализма, какъ на задачу, глубоко чуждую прикладной соціологіи. Но почему же, въ такомъ случаѣ, мыслители эти пытаются разрѣшить эту задачу преимущественно или даже исключительно при помощи данныхъ абстрактной и, слѣдовательно, индивидуальной психологіи?

5. Мы думаемъ, что объяснить это кажущееся противорѣчіе не трудно. Философы, о которыхъ идетъ рѣчь, повидимому, глубоко убѣждены въ томъ, что, обращаясь къ чисто психологическимъ аргументамъ въ соціологическомъ вопросѣ, они не покидаютъ почвы общественной науки. Мыслители эти, очевидно, раздѣляютъ еще обычный взглядъ на общественныя явленія, по которому сущность послѣднихъ сводится почти цѣликомъ къ фактамъ индивидуальной психологіи и сама наука объ обществѣ является лишь особенно важнымъ прикладнымъ развитіемъ началъ, изслѣдуемыхъ отвлеченною наукою о человѣческомъ духѣ. Они, однимъ словомъ, впадаютъ въ основное методологическое заблужде-

ніе, которое мы старались опровергнуть въ нашей книгѣ о соціологіи [1]).

Вопросъ о будущей судьбѣ супранатуралистической иллюзіи не перестаетъ, въ ихъ глазахъ, быть вопросомъ общественнымъ по преимуществу; но именно по этой причинѣ полное и, такъ сказать, принципіальное разрѣшеніе его имъ кажется достижимымъ лишь средствами интроспективной психологіи. И вотъ, какъ естественное послѣдствіе такого убѣжденія, въ постоянно вновь возгорающихся спорахъ о вѣроятной будущности супранатурализма, на первый планъ, въ прямой ущербъ остающейся въ тѣни соціологической сторонѣ вопроса, выступаютъ безконечныя разсужденія о присущихъ, будто бы, духовному организму человѣка наклонностяхъ и свойствахъ, какъ-то: стремленіи выйти изъ границъ опытнаго знанія, влеченіи къ чудесному, непонятному и т. п. Хуже всего, однако, то, что разсужденія эти, заполоняя мало-по-малу поле изслѣдованія, мѣшаютъ возникнуть другому вопросу, имѣющему уже дѣйствительно принципіальное значеніе: не составляютъ ли указываемыя свойства и потребности—которыя настолько сложны, что объясненіе ихъ однимъ вліяніемъ физіологическихъ процессовъ явно невозможно—прямого результата многовѣковаго воздѣйствія на умственную организацію человѣка огромной массы соціологическихъ причинъ? И нельзя ли, поэтому, попытаться замѣнить изслѣдованіе степени постоянства той или другой фактически существующей потребности нашего духа—въ данномъ случаѣ, напримѣръ, потребности обманывать себя

[1]) Соціологія, стр. 256 и слѣд

тѣми или другими иллюзіями—изслѣдованіемъ степени измѣняемости соціологическихъ факторовъ, которые порождаютъ и поддерживаютъ во всѣхъ общественныхъ группахъ и атомахъ, или только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, тѣ или другія психическія наклонности и стремленія?

Но это еще не все. Давно замѣчено, что перенесеніе какой-бы то ни было задачи на несвойственную ей почву всегда сопровождается однимъ неизмѣннымъ послѣдствіемъ. Вопросъ плохо или вовсе не принимается на такой почвѣ; онъ не можетъ пустить въ ней сколько нибудь глубокіе корни. Явленія, съ которыми его связываютъ, или совершенно чужды ему, или имѣютъ къ нему не то отношеніе, которое мерещилось изслѣдователямъ. Въ обоихъ случаяхъ одинаково ощущается недостатокъ въ фактическомъ матеріалѣ, которымъ могъ бы непосредственно питаться вопросъ, а это неизбѣжно приводитъ къ тому, что послѣдній начинаетъ существовать и развиваться совершенно искусственно. Отвѣты на него даетъ уже не реальная жизнь, съ которою онъ не имѣетъ ничего общаго, а та идеальная, оторванная отъ всѣхъ сложныхъ условій дѣйствительности среда, которая устраивается по произволенію разума и вполнѣ зависитъ отъ индивидуальной подготовки изслѣдователя. Но отвѣты, свободно диктуемые разумомъ, существенно отличаются отъ тѣхъ, которые съ неимовѣрнымъ трудомъ и, такъ сказать, по складамъ вычитываются имъ же изъ неразборчивой рукописи живой природы. Отвѣты послѣдняго рода всегда въ высшей степени условны; они намѣчаютъ только главныя линіи и направленія, по которымъ движутся дѣйствительныя событія; они допускаютъ одновременно

нѣсколько рѣшеній задачи. Отвѣты первой категоріи, напротивъ того, не знаютъ такихъ ограниченій; они по существу своему безусловны и, какъ общее правило, для каждаго даннаго случая допускаютъ только одинъ исходъ и одно рѣшеніе.

6. Соображенія эти вполнѣ примѣнимы къ занимающимъ насъ взглядамъ на будущность супранатурализма. Изъятіе изслѣдованій объ этой будущности изъ единственной области, которой они принадлежатъ по праву—изъ области прикладной соціологіи,—и перенесеніе ихъ на почву абстрактной психологіи естественно должно было сопровождаться всѣми указанными сейчасъ послѣдствіями. Изъ крайне сложнаго и запутаннаго вопросъ вдругъ сдѣлался необыкновенно простымъ и яснымъ. Дана извѣстная иллюзія; спрашивается: присуще ли человѣческому уму, уже сознавшему свою ошибку и измѣрившему всю глубину своего ослѣпленія, упорно пребывать въ послѣднемъ или, напротивъ, ему свойственно тотчасъ же и навсегда разстаться съ прежнимъ заблужденіемъ? Кажется, что̀ можетъ быть проще и яснѣе такой постановки занимающаго насъ здѣсь вопроса? А между тѣмъ, именно въ этой формѣ, онъ и является, собственно говоря, вполнѣ неразрѣшимымъ. Сколько разъ и какъ бы на него ни отвѣчали—одни, оптимисты, что предаваться обнаруженной и доказанной иллюзіи недостойно человѣка и что такая слабость несомнѣнно сдѣлается глубоко чуждою будущимъ поколѣніямъ; другіе, пессимисты, что раскрыть и сознать заблужденіе, и тѣмъ не менѣе снова отдаться ему всею душою, не только вполнѣ естественно, но и въ высшей степени полезно въ томъ отноше-

ній, что, лишь прибѣгая къ постоянному самообману, человѣкъ и можетъ надѣяться возвыситься надъ мелочами и бѣдствіями своего существованія и однимъ примиряющимъ взглядомъ обнять всѣ трудности лежащаго передъ нимъ безконечнаго пути, — отвѣты эти ни на волосъ не приблизятъ насъ къ искомому рѣшенію: они не дадутъ намъ ни одного, сколько-нибудь цѣннаго свѣдѣнія относительно судьбы, дѣйствительно могущей постигнуть супранатурализмъ при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ соціальнаго будущаго, на которое эти наблюденія надъ помутившимся сознаніемъ современнаго человѣка не въ состояніи пролить ни малѣйшаго свѣта.

Мы уже сказали, въ какомъ направленіи слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, искать истины. Для успѣшности такого поиска, однако, необходимо, прежде всего, проникнуться убѣжденіемъ, что въ подлежащемъ рѣшенію вопросѣ полная истина еще долго будетъ ускользать отъ нашихъ усилій. Конечно, ступивъ твердою ногою на почву соціологіи, нельзя уже такъ легко сдѣлаться жертвою увлеченій и ошибокъ, которыя, какъ доказалъ примѣръ столькихъ выдающихся умовъ, прямо неизбѣжны при изслѣдованіи того же вопроса помощью психологическаго метода. Тѣмъ не менѣе, и тутъ должно твердо помнить, что въ настоящемъ положеніи общественныхъ наукъ нѣтъ еще возможности ни предсказать съ точностью конечной судьбы супранатуралистическихъ идей, ни предвидѣть всѣхъ соціальныхъ превращеній, которыя могутъ самымъ рѣшительнымъ образомъ повліять на наши выводы. Прежде, чѣмъ отважиться окончательно рѣшать теоремы прикладной соціологіи,

нужно еще значительно расширить предѣлы отвлеченной части обществознанія, нужно еще много и упорно поработать надъ наиболѣе элементарными задачами общей соціологіи. Такая предварительная работа, однако, еще не выполнена,—къ ней, какъ извѣстно, едва приступлено; а потому все, чего, безъ непростительной самоувѣренности, можетъ надѣяться достигнуть теперь изслѣдователь, ограничивается немногими общими положеніями, которыя не должны не только предрѣшать вопроса, но даже и стремиться къ его рѣшенію въ одномъ какомъ-нибудь смыслѣ, въ одномъ точно опредѣленномъ направленіи. Другими словами, положенія эти должны оставить вопросъ вполнѣ открытымъ, что касается его практическаго исхода, и освѣтить его только теоретически, т. е. со стороны наиболѣе общихъ и постоянныхъ условій, управляющихъ развитіемъ идей и эволюціей фактовъ въ человѣческихъ обществахъ.

7. Такого рода теоретическія указанія и даетъ намъ соціологическій законъ, къ которому мы не разъ обращались въ теченіе этого изслѣдованія и къ которому мы, естественно, спѣшимъ прибѣгнуть и въ важномъ вопросѣ практической соціологіи, составляющемъ предметъ настоящей главы.

Но чѣмъ большею общностью обладаетъ законъ, тѣмъ болѣе разнообразны и условны его конкретныя проявленія и тѣмъ труднѣе становится точное опредѣленіе ихъ. Это заключеніе вполнѣ примѣнимо и къ закону соотношенія наукъ и философіи, — закону, подъ дѣйствіе котораго одинаково подходятъ обѣ противоположныя возможности развитія—и процвѣтаніе, и упадокъ супранатура-

листическихъ воззрѣній. Конечно, научные законы выражаютъ въ сокращенномъ видѣ обобщенные факты; но это факты не конкретные, не индивидуальные, не случайные, а идеальные или отвлеченные, общіе и необходимые. Необходимость факта, въ научномъ смыслѣ, однако, не обусловливаетъ еще необходимости его наступленія. Совершенно напротивъ: такая необходимость вполнѣ равносильна условности факта, которая, въ свою очередь, только и придаетъ извѣстному отношенію между явленіями характеръ неизмѣнности или постоянства, столь важный для цѣлей какъ теоретическаго, такъ и прикладнаго знанія. Это, другими словами, значитъ, что научные законы выражаютъ собою не дѣйствительныя событія, а постоянныя отношенія между извѣстнымъ условіемъ или извѣстною совокупностью условій и такимъ явленіемъ, которое, въ сущности, — не что̀ иное, какъ гипотетическое осуществленіе этого самаго сочетанія условій Вотъ почему научнымъ законамъ и присущъ тотъ особый тавтологическій оттѣнокъ, который такъ часто удивляетъ людей, мало знакомыхъ съ процессомъ научнаго творчества, и, разочаровывая ихъ относительно практическаго значенія наиболѣе общихъ и, слѣдовательно, наиболѣе вѣрныхъ и постоянныхъ законовъ природы, заставляетъ ихъ предпочитать узкія эмпирическія формулы, помощью которыхъ, дѣйствительно, гораздо легче предусматриваются краткіе ряды ближайшихъ явленій. Вотъ почему также во всѣхъ наукахъ, имѣющихъ дѣло съ нѣсколько сложными явленіями, общіе законы всего менѣе пригодны для точнаго предсказанія еще не наступившихъ событій и полезны, главнымъ обра-

зомъ, для объясненія уже совершившихся фактовъ.

Такую услугу оказываетъ нашему знанію и законъ соотношенія наукъ и философіи. Что направленіе философской мысли и содержаніе философскихъ системъ медленно измѣнялось, въ прямой зависимости отъ направленія научной мысли и содержанія положительныхъ наукъ; что супранатурализмъ былъ одною изъ наиболѣе раннихъ формъ философской погони за истиною; что условія общественнаго развитія, среди которыхъ первоначально возникли супранатуралистическія идеи и вѣрованія, никогда не исчезали вполнѣ и безвозвратно, но, безконечно видоизмѣняясь въ своихъ наружныхъ формахъ, продолжали упорно существовать даже тамъ, гдѣ присутствіе ихъ могло всего менѣе быть заподозрѣно; что среди этихъ условій главное мѣсто и наиболѣе рѣшительное значеніе принадлежало глубокому невѣжеству народныхъ массъ, поразительно ничтожному количеству дѣйствительно научныхъ знаній, распространенныхъ въ среднихъ и высшихъ классахъ общества, одностороннему научному образованію спеціалистовъ и рѣдко замѣчаемому, но, тѣмъ не менѣе, весьма сильному воздѣйствію уровня знаній и пріемовъ мышленія большинства на общее умственное настроеніе и способы разсужденія меньшинства; наконецъ, что несознанный фактъ переживанія какъ перечисленныхъ сейчасъ, такъ и многихъ другихъ общественныхъ условій постоянно скрывался за ярко бросавшимся въ глаза фактомъ переживанія супранатуралистическихъ идей, и былъ его настоящей причиной,—всѣ эти обобщенія прямо вытекаютъ изъ закона соотношенія и составляютъ столько же

примѣненій его къ событіямъ прошедшаго, къ тому, что̀ было.

Но какъ отъ того, что̀ было, перейти къ тому, что̀ будетъ? Для такого перехода, какъ извѣстно, существуетъ только одно средство: индукція. Не говоря, однако, о томъ, что въ наиболѣе простомъ видѣ своемъ индукція составляетъ лишь заключеніе отъ того, что̀ было одинъ, нѣсколько или много разъ, къ тому, что̀ было всякій разъ при тѣхъ же условіяхъ, она можетъ принять столь важную для практическихъ цѣлей форму заключенія о томъ, что̀ будетъ, единственно при помощи основного предположенія, что несовершившееся событіе самымъ точнымъ образомъ воспроизведетъ уже совершившееся, что оно не только будетъ содержать въ себѣ всѣ элементы прошедшаго, но и вновь проявитъ всѣ прежнія отношенія этихъ элементовъ между собою. А отсюда уже само собою слѣдуетъ, что, прилагая законъ соотношенія къ вопросу о будущности одной изъ наиболѣе древнихъ историческихъ формъ философіи, мы можемъ лишь распространить индуктивно на проявленія этого закона въ будущемъ выводы, полученные нами при разсмотрѣніи проявленій его въ прошедшемъ.

Но въ этомъ прошедшемъ мы неизмѣнно встрѣчаемъ извѣстныя соціальныя условія, необходимыя для существованія супранатуралистическихъ воззрѣній, и рядомъ—міропониманія, являющіяся высшими выразителями совокупности этихъ условій въ духовной жизни человѣчества; а это, другими словами, значитъ, что факты прошедшаго не даютъ намъ ни малѣйшаго права предвидѣть не только близкаго, но и вообще исчезновенія супранатура-

листическихъ идей со сцены исторіи. Съ этой точки зрѣнія, полное уничтоженіе стремленія къ сверхъестественному объясненію міра является въ глазахъ историка мечтою по меньшей мѣрѣ столь же праздною, какъ полное уничтоженіе невѣжества, различныхъ формъ общественнаго неравенства и т. п.

Съ другой стороны, однако, въ томъ же прошедшемъ, въ обширномъ смыслѣ, мы неизмѣнно встрѣчаемъ и совокупность такихъ общественныхъ—мы настаиваемъ на этой квалификаціи—условій, которыя уже никакъ не мирятся, ни съ наивными пріемами первой фазы развитія мысли, ни съ болѣе сложными и совершенными пріемами метафизическаго объясненія природы. Эти условія и предъявляютъ къ духовной жизни требованія, которыя могутъ быть удовлетворены лишь посредствомъ окончательной замѣны прежнихъ способовъ пониманія міра новымъ міросозерцаніемъ, состоящимъ въ систематизаціи или философскомъ объединеніи общихъ результатовъ точнаго изслѣдованія во всѣхъ областяхъ знанія. Но это опять-таки значитъ только, что у насъ есть еще менѣе основаній для представленія въ будущемъ супранатуралистическихъ идей тѣмъ, чѣмъ онѣ уже давно перестали быть въ прошедшемъ—общимъ достояніемъ всѣхъ общественныхъ группъ безъ исключенія, или для придачи имъ снова, съ какими бы то ни было цѣлями, давно утраченнаго ими значенія прочнаго, незыблемаго фундамента духовной жизни всего человѣчества, разсматриваемаго какъ одно цѣлое. Признаніе за иллюзіей „сверхъестественнаго“—характера какой-то высшей, неизмѣнной или вѣчной потребности нашей умственной организаціи является поэтому, въ свою очередь, въ гла-

захъ соціолога, прямымъ искаженіемъ исторической дѣйствительности, непростительнымъ вторженіемъ фантазіи въ область вполнѣ достовѣрныхъ фактовъ прошедшаго и совершенно произвольнымъ заключеніемъ отъ нихъ къ фактамъ будущаго.

8. Итакъ, въ вопросѣ о конечной судьбѣ супранатуралистическихъ доктринъ, индукція, имѣющая своею исходною точкою законъ соотношенія наукъ и философіи, не можетъ привести къ иному результату, кромѣ подтвержденія полнѣйшей зависимости дальнѣйшаго существованія этихъ доктринъ отъ дальнѣйшаго существованія обширной категоріи общественныхъ явленій. Такая индукція заключаетъ въ себѣ прямыя указанія на измѣняемость этихъ явленій, а, слѣдовательно, и на измѣняемость соотвѣтствующаго имъ умственнаго состоянія; но она не содержитъ въ себѣ никакихъ данныхъ, изъ которыхъ можно было бы вывести заключеніе, что, рано или поздно, эти явленія вовсе исчезнутъ, а съ ними упразднятся на земномъ шарѣ и послѣдніе слѣды супранатуралистическихъ взглядовъ. Индукція эта даетъ соціологу полное право предвидѣть постепенное ограниченіе сферы соціальнаго дѣйствія супранатурализма и постепенный же упадокъ его значенія для всего общественнаго организма; но она не даетъ ему права итти далѣе и вовсе выбросить изъ своихъ вычисленій этотъ важный историческій факторъ. Это необходимое ограниченіе задачи соціолога мы и имѣли въ виду, выводя изъ закона соотношенія два главныхъ условія, при наличности которыхъ супранатурализмъ не перестаетъ быть дѣятельнымъ и чрезвычайно важнымъ элементомъ соціальной эволюціи: 1) суще-

ствованіе общественныхъ союзовъ, достаточно чуждыхъ какъ односторонняго метафизическаго, такъ и многосторонняго научнаго развитія; и 2) замедленіе въ процессѣ образованія, среди вполнѣ подготовленныхъ къ тому общественныхъ группъ, міропониманій, которыя бы соотвѣтствовали упомянутымъ сейчасъ ступенямъ философской мысли.

9. Установивъ, на предыдущихъ страницахъ, общую точку зрѣнія на вопросъ о будущей судьбѣ супранатурализма, и постаравшись разъяснить существенную разницу между психологическимъ и соціологическимъ способами постановки этой задачи, мы теперь можемъ перейти къ краткому обзору нѣкоторыхъ другихъ сторонъ вопроса, не лишенныхъ, на нашъ взглядъ, извѣстнаго значенія въ спорѣ о степени жизненности, которою одарена изучаемая нами иллюзія.

Составляетъ ли вѣра въ сверхъестественное нормальный или патологическій фактъ въ жизни человѣческихъ обществъ, и при какихъ условіяхъ изъ нормальнаго явленіе это можетъ обратиться въ патологическое? Какія причины вызываютъ и поддерживаютъ преувеличенное мнѣніе о супранатурализмѣ, его необходимости и долговѣчности, и въ чемъ заключается корень самообмана, видящаго въ немъ высшую потребность человѣческаго духа? Какіе выводы можно сдѣлать изъ эволюціонной гипотезы относительно постепеннаго вымиранія извѣстнаго рода доктринъ и необходимости этого процесса? Вотъ вопросы, на которые мы намѣрены дать здѣсь краткіе отвѣты, въ надеждѣ, что наши разъясненія обнаружатъ правильность усвоенной нами общей точки зрѣнія.

Первый вопросъ. 10. Мы сказали выше, что мечта объ окончательномъ упраздненіи сверхъестественнаго объясненія міра можетъ, по своей праздности и малой основательности, быть поставлена на одну доску съ цѣлымъ рядомъ соціальныхъ утопій: исчезновеніемъ невѣжества, всѣхъ формъ общественнаго неравенства и т. п. Но нѣтъ надобности доказывать, что такой взглядъ, въ сущности, сводитъ весь вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи супранатуралистической иллюзіи къ простому различенію патологическихъ и нормальныхъ явленій въ жизни общества. Вопросъ, съ этой точки зрѣнія, заключается уже не въ томъ, всегда ли будутъ существовать мірообъясненія извѣстнаго рода, какъ вопросъ не въ томъ, всегда ли люди будутъ подвергаться тѣмъ или другимъ видамъ страданія и т. п., а въ томъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на эти явленія и что̀ будутъ, въ дѣйствительности, думать о нихъ тѣ, въ чьи руки, такъ или иначе, попадетъ со временемъ верховное руководительство общественнымъ мнѣніемъ?

Такая перестановка элементовъ вопроса не лишена основанія и внутренняго значенія; но какъ всякая перестановка, она скорѣе перемѣщаетъ затрудненія, свойственныя задачи, чѣмъ побѣждаетъ или даже уменьшаетъ ихъ. Въ этомъ легко убѣдиться при помощи слѣдующихъ соображеній.

Во первыхъ, ничто не можетъ быть относительнѣе и условнѣе большинства нашихъ сужденій о томъ, что̀ въ средѣ даннаго общества должно считать проявленіемъ правильнаго или нормальнаго теченія вещей и что̀, наоборотъ, должно признавать уклоненіемъ отъ такого порядка или фактомъ патологическимъ, болѣзненнымъ. Юная, что-

бы не сказать младенческая, наука объ обществѣ, очевидно, еще не можетъ выставить въ этомъ отношеніи сколько-нибудь безошибочнаго и примѣнимаго ко всѣмъ случаямъ критерія. За примѣрами ходить далеко нечего; они отовсюду тѣснятся намъ на встрѣчу. Такъ, считая періодическія голодовки совершенно нормальнымъ фактомъ въ жизни дикаря, мы въ то же время приписываемъ какъ разъ обратный характеръ явленію, по меньшей мѣрѣ столь же постоянному и вызываемому причинами, которыя мы на практикѣ такъ же мало умѣемъ отвратить или измѣнить,—физическому истощенію значительныхъ группъ населенія въ цивилизованныхъ обществахъ. Самыя разнообразныя соображенія примѣшиваются къ оцѣнкѣ одинаковыхъ, повидимому, фактовъ, когда послѣдніе, вмѣсто того, чтобы происходить въ далекомъ прошедшемъ, совершаются на нашихъ глазахъ или въ обстановкѣ, близко напоминающей современныя условія. Такъ, сошлемся на одинъ рѣзкій примѣръ: личное рабство, повсюду смѣнившее, какъ предполагаютъ историки, нѣкогда общій обычай избіенія плѣнныхъ и сильно содѣйствовавшее высшей культурѣ, обезпечивъ экономическій досугъ одной части населенія, охотно признается соціальнымъ успѣхомъ, правильнымъ шагомъ впередъ; но это нисколько не обязываетъ насъ, несмотря на множество аналогій, прилагать ту же мѣрку къ экономическому рабству, явившемуся на смѣну феодальнаго строя. Мы будемъ вполнѣ правы, если за отсутствіемъ строго-научной анатоміи и физіологіи обществъ, упорно откажемся видѣть въ чрезмѣрной зависимости представителей труда отъ представителей капитала явленіе, не имѣющее глубоко пато-

логическаго характера, или не грозящее общественному организму обычными послѣдствіями продолжительнаго нарушенія физіологическихъ законовъ. Одинаковыя соображенія, наконецъ, примѣнимы и къ факту соціальнаго неравенства, лежащему въ основѣ совмѣстнаго существованія самыхъ грубыхъ формъ суевѣрія и наиболѣе рѣшительныхъ попытокъ освободить человѣческій разумъ отъ послѣднихъ слѣдовъ супранатуралистической иллюзіи. И по отношенію къ этому явленію мы поставлены въ то же затруднительное положеніе: сколько бы мы ни взывали къ замѣчаемому, будто бы, въ исторіи постоянному стремленію ослабить значеніе этого общаго факта, или какъ бы часто мы ни указывали на проявляющіеся, будто бы, прямо противоположные признаки, наше мнѣніе о нормальности или ненормальности разсматриваемаго явленія еще долго, очевидно, не будетъ отличаться точностію и опредѣленностью строгонаучнаго убѣжденія.

Во вторыхъ—и это главное—не слѣдуетъ забывать, что хотя признаніе за какимъ-нибудь общественнымъ фактомъ патологическаго характера и влечетъ за собою обязанность бороться съ порождающими его условіями, однако оно ни мало не вліяетъ на исходъ самой борьбы, ни мало не обезпечиваетъ за нею успѣха. Не слѣдуетъ забывать также, что вольный переводъ терминовъ: физіологическій и патологическій помощью выраженій: нормальный и ненормальный, есть переводъ глубоко человѣческій, антропоморфный, имѣющій смыслъ только по отношенію къ тѣмъ цѣлямъ, которыя мы сами себѣ ставимъ и которыя преслѣдуемъ часто совершенно независимо отъ степени

достижимости ихъ (идеалы). Не слѣдуетъ забывать, что въ природѣ, строго говоря, нѣтъ мѣста для явленій ненормальныхъ; что такъ называемые патологическіе случаи отличаются отъ физіологическихъ не меньшею неизбѣжностью, не большею измѣняемостью и, по всей вѣроятности, даже не большею исключительностію (одна изъ косвенныхъ заслугъ пессимизма состояла въ собраніи и систематизаціи массы фактовъ, освѣтившихъ эту сторону вопроса), а только вѣковою и ставшею нерасторжимою ассоціаціею своей съ глубокочеловѣческими понятіями порядка (или уклоненія отъ него) и страданія (Παθος). Герценъ, какъ писатель, въ которомъ подъ блестящимъ публицистомъ весьма часто скрывается настоящій соціологъ, въ одномъ изъ лучшихъ политическихъ памфлетовъ своихъ говоритъ по этому поводу съ спокойною ироніею мыслителя: „Подъ словомъ уродства, болѣзни, мы обыкновенно разумѣемъ что-то неестественное, противозаконное, не отдавая себѣ отчета, что уродство и болѣзнь естественнѣе нормальнаго состоянія, представляющаго алгебраическую формулу организма, отвлеченіе, обобщеніе, идеалъ, собранный изъ разныхъ частностей — исключеніемъ случайностей. Отклоненіе и уродство подзаконны тому же закону, какъ и организмъ; въ ту минуту, когда бы онъ освободился отъ нихъ, организмъ бы умеръ“ [1]).

II. Итакъ, простое переименованіе (ибо о чемъ другомъ можетъ итти тутъ рѣчь?) явленій супранатурализма изъ нормальныхъ въ патологическія

[1]) Концы и Начала, Собр. Соч., т. X, стр 216.

не измѣняетъ существа вопроса, не уменьшаетъ нашихъ затрудненій, не помогаетъ намъ поднять самаго ничтожнаго края завѣсы, скрывающей отъ насъ будущее. Мы, по прѣжнему, не можемъ сказать ничего опредѣленнаго относительно того, что, въ концѣ концовъ, станется съ супранатуралистическою иллюзіей: исчезнетъ ли она когда-нибудь совершенно изъ лѣтописи умственной жизни человѣчества или, напротивъ, сохранитъ навсегда извѣстный минимумъ значенія и соотвѣтственную сферу дѣйствія и вліянія? Вопросъ, по прежнему, не теряетъ своего остраго характера: пускай супранатурализмъ и будетъ болѣзнью, уродствомъ; но можетъ ли общественный организмъ, при наличности всѣхъ остальныхъ условій, существовать безъ этого уродства? И не правы ли хоть отчасти и въ извѣстной мѣрѣ тѣ, которые видятъ признакъ начинающагося общественнаго разложенія въ быстромъ упадкѣ супранатуралистическихъ идей въ общественной средѣ, въ которой, кромѣ этого паденія,—результата внѣшнихъ причинъ, а не внутренняго развитія — не произошло никакихъ другихъ серьёзныхъ или органическихъ перемѣнъ?

Отсюда вытекаетъ, очевидно, одно заключеніе: за извѣстными доктринами, составляющими крайне сложные продукты духовной жизни народовъ, стоятъ общественныя условія, при которыхъ возможно и необходимо появленіе и существованіе этихъ доктринъ. Надо, слѣдовательно, оставить ихъ временно въ сторонѣ, и тщательно изучить эти условія, открыть законы, ими управляющіе. Вопросъ о супранатурализмѣ—этого никогда не слѣдуетъ забывать,—тысячью тонкихъ нитей тѣсно связанъ и переплетенъ съ самыми основными, капитальными

задачами соціологіи. На этой сторонѣ дѣла мы, однако, не будемъ настаивать: мы достаточно опредѣленно высказались въ этомъ отношеніи, и надѣемся, что истинная мысль наша уже сдѣлалась вполнѣ ясною для читателя.

Второй вопросъ. 12. Переходимъ ко второму вопросу: какія причины вызываютъ и поддерживаютъ въ современномъ обществѣ преувеличенное мнѣніе о супранатурализмѣ, его необходимости и долговѣчности? Мы имѣемъ здѣсь въ виду, разумѣется, кредитъ извѣстныхъ вѣрованій въ глазахъ тѣхъ, кто стоитъ на высотѣ современнаго знанія, кому доступенъ другой способъ идеальнаго объединенія явленій, а не естественное обаяніе, производимое супранатуралистическими гипотезами на умы не подготовленные, на „громадное большинство людей не мыслящихъ, на безсознательную толпу, вполнѣ, повидимому, проникнутую разумностью совѣта, который преподаетъ Фаусту его насмѣшливый руководитель: „проходи черезъ міръ, ни во что́ глубоко не вникая“[1]). Что̀ же заставляетъ людей мысли и знанія до сихъ поръ признавать серьёзное значѐніе супранатурализма не для этой толпы, а для умовъ своего закала?

Начиная съ основной иллюзіи свободной воли, которая, развивая въ отдѣльныхъ личностяхъ чувство индивидуальной энергіи и независимости и постепенно укрѣпляясь наслѣдственною передачею, такъ выгодно отличаетъ народы, всецѣло отдав-

---

1) Fouillée: Le libre arbitre et la contingence des futurs, Rev. Phil. 1883, № 6, стр. 609.

шіеся ей и сдѣлавшіе изъ свободы свой высшій кумиръ, отъ человѣческихъ группъ, въ которыхъ этотъ инстинктивный самообманъ былъ рано подавленъ фаталистическими вѣрованіями, и кончая мелкими случаями того же рода, наполняющими обычную жизнь (иллюзія превосходства силъ на экономическомъ поприщѣ, то же заблужденіе на войнѣ, самообманъ любви по Шопенгауеру, иллюзія долгой жизни по отношенію къ кабинетнымъ трудамъ, требующимъ много времени и т. д.),— всюду невольное, несознанное заблужденіе играетъ важную роль и вредъ, отъ него происходящій, болѣе чѣмъ уравновѣшивается несомнѣнною пользою, имъ приносимою. Съ нѣкоторыми натяжками, тезисъ этотъ еще можно защищать. Но въ какомъ смыслѣ можетъ быть полезно или необходимо заблужденіе сознанное, т. е., въ сущности, уже переставшее быть заблужденіемъ? Казалось бы, что нельзя, не впадая въ явный паралогизмъ, говорить объ иной полезности его, кромѣ свойственной всякому предостереженію, и о другой необходимости, кромѣ той, которая, въ силу законовъ логики, должна была бы побудить насъ немедленно отвергнуть его со всѣми его послѣдствіями.

Между тѣмъ, какъ мы уже видѣли, существуютъ мыслители, и далеко незаурядные, которые не раздѣляютъ этого мнѣнія и въ приведенномъ сейчасъ паралогизмѣ усматриваютъ нѣчто въ родѣ внушенія высшей философской мудрости. По ихъ ученію, сознаніе призрачнаго характера супранатуралистическихъ идей и вѣрованій не должно препятствовать дальнѣйшему притонодержательству заблужденія, если можно такъ выразиться; сознаніе это не должно мѣшать развитымъ умамъ вновь и вновь

предаваться иллюзіямъ сверхъестественнаго объясненія вещей и извлекать изъ нихъ для себя духовное удовлетвореніе особаго свойства, разумѣется, трудно поддающагося точному анализу.

13. Доктрина эта не только интересна сама по себѣ: она имѣетъ важное значеніе въ глазахъ соціолога, заключая въ себѣ готовый отвѣтъ на занимающій насъ вопросъ. Но для того, чтобы извлечь изъ нея этотъ отвѣтъ, необходимо объяснить ея происхожденіе, или раскрыть главнѣйшія условія, способствовавшія ея образованію въ извѣстныхъ умахъ. Задача эта довольно сложна, и мы отнюдь не беремся здѣсь за полное ея разрѣшеніе. Но одно указаніе въ этомъ смыслѣ мы сдѣлаемъ. Несмотря на свою крайнюю простоту, слѣдующая аргументація представляется намъ не лишенною нѣкоторой убѣдительности.

Впаденіе многихъ замѣчательныхъ мыслителей въ указанный выше грубый паралогизмъ мы рѣшительно не въ состояніи объяснить себѣ иначе, какъ только допустивъ, что мыслители эти становятся жертвою новой, еще менѣе сознаваемой ими иллюзіи, и притомъ уже въ первой стадіи умственнаго процесса, который приводитъ ихъ къ оспариваемому нами заключенію, то есть, уже всякій разъ, когда они утверждаютъ, что нереальный, призрачный характеръ извѣстныхъ вѣрованій не составляетъ для нихъ предмета ни малѣйшаго сомнѣнія. Намъ кажется, что подобно тому, какъ существуютъ непровѣряемыя гипотезы, существуютъ и умственныя иллюзіи, отъ которыхъ чрезвычайно трудно отдѣлаться, — по крайней мѣрѣ прямымъ, опытнымъ путемъ. Къ числу ихъ принадлежатъ

основные самообманы супранатурализма и метафизики. Слѣдующее сравненіе, заимствуемое нами у Фулье [1]), лучше всего пояснитъ нашу мысль: „Если смотрѣть вдаль по направленію очень длинной аллеи, то послѣднія деревья, какъ всякому извѣстно, будутъ казаться тѣсно примыкающими одно къ другому; эта иллюзія физическаго зрѣнія будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока мы не тронемся съ мѣста и не провѣримъ нашего перваго впечатлѣнія, дойдя до конца аллеи. Но что̀ стало бы съ нами и съ нашей иллюзіей, спрашиваетъ Фулье, если бы такого конца не существовало вовсе?“ Очевидно, отвѣтимъ мы, что въ такомъ случаѣ мы никогда не могли бы провѣрить нашего ошибочнаго воспріятія прежнимъ, прямымъ или непосредственнымъ путемъ, и должны были бы довольствоваться косвеннымъ опытомъ, или заключеніемъ отъ первыхъ деревьевъ ко всѣмъ остальнымъ, сколько бы ихъ ни было. Но представьте себѣ теперь, что къ иллюзіямъ, которыя именно и имѣютъ своимъ объектомъ нѣчто, находящееся, говоря фигурально, въ концѣ несуществующаго конца, что къ иллюзіямъ такого рода мы предъявили бы первое требованіе, т. е. задались бы цѣлью разсѣять ихъ исключительно помощью непосредственнаго опыта, не прибѣгая къ другимъ, недостаточно убѣдительнымъ, по нашему мнѣнію, средствамъ провѣрки. Въ результатѣ, очевидно, получилось бы слѣдующее: мы частью сохранили бы свою первую иллюзію, частью же впали бы въ новую, именно въ предположеніе, что нашу исходную иллюзію невозможно окончательно разсѣять или уничтожить. И сколько бы за-

[1]) Op. cit., стр. 593.

тѣмъ мы ни увѣряли себя и другихъ, что имѣемъ дѣло, въ сущности, съ голыми призраками нашего воображенія, что „сверхъестественное“ есть только великая тѣнь, бросаемая нашимъ великимъ невѣдѣніемъ міра на этотъ самый міръ, подобно тому, какъ субстанція или вещь въ себѣ есть только нереальная тѣнь нашего сознанія, падающая на тѣ или другіе элементы воспріятія [1]),—такая увѣренность была бы все-таки смѣшана съ нѣкоторыми сомнѣніями относительно правильности подобнаго вывода или полной доказанности нашей иллюзіи. И сомнѣнія эти, незамѣтно для насъ самихъ, сдѣлали бы свое дѣло. Отъ самообмана къ самообману, отъ софизма къ софизму, они скоро привели бы насъ къ болѣе или менѣе искреннему убѣжденію въ необходимости и пользѣ сохраненія утраченнаго и сбереженія потеряннаго, — паралогизмъ, который, повторяемъ, можетъ быть объясненъ только тѣмъ, что утраченное въ данномъ случаѣ не утрачено вполнѣ, и потерянное не потеряно безвозвратно.

Мыслители, принявшіе тяжелое наслѣдство сенсуализма, теорію непознаваемаго, само собою разумѣется, всего легче дѣлаются жертвами этого характеристическаго заблужденія. Сохраняя непознаваемое, они сохраняютъ именно долю того, что въ другихъ случаяхъ объявляется ими навсегда и добровольно выброшеннымъ за бортъ; а по пятамъ ихъ уже послушно слѣдуетъ пестрая толпа тѣхъ, кто въ метафизическихъ вопросахъ желаетъ обнять и доказать слишкомъ многое, а потому не обнимаетъ и не доказываетъ ровно ничего.

---

1) Revue philosophique, 1883, № 7, стр. 36.

14. Итакъ, непровѣряемыя гипотезы супранатурализма, при извѣстныхъ условіяхъ, неизбѣжно превращаются въ чрезвычайно трудно искоренимыя умственныя иллюзіи. Исходною точкою этого превращенія являются всѣ тѣ причины—а онѣ весьма многочисленны,—которыя мѣшаютъ ясно сознавать гипотетическій характеръ извѣстныхъ вѣрованій, или свойство ихъ быть временнымъ компромиссомъ между нашимъ глубокимъ незнаніемъ природы и человѣка, съ одной стороны, и нашею неистощимою любознательностію съ другой. Мы легко забываемъ, что супранатурализмъ, подобно метафизикѣ и другимъ проявленіямъ такъ называемаго трансцендентальнаго творчества, есть только потребность общаго знанія вещей, нашедшая себѣ выходъ въ цѣломъ рядѣ антропопатическихъ предположеній ума, тотчасъ же облеченныхъ фантазіей въ соотвѣтствующіе образы. Но забывая происхожденіе супранатурализма, мы забываемъ и то, что измѣненіе одного члена (сумма спеціальныхъ знаній) отношенія, составляющаго источникъ супранатуралистическихъ гипотезъ, необходимо влечетъ за собою и измѣненіе другого члена (состояніе общаго знанія), или что первоначальное соглашеніе между незнаніемъ и желаніемъ знать неминуемо смѣняется метафизическимъ, а послѣднее уступаетъ мѣсто еще болѣе совершенному виду той же основной потребности духа, которая, наконецъ, и находитъ себѣ полное выраженіе въ спеціальныхъ гипотезахъ положительнаго знанія. Иллюзія состоитъ въ отожествленіи формы съ содержаніемъ, извѣстнаго способа удовлетворенія извѣстной потребности съ самою потребностью. Временное и условное ошибочно принимается за постоянное и безусловное. Супранату-

ралистическая гипотеза выдѣляется изъ области гипотезы вообще и изъ простого вида или подвида извѣстнаго рода дѣлается самостоятельнымъ родомъ и даже болѣе, цѣлымъ царствомъ въ духовной жизни человѣчества.

15. Результатъ этотъ, какъ всѣ наиболѣе прочные результаты соціальной эволюціи, обязанъ своимъ происхожденіемъ дѣйствію соотвѣтствующихъ причинъ среди громадныхъ человѣческихъ массъ и въ теченіе чрезвычайно длинныхъ періодовъ времени. Нужны были вѣка и тысячелѣтія постоянной ассоціаціи между нѣкоторыми группами представленій, нужны были могущественныя вліянія наслѣдственности и подбора, для того, чтобы все, что было исторически, т. е. просто во времени и временно связано съ супранатуралистическою гипотезой, чтобы вѣра, нравственность, идеализація цѣлей практической жизни и т. п. общіе моменты соціальнаго существованія тѣсно и неразрывно слились въ умѣ человѣка съ такою преходящею частностью его духовнаго развитія, какъ антропоморфная гипотеза въ области сверхъестественнаго, или первое и наиболѣе несовершенное объясненіе совокупности вещей.

Неотразимая сила этой ассоціаціи понятій до сихъ поръ сказывается на каждомъ шагу. Многіе умы, напримѣръ, какъ извѣстно, глубоко убѣждены въ томъ, что область супранатуралистическихъ вѣрованій обнимаетъ собою всѣ высшія потребности духа, и что въ нее входятъ всѣ условія развитія, внѣ которыхъ немыслимо существованіе человѣка среди другихъ людей, то есть, немыслимы человѣческія общества. Въ ихъ глазахъ, поэтому,

супранатурализмъ естественно отожествляется со всякою вѣрою, со всякою нравственностью, со всѣми идеальными стремленіями нашего духа.

Но еще болѣе любопытное зрѣлище представляетъ въ этомъ отношеніи, самъ того не подозрѣвая, обширный классъ скептиковъ или свободныхъ мыслителей нашей эпохи. Эти философы уже сняли послѣдніе покровы съ тайны, облекавшей основную гипотезу всякаго незнанія; они уже доказали себѣ и другимъ, что сущность супранатурализма сводится къ крайне грубому и наивному состоянію ума, въ которомъ послѣдній не умѣетъ объяснить инымъ, болѣе раціональнымъ путемъ явленія природы и законы собственнаго духа; они уже заявили во всеуслышаніе, что съ этой точки зрѣнія въ супранатурализмѣ нѣтъ и не можетъ быть ничего, кромѣ очевиднаго самообмана, кромѣ заблужденія, лежащаго на поверхности вещей. И вотъ къ этимъ-то посылкамъ они пригоняютъ неожиданное заключеніе, что извѣстныя воззрѣнія, очищенныя отъ грубыхъ предразсудковъ, должны быть сохранены навсегда, какъ одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ достояній цивилизаціи! Не ясно ли, что и эти скептики впадаютъ, въ свою очередь, въ иллюзію, столь естественную въ умахъ глубоко вѣрующихъ; не ясно ли, что и они видятъ въ супранатурализмѣ нѣчто гораздо болѣе обширное и сложное, чѣмъ простую философскую и, слѣдовательно, непровѣряемую гипотезу; не ясно ли, однимъ словомъ, что и для нихъ супранатурализмъ есть не только супранатурализмъ, но еще и очень многое изъ того, съ чѣмъ онъ былъ до сихъ поръ постоянно и тѣсно связанъ въ исторической эволюціи человѣчества?

16. Нѣкоторые мыслители — число ихъ, правда, уменьшается съ каждымъ днемъ — еще не могутъ отдѣлаться отъ наслѣдственной ассоціаціи идей, въ силу которой вѣра въ сверхъестественное представляется основаніемъ и единственною надежною союзницею индивидуальной и общественной нравственности. Конечно, органическая, какъ называетъ ее Спенсеръ [1]), или историческая, унаслѣдованная нравственность до сихъ поръ тѣсно связана съ сверхъестественною санкціей; но это доказываетъ только, что супранатурализмъ всегда охотно признавалъ результаты вѣковаго приспособленія индивидуума къ соціальной средѣ, и этой послѣдней къ средѣ физической,—двойного приспособленія, которое составляетъ глубокій источникъ всякой нравственности. Къ существовавшимъ ранѣе побужденіямъ не нарушать этическаго закона супранатурализмъ присоединялъ новые мотивы, взятые изъ другого порядка идей и также передававшіеся наслѣдственно. Все это, однако, только объясняетъ, но не оправдываетъ иллюзіи. отожествляющей область вѣры въ сверхъестественное съ областью нравственныхъ началъ.

Другіе философы, какъ мы видѣли, рекомендуютъ намъ „супранатурализмъ безъ вѣры“, но безъ вѣры во что? Очевидно, только въ основную гипотезу супранатурализма, въ его трансцендентальныя объясненія: ибо во всѣхъ другихъ отношеніяхъ именно эти философы всего болѣе и смѣшиваютъ область супранатурализма съ областью вѣры. Они-то и думаютъ, что, обращая въ ничто, въ совер-

---

[1]) First Principles, стр. 126.

шенный нуль сверхъестественные постулаты извѣстныхъ ученій, мы тѣмъ самымъ еще далеко не уничтожаемъ истинной сущности супранатуралистическихъ стремленій; и они же ставятъ себѣ въ великую заслугу свои усилія спасти и уберечь отъ конечнаго разгрома положительныхъ догматовъ то, что они называютъ внутреннимъ содержаніемъ супранатуралистическихъ идей и что, по ближайшему разсмотрѣнію, оказывается влеченіемъ человѣческаго духа къ идеальному совершенству, къ постоянному расширенію предѣловъ и своего знанія, и своего общаго пониманія вещей. Какъ будто потребность вѣрить и стремленіе къ идеализаціи дѣйствительности не составляютъ такихъ проявленій нашей духовной организаціи, которыя принимаютъ тѣ или другія историческія формы, въ прямой зависимости отъ измѣняющихся условій общественнаго развитія, и потому одинаково могутъ находить себѣ выраженіе и въ гипотетическихъ догматахъ супранатурализма, и въ гипотетическихъ обобщеніяхъ метафизики, и наконецъ въ гипотетическихъ же законахъ науки? Но именно этой-то полной равноправности, въ дѣлахъ вѣры и идеальнаго преображенія вещей, всѣхъ трехъ родовъ общаго пониманія міра, сверхъестественнаго, метафизическаго и научнаго, не видятъ и не хотятъ признавать философы, еще не освободившіе своего ума отъ узъ исторически сложившейся ассоціаціи между представленіемъ о сверхъестественномъ и понятіемъ о вѣрѣ, и между представленіемъ о супранатурализмѣ (и отчасти объ идеалистической метафизикѣ) и понятіемъ объ идеалахъ, или о типическихъ цѣляхъ, которыми по необходимости руководствуется всякая высшая разновидность человѣческой дѣятельности (87).

17. Такая ассоціація идей сложилась исторически, сказали мы сейчасъ; а это, другими словами, значитъ, что она имѣетъ своимъ источникомъ, главнымъ образомъ, чисто соціологическія причины. Мы съ благоговѣніемъ говоримъ о религіи долга; мы съ тѣмъ же чувствомъ называемъ науку своего рода религіею и т. п., и въ то же время едва ли не съ укоризною употребляемъ совершенно равносильныя, въ сущности, выраженія: метафизика долга, чести и т. д. Очевидно, такимъ образомъ, что то, что въ теченіе вѣковъ составляло и до сихъ поръ составляетъ высшее умственное достояніе громаднаго большинства, облечено въ нашихъ глазахъ иною степенью святости и обязательности, чѣмъ то, что составляло или составляетъ такое же точно увѣнчаніе умственной жизни отдѣльныхъ мыслителей или небольшихъ общественныхъ группъ.

Черта эта любопытна въ томъ отношеніи, что она съ довольно неожиданной стороны подтверждаетъ провозглашенную уже древностью истину, что человѣкъ есть животное по преимуществу общественное. Въ болѣе полномъ отрицаніи у науки способности снабжать насъ идеалами и руководящими вѣрованіями и въ менѣе рѣшительномъ оспариваніи того же свойства у метафизики какъ будто сказывается даже какой-то темный инстинктъ пропорціональной общественной солидарности, если можно такъ выразиться, или стремленіе подчинить нашу оцѣнку различныхъ міропониманій соображеніямъ, основаннымъ главнымъ образомъ на относительной распространенности въ данную минуту каждаго спо-

соба объясненія міра. Въ окончательныхъ выводахъ нашихъ въ этомъ отношеніи мы, повидимому, всего менѣе склонны обращать вниманіе на то, что приверженцы строго-научной философіи являются весьма часто гораздо болѣе рѣшительными идеалистами, чѣмъ послѣдователи и сторонники какого бы то ни было, супранатуралистическаго или метафизическаго, идеализма. Мы не обращаемъ вниманія и на относительно бо́льшую сумму отдѣльныхъ актовъ или проявленій вѣры, которые по необходимости влечетъ за собою научное объясненіе міра, а также на бо́льшую интенсивность (въ смыслѣ близости къ полной достовѣрности) научныхъ вѣрованій, сравнительно съ супранатуралистическими и метафизическими. Мы какъ будто рѣшаемъ задачу не индивидуально-психической, а психо-соціальной механики, и потому помножаемъ скорость на массу, способность извѣстнаго міропониманія создавать вѣрованія и идеалы на абсолютное число проявленій этой способности въ данномъ обществѣ.

Въ результатѣ естественно получается громадный перевѣсъ на сторонѣ супранатурализма. Но перевѣсъ этотъ, само собою разумѣется, только свидѣтельствуетъ о неподготовленности огромнаго большинства умовъ къ воспріятію научныхъ и даже метафизическихъ идей, и указываетъ только на то, что человѣчество еще долго, повидимому, будетъ, въ той или другой формѣ, довольствоваться антропопатическими идеалами и наивными упованіями своихъ предковъ.

18. „Не разумъ, не логика ведетъ народы, а вѣра, любовь и ненависть“, говоритъ въ одномъ

мѣстѣ своего Былаго и Думъ Герценъ [1]). Но съ такимъ же точно правомъ можно сказать, что не супранатурализмъ, не метафизика, не наука управляютъ міромъ, а вѣра въ ихъ разумность, въ ихъ цѣлесообразность, наконецъ, въ ихъ дѣйствительную власть надъ умами. Только вѣря въ науку, можно успѣвать въ ней, говоритъ гдѣ-то Клодъ Бернаръ. Вѣра, т. е. утвержденіе (или отрицаніе), не имѣющее за собою полной научной очевидности, но основанное исключительно на томъ, что обладаніе достовѣрностью составляетъ одну изъ настоятельнѣйшихъ потребностей духа,—такая вѣра присуща наукѣ по крайней мѣрѣ столько же, сколько супранатурализму и метафизикѣ. Мы всегда будемъ вѣрить, всегда будемъ утверждать (или отрицать) больше чѣмъ знаемъ, всегда будемъ дополнять наше положительное знаніе чисто гипотетическимъ. Стремленіе изгнать элементъ вѣры (этого „unruhig Ding“, по выраженію Лютера) отовсюду, гдѣ онъ теперь проявляется, никогда не увѣнчается успѣхомъ. Не приведутъ къ сколько-нибудь ощутительнымъ результатамъ и усилія, направленныя къ равномѣрному ограниченію или стѣсненію этого элемента въ различныхъ областяхъ человѣческаго духа. Но иное дѣло—борьба съ вѣрою во всѣхъ ея формахъ и видахъ, и совершенно другое — стремленіе наилучшимъ образомъ утилизировать эту потребность нашего ума и съ этою цѣлью дать ей полный просторъ всюду, гдѣ проявленіе ея сопряжено съ полезными результатами, и, наоборотъ, по возможности препятствовать ея удовлетворенію тамъ, гдѣ

[1]) Часть пятая; Сочиненія, томъ VIII, стр. 293.

послѣднее не можетъ принести ничего, кромѣ положительнаго вреда.

Таковъ истинный смыслъ нашего предложенія — изгнать гипотезу изъ области философіи, въ которой, какъ достаточно показала исторія, актъ вѣры, сопровождающій всякую гипотезу, по необходимости остается безплоднымъ, и перенести центръ тяжести гипотетическаго изслѣдованія въ область спеціальной науки, въ которой тѣ же пріемы ума и неразлучный съ ними факторъ вѣры обнаруживаютъ прямо противоположное свойство

Итакъ, источники и причины иллюзіи, заставляющей насъ видѣть въ супранатурализмѣ нѣчто такое, чего ни въ какомъ случаѣ не можетъ дать намъ или замѣнить ни метафизика, ни философія, черпающая свое вдохновеніе въ наукѣ, весьма разнообразны и многочисленны. Но главными и наиболѣе важными жежду ними представляются, безъ сомнѣнія, тѣ двѣ ошибки, на которыя мы только что указали: недостаточно твердое различеніе міропостроительныхъ идей отъ этическихъ, и прямое смѣшеніе родового и болѣе абстрактнаго понятія съ видовымъ и болѣе конкретнымъ, — обширной области вѣры вообще съ занимающей въ ней сравнительно скромное мѣсто областью вѣры въ сверхъестественное, въ частности. Въ то время, однако, какъ первое заблужденіе довольно быстро исчезаетъ передъ многочисленными фактами, ежедневно собираемыми графическими или описательными отраслями соціологическаго изслѣдованія: антропологіею, сравнительною этнологіею, языкознаніемъ и т. п ,—вторая ошибка, сущность которой сводится къ смѣшенію общаго и абстрактнаго съ частнымъ и кон-

кретнымъ — смѣшенію, составляющему, какъ мы уже на это указывали [1]), одну изъ самыхъ характеристическихъ особенностей метафизическаго мышленія—продолжаетъ еще упорно держаться. Обстоятельство это достаточно объясняется научною отсталостью всѣхъ частей психологіи, и между ними, преимущественно, теоріи познаванія, и медленными успѣхами общей или отвлеченной соціологіи. Говоря языкомъ Конта и позитивистовъ, эти отдѣлы знанія до сихъ поръ сохраняютъ глубоко метафизическій характеръ, и потому нисколько не удивительно, что они сообщаютъ его и зависящей отъ нихъ теоріи супранатуралистическихъ идей, которая именно этою чертою такъ невыгодно и отличается въ настоящее время отъ научной исторіи тѣхъ же воззрѣній (88).

Третій вопросъ. 19. Переходимъ къ послѣднему изъ трехъ намѣченныхъ нами выше вопросовъ: какой свѣтъ бросаетъ на будущее супранатурализма эволюціонная гипотеза, или какіе выводы вытекаютъ изъ теоріи эволюціи относительно постепеннаго вымиранія супранатуралистическихъ вѣрованій и необходимости этого процесса?

Выводы эти поразительно сходны съ тѣми, какіе мы получили при помощи простой индукціи изъ извѣстныхъ всѣмъ историческихъ фактовъ и совершенно независимо отъ тѣхъ или другихъ основныхъ положеній философіи эволюціи. Но такъ какъ эти положенія, по крайней мѣрѣ въ двухъ смежныхъ областяхъ біологіи и соціологіи, съ каждымъ днемъ все болѣе теряютъ свой гипотетиче-

1) Часть первая, гл. VIII, § 6.

скій характеръ и все болѣе пріобрѣтаютъ значеніе доказанныхъ научныхъ истинъ, то уже въ самомъ совпаденіи нашихъ выводовъ о будущемъ супранатурализма съ воззрѣніями на тотъ же предметъ философіи эволюціи мы не можемъ не видѣть новаго ручательства въ вѣрности нашей точки зрѣнія.

Теорія эволюціи даетъ чрезвычайно простое общее объясненіе того, что̀ слѣдуетъ понимать подъ истиною и заблужденіемъ, или иллюзіей ума. Исходя изъ положенія, что всякое познаніе явленій можетъ быть разсматриваемо какъ одинъ изъ результатовъ взаимодѣйствія между организмомъ и внѣшними причинами, или какъ одинъ изъ случаевъ великаго процесса физическаго и психическаго приспособленія организма къ окружающей средѣ, эволюціонизмъ видитъ единственный критерій, которымъ можетъ быть опредѣлена степень истинности или ошибочности нашихъ взглядовъ или мнѣній, — въ степени соотвѣтствія или согласованія между собою внутреннихъ, психическихъ и внѣшнихъ, физическихъ отношеній [1]).

Истинными, съ этой точки зрѣнія, признаются мнѣнія, составляющія результатъ полнаго совпаденія психическихъ процессовъ съ внѣшними фактами; неточными же или ложными признаются воззрѣнія, по отношенію къ которымъ такое согласованіе не могло быть достигнуто. „Иллюзія, во всѣхъ ея формахъ и видахъ, является плохимъ синтезисомъ, дурною, неудачною группировкою; но дурной группировкѣ психическихъ элементовъ соотвѣтствуетъ несовершенная координація физиче-

[1]) Revue philosophique, 1881, № 10, стр. 443 (Рибо).

скихъ или нервныхъ элементовъ, несовершенная въ томъ смыслѣ, что она не согласуется съ внѣшними отношеніями“ [1]). Но если это такъ и если, далѣе, отдѣльныя личности, полнѣе обнаруживающія точное соотвѣтствіе между внутренними и внѣшними элементами знанія, являются и лучше одаренными въ борьбѣ за существованіе, то въ дѣйствительности должно проявляться постоянное стремленіе къ все большему и большему сообразованію психическихъ процессовъ съ внѣшними фактами. Это, другими словами, значитъ, что естественный подборъ, въ концѣ концовъ, ведетъ къ распространенію между людьми все большей и большей суммы истиннаго знанія. Онъ, во всякомъ случаѣ, исключаетъ возможность существованія такихъ иллюзій, которыя были бы въ одно и то же время и неискоренимы, и общи всему человѣческому роду [2]). Но въ примѣненіи къ вопросу о будущей судьбѣ занимающей насъ здѣсь особой, хотя и весьма распространенной формы заблужденія, эти выводы изъ теоріи эволюціи, очевидно, только подтверждаютъ общія заключенія, которыя были достигнуты нами при помощи закона соотношенія между науками и философіей.

IV. Отрицаніе супранатурализма.

20. Въ заключеніе двухъ главъ, которыя были посвящены нами разсмотрѣнію наиболѣе важныхъ вопросовъ, связанныхъ съ существованіемъ супранатурализма въ умственномъ быту человѣчества,

---

[1]) James Sully: On illusions, — a psychological study (International Scientific Series), стр. 333—4.

[2]) Ibidem.

весьма естественно будетъ сказать нѣсколько словъ объ отрицательномъ отношеніи мысли къ этому циклу идей и о значеніи такого отрицанія для науки и философіи.

На нашъ взглядъ, совокупность мнѣній, которую мы обозначаемъ здѣсь малоупотребительною перифразою „отрицаніе супранатурализма“, составляетъ не что̀ иное, какъ начало или точку исхода всякой метафизики, насколько послѣдняя разнится отъ исторически предшествовавшаго ей міровоззрѣнія. Отъ первобытнаго фетишизма, отъ политеизма, заступающаго его мѣсто, отъ завершающаго процессъ развитія монотеизма, однимъ словомъ, отъ всякаго опредѣленнаго мірообъяснительнаго антропоморфизма остаются въ метафизикѣ, какъ общее правило, только слабые и ничтожные слѣды. Но и этотъ осадокъ міросозерцанія другой эпохи вскорѣ вовсе исчезаетъ въ послѣдовательномъ матеріализмѣ, который является первымъ глашатаемъ и самымъ стойкимъ распространителемъ отрицательныхъ взглядовъ. Не менѣе успѣшно, хотя гораздо медленнѣе, совершается процессъ окончательнаго выключенія послѣднихъ слѣдовъ супранатурализма и изъ двухъ другихъ разновидностей метафизики. Дѣйствительно, стоитъ только нѣсколько пристальнѣе вглядѣться въ сущность ученій сенсуализма и идеализма, и мы вполнѣ убѣдимся, что всякій теизмъ и пантеизмъ этихъ школъ неминуемо сводится, въ концѣ концовъ, къ простому отрицанію супранатурализма, въ болѣе или менѣе несмѣлой и двусмысленной формѣ. Какъ справедливо замѣчаетъ матеріалистъ Лефевръ [1]), такія положенія,

[1]) Renaissance du matérialisme, стр. 154.

какъ „сверхъестественная сила безлична, она пребываетъ въ человѣчествѣ, она есть все или присуща всему“, вполнѣ равносильны отрицанію сверхъестественнаго во всѣхъ его видахъ (88 bis). Не менѣе мѣтко характеризуетъ сущность метафизическаго супранатурализма и нашъ Герценъ, который въ одномъ изъ писемъ своихъ къ теисту Маццини называетъ теизмъ, вѣру раціоналистовъ, „представительною системою, приложенною къ вѣрѣ, религіею, окруженною атеистическими учрежденіями“ [1]).

Итакъ, „отрицаніе“ матеріалистовъ составляетъ лишь болѣе рѣзкую и опредѣленную форму теизма идеалистовъ, и наоборотъ. Такое отрицаніе присуще всякой метафизикѣ, какъ міровоззрѣнію, вытѣсняющему собою сверхъестественное объясненіе міра; такое отрицаніе есть первое, основное отличіе метафизики отъ супранатурализма, — самый главный признакъ, которымъ дифференцируются эти два, столь сродныя между собою въ другихъ отношеніяхъ, направленія человѣческой мысли. Но не менѣе ясно и то, что такое „отрицаніе,“ составляя исходную точку всякой метафизики, должно въ то же время и, такъ сказать, a fortiori, быть исходной точкою и научной философіи: ибо изъ того, что научная философія отвергаетъ всякую метафизику, не слѣдуетъ, конечно, что она относится иначе къ первоначальной и наиболѣе элементарной формѣ послѣдней, къ супранатурализму. А потому мы полагаемъ, что многое изъ того, что говорилось и писалось въ средѣ, напримѣръ, позитивистовъ противъ положенія, занятаго въ этомъ вопросѣ мате-

---

[1]) Собр соч. т. X, стр. 6.

ріалистами, составляетъ плодъ простого недоразумѣнія, поддерживаемаго сенсуалистическими теоріями познаванія, или же всецѣло относится не къ самому содержанію отрицательной доктрины матеріализма, а къ тому ложному методу, при помощи котораго приверженцы этого ученія и въ данномъ случаѣ успѣли превратить неоспоримую истину частной науки въ общую и непровѣряемую гипотезу философіи.

Но давно пора, въ вопросѣ о супранатурализмѣ, разсѣять основное недоразумѣніе, сложившееся подъ вліяніемъ сенсуалистической теоріи непознаваемаго; давно пора возвратить отрицательному концепту матеріалистовъ утраченное имъ по винѣ послѣднихъ значеніе частнаго факта и частной истины психологіи. Попытаемся же, съ своей стороны, содѣйствовать достиженію этой цѣли немногими слѣдующими краткими указаніями.

21. „Непознаваемое“ сенсуалистовъ и мыслителей, вполнѣ усвоившихъ себѣ эту часть ученія сенсуализма, есть не что̀ иное, строго говоря, какъ еще болѣе общая и неопредѣленная форма, принимаемая и безъ того общимъ и неопредѣленнымъ содержаніемъ теизма или пантеизма. Въ этомъ смыслѣ безусловно правъ Спенсеръ, утверждающій, что „непознаваемое философіи“ должно, рано или поздно, отожествиться съ „непознаваемымъ наиболѣе совершенной и раціональной формы супранатурализма“. Это неминуемо случится уже потому, что, рано или поздно, для всѣхъ сдѣлается яснымъ, что между философіей, ставящей въ основу своихъ воззрѣній „непознаваемое,“ и супранатурализмомъ, радикально и навсегда отрѣшившимся

отъ всякаго догматическаго содержанія, нѣтъ и не можетъ быть никакого различія по существу. Но тѣмъ удивительнѣе представляется софизмъ, въ который въ то же время впадаетъ Спенсеръ и который заключается въ произвольной замѣнѣ, въ приведенномъ выше тезисѣ, непознаваемаго метафизики непознаваемымъ науки, или въ полномъ приравненіи перваго понятія къ послѣднему. Наука, знаніе, это только другія выраженія для познаваемаго, точно такъ же, какъ метафизика и супранатурализмъ — для непознаваемаго. „Непознаваемое науки“ есть поэтому нелѣпость— понятіе, которое само себѣ противорѣчитъ и само себя отрицаетъ. Наука только „познаетъ“; она есть вся „познаніе“; и лучшимъ тому доказательствомъ служитъ то, что она съ теченіемъ времени приводитъ къ условіямъ обыкновенной „познаваемости“ большинство задачъ, передъ которыми и супранатурализмъ, и метафизика постоянно останавливались, громко исповѣдуя ихъ окончательную недоступность обыкновеннымъ средствамъ знанія (и доступность вѣрѣ, экстатическому провидѣнію и т. п.). Какъ на характеристическій примѣръ въ этомъ отношеніи, укажемъ на длинный рядъ онтологическихъ вопросовъ о сущности времени, пространства, силы, матеріи, духа и т. д.,—вопросовъ, которые на глазахъ нашихъ все болѣе и болѣе переходятъ изъ области общихъ гипотезъ философіи въ область частныхъ фактовъ, изучаемыхъ опытнымъ путемъ въ психологіи.

22. Какъ бы то ни было, впрочемъ, но изъ того, что теорія непознаваемаго составляетъ, въ извѣ-

стномъ смыслѣ, только еще болѣе неопредѣленную форму, принимаемую теизмомъ, прямо слѣдуетъ, что и къ ней приложимо сказанное нами о послѣднемъ ученіи, какъ о несмѣломъ и не совсѣмъ выяснившемся отрицаніи „сверхъестественнаго“.

Близкое родство „отрицанія“ матеріалистовъ, теизма или пантеизма идеалистовъ и теоріи непознаваемаго сенсуалистовъ не подлежитъ для насъ, такимъ образомъ, никакому сомнѣнію: близкое родство этихъ доктринъ и та особенность, въ силу которой каждая изъ нихъ представляетъ одновременно двоякій смыслъ, имѣетъ двѣ стороны: одну, съ положительнымъ, хотя и глубоко гипотетическимъ содержаніемъ, обращенную къ прошедшему и составляющую прямое наслѣдіе первобытнаго супранатурализма,—и другую, съ содержаніемъ отрицательнымъ, хотя и легко провѣряемымъ, обращенную къ будущему и составляющую общую нить, которою всѣ три типа метафизики прочно связываются съ естественною и законною преемницею ихъ—философіей наукъ.

Двойственность эта весьма замѣчательна. Она-то, по нашему мнѣнію, и является главною причиною сплошного недоразумѣнія, все еще окружающаго въ философской литературѣ затронутые нами вопросы. Между тѣмъ, если мы не ошибаемся, происхожденіе и истинное значеніе этой черты могутъ быть объяснены очень просто. Подобно тому, какъ существуютъ двойные софизмы, раскрытіе которыхъ, какъ извѣстно, сопряжено съ большими затрудненіями [1]), встрѣчаются и двойныя гипотезы,

---

[1]) Funck-Brentano· „Les sophistes grecs et les sophistes contemporains“. Paris. 1879.

т. е. предположенія, которыя по внѣшнему облику своему кажутся вполнѣ однородными или относящимися къ одному только разряду предметовъ, но которыя въ сущности, какъ показываетъ болѣе внимательный и глубокій анализъ, содержатъ въ себѣ два независимыхъ другъ отъ друга и большею частью совершенно разнородныхъ утвержденія; изъ нихъ одно выражено явно, а другое только подразумѣвается.

Гипотезы этого рода не рѣдкость въ прежней философіи, и нѣтъ надобности пояснять, что именно этому обстоятельству и долженъ быть главнымъ образомъ приписанъ двусмысленный характеръ многихъ, весьма важныхъ положеній метафизики. Но не трудно доказать также, что различныя формы, въ которыя облекалось, въ трехъ главныхъ направленіяхъ метафизической мысли, отрицательное отношеніе послѣдней къ основной гипотезѣ всякаго супранатурализма (а именно: рѣзкая и откровенная вражда матеріалистовъ, нерѣшительный антагонизмъ идеалистовъ, скрытый подъ наружною маскою неискренняго и одинаково тягостнаго для обѣихъ сторонъ союза и, наконецъ, отношеніе, усвоенное сенсуалистами и занимающее, какъ весь сенсуализмъ между обѣими крайностями метафизики, среднее мѣсто между этими двумя оттѣнками, между максимумомъ и минимумомъ отрицанія, вообще возможнаго для метафизической мысли),—не трудно доказать, говоримъ мы, что каждое изъ этихъ ученій имѣетъ своею исходною точкою двойную гипотезу.

23. Сравнимъ въ этомъ отношеніи только сенсуалистическую теорію непознаваемаго съ воззрѣніемъ

матеріалистовъ на занимающій насъ вопросъ. Если гипотезу, лежащую въ основѣ ученія о непознаваемомъ, разложить на ея составныя части, то въ результатѣ получатся два предположенія, не имѣющія ничего общаго ни въ методологическомъ отношеніи, ни по самому содержанію своему. Эти предположенія являются тѣсно слитыми между собою, повидимому, съ единственною цѣлью скрыть глубокую произвольность и конечную непровѣряемость одного изъ нихъ подъ эмпирическою необходимостью и легкою провѣряемостью другого. Дѣйствительно, въ неразрывной связи съ гадательнымъ утвержденіемъ, что за предѣлами опыта существуетъ еще что̀-то, нуменъ, вещь сама въ себѣ, теорія непознаваемаго усердно пропагандируетъ и постоянно выставляетъ на видъ тезисъ, одинаково приложимый и къ нуменамъ первой, непровѣряемой гипотезы, и ко всякому конкретному, воспринимаемому чувствами разряду явленій, именно— тезисъ, состоящій изъ такой безспорной тавтологіи: нельзя знать того, что̀ не наблюдено, не изслѣдовано тѣми или другими методами, находящимися въ распоряженіи науки, или, однимъ словомъ, нельзя знать того, что̀ не познано.

Но такую же искусную смѣсь бьющаго въ глаза эмпиризма съ непровѣряемыми созданіями фантазіи не трудно открыть и въ метафизическомъ отрицаніи супранатурализма, при чемъ легко убѣдиться и въ томъ, что теорія непознаваемаго сенсуалистовъ и отрицаніе этого рода составляютъ лишь двѣ варіаціи на одну и ту же основную тему.

Дѣйствительно, метафизическое отрицаніе сверхъестественнаго также состоитъ изъ двухъ утвержденій. Одно изъ нихъ исчерпывается аргумента-

ціей, что сверхъестественнаго не наблюдали и т. д. и что, слѣдовательно, оно не существуетъ для познанія, которое есть единственное основаніе и сознанія. Это отрицаніе вполнѣ совпадаетъ съ эмпирическою половиной теоріи непознаваемаго и составляетъ, очевидно, только частное примѣненіе ея къ данному случаю

Другое утвержденіе ничѣмъ органически не связано съ первымъ, но оно, въ свою очередь, можетъ быть разсматриваемо, какъ выводъ изъ теоріи непознаваемаго, какъ частный случай второй, непровѣряемой половины этой теоріи. Эта сторона матеріалистической доктрины состоитъ въ произвольномъ утвержденіи, что въ мірѣ нуменовъ, въ области непознаваемаго нѣтъ мѣста, in concreto, для особаго вида нумена, съ обычными атрибутами сверхъестественнаго существа. Только въ этой формѣ постоянно и выражалось, исторически, отрицаніе сверхъестественнаго; ибо само собою разумѣется, что если бы доктрина эта не признавала вообще непознаваемаго, не дѣлала бы изъ него краеугольнаго камня философскаго зданія, ей не было бы и надобности утверждать, что непознаваемое не существуетъ именно sub specie divinitatis: она въ такомъ случаѣ могла бы удовольствоваться эмпирическимъ фактомъ, постоянно и всюду констатируемымъ раціональною формою философскаго и научнаго отрицанія сверхъестественнаго.

Этими указаніями, несмотря на всю отрывочность ихъ, мы здѣсь ограничимся уже въ виду того, что всякая попытка придать имъ большее развитіе завела бы насъ далеко за предѣлы настоящей главы (89).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ФИЛОСОФІЯ ПРОШЕДШАГО И НАУКА.

1. Постановка вопроса о будущемъ метафизики. — 2. Вліяніе философіи на науку и науки на философію.—3. Роль научнаго фактора. — 4. Необходимость специальныхъ философій отвлеченныхъ наукъ, какъ промежуточныхъ звеньевъ между послѣдними и общею философіею, резюмирующею ихъ результаты.— 5. Два параллельныхъ теченія въ исторіи метафизики. Обращеніе метафизическихъ системъ въ спеціальныя философіи болѣе или менѣе значительныхъ группъ отвлеченныхъ наукъ. Дальнѣйшая спеціализація. Постепенное замѣщеніе метафизики метапсихологіей и металогикой.—6. Условное значеніе полноты и единства метафизическаго міропониманія. Метафизика, какъ особая форма вырожденія спеціальнаго знанія. — 7. Вліяніе апріорной философіи на развитіе спеціальныхъ наукъ.—8. Соціологическія условія научнаго прогресса. — 9. Медленное вымираніе прежнихъ типовъ философской мысли.—10. Объективныя и субъективныя условія существованія метафизики —11. Ученіе о непознаваемомъ въ періодъ процвѣтанія и во время упадка метафизики. — 12. Смѣшеніе „непознаваемаго“ съ „несводимымъ“. — 13. Защита апріорной философіи, какъ особаго вида эстетическаго творчества. — 14 Процессъ отвлеченія въ наукѣ, философіи и искусствѣ. Связь искусства съ наукою и философіей. Основное различіе между научнымъ и философскимъ творчествомъ и творчествомъ искусства. — 15. Остановка аналитическаго процесса мысли на низшихъ ступеняхъ его и обратный переходъ отъ общаго къ индивидуальному. Истинная сущность искусства Общее значеніе „химерическаго“ въ умственной и эстетической сферѣ.—16. Метафизическое заблужденіе и философская истина.—17. Новая теорія истины и заблужденія.—18. Спеціальныя науки, какъ источникъ метафизики и научной философіи.

1. Отъ вѣроятной будущности супранатурализма, опредѣляемой ближайшимъ образомъ, какъ мы видѣли, отношеніями этого соціологическаго факта и перваго крупнаго итога умственной эволюціи человѣчества къ двумъ другимъ общимъ результатамъ того же непрерывнаго развитія, къ философіи и наукѣ, — перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію вѣроятной будущности философіи, какъ она сложилась исторически, въ видѣ м е т а ф и з и к и.

Вопросъ о будущей судьбѣ метафизики самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ вопросомъ объ отношеніяхъ этого общаго способа пониманія міра къ ряду великихъ истинъ отвлеченнаго характера, медленно открываемыхъ частными науками и еще медленнѣе проникающихъ въ сознаніе сплошныхъ массъ человѣчества.

Изслѣдованію этихъ отношеній была посвящена не малая часть настоящаго труда. Не говоря уже объ отдѣльныхъ замѣчаніяхъ и сближеніяхъ, разсѣянныхъ въ различныхъ мѣстахъ этой книги [1]), самые общіе выводы наши по этому капитальному вопросу, какъ извѣстно читателю, всецѣло содержатся въ двухъ краткихъ формулахъ—закона трехъ типовъ и закона соотношенія. Предстоящая намъ на слѣдующихъ страницахъ задача съуживается, такимъ образомъ, сама собою. Она должна будетъ состоять въ такомъ дальнѣйшемъ развитіи установленныхъ нами ранѣе общихъ положеній, которое помогло бы читателю перейти отъ соціологической теоріи къ соціологическому примѣненію и позво-

1) См. часть I-ую, стр. 4, 8—10, 15, 25—28, 48—50, 52—55, 73, 75—81, 86—88, 91—94, 219—224.

лило бы ему, если не окончательно рѣшить, то по крайней мѣрѣ правильно поставить вопросъ о будущей судьбѣ метафизики. Но именно въ этихъ видахъ намъ придется еще разъ вернуться здѣсь къ двумъ вопросамъ, которые отчасти, хотя и съ иной точки зрѣнія, уже были разсмотрѣны нами въ предыдущемъ изложеніи. Первый изъ нихъ касается взаимной зависимости философскихъ и научныхъ идей, а второй — причинъ, которыми обусловливается медленный процессъ вымиранія прежнихъ типовъ философской мысли, и признаковъ, въ которыхъ это обнаруживается. Въ заключеніе, мы остановимъ вниманіе читателя на той общей роли, которая всегда принадлежала метафизическому заблужденію въ дѣлѣ расчистки и подготовки почвы для философской истины.

1. Вліяніе науки на метафизику и метафизики на науку.

2. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что, будучи одновременными продуктами общественнаго развитія, философія и наука не могли, такъ или иначе, въ той или другой степени, не вліять другъ на друга. Вліяніе это, въ особенности со стороны философіи, весьма часто преувеличивали. Философіи приписывали въ научной эволюціи человѣчества такую исключительную и господствующую роль, какой она въ дѣйствительности никогда не имѣла и имѣть не могла. Но желаніемъ избѣжать этой крайности нельзя, конечно, извинить и противоположной ошибки, состоящей въ совершенномъ отрицаніи взаимной зависимости двухъ параллельныхъ процессовъ научнаго и философскаго развитія.

Несомнѣнно, далѣе, что на судьбы науки и фи-

лософіи постоянное дѣйствіе оказывали и нравы, и обычаи, и языкъ, и литература и, наконецъ, исторія, разсматриваемая какъ рядъ послѣдовательныхъ фактовъ и событій. Съ этой чисто соціологической точки зрѣнія, между наукою и философіею долженъ былъ очень рано установиться непрерывный и весьма дѣятельный обмѣнъ воззрѣній, гипотезъ, руководящихъ идей и общихъ результатовъ. Не о реакціяхъ этого рода, однако, можетъ итти здѣсь рѣчь. Вопросъ ставится нѣсколько иначе. Было ли постоянное, прямое руководящее направленіе съ той или другой стороны, и если было, то съ какой именно?

Отвѣтъ, который на этотъ вопросъ даютъ два закона соціологіи, выведенные нами въ предыдущихъ главахъ изъ разсмотрѣнія соотвѣтствующихъ историческихъ фактовъ, въ одномъ отношеніи представляется недостаточно полнымъ и яснымъ: именно, этимъ отвѣтомъ оставлено въ тѣни слѣдующее важное обстоятельство, на которое мы здѣсь и обратимъ прежде всего вниманіе.

Хотя философія, вообще, не могла дѣлиться съ наукою ни своимъ содержаніемъ, ибо ея гипотезы были сами спеціальнаго происхожденія, ни своимъ методомъ, ибо послѣдній былъ лишь незаконнымъ расширеніемъ или искаженіемъ научныхъ способовъ открытія истины,—однако, съ другой стороны, и руководящая, направляющая роль науки въ дѣлѣ философіи подлежала всегда двумъ существеннымъ ограниченіямъ. Во первыхъ, наука безразлично и потому совершенно пассивно дѣлилась своимъ содержаніемъ со всѣми отраслями человѣческой мысли и дѣятельности, въ томъ числѣ и съ философіей; эта характеристическая черта въ от-

ношеніяхъ науки и философіи съ особенною силою сказалась въ рядѣ фактовъ, легшихъ въ основу закона трехъ типовъ метафизики. И во вторыхъ, научныя данныя, переходя въ философію, тѣмъ самымъ, повидимому, порывали свою прежнюю, живую связь съ наукою, понимаемою какъ совокупность извѣстныхъ методовъ открытія и доказательства. Судьба этихъ данныхъ въ философіи зависѣла уже не столько отъ дальнѣйшихъ успѣховъ той области знанія, откуда они были почерпнуты, сколько отъ первоначальныхъ условій, при которыхъ эти данныя какъ бы разъ навсегда становились достояніемъ спекулятивнаго ума.

Чѣмъ шире былъ горизонтъ, который съ высоты научныхъ фактовъ открывался передъ взорами мыслителя, т. е. чѣмъ обширнѣе былъ кругъ явленій, обнимаемый этими фактами, и чѣмъ лучше они сами были разработаны, тѣмъ менѣе, разъ навсегда, оставалось простора для творческой фантазіи философа и тѣмъ менѣе могъ послѣдній своими гипотетическими дополненіями измѣнить смыслъ данныхъ науки и извратить значеніе основанныхъ на нихъ истинъ. И напротивъ, чѣмъ ничтожнѣе было въ количественномъ и качественномъ отношеніи содержаніе, которое изъ области наукъ переходило въ извѣстную эпоху въ область философіи, тѣмъ это содержаніе, опять-таки разъ навсегда, глубже и разностороннѣе захватывалось и видоизмѣнялось произвольными и непровѣряемыми гипотезами философовъ. Законъ соотношенія наукъ и философіи не идетъ далѣе простого утвержденія постоянства и всеобщности именно этого явленія, не выходя изъ тѣсныхъ предѣловъ котораго только и позволительно смотрѣть на общее состояніе наукъ въ дан-

ную эпоху, какъ на соціологическую причину соотвѣтствующаго состоянія метафизики въ тотъ же или ближайшій періодъ времени.

Но въ этихъ границахъ, ни законъ соотношенія, ни законъ трехъ типовъ ни мало не подрываютъ справедливости обычнаго взгляда на завѣдомое, сознательное различіе путей, которыми пользовались философія и наука для достиженія, въ сущности, однѣхъ и тѣхъ же цѣлей.

Въ наукѣ была всегда скрыта возможность будущаго міропониманія, или будущей философіи. Наука объясняла отдѣльныя части обширнаго цѣлаго, не зная, гдѣ и на чемъ она остановится; въ этой завоевательницѣ, по самой природѣ своей, какъ называлъ науку Клодъ Бернаръ, всегда жила смутная надежда на то, что, переходя отъ одной части къ другой, она именно такимъ путемъ, рано или поздно, обниметъ и цѣлое. Напротивъ того, философія прямо приступала къ объясненію гадательной суммы явленій, неизвѣстнаго мірового итога. Это коренное различіе въ пріемахъ проходитъ черезъ всю исторію наукъ и философскихъ системъ, и въ немъ, главнымъ образомъ, и выразилась преждевременность отдѣленія отъ древа спеціальнаго знанія незрѣлыхъ плодовъ философіи, которая только такою цѣною и могла пріобрѣсть внѣшній видъ самостоятельности. Но именно эту фазу развитія философіи, характеризуемую м н и м о ю н е з а в и с и м о с т ь ю ея отъ науки, и называютъ, или должно называть, м е т а ф и з и ч е с к и м ъ ея состояніемъ (90).

3. Войдемъ теперь въ болѣе подробное разсмотрѣніе роли, принадлежавшей каждому изъ двухъ

членовъ соотношенія, которое необходимо устанавливается между наукой, какъ объясненіемъ отдѣльныхъ частей мірового цѣлаго, и философіей, какъ пониманіемъ всей совокупности природы, — и начнемъ съ научнаго фактора.

Въ предыдущихъ главахъ мы старались доказать, что состояніе науки имѣетъ, при всѣхъ возможныхъ условіяхъ, самое глубокое и рѣшительное вліяніе на исторически соотвѣтствующее ему состояніе философіи. Подобно тому, говорили мы, какъ развитіе высшихъ отдѣловъ знанія происходило столько же въ области непосредственно предшествующихъ имъ наукъ, сколько въ ихъ собственныхъ предѣлахъ, такъ и развитіе философіи, въ трехъ, образовавшихся до сихъ поръ, наслоеніяхъ ея: теологической, или первичной, формаціи, метафизической, или вторичной, и современной, полунаучной,—совершалось уже въ нѣдрахъ спеціальныхъ наукъ, которыя являлись постояннымъ источникомъ, снабжавшимъ философію и матеріаломъ для построенія ея общихъ гипотезъ, и фактическими аргументами, посредствомъ которыхъ эти гипотезы впослѣдствіи опровергались. Къ этому прочному результату нашего изслѣдованія, или къ этой главной, существенной чертѣ историческаго процесса развитія философіи, мы здѣсь не видимъ надобности возвращаться [1]). Но нѣкоторыя другія стороны той же эволюціи нуждаются, какъ намъ кажется, въ дополнительномъ освѣщеніи.

Способъ, которымъ наука постоянно дѣйствовала на философскую мысль, то направляя ее въ пло-

---

[1]) См. ч. I, стр. 75—81, 219—221 и др

ское русло религіознаго квіэтизма, то открывая ей выходъ въ глубокое и извилистое ложе метафизическихъ водоворотовъ, то, наконецъ, заставляя ее держаться по возможности ближе къ твердому берегу эмпирическаго познанія явленій, ясно отпечатлѣнъ уже на тѣхъ внѣшнихъ признакахъ, которыми общій характеръ развитія философіи отличается отъ общаго характера развитія наукъ.

Философская мысль безпокойно металась изъ одной крайности въ другую. Торжество матеріализма неизмѣнно вело къ господству идеалистическаго направленія, а усиленіе послѣдняго вызывало, какъ необходимую реакцію, распространеніе матеріалистическихъ взглядовъ. За двумя такими волнами, отдѣляя ихъ отъ новой смѣны матеріалистическаго прилива идеалистическимъ отливомъ, наступалъ обыкновенно періодъ господства средняго направленія: особымъ расположеніемъ умовъ начинали пользоваться безплодныя попытки сенсуализма, стремившагося, въ свою очередь, положить конецъ вѣчнымъ колебаніямъ философской мысли. Дѣло въ томъ, однако, что эти черты, свойственныя развитію метафизики, не могутъ быть объяснены ни простымъ указаніемъ на склонность, будто бы присущую человѣческому уму, быстро переходить отъ одной крайности къ другой, ни ссылкою на историческій фактъ, что метафизика никогда серьезно не пробовала пользоваться строгими методами точныхъ наукъ.

Не только въ области философіи, но и въ области спеціальныхъ наукъ употребленіе научныхъ методовъ не всегда возможно. Оно находится въ полной зависимости отъ наличности извѣстныхъ условій и между ними, на первомъ планѣ, отъ

предварительной, научной же установки исходныхъ точекъ, отъ которыхъ только и могутъ отправляться, въ своихъ наблюденіяхъ и обобщеніяхъ, въ одномъ случаѣ философія, а въ другомъ спеціальныя науки. И потому ошибаются тѣ, кто подобно Ланге, Герингу и другимъ послѣдователямъ современныхъ научно-философскихъ системъ, полагаетъ, что приключенія метафизики, какъ одинъ изъ нихъ называетъ внезапные переходы ея отъ одной крайности къ другой, зависѣли исключительно отъ того, что наука была безсильна заставить философскую мысль перенять у нея свойственный ей способъ изслѣдованія; и еще болѣе ошибаются тѣ, кто, какъ, напримѣръ, русскій философъ Милославскій, извѣстный англійскій ученый Гэксли, или датскій философъ Кроманъ, отъ простой замѣны одного метода другимъ ожидаетъ кореннаго преобразованія философіи.

Прежде, чѣмъ вліять на философію своимъ методомъ, положительное знаніе должно глубоко повлять на нее содержаніемъ всего ряда спеціальныхъ наукъ, то есть, дать ей то, къ чему можно было бы приложить дѣйствительно научный способъ обработки. Такое вліяніе на философію, вліяніе не методологическаго, а, такъ сказать, матеріальнаго и догматическаго характера, и оказывала всегда въ дѣйствительности наука.

Скудность научнаго матеріала (еще болѣе выражавшаяся въ существованіи значительныхъ пробѣловъ въ рядѣ отвлеченныхъ наукъ, чѣмъ въ ничтожности успѣховъ, достигнутыхъ уже установившимися отраслями знанія) и недостаточная предварительная обработка этого матеріала (выражавшаяся въ отсутствіи спеціальныхъ философій хотя бы

только наличныхъ наукъ) были двумя дѣятельными причинами, постоянно порождавшими и поддерживавшими метафизическія стремленія и привычки ума.

Первая причина имѣла особенную силу во всемъ прошедшемъ философіи, или до наступленія той знаменательной эпохи въ исторіи мірообъяснительныхъ попытокъ, когда впервые была сознана настоятельная необходимость завершенія цикла точныхъ наукъ включеніемъ въ ихъ число біологическихъ и соціологическихъ знаній, и самое завершеніе это было впервые положено въ основу всякой реформы въ области философскихъ идей. Вторая же причина, или отсутствіе спеціальныхъ философій отдѣльныхъ наукъ, даетъ себя чувствовать преимущественно въ настоящее время, содѣйствуя мимолетному господству межеумочныхъ формъ современной философіи и являясь главнымъ тормазомъ на пути дѣйствительнаго объединенія общихъ результатовъ современнаго знанія.

Какъ бы то ни было, впрочемъ, указанное положеніе вещей, длившееся цѣлые вѣка и не перестающее и теперь тяготѣть надъ судьбами философіи, никогда не побуждало послѣднюю искать выхода въ созданіи собственнаго, самостоятельнаго содержанія, въ матеріальномъ, а не формальномъ только, отмежеваніи себѣ области, отличной отъ той, на которой искони водрузила свое побѣдоносное знамя наука. Фактъ этотъ имѣетъ громадное значеніе для оцѣнки будущаго развитія философіи. Онъ до очевидности доказываетъ, что другого матеріала, надъ которымъ могла бы работать философія, кромѣ научнаго, нѣтъ и быть не можетъ,— что, въ свою очередь, зависитъ отъ глубокаго психологическаго единства человѣческой мысли, которая

либо стремится къ познанію отдѣльныхъ явленій, либо направлена къ пониманію ихъ общей связи.

Само собою разумѣется также, что если зависимость содержанія философіи отъ содержанія науки прочно установилась уже въ эпохи сравнительной бѣдности и необработанности научнаго матеріала, то основное отношеніе это можетъ только расти и крѣпнуть по мѣрѣ развитія и окончательнаго образованія двухъ концентрическихъ круговъ отвлеченныхъ наукъ и соотвѣтствующихъ имъ спеціальныхъ философій (90 bis).

4. Отъ условій, при которыхъ положительному знанію приходится дѣйствовать и вліять на философскую мысль, всецѣло зависитъ какъ общее направленіе, принимаемое послѣднею, такъ и особенный характеръ вырабатываемыхъ ею міропониманій. Тезисъ этотъ до мельчайшихъ подробностей подтверждается всею исторіею философіи. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, остановимся на замѣчаніи Ланге, что точныя изслѣдованія должны составлять насущный хлѣбъ философа, и что никакая философія не мыслима безъ знакомства съ наиболѣе важными результатами и главными методами открытія всѣхъ наукъ, изучающихъ природу. [1]) Замѣчаніе это справедливо въ теоріи, но на практикѣ, конечно, составляетъ, даже въ отношеніи къ самымъ передовымъ системамъ нынѣшней философіи, только „благочестивое“ желаніе. Относительно же философіи прошедшаго, или метафизики, мнѣніе Ланге можетъ имѣть лишь глубоко отрицательное или критическое значеніе. Метафизика была такою

[1]) Op. cit, т. II, стр. 636.

же служанкою науки, ancilla scientiae, какъ и лучшія изъ современныхъ системъ; но повелительница ея еще менѣе, чѣмъ теперь, соединяла въ себѣ условія, необходимыя для того, чтобы заставить философію твердо и неуклонно слѣдовать малѣйшимъ ея указаніямъ. И Либихъ былъ, поэтому, совершенно правъ, когда въ своихъ „Письмахъ о химіи“ называлъ матеріалистовъ простыми дилеттантами въ естественныхъ наукахъ; такими же дилеттантами въ области психологіи и соціологіи были несомнѣнно и всѣ идеалисты. Вся метафизика получаетъ такимъ образомъ, въ глазахъ историка, значеніе одного сплошного дилеттантизма въ различныхъ областяхъ человѣческаго знанія. Но эта историческая черта философіи всего лучше доказываетъ, что если, согласно съ мыслью Огюста Конта, изъ изученія общностей и слѣдуетъ сдѣлать одну лишнюю спеціальность, то самое осуществленіе этой мысли достижимо лишь подъ условіемъ созданія частныхъ философій отвлеченныхъ наукъ, какъ необходимыхъ промежуточныхъ звеньевъ между послѣдними и общей философіею, резюмирующею ихъ результаты: ибо, только располагая полнымъ рядомъ такихъ спеціальныхъ философій, можетъ мыслитель достигнуть истинной цѣли своихъ объединительныхъ усилій, т. е. глубоко и всесторонне, а не въ качествѣ простого дилеттанта, обнять всѣ безъ исключенія области знанія (90 ter).

Это настолько справедливо и, замѣтимъ въ скобкахъ, такъ хорошо рисуетъ родъ и свойства зависимости, въ которой философія всегда находилась отъ науки, что метафизика,—или живое отрицаніе всякой постепенности, всѣхъ посредствующихъ ступе-

ней между эмпирическимъ или матеріальнымъ и теоретическимъ или формальнымъ знаніемъ — сама въ теченіе всей своей исторіи только и дѣлала, что собственнымъ безсознательнымъ примѣромъ постоянно подтверждала явную невозможность избѣгнуть этой постепенности, или немыслимость обойтись безъ этихъ промежуточныхъ и подготовительныхъ ступеней.

Всѣ старанія метафизики достигнуть разомъ, однимъ напряженіемъ познавательныхъ способностей, высшаго уровня возможнаго знанія, оставались безплодными, кончались всегда плачевными неудачами. Законъ трехъ типовъ ясно доказываетъ, какъ ничтожна, сама по себѣ и въ своихъ результатахъ, была попытка человѣческаго ума освободиться отъ условій знанія, стать выше этихъ условій, достигнуть объединенія или обобщенія, называемаго міропониманіемъ, помимо науки, на другомъ пути, помощью гипотезы въ самомъ грубомъ и первоначальномъ ея видѣ, словомъ—попытка, извѣстная подъ названіемъ *апріорной философіи*. Дѣйствительно, какъ мы могли убѣдиться въ томъ на примѣрѣ всѣхъ безъ исключенія философскихъ системъ, въ своей погонѣ за абсолютнымъ единствомъ явленій, мысль апріорная безсознательно подчинялась тѣмъ же условіямъ, что и мысль апостеріорная. Она объединяла не всѣ, а только извѣстные разряды фактовъ, и притомъ тѣ же самые, которые въ спеціальныхъ наукахъ объединяются мыслью апостеріорною: міръ неорганическій, органическій, гиперорганическій — матеріализмъ, сенсуализмъ, идеализмъ. Вся разница заключалась въ томъ, что, обнимая часть, апріорный умъ полагалъ, что обнимаетъ цѣлое.

5. Исторія наукъ и философскихъ системъ доказываетъ, что абсолютныя идеи зарождаются самопроизвольно, а относительныя—составляютъ плодъ терпѣливаго изслѣдованія и медленнаго умственнаго развитія [1]). Но та же сравнительная исторія обнаруживаетъ полнѣйшую зависимость перваго генезиса отъ второго: она удостовѣряетъ, что зарожденіе абсолютныхъ идей могло имѣть мѣсто лишь при отсутствіи или слабомъ развитіи идей относительныхъ. Horror vacui былъ свойствомъ не природы вообще, а только природы человѣческаго ума. Свободныя мѣста, пустыри знанія постоянно привлекали метафизику; они-то и были почвой, на которой выростали абсолютныя идеи послѣдней.

Чтобъ убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ строго отличать, въ составѣ метафизическихъ системъ, плоды философской спекуляціи отъ результатовъ неразрывно съ ней связанной спекуляціи научной. Чѣмъ дальше въ прошедшее, тѣмъ болѣе научная спекуляція, не только у матеріалистовъ, но и у идеалистовъ, касается однѣхъ только низшихъ наукъ, и тѣмъ болѣе философская мысль стремится пополнить пробѣлы именно этого рода знанія; и напротивъ, чѣмъ ближе къ настоящему, тѣмъ болѣе научная спекуляція, сверхъ низшихъ, обнимаетъ и высшія отрасли—психологію и соціологію, и тѣмъ болѣе мысль философская стремится пополнить пробѣлы однѣхъ только послѣднихъ наукъ.

Такимъ образомъ, въ исторіи метафизическихъ попытокъ замѣчается два параллельныхъ теченія. Одно изъ нихъ, основное и преобладающее, обращаетъ метафизическія системы въ спеціальныя

---

[1]) Lange, op. cit. I, стр. 293.

философіи болѣе или менѣе значительныхъ группъ наукъ. Увлекаемая этимъ теченіемъ, метафизика какъ бы невольно сознается въ нарушеніи ею той постепенности въ переходѣ отъ частнаго знанія къ общему, о которой мы говорили выше, и какъ бы постоянно стремится искупить и загладить эту капитальную погрѣшность. Исторически, стремленіе это выразилось въ фактѣ распаденія апріорной философіи на три направленія.

Второе теченіе побуждаетъ метафизику еще болѣе съуживаться и спеціализироваться, собственно по мѣрѣ успѣховъ низшихъ наукъ, и обращаетъ ее такимъ образомъ мало-по-малу въ философію наименѣе изслѣдованныхъ группъ явленій. Всѣ три направленія метафизики одинаково вовлекались этимъ теченіемъ въ исключительное преслѣдованіе спеціальныхъ задачъ психологіи, которая, въ концѣ концовъ, и сдѣлалась центральною ареною, на которой стали происходить самыя ожесточенныя битвы и рѣшаться главнѣйшіе споры философіи. Матеріалистическая и идеалистическая метапсихологія и металогика, т. е. рѣшеніе чисто психологическихъ и логическихъ (теорія познаванія) вопросовъ при помощи общихъ и непровѣряемыхъ гипотезъ философіи, вытѣснили собою матеріалистическую, сенсуалистическую и идеалистическую метафизику въ первоначальномъ значеніи этого слова. И вотъ уже на этой вдвойнѣ, такъ сказать, спеціализированной почвѣ апріорная философія и принесла самый роскошный пустоцвѣтъ свой.

6. Но отсюда съ неотразимою силою вытекаетъ одно заключеніе: метафизика никогда не попол-

няла всѣхъ пробѣловъ человѣческаго знанія, никогда не была общею или высшею наукою, объединявшею всѣ остальныя. Ея полнота и единство существовали лишь въ воображеніи философовъ и были полнотою и единствомъ глухонѣмого, или даже слѣпого глухонѣмого, которому изъ всѣхъ чувствъ доступны только осязаніе и обоняніе. Метафизика пополняла своими гипотезами пробѣлы немногихъ отдѣльныхъ наукъ, превращая послѣднія въ метанауки и сама играя роль спеціальной философіи такихъ метанаукъ. Поэтому метафизика, если и была міропониманіемъ, то въ гораздо меньшей степени или несравненно менѣе цѣльнымъ, чѣмъ даже современный позитивизмъ съ его скромными притязаніями. Въ дѣйствительности же, она была особымъ видомъ „вырожденія“ спеціальнаго знанія, и этотъ характеръ ея обозначался тѣмъ рѣзче, чѣмъ полнѣе становился циклъ или рядъ отвлеченныхъ наукъ (91).

Циклъ этотъ представляетъ собою сумму отвѣтовъ, которые человѣческій умъ въ состояніи дать на вопросъ: „что̀ извѣстно намъ“? [1]) Эту-то сумму позитивизмъ, какъ мы его понимаемъ и признаемъ, выдаетъ за единственный способъ мірообъясненія, доступный въ настоящее время человѣческому уму. Метафизика же, не на словахъ, конечно, а въ дѣйствительности, не только не шла далѣе, но никогда не могла выполнить и этой умѣренной программы. Простымъ измѣненіемъ вопроса: „что̀ извѣстно намъ“? на вопросъ: „что̀ можемъ мы знать?“ (Кантъ) [2]) метафизика не расширяла своей

---

[1]) Huxley: Hume, sa vie, sa philosophie. 1880, стр. 64.
[2]) Ibidem, стр. 63 и 64.

задачи, а, напротивъ, съуживала ее до размѣровъ спеціальнаго изслѣдованія процессовъ мышленія; она низводила философію на степень психологіи или, другими словами, ставила пониманіе явленій человѣческаго духа на высоту общаго пониманія міра. Но при такихъ условіяхъ, даже объясненіе психологическихъ процессовъ не могло пріобрѣсть научнаго характера—и потому метафизика, переставъ, въ извѣстномъ смыслѣ, быть философіей, не сдѣлалась, въ другомъ, и научною психологіею (91 bis).

7. Обратимся теперь къ другой половинѣ занимающаго насъ вопроса, къ вліянію апріорной философіи на развитіе спеціальныхъ наукъ.

Мы уже упомянули объ обычномъ преувеличеніи роли метафизики въ этомъ отношеніи. Конечно, возведеніе цѣлаго ряда несознанныхъ иллюзій на степень высшаго регулятора умственной жизни не могло не сопровождаться извѣстными послѣдствіями для совокупности общественной эволюціи, а, слѣдовательно, не могло не влять и на прогрессивный ростъ положительнаго знанія, занимающаго въ этой эволюціи такое выдающееся мѣсто. Въ этомъ смыслѣ апріорная философія была несомнѣнно столько же дѣятельнымъ коэффиціентомъ, сколько и функціей общей культуры. Это заключеніе, однако, не выводитъ насъ изъ круга обыкновенной взаимной зависимости общественныхъ явленій и, въ добавокъ, содержитъ въ себѣ прямое указаніе на то, что реакція метафизики на науку, въ общемъ своемъ теченіи, должна была имѣть скорѣе задерживающій

характеръ, или являлась чѣмъ-то въ родѣ помѣхи, постепенно устраняемаго препятствія на пути положительнаго знанія. Будучи само послѣдствіемъ и признакомъ невѣжества и научной отсталости, процвѣтаніе апріорныхъ точекъ зрѣнія не могло, разумѣется, особенно споспѣшествовать быстрому переходу наукъ въ болѣе зрѣлое состояніе.

Но изъ этого общаго тезиса, который, мимоходомъ сказать, одинаково вѣренъ относительно всей апріорной философіи, безъ различія ея направленій, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы метафизика могла быть разсматриваема не только какъ единственная, но даже какъ главная причина, мѣшавшая поступательному движенію положительной науки. Одинаково ошибаются какъ тѣ, кто полагаетъ, что торжество одного какого-нибудь направленія апріорной мысли могло ускорить это движеніе, а господство другого—остановить его, такъ и тѣ, кто думаетъ, что стоило только снять съ науки метафизическія путы, чтобы заставить ее итти впередъ гигантскими шагами.

Примѣръ всего лучше объяснитъ нашу мысль и то различеніе, которое мы желали бы установить здѣсь. Такъ, даже такой осторожный мыслитель, какъ Ланге, не боится утверждать, что уже древній міръ могъ бы достигнуть громадныхъ результатовъ въ естествознаніи, еслибъ не побѣда аѳинской реакціи надъ натуралистическими стремленіями первыхъ школъ греческой философіи [1]). Но не трудно понять, что всѣ замѣчательныя положенія древняго натурализма, составляющія нынѣ основу матеріалистическаго монизма, — признаніе

[1]) Op. cit., T. I, стр. 16, и II, стр. 183.

вѣчности матеріи и необходимости всего существующаго, исключеніе случая изъ разряда дѣйствительныхъ причинъ явленій, сведеніе послѣднихъ къ соединенію и разъединенію, интеграціи и дезинтеграціи матеріальныхъ частицъ или атомовъ, и всѣхъ явленій вообще къ движенію, — не трудно понять, говоримъ мы, что всѣ эти положенія не могли въ древности, какъ не могутъ и теперь, прямо способствовать открытію ни одного естественнаго закона, и что, слѣдовательно, успѣхи естествознанія ни мало не зависѣли отъ господства этихъ тезисовъ или отъ пораженія, нанесеннаго противоположнымъ взглядамъ.

Нужды нѣтъ, что такія гипотезы и въ настоящее время еще многимъ кажутся послѣднимъ словомъ науки. Послѣднія слова науки тѣ и есть, которыя всего менѣе ей свойственны, которыя произносятся не ею, а отъ ея имени ея адептами, философствующими ненаучно, по прежнему способу, то есть, стремясь объяснить цѣлое — ранѣе объясненія хотя бы только главныхъ и существенныхъ частей, его составляющихъ. Конечно, спора нѣтъ, что матеріализмъ, вслѣдствіе причинъ, на которыя мы не разъ указывали и въ теченіе настоящей работы, и въ нашей книгѣ о соціологіи [1]), является философіею всего болѣе близкою и родственною будущему научному міросозерцанію или его непосредственному предвозвѣстнику — эмпирическому позитивизму. Но эта близость отнюдь не можетъ быть приписываема тому обстоятельству, что матеріализмъ сразу выставилъ всѣ или почти всѣ свои основныя положенія. То же самое, какъ

---

[1]) Соціологія, глава XI, стр. 350—356.

намъ уже извѣстно, сдѣлалъ и идеализмъ во всѣхъ его формахъ, и это мнимое достиженіе цѣли, эта обманчивая зрѣлость въ началѣ эволюціи представляютъ яркую противоположность первымъ шагамъ и всему ходу развитія науки. Близость эта не есть результатъ и самаго содержанія такихъ основоначальныхъ тезисовъ. Послѣдніе были и остаются гипотезами, которыя въ предѣлахъ спеціальнаго знанія могутъ быть не безполезны, могутъ подвигать науку впередъ, но которыя, будучи перенесены на почву философіи, не даютъ ей того, чего она ищетъ, а, напротивъ, надолго связываютъ ее различными иллюзіями, удерживаютъ ее неопредѣленное время на одномъ и томъ же мѣстѣ.

8. Наука не есть міропониманіе, а только трудный и медленный процессъ, ведущій къ этой цѣли. Гипотетическая же философія всегда была и до сихъ поръ остается міронепониманіемъ, выдающимъ себя за истинное объясненіе совокупности явленій. Только раскрывъ реальное значеніе терминовъ языка, можно ясно видѣть отношенія между понятіями, выражаемыми этими терминами. И вотъ, поступая такимъ образомъ въ занимающемъ насъ вопросѣ, нельзя не прійти къ убѣжденію, что міропониманіе, все равно, опирается ли оно на матеріалистическія или на идеалистическія основоположенія, не можетъ состоять въ прямой причинной связи съ процессомъ, ведущимъ къ пониманію міра. Съ соціологической точки зрѣнія, этотъ процессъ, или поступательное движеніе науки, находится въ тѣсной зависимости отъ множества факторовъ, въ числѣ которыхъ различныя

формы міронепониманія занимаютъ, во всякомъ случаѣ, второстепенное мѣсто. Главными двигателями тутъ должны считаться, въ области внутреннихъ причинъ, правильность или вѣрность спеціальнаго метода, вырабатываемаго каждою наукою своими собственными средствами, а въ области внѣшнихъ—досугъ и другія матеріальныя условія. Супранатурализмъ же и соперничающія съ нимъ болѣе тонкія формы міронепониманія являются уже отдаленными причинами, вліяющими на оживленіе или застой въ области частнаго знанія не прямо, а чрезъ посредство ближайшихъ факторовъ.

Подтвержденіе этого общаго вывода можно найти и въ біографической исторіи наукъ. Ученые съ глубоко развитымъ чувствомъ сверхъестественнаго, если можно такъ выразиться, идеалисты высшей пробы весьма часто двигали впередъ науку гораздо болѣе, чѣмъ матеріалисты или атеисты. Явленіе это объясняется просто тѣмъ, что, возвращаясь изъ области фантазіи къ научному дѣлу, такіе ученые твердо знали условія послѣдняго и въ своей спеціальности не легко сбивались съ истинной дороги. Другіе, напротивъ того, вносили и въ научныя изслѣдованія свои философскія грезы: все это случайности, неизбѣжно сопровождающія всякое поступательное движеніе. Но что различныя формы міронепониманія не имѣли преобладающаго вліянія на развитіе науки, ясно видно уже изъ того, что, не взирая на массу ученыхъ, которые въ той или другой степени раздѣляли заблужденія и были причастны иллюзіямъ супранатурализма и метафизики, наука не остановилась въ своемъ завоевательномъ шествіи, какъ это неминуемо должно было бы слу-

читься, если бъ между путемъ метафизики и путемъ науки, несмотря на нѣкоторыя точки соприкосновенія, не существовало глубокаго внутренняго различія (92).

II Признаки упадка и постепеннаго вымиранія метафизики.

9. Если основныя отношенія между наукою и философіею дѣйствительно таковы, какими мы ихъ изобразили выше, то вопросъ о судьбѣ, ожидающей метафизику въ близкомъ или отдаленномъ будущемъ, рѣшается самъ собою въ смыслѣ постепеннаго очищенія исторической сцены отъ типовъ философской мысли, занимавшихъ на этой сценѣ такое видное мѣсто въ прошедшемъ. Исчезновеніе этихъ типовъ можетъ происходить очень медленно, процессъ вымиранія метафизики можетъ растянуться на неопредѣленное время; легко можетъ случиться, наконецъ, что процессъ этотъ никогда не завершится, что въ неоднородномъ составѣ человѣческихъ обществъ всегда найдутся слои и группы, воспріимчивость коихъ къ иллюзіямъ метафизики всегда останется элементомъ, съ которымъ должны будутъ считаться и практическій государственный человѣкъ, и теоретическій ученый. Но все это не должно мѣшать признанію факта, что существуютъ дѣятельныя причины, упорно подтачивающія прежнія силу и обаяніе гипотетическаго способа объясненія совокупности явленій, что именно въ эту сторону указываетъ стрѣлка историческаго движенія, называемаго умственнымъ прогрессомъ, и что, поэтому, коренное обновленіе или возрожденіе апріорной философіи есть такая же пустая и неосуществимая

мечта, какъ коренное обновленіе или возрожденіе супранатурализма, въ какой бы то ни было формѣ.

Тусклый свѣтильникъ апріорной мысли еле мерцаетъ, теряясь въ яркомъ свѣтѣ, проливаемомъ апостеріорнымъ знаніемъ на тѣ самые вопросы и задачи, которые всегда считались неотчуждаемымъ достояніемъ метафизики. И если, по тѣмъ или другимъ изъ соціологическихъ причинъ, указанныхъ въ двухъ главахъ о супранатурализмѣ, метафизическому освѣщенію міра, можетъ статься, и суждено навсегда сохранить долю значенія въ духовной жизни человѣчества, то подобная роль можетъ принадлежать метафизикѣ не вопреки, а только въ силу общихъ законовъ жизненной конкуренціи, какъ одному изъ способовъ охраненія неразвитаго образованіемъ или слабаго отъ природы умственнаго зрѣнія отъ слишкомъ сильнаго дѣйствія прямыхъ лучей положительнаго знанія. Но оставляя въ сторонѣ такія явленія соціологическаго приспособленія, нельзя не видѣть, что главный источникъ, питающій метафизику, изсякаетъ по мѣрѣ того, какъ относительныя истины начинаютъ занимать въ наукѣ мѣсто абсолютныхъ и все болѣе и болѣе удовлетворительно объяснять природу.

10. Во всякомъ случаѣ, сначала теряютъ значеніе объективныя условія существованія метафизики, недостатокъ знаній и т. п., а потомъ и субъективныя, или многочисленныя иллюзіи нашего умственнаго зрѣнія. Между ними особеннаго вниманія заслуживаетъ самообманъ, состоящій въ томъ, что наиболѣе послѣдовательные мыслители, принявъ за исходную точку своихъ логически правильныхъ выводовъ невѣрные или неполные

итоги знанія, неизбѣжно снова приходятъ къ этимъ первоначальнымъ итогамъ, т. е. вращаются въ ложномъ кругѣ, разомкнуть который можетъ лишь внѣшняя, посторонняя сила и который именно по этой причинѣ и ставится такъ часто въ примѣръ и образецъ всякому научному изслѣдованію [1]). Но когда, вслѣдствіе успѣховъ положительнаго знанія, вмѣстѣ съ другими исчезаетъ, наконецъ, и эта иллюзія,—процессъ вымиранія метафизики уже находится, можно сказать, въ полномъ ходу. Приверженцы прежней философіи, всегда утверждавшіе, что метафизика есть высшее знаніе, есть общее звено, связывающее и объединяющее результаты, достигаемые порознь и независимо другъ отъ друга спеціальными изслѣдованіями, теперь прибѣгаютъ къ аргументаціи, наглядно обнаруживающей охватившее ихъ ряды смятеніе. Возможность дальнѣйшаго существованія метафизики они основываютъ уже на прямо противоположномъ доводѣ о коренномъ различіи задачъ, преслѣдуемыхъ метафизикою съ одной стороны, и научною философіею съ другой. Только послѣдняя, по словамъ ихъ, можетъ дѣйствительно стремиться къ объединенію разрозненныхъ результатовъ частнаго знанія; первая же должна откровенно сознаться въ недостижимости для нея такой цѣли. Метафизика, по этому взгляду, отнюдь не перестаетъ быть знаніемъ, но знаніемъ, уже не имѣющимъ ничего общаго, по самому существу своему, съ тѣмъ, которое накопляется частными науками и объединяется ихъ

---

[1]) Göring, System der kritischen Philosophie, II Theil, стр. 7.

философіей [1]). Другими словами, этимъ мнѣніемъ выставляется и защищается гипотеза о двойственности человѣческаго знанія: наука есть одинъ родъ знанія, метафизика—другой, т. е. такая гипотеза, которая даже въ нынѣшнемъ, хаотическомъ состояніи теоріи познаванія не можетъ не представляться крайне рискованною и противорѣчащею всѣмъ извѣстнымъ даннымъ физіологіи и психологіи.

11. Но между многочисленными признаками, свидѣтельствующими о постепенномъ упадкѣ и медленномъ разложеніи апріорной философіи, нѣтъ болѣе выдающихся и имѣющихъ болѣе важное значеніе, чѣмъ необычайно быстрые успѣхи, выпавшіе на долю „теоріи непознаваемаго“ во всѣхъ современныхъ системахъ, и одновременное распространеніе оригинальнаго ученія, согласно которому метафизика должна быть разсматриваема, какъ особая отрасль искусства. Скажемъ же здѣсь нѣсколько словъ по поводу того и другого явленія, одинаково рѣзко обнаруживающихъ безвыходное положеніе, въ которомъ въ настоящее время находятся всѣ метафизическія школы.

Читателю извѣстенъ нашъ взглядъ на ученіе о непознаваемомъ, какъ на самый зрѣлый плодъ вѣкового развитія метафизики, какъ на послѣдній результатъ глубокихъ измѣненій, которыя постепенно вносились всѣмъ ходомъ исторіи въ общій строй философской мысли. Благодаря тщательной обработкѣ, полученной ею изъ рукъ представителей позднѣйшаго сенсуализма, теорія эта пріобрѣла

---

1) Liard: La science positive et la métaphysique, Paris, 1879, стр. 53—57.

особенное значеніе именно въ нашу эпоху. Но это обстоятельство—разработка концепта непознаваемаго преимущественно сенсуалистами различныхъ оттѣнковъ,—нисколько не оправдываетъ того взгляда нѣкоторыхъ современныхъ мыслителей на взаимныя отношенія матеріализма и другихъ направленій метафизики, по которому только матеріализмъ, будто-бы, отвергаетъ концептъ непознаваемаго, а всѣ остальныя системы дѣлаютъ или могутъ сдѣлать изъ него свой базисъ или точку исхода [1]). Такое мнѣніе, объясняемое отчасти смѣшеніемъ, о которомъ мы скажемъ ниже, непознаваемаго съ несводимымъ, вдвойнѣ невѣрно: оно противорѣчитъ историческимъ фактамъ и не согласно съ тѣмъ, что происходитъ въ области метафизики уже на нашихъ глазахъ.

Въ развитіи метафизическихъ системъ, какъ въ эволюціи всякихъ увядающихъ организмовъ, нужно постоянно различать періодъ возрастанія и періодъ упадка. Въ первой фазѣ, за немногими исключеніями или „упрежденіями", отмѣченными нами въ своемъ мѣстѣ [2]), концептъ непознаваемаго оставался одинаково чуждъ всѣмъ тремъ направленіямъ философской мысли. Матеріализмъ сводилъ всѣ явленія къ матеріи, сенсуализмъ—къ ощущенію, идеализмъ—къ идеѣ или представленію, и каждая школа была болѣе или менѣе твердо убѣждена, что міръ можетъ быть познанъ именно такимъ, какимъ она его предполагала, какъ вещество, какъ ощущеніе, какъ представленіе. Но когда, благодаря успѣхамъ положительнаго знанія и смут-

---

1) См. напр. Lange, op. cit., II, стр. 156.

2) См. въ первой части—главу о сенсуализмѣ въ древности.

ному предчувствію возможности иного объясненія совокупности явленій, всѣ системы почти одновременно сознали свое конечное безсиліе, сознаніе это у всѣхъ выразилось возникновеніемъ и постепеннымъ развитіемъ теоріи непознаваемаго. Объ этомъ свидѣтельствуютъ философскіе труды передовыхъ мыслителей трехъ послѣднихъ столѣтій; и вотъ, между прочимъ, причина, по которой концептъ непознаваемаго является нынѣ и въ міросозерцаніи матеріалистовъ не менѣе умѣстнымъ и законнымъ, чѣмъ въ классическомъ сенсуализмѣ Локка и Юма, въ матеріалистическомъ сенсуализмѣ Кабаниса, Фейербаха или Дюбуа-Реймона, въ идеализмѣ Канта или даже въ позитивизмѣ Ог. Конта, Литтре и Вырубова.

12. Мы упомянули выше о склонности современныхъ мыслителей къ смѣшенію „несводимаго“ съ „непознаваемымъ“. Вопросъ этотъ имѣетъ огромное значеніе въ исторіи обоихъ концептовъ. Въ такое смѣшеніе понятій одинаково впадаютъ и матеріалисты, и сенсуалисты, и идеалисты. Полнѣйшій произволъ царствуетъ въ этомъ отношеніи въ теоріяхъ философовъ. Между матеріалистами есть такіе, которые видятъ непознаваемое въ одной только матеріи, какъ вещи самой въ себѣ, и такіе, которые раздваиваютъ этотъ концептъ, считая одинаково недоступными нашему познанію и вещество въ тѣсномъ смыслѣ слова, и его высшее проявленіе—сознаніе. Большинство современныхъ идеалистовъ точно также признаетъ механизмъ верховнымъ закономъ міра неорганическаго и даже біологическаго; но противополагая послѣднему съ крайнею рѣзкостью міръ психическій, одни изъ нихъ ви-

дятъ явные слѣды непознаваемаго только въ первыхъ двухъ отдѣлахъ природы, другіе же сталкиваются съ этимъ метафизическимъ призракомъ на каждомъ шагу и во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія. То же самое, въ сущности, можно сказать и о большинствѣ сенсуалистовъ. Словомъ, мы имѣемъ тутъ дѣло съ хаотическимъ состояніемъ мысли, которому, какъ намъ кажется, можно положить конецъ, только прибѣгнувъ къ строгому различенію между непознаваемымъ, съ одной стороны, и несводимымъ съ другой.

Несводимое отнюдь не составляетъ, какъ полагаютъ многіе, непознаваемаго науки, которому естественно противопоставлялось бы непознаваемое философіи; но несводимое не можетъ быть отожествляемо и съ послѣднимъ концептомъ, какъ то склонны думать собственно позитивисты. Философія утверждаетъ о непознаваемомъ, во первыхъ, что оно существуетъ, и во-вторыхъ, что оно недоступно нашимъ познавательнымъ средствамъ. Но такое утвержденіе философіи о непознаваемомъ не имѣетъ ничего общаго съ отношеніемъ науки къ несводимому. Не простая игра словъ заключается въ тезисѣ, что наука именно и познаетъ несводимое. Въ составъ знанія каждой отдѣльной науки входитъ рядъ точныхъ и неизмѣнныхъ, частныхъ и общихъ отношеній между явленіями, совокупность которыхъ не можетъ быть отожествляема съ совокупностью другихъ явленій, такимъ же подробнымъ и обстоятельнымъ образомъ изучаемыхъ въ другихъ наукахъ. Но это значитъ, что знаніе наще о несводимыхъ свойствахъ въ природѣ, вмѣщая въ себѣ тотъ признакъ, что свойства эти разныя, а не тожественныя, обнаруживаетъ одновременно и

наиболѣе общее отношеніе этихъ свойствъ между собою, или законъ только что указаннаго различія. Какія свойства необходимо сопровождаютъ другъ друга, въ какомъ порядкѣ они группируются (осложненіе свойствъ) и т. п.,—отвѣтъ на эти вопросы и составляетъ содержаніе наиболѣе общаго закона, который удалось открыть до сихъ поръ благодаря усиліямъ всего ряда спеціальныхъ наукъ, или результатъ чисто философскаго обобщенія, послужившаго основаніемъ для наиболѣе безупречной классификаціи человѣческаго знанія и исходною точкою для научнаго позитивизма.

Итакъ, концептъ несводимаго, который уже теперь имѣетъ право занять почетное мѣсто въ научной философіи, отнюдь не долженъ быть смѣшиваемъ съ концептомъ непознаваемаго, который, пока онъ не будетъ точно обслѣдованъ соотвѣтствующею спеціальною наукою, не можетъ принести философствующему уму рѣшительно никакой пользы. Между тѣмъ, именно между этими двумя понятіями обыкновенно и не дѣлается достаточно строгаго различенія,—обстоятельство, которое налагаетъ свою печать на всю современную философію, проникая оттуда и въ науку и являясь особенно важнымъ именно въ настоящую эпоху, когда оба смѣшиваемые между собою концепта впервые получили серьёзное развитіе, одно въ апріорномъ, а другое въ положительномъ міровоззрѣніи. Дѣйствительно, въ качествѣ руководящихъ идей, непознаваемое и несводимое одинаково являются продуктами новѣйшаго поворота въ философіи. Первый концептъ знаменуетъ собою тотъ моментъ въ исторіи философіи, когда метафизика сама болѣе или менѣе ясно сознала и открыто при-

знала свою несостоятельность, какъ міровоззрѣнія, основаннаго на данныхъ объективнаго знанія; а второй является первымъ проблескомъ свѣта въ густомъ мракѣ, со всѣхъ сторонъ еще окружающемъ новые пути, ведущіе къ общему и единому пониманію міра.

Отрицательный рядъ успѣховъ—такъ называемое развитіе философіи — породилъ концептъ непознаваемаго.

Положительный рядъ успѣховъ — развитіе науки—породилъ концептъ несводимаго.

Концептъ непознаваемаго — отрицательный по существу и по формѣ. Концептъ несводимаго — положительный по существу и отрицательный только по формѣ; онъ означаетъ еще: сущій самъ по себѣ, самостоятельный. И потому философское заблужденіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, можно сравнить съ ошибкою математика, который сталъ бы утверждать, что—А=+А на томъ только основаніи, что въ обѣихъ частяхъ уравненія мы имѣемъ одну и ту же величину А, а не В или С. Изъ предыдущаго видно также, что причиною смѣшенія этихъ понятій, помимо поверхностнаго сходства ихъ объектовъ, было почти одновременное появленіе и развитіе обоихъ концептовъ: непознаваемаго—въ оказавшемся несостоятельнымъ гипотетическомъ міропостроеніи, несводимаго—въ философіяхъ спеціальныхъ наукъ, философіяхъ, призванныхъ служить прочнымъ основаніемъ новому міропониманію (93).

13. Другимъ характеристическимъ признакомъ, указывающимъ на то, что метафизика все болѣе и болѣе теряетъ прежнюю твердую почву подъ

ногами, является защита апріорной философіи какъ творчества чисто эстетическаго, какъ особаго рода поэзіи, совершенно необходимой, будто бы, для удовлетворенія нѣкоторыхъ потребностей нашей духовной природы. „Стремленіе, побуждающее человѣка создавать метафизическія системы“, говорятъ поборники этого взгляда, „присуще нашему психическому организму въ такой же мѣрѣ, въ какой ему свойственна потребность заниматься, напримѣръ, архитектурою [1])“.

Но не надо быть одареннымъ особою проницательностью, чтобъ догадаться, что такая защита—все равно, простирается ли она на одну метафизику, или также и на супранатурализмъ[2]),—составляетъ нѣчто въ родѣ отпустительнаго слова или послѣдняго, почтительнаго „прости“, которое и друзья, и враги апріорной философіи одинаково могутъ послать въ слѣдъ этому удаляющемуся величію, этому могуществу, навсегда покидающему шумную сцену исторіи. И не надо обладать особенною прозорливостью, чтобы понять, что теорія, при помощи которой, несмотря на все болѣе и болѣе надвигающіеся грозные предвѣстники разложенія, многіе еще надѣются спасти лучшую часть супранатурализма и метафизики, отожествляя сущность этихъ ученій съ чистыми струями идеала и намѣренно смѣшивая процессъ образованія апріорныхъ идей съ творчествомъ поэзіи или, вообще, искусства,—что такая теорія, говоримъ мы, составляетъ, по-истинѣ, отчаянное средство, къ которому можно было прибѣгнуть, только истощивъ

---

1) Lange, op. cit., I, стр. 398

2) См. предыд. главу.

всѣ остальныя. Нѣтъ ничего легче, однимъ словомъ, какъ опровергнуть рядъ прозрачныхъ софизмовъ, на которыхъ покоится эта система защиты метафизики, пользующаяся въ настоящую минуту большою популярностью, но составляющая, въ сущности, только одинъ изъ обычныхъ компромиссовъ, при посредствѣ которыхъ колеблющіеся умы стремятся примирить прошедшее съ будущимъ, отживающее свой вѣкъ съ нарождающимся къ новой жизни. Немногія слѣдующія соображенія, надѣемся, вполнѣ убѣдятъ въ этомъ читателя (93 bis).

14. Всякое міропониманіе, супранатуралистическое-ли, метафизическое или научное, можетъ быть только символическимъ объясненіемъ главнѣйшихъ явленій въ природѣ,—символическимъ потому, что источникомъ и орудіемъ его служитъ процессъ отвлеченія (94). Но символизмъ, о которомъ идетъ рѣчь, принадлежитъ не одной философіи, а составляетъ въ одинаковой степени достояніе и частной науки, и всякаго, вообще, вида умственной спекуляціи. Притомъ, такой символизмъ отнюдь не имѣетъ характера простой фотографіи дѣйствительности: въ силу самаго процесса отвлеченія, вызывающаго его къ жизни, онъ является уже творчествомъ, началомъ созидающимъ. И эту-то близкую связь между поэзіею въ обширномъ смыслѣ слова и наукой и философіей, а не одною только метафизикой, отрицать никакъ нельзя: она глубоко коренится въ основномъ единствѣ психо-физіологическихъ функцій нашего организма. Область эстетическаго творчества соприкасается съ областью философіи въ тѣхъ же самыхъ точкахъ, въ какихъ она примыкаетъ къ области науки и вообще ко всякой тео-

ретической дѣятельности, въ которой воображеніе призвано играть значительную, и иногда даже рѣшительно господствующую, роль. Но связь эта, разумѣется, всего болѣе кидается въ глаза на первыхъ ступеняхъ эволюціи, при изученіи медленнаго развитія простѣйшихъ, элементарныхъ міровоззрѣній. Поэзія была естественнымъ языкомъ всѣхъ миѳологій, она придавала жизнь и реальныя очертанія первымъ отвлеченіямъ человѣческой мысли. Искусство и супранатурализмъ, справедливо замѣчаетъ профессоръ Эспинасъ, вездѣ являются самыми тѣсными союзниками; это не могло быть иначе уже потому, что у народовъ, неспособныхъ къ развитію положительныхъ знаній, общія понятія о мірѣ и самая жизнь, стремясь выразиться внѣшнимъ образомъ, чтобы лучше выясниться, прежде всего встрѣчаютъ на своемъ пути дѣтскіе символы и чувственные образы. Народы среднихъ вѣковъ, напримѣръ, порываясь составить себѣ общее воззрѣніе на міръ и на собственную судьбу, находили живое удовлетвореніе въ созерцаніи прекрасной сцены страшнаго суда, высѣченной на камняхъ соборныхъ порталовъ. Картина, образъ былъ долго для нихъ всею философіей. [1]) Но и на высшихъ ступеняхъ умозрѣнія символическое изображеніе реальнаго, а, слѣдовательно, и поэтическое, художественное начало—доказывать этого нѣтъ надобности—не вовсе теряло свое значеніе.

Съ другой стороны, однако, существованіе многочисленныхъ точекъ соприкосновенія между творчествомъ поэзіи и творчествомъ философіи и

---

[1]) A. Espinas. La philosophie expérimentale en Italie, Paris, 1880, стр. 15.

науки не даетъ ни малѣйшаго права отожествлять эти два разряда умственной дѣятельности, или закрывать глаза на глубокое различіе, которое должно отдѣлять ихъ другъ отъ друга, несмотря на всѣ ошибки философовъ, клонившіяся именно къ уничтоженію этой естественной грани.

Основное различіе это состоитъ въ слѣдующемъ. Наука и философія, пройдя чрезъ всѣ ступени отвлеченія и достигнувъ такимъ образомъ символизаціи дѣйствительности, останавливаются, довольствуясь тѣмъ, что противопоставили общность — индивидуальности и „постоянную среднюю“ явленій — ихъ постоянной измѣнчивости. Искусство же этимъ не можетъ удовлетвориться: эстетическая цѣль какъ-разъ противоположна цѣли познавательной. Искусству нужно, сверхъ того, воплотить свою абстракцію, и его торжество, какъ извѣстно, состоитъ въ такомъ совершенномъ олицетвореніи или такой индивидуализаціи продуктовъ отвлеченія, которое могло бы, хотя только на мгновеніе, вызвать въ зрителяхъ или слушателяхъ соотвѣтствующую чувственную иллюзію. Иными словами, научныя и философскія обобщенія, какъ бы далеко они ни отстояли отъ конкретной дѣйствительности, должны всегда оставаться только обобщеніями, голыми знаками или символами реальной истины, проекціею послѣдней въ нашемъ умѣ; символизмъ же искусства имѣетъ цѣну лишь постольку, поскольку онъ является уже обратнымъ переходомъ отъ общаго къ индивидуальному, отъ отвлеченнаго къ конкретному, т. е. въ той именно степени, въ какой художникъ успѣваетъ создать типы или образы, въ дѣйствительности не существующіе, но могущіе произ-

весть впечатлѣніе конкретныхъ, вполнѣ реальныхъ индивидуальностей.

15. Отвлеченіе, этотъ общій источникъ всякой умственной спекуляціи и всякой поэзіи, легко принимаетъ самыя различныя формы и имѣетъ множество степеней, смотря по тому, служатъ ли ему матеріаломъ чувственныя воспріятія, или представленія, или болѣе или менѣе общія понятія [1]). Но отвлеченіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ всегда и аналитическій процессъ мысли; а такой анализъ, такое разложеніе или расчлененіе конкретныхъ явленій можно прервать въ любой его стадіи. И то, что называется эстетическимъ творчествомъ, или творчествомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, и состоитъ именно въ остановкѣ процесса отвлеченія на сравнительно болѣе низкихъ ступеняхъ его, когда онъ еще не достигъ своихъ высшихъ или кульминаціонныхъ точекъ, наиболѣе общихъ понятій или чистыхъ, голыхъ отвлеченій, — остановкѣ, которая всегда сопровождается обратнымъ, соединительнымъ или синтетическимъ процессомъ, выдвигающимъ впередъ всѣ средства воображенія.

Синтетическій поворотъ на первыхъ ступеняхъ аналитическаго процесса мышленія—вотъ что̀ порождаетъ искусство, или составляетъ истинную сущность его. Но само собою разумѣется, что метафизика не можетъ прервать процесса отвлеченія на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ прерываютъ

---

[1]) См. выше часть вторую, главу первую. Ср. съ теоріей реальнаго и идеальнаго творчества профес. М. Троицкаго, Наука о духѣ, Москва, 1882.

его поэзія и всѣ другіе виды эстетическаго творчества. Если бъ это было возможно, метафизика, дѣйствительно, тѣсно и неразрывно слилась бы съ искусствомъ; она была бы искусствомъ, т. е. не существовала бы вовсе. Но дѣло въ томъ, что метафизика существуетъ, и, какъ всякая философія, существуетъ именно благодаря тому, что послѣдовательность и логика отвлеченія, если можно такъ выразиться, составляютъ ея верховный законъ, что она доводитъ процессы анализа и обобщенія до послѣднихъ, крайнихъ предѣловъ, въ чемъ можно легко убѣдиться на каждомъ шагу ея исторіи, и что́ рѣзко бросается въ глаза при всякой попыткѣ классифицировать ея многочисленныя системы. Этою основною чертою все философское (а метафизика есть несомнѣнно философія) и, скажемъ болѣе, все научное глубоко дифференцируется отъ всего эстетическаго.

Наука и философія, употребляя синтезисъ для цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ цѣлями эстетическими, напримѣръ, для надобностей конкретныхъ или даже собственно прикладныхъ наукъ, не знаютъ вовсе того синтетическаго поворота съ низшихъ ступеней отвлеченія, который такъ характеренъ для пріемовъ чистаго искусства. Вотъ почему наука и философія только символизируютъ существующее и не создаютъ или не должны создавать химеръ (весьма подходящій терминъ, ибо химера древнихъ есть наглядное олицетвореніе процесса художественнаго творчества), не должны выпускать въ обращеніе ни химерическихъ типовъ, ни химерическихъ сущностей, ни химерическихъ идей и концептовъ. Когда же наука или философія начинаютъ, по образцу искус-

ства, создавать несуществующее, что́ для нихъ возможно только въ формѣ химерическихъ общихъ понятій, онѣ, очевидно, впадаютъ въ тяжкое прегрѣшеніе противъ коренныхъ условій своего существованія и, въ дѣйствительности, перестаютъ быть тѣмъ, за что́ выдаютъ себя.

Но продукты подобной сбившейся съ пути умственной дѣятельности ни мало не становятся отъ того равноцѣнны продуктамъ искусства, или дѣятельности чисто эстетической. Химерическая идея можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, получить громадное значеніе въ исторіи, она можетъ сдѣлаться источникомъ большаго блага и большихъ бѣдствій, великихъ подвиговъ и величайшихъ преступленій; но все это только расширяетъ пропасть, существующую между нею и художественнымъ типомъ, все это еще болѣе уясняетъ невозможность отожествленія продуктовъ этихъ двухъ разновидностей творческаго процесса нашего духа. Философская или научная идея сильна вѣрою въ то, что она не химерична, что она не есть продуктъ чистой фантазіи; но когда, по тѣмъ или другимъ причинамъ, расшатывается и мало по малу исчезаетъ подобная вѣра, идеи этого рода признаются простыми заблужденіями ума и тотчасъ же превращаются въ жалкіе нули, передъ которыми выпали произвольные знаки, придававшіе имъ нѣкогда высокую цѣну.

Другими словами, созданія метафизики сохраняютъ свое значеніе лишь до тѣхъ поръ, пока на нихъ смотрятъ какъ на общія формулы, настолько вѣрно отражающія истинныя отношенія вещей, насколько точная символизація дѣйствительности вообще доступна нашимъ познавательно-

нымъ средствамъ. Утративъ же вѣру въ научную цѣнность метафизическихъ концептовъ, мы уже ничѣмъ не можемъ вознаградить себя, никакими усиліями не можемъ заставить себя взглянуть на эти концепты тѣми же глазами, какими смотримъ на полотно или мраморъ художника; ибо при всякой такой попыткѣ ярко выступаетъ внутреннее безобразіе, глубокая антиэстетичность, т. е., въ сущности, ложность метафизическихъ фикцій (95).

Напротивъ того, типъ или образъ, созданный истиннымъ художникомъ, всегда открыто признается произведеніемъ богато одаренной фантазіи послѣдняго, и это нисколько не мѣшаетъ самому типу жить въ благодарномъ воспоминаніи отдаленнаго потомства и составлять источникъ эстетическихъ наслажденій для длиннаго ряда смѣняющихъ другъ друга поколѣній. Причина этого явленія очевидна: въ основѣ всѣхъ созданій искусства лежитъ истина, какъ бы преображена она ни была нашимъ воображеніемъ, — истина, т. е., по опредѣленію Спенсера [1]), точное соотвѣтствіе между отношеніями субъективными и объективными; въ основаніи же фикцій метафизики мы всегда находимъ отсутствіе такого соотвѣтствія, мы можемъ видѣть въ нихъ одно только заблужденіе. Болѣе глубокаго антагонизма между произвольными концептами философовъ и ученыхъ и созданіями искусства трудно, конечно, и представить себѣ: то, что безповоротно убиваетъ первые, составляетъ для послѣднихъ условіе жизни и процвѣтанія.

Итакъ, метафизика не можетъ сдѣлаться отраслью искусства. Этому всегда помѣшаетъ матеріалъ, съ

---

[1]) First principles, стран. 90.

которымъ она имѣетъ дѣло—общія понятія и высшія отвлеченія ума, и методъ, которому, въ прямой зависимости отъ свойственнаго ей матеріала, она по необходимости должна слѣдовать. Путь искусства является уже оконченнымъ тамъ, гдѣ еще продолжается, если только не начинается, путь метафизики. Это наглядно видно на примѣрѣ служителей искусства, не умѣющихъ во время остановиться на наклонной плоскости, ведущей отъ одного отвлеченія къ другому, и продолжающихъ процессъ выбрасыванія или выключенія реальнаго тамъ, гдѣ имъ давно уже слѣдовало бы приступить къ синтетическому закрѣпленію, въ рядѣ художественныхъ образовъ, результатовъ своихъ предварительныхъ анализовъ. Такіе художники явно переходятъ за предѣлы, внутри которыхъ общимъ понятіямъ еще можно возвратить, если не естественное существованіе породившихъ ихъ конкретныхъ фактовъ, то по крайней мѣрѣ искусственную жизнь эстетическихъ типовъ; и потому въ произведеніяхъ подобныхъ художниковъ абстракціи ума такъ и остаются голыми отвлеченіями, скелетами артистическихъ созданій, не трогающими насъ, не приносящими намъ и сотой доли наслажденія, всегда доставляемаго продуктами настоящаго искусства (96).

Ш. Заключеніе. Метафизическое заблужденіе и философская йстина.

16. Итакъ, съ какими главными отраслями и продуктами психической дѣятельности человѣка мы ни сравнивали бы метафизику—съ искусствомъ, наукой, философіей, основанною на результатахъ точнаго знанія, вездѣ мы приходимъ къ одному неизмѣнно-

му выводу: метафизика составляетъ заблужденіе ума, въ которое человѣчество неизбѣжно впадаетъ при наличности извѣстныхъ условій и отъ котораго освобождается лишь тогда и постольку, когда и поскольку ему удается измѣнить эти условія.

Но заблужденіе, отсутствіе точнаго соотвѣтствія между отношеніями субъективными и отношеніями объективными, т. е., въ сущности, между двумя основными разрядами нашихъ представленій и понятій, ведетъ всегда къ нарушенію естественнаго закона, а слѣдовательно и къ вѣрной гибели [1]). Не менѣе очевидно, однако, что такія суровыя послѣдствія наступаютъ лишь въ томъ случаѣ, когда умственное состояніе, не соотвѣтствующее условіямъ жизненнаго равновѣсія, слишкомъ долго не смѣняется состояніемъ прямо противоположнымъ. Въ обыкновенномъ же теченіи вещей опасность, сопровождающая продолжительное нарушеніе естественныхъ законовъ, на которыхъ основано существованіе общественныхъ и индивидуальныхъ организмовъ, сама составляетъ тотъ могущественный стимулъ, который побуждаетъ людей неустанно и во всѣхъ направленіяхъ искать истину. Это одинаково справедливо по отношенію къ наиболѣе частнымъ и къ наиболѣе общимъ заблужденіямъ человѣческаго ума. И тѣ, и другія косвенно способствуютъ, въ указанномъ сейчасъ смыслѣ, установленію соотвѣтствующихъ истинъ. Заблужденіе, замѣчаетъ Ланге, играетъ въ исторіи роль формы, въ которой выливается колоколъ истины и которая немедленно вслѣдъ затѣмъ разбивается [2]).И ту же мысль,

---

1) Spencer: First principles, стр. 40.

2) Исторія матеріализма, II, стр 180.

конечно, хотѣлъ выразить и Льюисъ, когда утверждалъ, что послѣ точнаго знанія нѣтъ ничего болѣе поучительнаго, чѣмъ точное заблужденіе [1]).

Но если путь, по которому слѣдуетъ человѣчество, усѣянъ ошибками всякаго рода, и послѣднія имѣютъ важное значеніе въ жизни и судьбѣ отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ обществъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что научная, т. е. основанная преимущественно на данныхъ физіологіи мозга теорія истины и заблужденія призвана оказать неоцѣнимыя услуги всякой будущей соціологіи. Нельзя, въ особенности, не настаивать на огромномъ значеніи такой теоріи для правильной оцѣнки умственныхъ явленій, совокупность которыхъ составляетъ такъ называемую метафизику. Къ сожалѣнію, въ этомъ направленіи достигнуты пока столь незначительные результаты, что мы еще сплошь и рядомъ встрѣчаемъ въ литературѣ вопроса взглядъ, признающій заблужденіе прямою и непосредственною ступенью, ведущею къ истинѣ, если даже не самою истиною, въ ея хаотическомъ, зачаточномъ состояніи; въ этомъ отношеніи профессіональные философы идутъ такъ далеко, что нерѣдко самое заблужденіе опредѣляютъ, какъ необходимый способъ познаванія (вмѣсто способа непознаванія).

17. Но откуда беретъ свое начало и къ чему ведетъ такой взглядъ? Не вдаваясь въ подробности, которыя увлекли бы насъ далеко за предѣлы настоящей работы, ограничимся здѣсь слѣдующимъ

---

[1]) History of philosophy, Vol. I, стр. 367.

краткимъ, хотя, быть можетъ, не лишеннымъ принципіальной важности разъясненіемъ.

Заблужденіе имѣетъ одинъ общій физіологическій корень съ истиною, и необходимость заблужденія не можетъ быть отрицаема. Мирясь съ этою необходимостью, какъ съ основнымъ условіемъ нашей психической и соціальной природы, мы, однако, едва-ли имѣемъ право итти далѣе, и сохранять телеологію заблужденія въ то самое время, когда всѣ другія телеологіи нами рѣшительно осуждаются и отбрасываются. Практическая польза, которую мы несомнѣнно извлекаемъ изъ нашихъ ошибокъ, есть нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ ихъ теоретическая цѣлесообразность. Но именно эти два понятія постоянно и смѣшиваются между собою. А смѣшеніемъ этимъ, въ свою очередь, обусловливается и неправильный выводъ, будто иллюзіи сверхъестественнаго и трансцендентальнаго (въ силу которыхъ общее пониманіе міра, или философія, и превращается въ супранатурализмъ и метафизику) были въ свое время необходимы не только для цѣлей практической жизни, или какъ элементъ, способствовавшій образованію историческаго содержанія соціологіи, но и для развитія и преуспѣянія самой философіи. Мнѣніе это, очевидно, совершенно неосновательно: мы съ такимъ же точно правомъ могли бы утверждать, что иллюзія свободы воли, напримѣръ, была необходима не только для возбужденія и поддержанія въ человѣчествѣ, въ теченіе всего періода его юности, энергіи и другихъ практическихъ качествъ, но и для успѣшнаго развитія психологіи, разсматриваемой исключительно какъ наука!

Ежедневно и неизмѣнно повторяющееся наблю-

деніе, что истина достигается съ большимъ трудомъ, мало-по-малу, послѣ цѣлаго ряда предварительныхъ ошибокъ, за прямой результатъ которыхъ она такъ часто и выдается, въ силу обычнаго паралогизма post hoc, ergo propter hoc, имѣетъ своимъ естественнымъ послѣдствіемъ распространеніе и усиленіе убѣжденія, что въ исторической филіаціи умственныхъ продуктовъ заблужденіе всегда предшествуетъ истинѣ, составляя необходимый антецедентъ ея. Масса извѣстныхъ, хотя не глубоко анализированныхъ фактовъ, множество поверхностныхъ наблюденій говорятъ въ пользу этого взгляда. Но если вопреки прямому свидѣтельству нашихъ чувствъ, астрономы, основываясь на группѣ фактовъ, ускользающихъ отъ обычнаго наблюденія, успѣли опровергнуть господствовавшіе нѣкогда взгляды на взаимныя отношенія и дѣйствительныя движенія небесныхъ тѣлъ, то не менѣе полнаго и радикальнаго переворота въ ходячихъ мнѣніяхъ можно ожидать по занимающему насъ вопросу и отъ усилій психологовъ, разъ только факты, касающіеся преемства и взаимной зависимости различныхъ разрядовъ представленій и понятій, будутъ надлежащимъ образомъ изучены и разработаны.

Говоря это, мы имѣемъ въ особенности въ виду новыя изслѣдованія въ области опытной психологіи (97), стремящіяся установить фактъ, что между субъективными и объективными ощущеніями (составляющими, вмѣстѣ взятыя, всю сумму непосредственныхъ данныхъ, изъ которыхъ образуется и вся сумма нашихъ представленій и понятій) нельзя провести какой либо прочной и неизмѣнной границы уже потому, что эти два разряда явленій отличаются другъ отъ друга единственно сте-

пенью своей физіологической или, вѣрнѣе, психофизической сложности. Субъективныя ощущенія—болѣе простыя въ психо-физическомъ смыслѣ, а объективныя, или такъ называемыя воспріятія—въ томъ же смыслѣ несравненно болѣе сложныя. Но при такихъ условіяхъ, ничто не можетъ быть естественнѣе, какъ постоянный переходъ или превращеніе субъективныхъ ощущеній въ объективныя, и наоборотъ.

Множество причинъ чисто психологическаго и соціологическаго характера вызываютъ и обусловливаютъ эти измѣненія. Всѣ субъективныя ощущенія могутъ объективироваться, что и случается, какъ извѣстно, когда мы внимательно наблюдаемъ наши ощущенія и чувства, когда мы разсматриваемъ ихъ, какъ нѣчто внѣшнее по отношенію къ намъ самимъ и, такъ сказать, только представляемъ ихъ себѣ, только образуемъ изъ нихъ отвлеченныя понятія или идеи. И наоборотъ, всѣ объективныя ощущенія могутъ быть упрощены до такой степени, что они уже начинаютъ казаться намъ субъективными. Для этого достаточно направить силы нашего воображенія въ противоположную сторону, или вообще впасть либо въ крайности анализа, разрушающаго естественную сложность объективныхъ фактовъ, либо въ крайности синтезиса, создающаго искусственную простоту явленій посредствомъ соединенія ихъ въ нашемъ умѣ въ одно туманное, лишенное сколько нибудь опредѣленныхъ очертаній цѣлое. Вотъ почему, между прочимъ, всякое глубокое и исключительное изученіе явленій внѣшняго воспріятія, все равно, будетъ ли такое изученіе грѣшить излишкомъ анализа или неясною общностью син-

тезиса, почти неминуемо приводитъ къ философскому субъективизму, къ пониманію міра какъ представленія или идеи [1]).

Но изъ этой теоріи не трудно вывесть объясненіе взаимныхъ отношеній заблужденія и истины, которое рѣзко расходится въ своей точкѣ отправленія съ обыкновеннымъ взглядомъ. Дѣйствительно, если факты, на которыхъ основана эта теорія, справедливы, то сущность всякаго заблужденія, всякой ошибки, можетъ и должна быть сведена, въ однихъ случаяхъ, къ незаконному упрощенію сложныхъ самихъ по себѣ явленій нашего духа, а въ другихъ—къ столь же незаконному и искусственному усложненію простыхъ явленій. Но это, иными словами, значитъ, что заблужденіе не можетъ быть разсматриваемо, какъ первоначальный или самостоятельный продуктъ психической дѣятельности, какъ нѣчто, существующее независимо отъ умственныхъ операцій, которыми открывается или утверждается истина. Истина, наперекоръ наружнымъ признакамъ, всегда предшествуетъ заблужденію, которое составляетъ лишь ея своеобразное измѣненіе или искаженіе, вызываемое частью физіологическими, частью психологическими, но, въ особенности, соціологическими причинами. А потому и всякая позднѣйшая истина можетъ имѣть своимъ источникомъ лишь истину первоначальную, а не то временное затмѣніе послѣдней, которое, какъ было замѣчено выше, только тогда и постольку становится побужденіемъ къ возвращенію вспять, на старый путь (на которомъ есте-

---

1) Sourian. Les sensations et les perceptions; Revue philosophique, 1883, томъ XVI, стр. 80—81.

ственно возстанавливается реальная филіація между неполною или уже забытою истиною прошедшаго и группою новыхъ открытій), когда и поскольку это затмѣніе само угрожаетъ общему или частному благосостоянію явною, т. е. уже сознанною опасностью.

Итакъ, путь, ведущій къ истинѣ и путь, приводящій къ заблужденію, имѣютъ всегда одну и ту же точку исхода; это—два параллельные процесса, изъ которыхъ первый долженъ считаться нормальнымъ собственно потому, что онъ сохраняетъ за продуктами нашей психической дѣятельности ихъ естественную, обусловливаемую глубокими психо-физическими причинами сложность или простоту, а послѣдній долженъ признаваться нарушающимъ основы нашего умственнаго равновѣсія потому, что онъ измѣняетъ естественныя отношенія между субъективными и объективными явленіями духа, вызывая искусственное превращеніе однихъ въ другія и вообще порождая смѣшеніе ихъ между собою.

Не лишнее также будетъ, мимоходомъ, указать здѣсь на то, что характеризованная выше въ общихъ чертахъ психологическая теорія вполнѣ согласуется съ основами нашей классификаціи философскихъ системъ прошедшаго. Изъ теоріи этой, дѣйствительно, легко усмотрѣть, почему самыя разнообразныя философскія заблужденія по необходимости сводятся къ двумъ главнымъ типамъ—одностороннему субъективизму идеалистовъ и столь же одностороннему объективизму матеріалистовъ, — типамъ, къ которымъ, какъ третій характерный, но уже производный типъ, тѣсно примыкаетъ сенсуализмъ, или попытка найти равнодѣйствующую двухъ первыхъ

крайностей и примирить ихъ въ высшемъ синтезисѣ. Очевидно, что наша историческая классификація философскихъ заблужденій вѣрна уже потому, что она въ самомъ корнѣ своемъ совпадаетъ съ психологической классификаціей всякихъ иллюзій и ошибочныхъ заключеній человѣческаго ума вообще (97 bis).

18. Но если все сказанное выше вѣрно, то вопросъ объ отношеніяхъ философіи прошедшаго къ философіи наукъ, или вопросъ объ истинномъ генезисѣ новаго міропониманія, мало по малу вытѣсняющаго отовсюду метафизическій способъ объясненія совокупности явленій, долженъ быть разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что источникомъ, прямымъ и реальнымъ антецедентомъ научной философіи является не метафизика, въ какомъ бы то ни было видѣ, а группа тѣхъ научныхъ или частныхъ истинъ, которыя нѣкогда легли въ основу метафизической философіи, которыя служили ей точками исхода и опоры въ теченіе всей ея исторіи и которыя она, въ силу глубокихъ психическихъ и, въ особенности, соціологическихъ причинъ, постоянно и систематически извращала. Метафизика не могла бы считаться заблужденіемъ человѣческаго ума, если бъ она не имѣла одной и той же точки отправленія съ философіей наукъ, и послѣдняя, въ свою очередь, не могла бы выдаваться за истину, если бъ у нея не было этой общности происхожденія съ заблужденіемъ, которое всегда завѣдомо преслѣдовало одну съ нею цѣль и такъ долго удовлетворяло одной съ нею потребности нашей духовной организаціи. Достаточно простого взгляда на сравнительную исторію спеціальныхъ наукъ и философскихъ си-

стемъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что наиболѣе крупные факты этой исторіи вполнѣ подтверждаютъ такой выводъ.

Спеціальныя науки несомнѣнно зародились и начали развиваться ранѣе какой-бы то ни было философіи. „Если науки и выступили прежде всего съ наблюденіями будничной жизни, справедливо замѣчаетъ одинъ нѣмецкій философъ [1]), и если онѣ долго состояли исключительно изъ отрывочныхъ и неточныхъ понятій и законовъ, то все же нельзя отрицать и того, что именно науки должны были подготовить почву для философіи, что именно онѣ должны были собрать для нея матеріалъ и привести его въ нѣкоторый порядокъ, прежде чѣмъ философія могла дѣйствительно приступить къ своей задачѣ. Отдѣльныя науки, въ силу своей замкнутости внутри той или другой спеціальной области, должны были пріостанавливаться дальнѣйшимъ развитіемъ общихъ понятій всякій разъ, когда такое развитіе заставляло ихъ перешагнуть въ сосѣднія области; а такъ какъ всѣ науки имѣли границы, которыя переступить онѣ не могли, не переставая быть самими собою, то цѣлая обширная область знаній оставалась неразработанною и свободною. Эту область могла изслѣдовать только наука, воспринявшая въ себя общіе результаты всѣхъ остальныхъ; и вотъ этою единственною въ своемъ родѣ наукою и сдѣлалась философія, предметомъ которой, такимъ образомъ, являются высшіе законы бытія и знанія“. Мы совершенно согласны съ основною мыслью цитиро-

---

[1]) Kirchmann. Katechismus der Philosophie, Leipzig, 1881, стр. 5.

ваннаго сейчасъ автора и готовы принять его опредѣленіе философіи, распространяя его одинаково на метафизику и научную философію и сдѣлавъ въ немъ лишь немногія, хотя существенно важныя поправки, указанныя нами въ своемъ мѣстѣ [1]), касательно различія между спеціальнымъ знаніемъ явленій и общимъ пониманіемъ ихъ совокупности. Такимъ образомъ, мы не затрудняемся признать, что метафизика, и по своему происхожденію, и по своей цѣли представляется намъ стремленіемъ или усиліемъ мысли совершенно тождественнымъ съ тѣмъ, какое представляетъ собою и философія наукъ; однако это нисколько не мѣшаетъ намъ видѣть въ первой заблужденіе ума или такое стремленіе его, которое, по многимъ причинамъ, не могло увѣнчаться успѣхомъ, а во второй—возможную истину будущаго или усиле мысли, которое, наконецъ, приведетъ насъ къ первоначально намѣченной цѣли. Но и въ этомъ смыслѣ метафизика, очевидно, сохраняетъ приданное ей нами, по другимъ соображеніямъ, значеніе философіи незнанія.

---

[1]) См., напримѣръ, часть 2-ую, гл. 4-ую.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

ГЕНЕЗИСЪ ФИЛОСОФІИ НАУКЪ И ЗНАЧЕНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ ФИЛОСОФІИ (НАУЧНО-ФИЛОСОФСКІЯ СИСТЕМЫ НАШЕЙ ЭПОХИ).

Научное мпонониманіе. — **2.** Различіе между понятіемъ о „развитіи“ и понятіемъ объ „установленіи“. Генезисъ отвлеченныхъ наукъ.—**3.** Ошибочность обычнаго взгляда на философію и ея отношеніе къ наукѣ.—**4.** Научно-философскія системы.—**5.** Аподиктическая точка зрѣнія Позитивизмъ и его задачи. — **6** Идеальное, или абсолютное, и реальное, или условное и относительное, единство явленій. — **7.** Историческая точка зрѣнія. Ослабленное успѣхами знанія вліянье закона метафизической односторонности (закона трехъ типовъ). — **8.** Завершеніе ряда отвлеченныхъ наукъ группою описательныхъ отраслей знанія и значеніе этого факта въ эволюціи философской мысли. — **9.** Методологическая точка зрѣнія. Новѣйшій матеріализмъ. —**10** Эклектическія и охранительныя стремленія. Причины, обусловливающія колебанія современной мысли. — **11.** Философскій языкъ и философскіе нравы. — **12.** Условія образованія отрицательныхъ концептовъ.—**13.** Научно-философскія системы, какъ переходная ступень отъ метафизики къ философіи наукъ. — **14.** Средства и цѣли въ области философіи. Два камня преткновенія: односторонность точекъ исхода и гипотетичность выводовъ. Всеобщая и спеціальная причинность.

1. Опираясь на собранный въ этомъ трудѣ фактическій матеріалъ и на общіе выводы наши относительно законовъ, управляющихъ развитіемъ философской мысли, попробуемъ теперь, въ послѣдней главѣ настоящей книги, ближе подойти къ рѣшенію задачи, огромное значеніе которой бросается въ глаза. Мы разумѣемъ вопросъ о генезисѣ или процессѣ образованія научнаго пониманія міра, въ связи съ вопросомъ о роли, естественно выпадающей въ этомъ движеніи на долю современныхъ попытокъ философской систематизаціи наличныхъ знаній.

Изъ разсмотрѣнныхъ въ предыдущемъ изложеніи соціологическихъ данныхъ вытекаетъ одно, трудно оспариваемое заключеніе.

Оно состоитъ въ томъ, что научнаго объясненія міра нельзя искать въ прошломъ философіи, въ которомъ такой широкій синтезисъ не могъ возникнуть уже по той простой причинѣ, что многія основныя науки не были еще установлены, и рядъ отвлеченныхъ наукъ являлся неполнымъ, незавершеннымъ. Медленное пріумноженіе знаній, постепенное наростаніе частей одного общаго цѣлаго сопровождалось, очевидно, не какимъ-либо яснымъ пониманіемъ этого цѣлаго или совокупности его частей, а лишь смутнымъ стремленіемъ подвести имъ итогъ, или болѣе или менѣе безплодными попытками опредѣлить искомую сумму, въ отсутствіи точнаго знанія всѣхъ ея слагаемыхъ. Эти попытки и составляютъ содержаніе всякой философіи прошедшаго, т. е. всѣхъ супранатуралистическихъ ученій и всѣхъ метафизическихъ системъ. Представляя собою нѣчто, въ научномъ смыслѣ, гораздо менѣе цѣнное, чѣмъ самая малая доля истины, абсолют-

ные концепты философіи были, въ сущности, временными заблужденіями человѣческаго ума. Съ другой стороны, однако, въ силу историческихъ условій развитія, резюмированныхъ нами въ законѣ трехъ типовъ метафизики, эти заблужденія постоянно и неразрывно, и въ лицахъ, и въ системахъ, соединялись съ частною научною истиною. А такое соединеніе, въ свою очередь, всегда было и до сихъ поръ остается одною изъ главныхъ причинъ, порождающихъ ту особаго рода умственную иллюзію, которая побуждаетъ насъ видѣть въ метафизикѣ непосредственную родоначальницу научной философіи.

2. Въ области точнаго знанія мы уже пріучились различать „развитіе“ отъ „установленія“. Установленіе науки есть понятіе вполнѣ опредѣленное, вмѣщающее въ себѣ два признака: отысканіе спеціальнаго метода (а не одного только общаго, какъ это мы видимъ, напримѣръ, у Бэкона) и раскрытіе, помощью этого, впервые прилагаемаго орудія, такихъ отношеній между явленіями, которыя были-бы достаточно постоянны, чтобы служить надежными точками исхода при дальнѣйшемъ изслѣдованіи того же разряда фактовъ. Установленіе науки, слѣдовательно, равносильно не только обрѣтенію метода, но вмѣстѣ съ тѣмъ и опытному доказательству его специфической пригодности. Вполнѣ очевидно, однако, что то же различеніе приложимо и къ философіи наукъ, которая могла развиваться въ указанномъ выше смыслѣ, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, не будучи вовсе установлена, и нѣтъ надобности доказывать, что самое установленіе ея не могло предшествовать оконча-

тельному введенію соотвѣтствующихъ спеціальныхъ методовъ въ изученіе всѣхъ элементарныхъ, несводимыхъ разрядовъ явленій, или всѣхъ факторовъ міровой эволюціи.

Философія прошедшаго, разсматриваемая какъ такая фаза въ развитіи философіи вообще, которая естественно состояла изъ цѣлаго ряда ошибочныхъ заключеній человѣческаго ума, была, само собою разумѣется, совершенно неизбѣжна; но необходимость ея, обусловливаемая историческимъ ходомъ развитія спеціальныхъ знаній, не даетъ еще ни малѣйшаго права,—какъ мы и старались доказать это въ предыдущей главѣ — ставить заблужденія метафизики въ непосредственную причинную связь съ позднѣйшею философскою истиной. Прямымъ источникомъ философіи наукъ, въ силу самаго опредѣленія ея, являются не метафизическія системы, а отвлеченныя науки и ихъ спеціальныя философіи.

Тотъ же фактъ характеризуетъ и развитіе отдѣльныхъ наукъ, которыя всѣ ведутъ свое начало не отъ занимавшихъ нѣкогда ихъ мѣсто ошибокъ и ложныхъ объясненій, а отъ доказанныхъ истинъ непосредственно предшествующихъ имъ отраслей знанія.

Намъ уже приходилось указывать на эту особенность научной эволюціи. Химію произвела не алхимія, а физика и механика; астрономію породила не астрологія, а механика и математика; біологія возникла не изъ господствовавшихъ когда-то нелѣпыхъ представленій о строеніи и отправленіяхъ организмовъ, а непосредственно изъ первыхъ прочныхъ завоеваній химіи; соціологія, въ свою очередь, вышла и развилась не изъ

„Республики“ Платона, не изъ „Политики“ Аристотеля, не изъ бывшихъ въ ходу въ средніе вѣка понятій объ обществѣ и его задачахъ, и еще менѣе изъ теорій Вико, Руссо или энциклопедистовъ, а изъ немногихъ основныхъ истинъ біологіи; психологія, наконецъ, не рудиментарная и абстрактная психологія индивидуальныхъ организмовъ, всецѣло входящая въ составъ біологіи, а сложная и конкретная психологія человѣка въ общественномъ союзѣ, получаетъ на нашихъ глазахъ свое первоначальное научное обоснованіе не изъ рукъ психологовъ старыхъ школъ или философовъ, возводившихъ эту отрасль человѣческаго знанія на степень фундамента и исходной точки всякаго раціональнаго міропониманія, а изъ несравненно болѣе скромныхъ попытокъ современныхъ изслѣдователей соціологическихъ и біо-психическихъ явленій (98, 99 и 100).

—

3. Воззрѣніе на философію, какъ на простой продуктъ, какъ на необходимый, хотя крайне медленно созрѣвающій плодъ всей суммы человѣческаго знанія, или убѣжденіе, что общее пониманіе міра не только должно представлять пробѣлы — послѣдніе всегда будутъ неизбѣжными спутниками всякаго знанія и всякой философіи (100 bis),—но должно по необходимости оставаться превратнымъ и ошибочнымъ до тѣхъ поръ, пока не завершится циклъ отвлеченныхъ, основныхъ наукъ, пока изъ нѣдръ послѣднихъ самопроизвольно не возникнетъ рядъ соотвѣтствующихъ спеціальныхъ философій и пока, наконецъ, оба наслоенія теоретической мысли (и спеціальное знаніе, и философія спеціальнаго знанія) не явятся естественною почвой, на кото-

рой крѣпко укоренится философское обобщеніе, — такое воззрѣніе и такое убѣжденіе идутъ прямо въ разрѣзъ съ обычнымъ взглядомъ на философію и ея задачи. Согласно ходячему мнѣнію, философія есть нѣчто, всегда стоявшее и теперь еще стоящее рядомъ съ наукою, всегда развивавшееся параллельно точному знанію и долженствующее и впредь сохранить, въ главныхъ и существенныхъ чертахъ, то же самостоятельное положеніе.

Но именно въ этомъ представленіи о самостоятельной роли философіи (если даже не о ея верховномъ, руководящемъ значеніи) мы не можемъ не видѣть особенно знаменательнаго и характеристическаго заблужденія. Въ указанную ошибку впадали рѣшительно всѣ философы. Никто изъ нихъ не избѣгъ иллюзіи, лежащей въ глубокой основѣ разсматриваемаго взгляда и побуждающей насъ въ великой тѣни, которую прошедшее бросаетъ на будущее, признавать точный обликъ послѣдняго, или считать и впредь, вопреки измѣнившимся условіямъ, необходимымъ и нормальнымъ то, что нѣкогда, хотя и въ другомъ причинномъ сочетаніи, дѣйствительно было таковымъ (101).

Рядомъ съ положительнымъ знаніемъ стояла всегда не философія, не то, что еще должно было возникнуть, не очевидный и необходимый результатъ завершенія цикла наукъ, а нѣчто другое, — что̀ было послѣдствіемъ первоначальнаго отсутствія многихъ наукъ, что̀ не могло исчезнуть съ первыми проблесками, ни даже съ значительными успѣхами знанія отрывочнаго, не согласованнаго въ своихъ частяхъ, не организованнаго въ одно сомкнутое и вмѣстѣ строго расчлененное цѣлое. Рядомъ съ наукою существовало всегда пониманіе

міра ошибочное, ложное въ общихъ чертахъ, а иногда и въ частностяхъ, построеніе природы субъективно-фантастическое и исполненное скрытыхъ противорѣчій, несмотря на логическую плавность, съ которою гипотетическія и непровѣряемыя заключенія вытекали въ немъ изъ гипотетическихъ же и непровѣряемыхъ посылокъ. Но если терминъ наука теперь уже болѣе не употребляется, какъ прежде, для обозначенія прямо противоположныхъ вещей, знанія и незнанія, то и слово философія могло бы также не употребляться болѣе для обозначенія и результата незнанія, и результата знанія. Этотъ явный паралогизмъ начинаетъ уже смутно сознаваться многими умами. Съ различныхъ сторонъ громко заявляется, что невозможно одинаково видѣть философію и въ метафизикѣ, и въ тѣхъ системахъ, которыя заявляютъ нынѣ притязаніе на значеніе міровоззрѣній, основанныхъ исключительно на данныхъ науки (102).

Какъ бы то ни было, впрочемъ, текущій историческій періодъ —повторяемъ еще разъ—принадлежитъ почти исключительно мнѣніямъ, имѣющимъ весьма мало общаго съ выставленнымъ здѣсь тезисомъ. На философію все еще продолжаютъ смотрѣть какъ на давно существующую и, въ сущности, даже старѣйшую отрасль человѣческаго знанія. При этомъ одни — охранители и хвалители древнихъ формъ отвлеченнаго мышленія — утверждаютъ, что философія именно въ настоящее время достигла того зрѣлаго и мужественнаго возраста, когда всякія глубокія измѣненія становятся все менѣе и менѣе осуществимыми, а, слѣдовательно, въ концѣ концовъ, перестаютъ быть и желательными. Другіе же — новаторы и противники историческихъ

воплощеній философской мысли—стараются увѣрить, что философія гораздо старше, что она уже дошла до крайнихъ предѣловъ своего историческаго развитія, что ей остается только подвергнуться неизбѣжной участи всего существующаго; но, покидая сцену исторіи, прежняя философія, по ихъ мнѣнію, исчезаетъ не совсѣмъ: она возрождается въ эпигонахъ, соединенныхъ съ нею кровною связью, — въ научныхъ системахъ нашей эпохи. Ни тѣ, ни другіе, ни охранители, ни новаторы, такимъ образомъ, не хотятъ видѣть въ философіи дисциплины, еще имѣющей возникнуть и вырости изъ данныхъ, которыя сами пока отличаются крайней новизною и частью полнѣйшей неразработанностью. Ни тѣ, ни другіе не хотятъ признать, что философіи еще предстоитъ почерпнуть свое начало и свои жизненныя силы изъ родниковъ и источниковъ, которые не могли сослужить ей этой службы въ прошедшемъ уже потому, что главнѣйшіе изъ нихъ (соціологія и психологія) и теперь находятся въ процессѣ медленнаго образованія. Однимъ словомъ, никто не даетъ себѣ труда перейти отъ связи внѣшней, формальной и, можно сказать, словесной, къ связи внутренней, находящейся въ явномъ противорѣчіи съ обычною терминологіей; никто не старается глубже вникнуть въ дѣйствительную филіацію разсматриваемыхъ явленій. Тщательный анализъ послѣдней, однако, необходимо привелъ бы къ заключенію, что если такъ называемая научная философія и можетъ быть построена на развалинахъ метафизики, то лишь подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ главныя и существенныя части новаго зданія не вошло ни одного стараго камня, ни

одного обломка прежнихъ міропониманій (103 и 104).

4. Здѣсь самъ собою возникаетъ вопросъ о современныхъ научно-философскихъ системахъ. Какую роль играютъ эти попытки въ общемъ ходѣ эволюціи философской мысли? Или въ чемъ состоитъ главное и существенное отличіе этихъ стремленій, съ одной стороны—отъ метафизики, а съ другой—отъ философіи наукъ?

На вопросѣ этомъ стоитъ остановиться. Отъ правильнаго рѣшенія его зависитъ и усвоеніе себѣ правильнаго взгляда на то, чѣмъ можетъ и должна быть будущая философія наукъ, и какого рода препятствія еще лежатъ на пути ея прочнаго установленія и окончательнаго торжества.

На роль и значеніе современнаго движенія въ области философской мысли можно взглянуть съ двухъ точекъ зрѣнія. Изъ нихъ одна не только откроетъ намъ различное пониманіе задачи философіи научно-философскими системами и позволитъ намъ распредѣлить послѣднія на двѣ главныя группы, но и дастъ намъ возможность установить относительный и условный характеръ той полноты міропониманія и того единства явленій, которыя составляютъ общую, завѣтную цѣль и метафизики, и научной философіи. Другая же точка зрѣнія раскроетъ намъ истинное отношеніе современныхъ системъ къ основнымъ формамъ философіи прошедшаго — матеріализму, идеализму и сенсуализму, и объяснитъ намъ глубокое вліянье, оказанное на всю совокупность философскаго развитія такимъ крупнымъ фактомъ научной эволюціи, какъ возникновеніе новой груп-

пы наукъ (біологія, соціологія и различныя отрасли ихъ).

5. Станемъ же сначала на первую точку зрѣнія, которую можно назвать аподиктической, въ отличіе отъ второй, или исторической.

Большинство современныхъ философовъ охотно соглашается съ тѣмъ, что философія сдѣлаетъ крупный шагъ впередъ, когда окончательно перестанетъ выводить пониманіе міра изъ собственнаго сознанія мыслящаго субъекта. Но—не безъ оттѣнка ироніи прибавляютъ при этомъ современные философы—господство субъективнаго метода въ философіи никогда не прекратится, если присущая человѣческому разуму потребность единства не найдетъ себѣ, помимо философіи,какого-нибудь другого выхода, другого способа удовлетворенія. И это просто потому, что мы организованы не только для знанія, но и для поэзіи, для построенія системъ, такъ что, говоря словами Ланге, человѣчество всегда съ новою радостью будетъ привѣтствовать творцевъ фиктивнаго единства вещей, всегда будетъ готово поклониться имъ [1]) ... Не будемъ развивать дальше этого воззрѣнія, съ которымъ мы уже достаточно ознакомились въ предыдущихъ главахъ. Не будемъ также настаивать на вопіющемъ противорѣчіи, заключающемся въ утвержденіи, что философія достигнетъ максимума своихъ успѣховъ тогда, когда перестанетъ существовать въ томъ единственномъ видѣ, въ какомъ она была возможна до сихъ поръ. Не будемъ, наконецъ, доказывать еще разъ, что противорѣчіе это всего чаще принимаетъ

---

1) Исторія матеріализма, т. I, стр. 82.

форму отрицанія у цѣлаго разряда умственныхъ явленій всякаго теоретическаго, и признанія за ними лишь этическаго и художественнаго значенія, т. е. признанія практической цѣнности теоретическаго нуля [1]). Но спросимъ себя только, какъ смотрятъ на необходимость и законность философскаго субъективизма, уже не для прежняго времени, а для нашей эпохи, главные представители такъ называемой научной философіи?

Именно по этому вопросу между приверженцами современныхъ научно-философскихъ системъ обнаруживается расколъ, рѣзко выступаетъ антагонизмъ между одною группою системъ, которую можно обозначить названіемъ „позитивизма", и всѣми прочими. Несмотря на общую почву, или на согласное указаніе на такую почву — науку, позитивизмъ въ обширномъ смыслѣ слова, съ одной стороны, и всѣ остальныя системы съ другой заняли въ спорѣ о конечномъ назначеніи философіи прямо обратныя положенія. Противоположность эта начинаетъ все болѣе и болѣе входить въ общее сознаніе, и притомъ въ слѣдующей формѣ: Позитивизмъ не удовлетворяетъ нѣкоторымъ основнымъ стремленіямъ нашего духа: въ немъ слишкомъ ощутительно отсутствіе той поэзіи, которая порождается потребностью единства и составляетъ, въ свою очередь, прямой источникъ философскаго зодчества въ области общихъ понятій. Ergo, позитивизмъ—не философія, заключаютъ и противники его, и толпа, которой онъ дѣйствительно не даетъ того, чего она ищетъ.

---

1) См. часть II, главу пятую, и часть III, главу вторую и третью.

Остальныя научно-философскія системы, напротивъ того —это ихъ общая черта, родовое отличіе, — „пользуются всѣми результатами культуры своего времени, чтобы создать единство міра и умственной жизни, недоступное научному знанію“[1]). Съ этою цѣлью въ прежнихъ системахъ дѣлаются всевозможныя исправленія; въ составъ старой философіи допускаются новые и частью противорѣчивые тезисы; къ философскому мышленію, наконецъ, прилагаются и различные научные пріемы, однако, безъ всякой предварительной спеціализаціи ихъ, — и естественнымъ результатомъ является то, что въ философію чрезъ другія двери снова вводится методъ a priori. Заимствуя у позитивизма все, что только можно заимствовать у него, не теряя права заниматься и метафизическою архитектоникою общихъ понятій, послѣдователи научной философіи конца XIX-го столѣтія почти цѣликомъ воспринимаютъ въ свои системы и лучшую часть прежнихъ обобщительныхъ попытокъ — матеріализмъ и сенсуализмъ. Болѣе сурово они относятся только къ идеализму, отъ котораго у нихъ остается лишь первенствующая роль, которую всѣ они отводятъ въ своихъ гипотезахъ теоріи познаванія. Они—эклектики и энциклопедисты по необходимости или потому, что это также составляетъ одно изъ главныхъ требованій и одинъ изъ главныхъ результатовъ достигнутой ими степени философскаго развитія. Словомъ, за исключеніемъ позитивизма, всѣ другія научно-философскія системы, какого-бы направленія онѣ ни держались, догматическаго,

---

[1]) Lange, op. cit., т. I стр. 82.

какъ эволюціонная и большая часть монистическихъ теорій, или строго критическаго, вполнѣ отвѣчаютъ программѣ, начертанной однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей ихъ: современное философское зданіе онѣ сооружаютъ въ современномъ вкусѣ, современными средствами, изъ современнаго матеріала.

Таковъ, въ существенныхъ чертахъ, рѣшительно господствующій нынѣ взглядъ на взаимныя отношенія позитивизма и другихъ научно-философскихъ системъ. И это общее мнѣніе мы признаемъ какъ нельзя болѣе справедливымъ.

Позитивизмъ — уже не философія въ прежнемъ и обычномъ смыслѣ слова; но онъ еще и не философія наукъ, ибо въ противномъ случаѣ рядомъ съ нимъ не могли бы существовать другія научно-философскія системы. Коренному измѣненію философскаго вкуса, установленію истиннаго философскаго метода, словомъ, образованію философіи наукъ мѣшаетъ прежде всего недостаточность и неразработанность современнаго научнаго матеріала, — фактъ, все болѣе и болѣе бросающійся въ глаза. Вотъ почему и позитивизмъ является только необходимымъ предвѣстникомъ грядущей систематизаціи знанія, указателемъ ея теоретической необходимости, если не близкаго практическаго осуществленія. Онъ—представитель уже ставшаго возможнымъ будущаго; и эту роль онъ долженъ всячески стараться сохранить. Онъ долженъ помнить, что насколько въ настоящее время существуетъ потребность полнаго или окончательнаго объединенія еще неполнаго или отрывочнаго знанія, потребность эта будетъ въ достаточной мѣрѣ удовлетворена другими научно-фило-

софскими системами. Съ своей же стороны, позитивизмъ долженъ ограничиться одною задачей: все болѣе и болѣе расчищать путь предъ философіей наукъ, прибѣгая для того къ слѣдующимъ двумъ главнымъ средствамъ: 1) умноженію наличнаго научнаго матеріала, въ особенности въ области біологіи, соціологіи и психологіи; и 2) установленію и разработкѣ полнаго ряда спеціальныхъ философій отвлеченныхъ наукъ. Въ противномъ случаѣ позитивизмъ, очевидно, пересталъ бы отвѣчать своему назначенію и сдѣлался бы такою же научно-философскою системою, какъ всѣ остальныя[1]) (105).

6. Итакъ, главное назначеніе позитивизма состоитъ въ томъ, чтобы дальнѣйшею разработкой отвлеченныхъ наукъ и ихъ спеціальныхъ философій приблизить время, когда отъ нынѣшняго міропониманія или полупониманія можно будетъ перейти къ полному и ясному созерцанію общей связи или единства всѣхъ явленій.

Но эта будущая, эта искомая полнота и ясность міропониманія, какъ и конечная цѣль послѣдняго — синтетическое единство явленій, всегда останутся понятіями въ высшей степени относительными. Таково основное свойство и таковъ уже неизмѣнный характеръ всѣхъ нашихъ идей и концептовъ, и на этотъ счетъ опасно было бы предаваться какимъ бы то ни было иллюзіямъ. Философія имѣетъ своимъ объектомъ единство явленій, и въ этомъ смыслѣ составляетъ сама ихъ высшій синтезисъ,—это не подлежитъ сомнѣнію; но не менѣе вѣрно и то, что она не должна ставить себѣ

---

[1]) См. Соціологія, стр. 361—2.

цѣлью чистое, безусловное единство, которое есть голое отвлеченіе, простой flatus vocі, а не выраженіе истинной природы вещей. Такого абсолютнаго единства достигнуть не трудно; оно легко давалось въ руки мыслителю даже въ эпохи круглаго научнаго невѣжества; примѣромъ тому и доказательствомъ служатъ самыя знаменитыя системы метафизики. Напротивъ того, единство, которое всего труднѣе схватывается въ безконечномъ разнообразіи фактовъ и точекъ сравненія, которое всего болѣе ускользаетъ отъ самыхъ напряженныхъ усилій отвлеченной мысли, есть всегда единство въ высшей степени условное и относительное. Но только оно и составляетъ достойный объектъ стремленій и помысловъ, направленныхъ къ окончательному торжеству научнаго, то есть наиболѣе совершеннаго и яснаго изъ всѣхъ возможныхъ пониманій міра.

О такомъ пониманіи, или о философіи наукъ, должно, въ концѣ концовъ, сказать то же самое, что новѣйшая психологія утверждаетъ о сознаніи, этомъ экстрактѣ или сокращеніи безконечной вереницы нервныхъ процессовъ, образующихъ въ каждый данный моментъ наше „я“: сознаніе есть координація, приведеніе въ порядокъ, процессъ, ведущій къ единству, но не само единство. И наше я, наша личность постоянно колеблется между двумя крайними точками, достигнувъ которыхъ, она перестаетъ существовать—между чистымъ или абсолютнымъ единствомъ всѣхъ представленій и понятій, и чистою или абсолютною инкоординаціей ихъ [1]). Отдѣльное пониманіе и объясненіе каждаго

---

[1]) См. Ribot: Les bases intellectuelles de la personnalité; Revue philos., Octobre 1884, стр. 446

разряда фактовъ — вотъ задача спеціальныхъ наукъ; общее, связное и въ этомъ только смыслѣ нераздѣльное пониманіе всей совокупности явленій — вотъ задача философіи, то есть, координаціи нашихъ знаній или, буквально, *сознанія ихъ, какъ частей одного неразрывнаго цѣлаго*. Само собою разумѣется, однако, что переходя отъ изолированныхъ или разрозненныхъ представленій и понятій къ строй нымъ или прочно организованнымъ группамъ концептовъ, къ цѣлымъ областямъ знаній, мы не можемъ выйти изъ самихъ себя, не можемъ перестать быть самими собою. А потому естественно, что и на вершинахъ философскаго отвлеченія, или въ той области, гдѣ должно происходить послѣднее объединеніе результатовъ спеціальныхъ наукъ, мы не можемъ поступать иначе, чѣмъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда мы что-либо *сознаемъ* или, что, въ сущности, одно и то же, что-либо *приводимъ къ единству*. Мы и тутъ, подъ страхомъ лишиться именно того, чего мы ищемъ, подъ опасеніемъ попасть не въ цѣль, а выше или ниже ея, должны одинаково остерегаться и абсолютнаго объединенія явленій, и оставленія ихъ въ первоначальномъ или исходномъ, хаотическомъ состояніи.

О послѣдней опасности, впрочемъ, не можетъ быть рѣчи по отношенію къ какой бы то ни было философской системѣ. Къ этому виду потери сознанія ни одна философія никогда не обнаруживала ни малѣйшей склонности. Что же касается первой опасности, или полнаго поглощенія всего содержанія сознанія одною руководящей идеей, однимъ верховнымъ концептомъ, то въ этомъ отношеніи

примѣръ апріорной философіи особенно поучителенъ. Сводя всѣ явленія къ абсолютному преобладанію вещества, или ощущенія, или идеи, метафизика давала намъ лишь голый остовъ, лишь отвлеченную формулу единства; она переносила и насильно удерживала насъ на одной изъ тѣхъ крайнихъ точекъ, на которыхъ, согласно ученію современныхъ психологовъ, исчезаетъ въ дѣйствительности всякое реальное сознаніе вещей, а съ нимъ вмѣстѣ теряется и всякая возможность реальнаго, т. е. относительнаго, объединенія ихъ.

Но нѣтъ надобности проводить далѣе эту параллель между индивидуальнымъ сознаніемъ каждаго изъ насъ и тѣмъ особымъ видомъ *сознанія совокупности нашего знанія*, которое называется *философіей*. Нѣтъ надобности настаивать на томъ, что физіологическія и психическія основы перваго явленія составляютъ eo ipso, или даже a fortiori, и основы второго. Нѣтъ, наконецъ, нужды доказывать, что если кульминаціонная точка явленій перваго рода естественно лежитъ между крайностями абсолютнаго единства и безусловнаго хаоса, то и *высшая форма* явленій второго рода, или *философія наукъ*, подчиняется, по необходимости, тому же закону. Все это, по крайней мѣрѣ для насъ, достаточно очевидно, какъ очевидно и то, что позитивизмъ не ошибается, противополагая неудовлетворительную, во многихъ отношеніяхъ, координацію общихъ результатовъ отвлеченныхъ наукъ формально болѣе совершенному, но за то фиктивному и безплодному единству архитектурной, поэтической или *вольной* философіи.

Мы глубоко увѣрены въ томъ, что философія

наукъ еще болѣе подчеркнетъ и усилитъ эту противоположность. Мы убѣждены и въ томъ, что только на этомъ пути спокойнаго, чтобы не сказать покорнаго, слѣдованія по пятамъ спеціальнаго знанія и его неторопливыхъ обобщеній,—а не на какомъ-либо другомъ, и въ особенности не на пути ничѣмъ не регулируемой, кромѣ требованій эстетическаго чувства, философской фантазіи и ея суетныхъ забѣганій впередъ,—можетъ, наконецъ, быть достигнуто реальное единство явленій, или полное и ясное пониманіе ихъ общей связи между собою (106). Добавимъ еще, что если все сказанное сейчасъ справедливо, то вопросъ о соединимости въ одномъ высшемъ синтезисѣ идеальнаго, или абсолютнаго, и реальнаго, или относительнаго, единства міровыхъ процессовъ — эта квадратура круга философовъ—является научно вполнѣ исчерпаннымъ; ибо, какъ замѣтилъ уже Дидро [1]), всякая задача должна считаться окончательно рѣшенною, когда доказано, что разрѣшеніе ея невозможно (107).

7. Заключенія, къ которымъ мы сейчасъ пришли, ни мало не измѣнятся, если мы теперь станемъ на историческую точку зрѣнія и при помощи немногихъ, наиболѣе выдающихся фактовъ прошлаго философіи постараемся освѣтить обѣ стороны занимающаго насъ вопроса, т. е. и отношенія современныхъ системъ къ основнымъ видамъ прежней философіи, и отношенія ихъ къ едва зарождающейся философіи наукъ.

---

[1]) Въ своей запискѣ о теоріи музыки, читанной во франц. Академіи наукъ въ 1777 году.

Развитіе знанія въ обширномъ смыслѣ слова,—вотъ могущественный соціологическій факторъ, который постоянно управляетъ эволюціей философскихъ идей. И извѣстный читателямъ законъ трехъ типовъ метафизики является лишь историческимъ выраженіемъ дѣйствія этого фактора въ эпоху, отличавшуюся неполнотою и пробѣлами не въ частностяхъ, а въ основныхъ чертахъ, въ самомъ планѣ научнаго зданія. Отсюда слѣдуетъ, что матеріализмъ, идеализмъ и сенсуализмъ, въ ихъ чистомъ видѣ,—формы философіи, которыя въ наше время составляютъ анахронизмъ, аномалію или даже явленіе регрессивнаго характера. Философскія односторонности эти возможны въ настоящую минуту лишь постольку, поскольку приверженцы ихъ не стоятъ на высотѣ нынѣшняго уровня науки, или намѣренно, въ своемъ стремленіи объяснить міръ, какъ одно цѣлое, не хотятъ принять во вниманіе общаго итога современныхъ знаній. Въ виду же этого итога, въ которомъ науки самыхъ сложныхъ явленій начинаютъ играть все болѣе и болѣе выдающуюся роль, неизбѣжно кончается господство апріорной философіи, и всѣ три главныя направленія ея превращаются въ нѣчто новое, являющееся, одновременно, и зародышемъ философіи наукъ, и философскою системой въ прежнемъ смыслѣ. Въ этой двойственности современныхъ міровоззрѣній вѣрно отражаются характеръ текущаго періода и оба вліянія, научное и метафизическое, борющіяся, одно, во имя будущаго—чтобы доставить ему окончательную побѣду, а другое, во имя прошедшаго—чтобы сохранить за нимъ долю его прежняго значенія. Изъ рамокъ этой борьбы нельзя выйти, какъ нельзя выйти изъ границъ своего времени.

Но и при этомъ послѣднемъ превращеніи метафизики, въ которомъ такъ ясно замѣтно стремленіе соединить въ болѣе широкомъ синтезисѣ „матеріализмъ явленія“ съ „точкою зрѣнія идеала“, продолжаетъ дѣйствовать тотъ же законъ, хотя и въ несравненно менѣе сильной степени. И гипотетическая философія нашего времени является или преимущественно матеріалистическою (позитивизмъ въ обширномъ смыслѣ слова и монизмъ матеріалистическаго оттѣнка), или преимущественно сенсуалистическою и идеалистическою (доктрина эволюціи, психологическія школы, критическая философія). Вездѣ въ новыхъ попыткахъ отыскать самый общій законъ природы или найти всеобъемлющую міровую формулу, мы видимъ повтореніе одного и того же явленія: научный въ своихъ исходныхъ точкахъ, первоначальный замыселъ выполняется не только въ метафизическомъ духѣ, но и съ неизбѣжнымъ уклоненіемъ въ сторону либо матеріализма, либо идеализма, либо сенсуализма.

Доказательствъ тому можно привести сколько угодно. Возьмемъ, напримѣръ, извѣстную формулу Спенсера, по которой всѣ измѣненія во вселенной совершаются, слѣдуя линіи наименьшаго сопротивленія. Формула эта, конечно — не что иное, какъ общая механическая гипотеза, и въ этомъ смыслѣ составляетъ попытку матеріалистическаго объясненія міра. Но рядомъ съ нею современная философская мысль тотчасъ же выставила и двѣ другія формулы, преслѣдующія ту же цѣль — дать общій законъ или послѣднее, научно-возможное объясненіе всѣхъ явленій. Согласно одной изъ нихъ, принадлежащей Целлнеру, всякое движеніе въ мірѣ опредѣляется минимумомъ неудовольствія или стра-

данія, а согласно другой, защищаемой послѣдователемъ критической философіи Авенаріусомъ, всякое измѣненіе въ ощущеніяхъ совершается по принципу наименьшаго расхода силы. Три формулы эти, обнимающія и подводящія подъ одинъ міровой законъ и всѣ физическіе, и всѣ психическіе процессы и явленія, составляютъ, очевидно, лишь видоизмѣненія одной и той же основной гипотезы; но не менѣе очевидно, что при этомъ явственно сказывается перевѣсъ, въ одномъ случаѣ—матеріалистической, въ другомъ—идеалистической и, наконецъ, въ третьемъ — сенсуалистической точки зрѣнія.

8. Въ общемъ ходѣ эволюціи, мало-по малу измѣнившей всѣ историческіе типы философской мысли и создавшей, на мѣсто ихъ, новый типъ, въ которомъ прежнія различія въ исходныхъ точкахъ, если не вовсе уничтожены, то значительно сглажены и смягчены, — такой фактъ, какъ возникновеніе цѣлой группы наукъ, соединенныхъ между собою общностью метода, [1]) долженъ былъ имѣть еще болѣе рѣшительное вліянье на судьбу философіи, чѣмъ появленіе и установленіе отдѣльныхъ отраслей отвлеченнаго знанія. Это мы, дѣйствительно, и видимъ на примѣрѣ группы наукъ описательныхъ, [2]) возникшей позднѣе другихъ и заключающей въ себѣ біологическія и соціологическія дисциплины съ ихъ конкретною отраслью: біо - соціологіей, или психологіей [3]).

---

[1]) См. мою Соціологію, стр. 26 и 337.

[2]) Тамъ же, стр. 26 и 337.

[3]) Тамъ же, стр. 305 и 346.

Трудно преувеличить значеніе, въ исторіи развитія философскихъ доктринъ, обоснованія этой группы, или перваго приложенія научныхъ способовъ изслѣдованія къ изученію явленій біологическаго, соціологическаго и смѣшаннаго, психологическаго порядка; трудно преувеличить и то глубокое, затрогивающее всѣ стороны философской эволюціи вліянье, какое этотъ крупный, самъ по себѣ, фактъ научной эволюціи до сихъ поръ оказываетъ на направленіе и даже содержаніе преобразовательныхъ попытокъ въ области философіи. Завершеніе ряда отвлеченнаго знанія группою методологически тѣсно связанныхъ между собою наукъ наиболѣе сложныхъ явленій было не только исходною точкою великаго отрицательнаго движенія, разрушившаго обаяніе чистой метафизики, но и плодоносною завязью, изъ которой, на первыхъ порахъ, выросли и развились предвѣстницы новаго пониманія міра—научно-философскія системы нашей эпохи.

Съ перваго же взгляда очевидно, что образованіе группы описательныхъ наукъ должно было совершенно измѣнить прежнія отношенія между идеализмомъ и его двумя метафизическими соперниками. Старый идеализмъ, не имѣвшій до того времени подъ собою твердой, научно изслѣдованной почвы, сразу пріобрѣтаетъ таковую, по крайней мѣрѣ въ теоріи и съ точки зрѣнія ученія о познаваніи; онъ получаетъ возможность соотвѣтствовать, какъ философская доктрина, крайнимъ или высшимъ звеньямъ научной цѣпи. Идеализмъ, такимъ образомъ, сравнивается своимъ философскимъ достоинствомъ съ матеріализмомъ, который уже давно былъ философіей наукъ неорганическаго

міра, и съ сенсуализмомъ, который нѣсколько ранѣе его сталъ соотвѣтствовать наукамъ органическаго порядка.

Новое положеніе, занятое идеализмомъ въ системѣ философскихъ воззрѣній, вслѣдствіе завершенія основного ряда наукъ описательными отраслями знанія, дало ему толчокъ и въ другую сторону, заставило его отнестись внимательнѣе и быть справедливѣе и къ тремъ другимъ, уже давно существовавшимъ группамъ наукъ экспериментальныхъ, чистаго наблюденія и непосредственнаго опыта [1]). Отсюда—попытка новѣйшихъ идеалистовъ создать научную философію, которая примирила бы всѣ прежнія односторонности, слила бы въ одномъ высшемъ гармоническомъ сочетаніи законныя требованія матеріализма и разумныя притязанія идеализма. Но первые, кто, хотя только и ощупью, вышли на эту невѣдомую дотолѣ дорогу и расчистили ее передъ болѣе счастливыми преемниками, были, безъ сомнѣнія, великіе сенсуалисты XVIII го вѣка и великій идеалистъ той же эпохи, Эммануилъ Кантъ.

Одновременно, если не ранѣе, подобное же знаменательное превращеніе, вызванное тою же причиною—образованіемъ новыхъ областей знаній—суждено было претерпѣть и матеріализму. Послѣдній уже имѣлъ подъ собою прочную почву: онъ соотвѣтствовалъ наукамъ міра неорганическаго. Ему, такимъ образомъ, оставалось только дать мѣсто въ своей системѣ результатамъ болѣе юныхъ наукъ. Но это было невозможно, именно съ точки зрѣнія матеріализма, какъ философіи, не выходившей своими данными изъ предѣловъ непосредственнаго или

---

[1]) Соціологія, стр. 27 и 338.

чувственнаго опыта, до тѣхъ поръ, пока наиболѣе сложные разряды явленій не сдѣлались, въ свою очередь, предметомъ строго научнаго изслѣдованія. Когда же это случилось, когда сфера научнаго опыта неожиданно расширилась до того, что стала обнимать собою и явленія гиперорганическаго порядка,—исчезла и логическая невозможность, о которой мы сейчасъ сказали, и на мѣстѣ ея осталась одна только фактическая трудность — совладать съ новыми условіями философскаго мышленія, созданными успѣхами положительныхъ наукъ. И первые, пытавшіеся побороть эту трудность, были опять англійскіе и французскіе сенсуалисты и матеріалисты XVIII-го вѣка, но всѣхъ рѣшительнѣе и удачнѣе, хотя и гораздо позже, Огюстъ Контъ, а за нимъ цѣлый рядъ современныхъ философовъ, преимущественно же эволюціонисты и монисты матеріалистическаго оттѣнка.

9. Таковъ историческій генезисъ научно-философскихъ системъ. Вотъ какъ зародилась заключающаяся въ нихъ доля истины, среди заблужденій старой метафизики, казавшихся безвыходными, и какъ эта истина возникла формально — изъ этихъ заблужденій, въ дѣйствительности же изъ наукъ и все болѣе и болѣе расширявшагося содержанія ихъ.

При этомъ не трудно понять, что хотя оба стремленія создать научную философію какъ-бы идутъ на встрѣчу другъ другу, однако попытки, исходящія изъ лагеря матеріалистовъ, представляются несравненно болѣе раціональными съ методологической точки зрѣнія. Направляясь отъ болѣе извѣстнаго къ менѣе извѣстному и отъ простого и общаго къ частному и сложному, научно-философскія

системы современныхъ матеріалистовъ намѣчаютъ, повидимому, болѣе надежный путь къ достиженію окончательной философской истины, чѣмъ однородныя стремленія идеалистовъ и сенсуалистовъ.

Это явствуетъ уже изъ того, что именно на этомъ пути, а не на какомъ либо другомъ, было достигнуто такое „упрежденіе“ философіи наукъ, какимъ во многихъ отношеніяхъ является позитивизмъ. Послѣдній составляетъ систему, наиболѣе ограничивающую роль гипотезы въ философіи и уже по этой причинѣ наилучше сохраняющую то идеальное равновѣсіе между всѣми группами явленій, а слѣдовательно между матеріализмомъ съ одной стороны и идеализмомъ съ другой, которое всегда останется конечною цѣлью всякаго общаго пониманія совокупности вещей, или всякой философіи.

10. Въ пользу такого объясненія говоритъ его простота; но принимая его, надо стараться избѣжать одного важнаго заблужденія. Соединеніе точекъ зрѣнія, матеріализма, идеализма и сенсуализма, о которомъ мы говорили, не есть сохраненіе противоположностей, философскій эклектизмъ, всегда безплодный, если не прямо вредный. Соединеніе это слѣдуетъ понимать въ смыслѣ совмѣстной переработки матеріала, почерпаемаго каждымъ направленіемъ философской мысли въ соотвѣтствующей группѣ наукъ,—переработкѣ, которая и должна раскрыть основанную на строгой непрерывности естественныхъ явленій тѣсную связь или внутреннюю филіацію всѣхъ этихъ исходныхъ точекъ. Другими словами, соединеніе это ни въ какомъ случаѣ не должно носить характера реставраціи или подновленія прежней метафизики, а должно

быть построеніемъ, на развалинахъ ея, новаго зданія, въ другомъ стилѣ и при помощи совершенно иныхъ архитектурныхъ пріемовъ.

Менѣе радикальная точка зрѣнія никогда не приведетъ насъ къ философской системѣ, которая дѣйствительно заслуживала бы эпитета научной. Это ясно видно на уклоненіяхъ метафизическаго характера, въ которыя то и дѣло впадаютъ научно-философскія доктрины, считающія себя наиболѣе свободными отъ всякихъ апріорныхъ заблужденій. Не только критицизмъ, то есть сторона новой философіи, обращенная къ идеализму, но и позитивизмъ въ обширномъ смыслѣ, или сторона, обращенная къ матеріализму, слишкомъ часто увлекаются такими ложными стремленіями.

Три главныя условія вызываютъ эти колебанія и содѣйствуютъ такому возвращенію на старый философскій путь: во первыхъ, младенческое состояніе психологіи и въ особенности отдѣла ея, занимающагося законами познаванія; во вторыхъ, унаслѣдованіе, отъ прежнихъ сущностей, „непознаваемаго“, которое, вытѣсняя отовсюду „неизвѣстное“, является лишь другимъ названіемъ для „вещи самой въ себѣ“; наконецъ, въ третьихъ, невѣрное пониманіе матеріализма и идеализма не какъ односторонностей предмета, а только какъ односторонностей метода.

О первыхъ двухъ условіяхъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ и сейчасъ еще разъ вернемся къ нимъ. Что же касается третьяго, или неправильнаго пониманія матеріализма и идеализма, то оно, очевидно, является посылкою, изъ которой неизбѣжно вытекаетъ заключеніе, будто каждое изъ основныхъ направленій метафизики можетъ пре-

вратиться мало-по-малу въ истинную философію, оставаясь самимъ собою и только измѣнивъ къ лучшему свой методъ.

Особенно характеристично въ этомъ смыслѣ заблужденіе, въ которое впадаютъ идеалисты нашей эпохи. Видя себя все болѣе и болѣе вынужденными, вслѣдствіе успѣховъ положительнаго знанія, отдать матеріализму и область психическихъ фактовъ, они ищутъ и находятъ спасеніе въ слѣдующемъ компромиссѣ, сотканномъ изъ самыхъ прозрачныхъ софизмовъ: они дѣлаютъ изъ матеріализма научное пониманіе міра или философію, основанную на результатахъ частныхъ наукъ, изъ идеализма же — объясненіе совокупности вещей гипотетическое, произвольное, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно важное въ соціально-этическомъ отношеніи. Другими словами, ихъ матеріализмъ не выводитъ насъ изъ области науки и въ этомъ смыслѣ не составляетъ настоящей философіи; ихъ идеализмъ же, напротивъ того, высоко паритъ надъ этою областью, въ которой онъ только почерпаетъ фактическій субстратъ для своихъ художественныхъ созданій. Но именно этотъ характеръ идеализма, по ихъ мнѣнію, и дѣлаетъ изъ него высшій, наиболѣе „умственный“ видъ эстетическаго творчества — философію въ тѣсномъ смыслѣ слова.

11. Самая возможность такихъ соглашеній — а они составляютъ заурядное явленіе въ новѣйшихъ системахъ—и прорывающаяся по временамъ наружу наклонность современныхъ умовъ къ возстановленію нѣкоторыхъ сторонъ прежней метафизики несомнѣнно доказываютъ, что мы имѣемъ

тутъ дѣло съ обычнымъ фактомъ историческаго прогресса, съ явленіемъ, характеризующимъ всѣ переходныя эпохи: революція, коснувшаяся идей и измѣнившая философскій языкъ, не успѣла еще проникнуть въ философскіе нравы и окончательно преобразовать ихъ.

Изъ философіи, чрезъ главный притворъ ея, на вѣчныя времена, казалось, были изгнаны прежнія апріорныя сущности; но не прошло много времени, и эти сущности незамѣтно прокрались въ философію и снова заняли въ ней, подъ другимъ названіемъ, почетное мѣсто. Это возвращеніе и эта метаморфоза совершились самымъ простымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ непредотвратимымъ образомъ.

Разставшись со всякими абсолютными концептами, со всякими духовными и матеріальными субстратами явленій, съ веществомъ, силою, абсолютною идеей и т. п., мы забыли и, по многимъ причинамъ, не могли не забыть свести счеты съ обильнымъ родникомъ такихъ концептовъ, съ философскою гипотезой. Основная черта послѣдней, какъ мы знаемъ, заключается въ ея непровѣряемости: этимъ кореннымъ свойствомъ она и отличается отъ гипотезы научной. Но непровѣряемая гипотетичность есть только другое выраженіе для „непознаваемости“ явленій, для той вѣчно, будто бы, скрытой отъ насъ стороны ихъ, которую прежняя метафизика называла ихъ субстратомъ или сущностью. И вотъ какимъ образомъ, въ современныхъ научно-философскихъ системахъ, мы продолжаемъ быть метафизиками, сами того не подозрѣвая.

12. Словесное значеніе философской реформы,

породившей научныя системы нашей эпохи, обусловливается главнымъ образомъ низкимъ уровнемъ развитія наукъ гиперорганическихъ явленій. Хаотическое состояніе психологіи дѣлаетъ насъ жертвою всевозможныхъ умственныхъ самообмановъ, а въ числѣ ихъ и той замѣчательной и трудно искоренимой иллюзіи, которая побуждаетъ насъ въ голомъ отвлеченіи, въ чистомъ отрицаніи, въ абсолютномъ нулѣ видѣть нѣчто, обладающее высшею конкретностью, недостижимою положительностью, безконечною и потому недоступною нашему пониманію содержательностью [1]).

Мы такъ мало и плохо знакомы съ физіологическими и психологическими условіями, составляющими сущность акта познанія и неразрывно связанныхъ съ нимъ процессовъ отвлеченія и образованія отрицательныхъ или, что̀ то же, абсолютныхъ концептовъ ума, что все еще не отдаемъ себѣ яснаго отчета въ глубокомъ внутреннемъ противорѣчіи (contradictio in adjecto), заключающемся въ самой идеѣ непознаваемаго.

Генезисъ этой отрицательной (и въ этомъ смыслѣ логически-условной, какъ учитъ математика) идеи, по большей части, никѣмъ не разслѣдуется. Никто не хочетъ видѣть, что непознаваемость есть свойство вещей или признакъ, неминуемо возникающій всякій разъ, когда гипотеза (какая бы то ни было) изъ области науки переносится на почву философіи или, другими словами, когда мы намѣренно лишаемъ гипотезу принадлежащихъ ей всегда, въ силу самого опредѣленія ея, условій провѣряемости, когда мы въ извѣстномъ смыслѣ искажаемъ

---

[1]) См. ч. II, гл. 5-ю наст. книги.

сущность, истинный характеръ ея и предаемся игрѣ ума, которую можно попытаться объяснить, сравнивъ непровѣряемыя гипотезы философіи съ отрицательными величинами математики.

Всякую положительную величину можно обратить въ отрицательную (а также въ мнимую, воображаемую), и всякую провѣряемую гипотезу можно обратить въ непровѣряемую. Логическій ходъ мысли и логическій результатъ въ обоихъ случаяхъ будетъ одинъ и тотъ же. Мы ни на минуту не выйдемъ изъ рамокъ (понятіе также условное) конкретной дѣйствительности, хотя и успѣемъ придать этой послѣдней характеръ абстрактной сверхдѣйствительности (непознаваемости), если можно такъ выразиться.

При этомъ, однако, не слѣдуетъ забывать, что генезисъ концепта непознаваемаго составляетъ фактъ столько же психологическаго, сколько и соціологическаго порядка. Въ извѣстные періоды общественнаго развитія, отличавшіеся неполнотою и отрывочностью спеціальныхъ знаній, мы по необходимости, не отъ насъ зависѣвшей, должны были постоянно превращать провѣряемыя гипотезы въ непровѣряемыя, то есть должны были, такъ или иначе, подъ тѣми или другими формами и условными терминами, постоянно создавать непознаваемое. Незнаніе въ наукѣ необходимо порождало въ философіи эту отрицательную величину — непознаваемое [1]). Но фаза грубаго незнанія миновала, а ея знаменатель остался (явленіе переживанія), и мы до сихъ поръ возимся съ трупомъ непознаваемаго, какъ съ живымъ существомъ. Философской

[1]) См. пред. главу, §§ 11 и 12.

критикѣ, этой полиціи міра мысли, по энергическому выраженію Гёксли, все еще, такимъ образомъ, предстоитъ нелегкая задача оздоровленія философской атмосферы, глубоко зараженной продуктами медленнаго разложенія метафизики. Но задача эта, само собою разумѣется, окажется подъ силу критикѣ только тогда, когда она вооружится такими познаніями въ области психологіи и соціологіи, которыя въ настоящую минуту еще далеко не достигнуты.

13. А пока будетъ совершаться этотъ необходимый процессъ дополнительнаго развитія спеціальнаго знанія, господство въ области отвлеченной мысли удержится за научно-философскими системами, составляющими переходную ступень отъ метафизики къ философіи наукъ. Опредѣлить продолжительность этой фазы нѣтъ никакой возможности; многіе признаки, однако, заставляютъ думать, что періодъ этотъ будетъ не кратокъ, и что не только мы, но и наши непосредственные преемники не увидятъ его конца. Гипотетическое и безотносительное единство общей совокупности явленій еще долго останется миражемъ, который будетъ отвлекать лучшіе умы отъ преслѣдованія истинной задачи философіи знанія — гармоническаго сочетанія всѣхъ выводовъ отдѣльныхъ наукъ въ одно стройное цѣлое, которое служило бы ключемъ къ пониманію общей связи міровыхъ процессовъ въ данный періодъ исторіи и при данныхъ условіяхъ.

Но мирясь, по необходимости, съ преобладающею ролью научно-философскихъ системъ, этимъ продуктомъ общаго состоянія теоретическихъ наукъ

въ нашу эпоху, мы тѣмъ настоятельнѣе должны требовать отъ приверженцевъ такой неустойчивой формы философіи, чтобы они никогда не забывали наиболѣе важной черты отличія послѣдней отъ чистой метафизики, или того, что научныя системы не должны вступать на скользкій и опасный путь построенія, для вящшаго торжества своего центральнаго концепта, частныхъ гипотезъ въ той или другой отрасли человѣческаго знанія.

Путь этотъ былъ излюбленнымъ путемъ метафизики, которая постоянно прибѣгала къ двойной и, такъ сказать, параллельной работѣ творческой фантазіи: во первыхъ, въ области частнаго знанія, громадные фактическіе пробѣлы котораго усердно пополнялись теоріями, измышлявшимися ad hoc не столько спеціалистами, сколько философами; и во вторыхъ, въ области философіи.

Научно-философскія системы, напротивъ того, должны принципіально отказаться служить источникомъ, снабжающимъ науки какими бы то ни было предположеніями. Совершенно ясно, дѣйствительно, что подобныя гипотезы не находятъ себѣ, въ сущности, иного оправданія, кромѣ желанія облегчить мыслителю послѣдующій трудъ его, т. е. логическое увѣнчаніе гипотетическихъ построеній спеціальнаго знанія одною столь же гипотетическою, но за то всеобнимающею и всеобъясняющею міровою формулою. Успѣхи положительнаго знанія позволяютъ современнымъ философскимъ системамъ стремиться къ достиженію истинной цѣли всякой философіи, уже не прибѣгая къ обычнымъ средствамъ метафизики, признаваемымъ отнынѣ негодными, а прокладывая для того новый, хотя еще и мало извѣстный въ своихъ подробностяхъ, путь..... Та же

цѣль, другія средства (и притомъ частью прямо противоположныя употреблявшимся прежнею философіею)—вотъ краткая формула, выражающая главное отличіе всякой научно-философской отъ всякой чисто метафизической системы.

14. Различіе это имѣетъ большое значеніе. Оно можетъ показаться несущественнымъ тому, кто думаетъ, что средства, необходимыя для достиженія извѣстной цѣли, почти всегда заранѣе обусловливаются послѣднею, и что обратное отношеніе, въ которомъ средства реагируютъ на цѣль, постепенно измѣняя ее, составляетъ рѣдкое исключеніе. Дѣло въ томъ, однако, что такой обычный взглядъ едва-ли вполнѣ вѣренъ. Во многихъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности и главнымъ образомъ тамъ, гдѣ умъ человѣка преслѣдуетъ цѣли отдаленныя, которыя уже по этой причинѣ рисуются ему въ неясныхъ очертаніяхъ, второй случай является рѣшительно преобладающимъ. Тутъ гораздо болѣе важенъ самый путь, по которому идутъ, чѣмъ то, что̀ надѣются или мечтаютъ достигнуть въ концѣ его; тутъ всегда можно прійти къ неожиданнымъ, негаданнымъ результатамъ, и средства тутъ, очевидно, опредѣляютъ цѣль, а не наоборотъ. Такой характеръ, между прочимъ, имѣетъ и исторія самыхъ серьёзныхъ научныхъ открытій.

Но новыя средства, къ которымъ все съ большею и большею послѣдовательностью и исключительностью прибѣгаютъ современныя философскія системы, не переставая, тѣмъ не менѣе, гоняться и за старыми идеалами метафизики, состоятъ въ стремленіи подвести подъ зданіе философіи двойной и прочный фундаментъ: полный рядъ отвлеченныхъ

наукъ и столь же законченный рядъ ихъ спеціальныхъ философій. А на этомъ пути, какъ намъ кажется, рано или поздно, должна наконецъ выясниться необходимость всячески избѣгать двухъ камней преткновенія, о которые, именно вслѣдствіе недостаточнаго пониманія представляемой ими опасности, постоянно разбивались до сихъ поръ всѣ усилія создать истинную философію наукъ

Говоря это, мы имѣемъ въ виду: во первыхъ, матеріализмъ, идеализмъ и сенсуализмъ философіи, то есть основную односторонность ея точекъ исхода, которая можетъ быть болѣе или менѣе научною, и касаться условій существованія вещей (научныя системы)—или ненаучною, и касаться самихъ вещей (метафизическія системы); и во вторыхъ, общую гипотетичность философскихъ выводовъ, которая также можетъ быть болѣе или менѣе научною, и заключаться въ незаконномъ расширеніи гипотезъ спеціальнаго знанія (научныя системы),—или ненаучною, и заключаться въ обогащеніи не только философіи, но и отдѣльныхъ наукъ гипотезами, построенными внѣ предѣловъ и независимо отъ условій частныхъ наукъ, путемъ такъ называемаго философскаго созерцанія вещей (метафизическія системы).

Нѣтъ надобности прибавлять, что гадательность выводовъ, о которой мы говоримъ, есть прямой результатъ поиска за общею, обнимающею всѣ разряды явленій причинностью, которую нужно строго отличать отъ вполнѣ законной спеціальной причинности; послѣдняя касается такъ называемыхъ вторыхъ причинъ явленій и уже вслѣдствіе этого не можетъ простираться на всю совокупность вещей. Но не

лишнее, можетъ быть, будетъ пояснить въ заключеніе, что въ усвоенномъ нами взглядѣ извѣстное и нѣкогда столь популярное различеніе между „почему“ и „какимъ образомъ“ совершенно утрачиваетъ придаваемое ему обыкновенно значеніе твердой грани, отдѣляющей доступное опыту и наукѣ отъ доступнаго только умозрѣнію и фантазіи. И въ области спеціальной, и въ области всеобщей причинности вопросъ „какимъ образомъ?“ имѣетъ одинъ смыслъ съ вопросомъ „почему?“ Но въ области всеобщей причинности, оба вопроса одинаково безцѣльны; ибо здѣсь и „какимъ образомъ“ значитъ „какимъ абсолютно единымъ образомъ“,— и отвѣтомъ тутъ можетъ служить лишь всеобщая и непровѣряемая гипотеза. Это столь же очевидно, какъ и то, что пока научная философія нашихъ дней не откажется отъ гипотетическаго метода, она не будетъ въ состояніи вывести насъ изъ ложнаго круга, въ которомъ по необходимости вращалась философская мысль всѣхъ предшествовавшихъ намъ эпохъ (108).

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Примѣчанія къ части второй.

54 (стр. 7). Множественность причинъ есть начало, давно установленное въ индуктивной логикѣ. Одна „причина“ не въ состояніи, вообще говоря, вызвать какое бы то ни было „слѣдствіе“; для этого требуется встрѣча и совокупное дѣйствіе, по меньшей мѣрѣ, двухъ факторовъ или двухъ причинъ. Немыслимость „единой“ причины была вполнѣ доказана, между прочимъ, и Миллемъ. См. соотв. мѣста его сочиненія: „A system of Logic ratiocinative and inductive“.—По поводу сказаннаго нами въ этой главѣ о значеніи руководящей идеи въ научномъ изслѣдованіи, см. дѣльныя замѣчанія по тому же вопросу Н. Карѣева: Основные вопросы философіи исторіи, Москва 1883 г., Т. I, стр. 287—300. Ученый трудъ г. Карѣева дѣлаетъ честь юной школѣ русскихъ соціологовъ.

55 (стр. 8). Такое сравненіе можетъ служить и повѣркою нашего закона. Въ глаза кидается, напримѣръ, что и матеріалистическія, и сенсуалистическія системы изобилуютъ частными научными истинами, заимствованными изъ соотвѣтствующихъ областей знанія. Напротивъ того, идеалистическія системы почти вовсе не содержатъ въ себѣ подобныхъ научныхъ обобщеній, что, конечно, можетъ быть объяснено только тѣмъ, что и соотвѣтствующія идеалистическому міровоззрѣнію спеціальныя науки весьма бѣдны ими. Въ первыхъ двухъ міровоззрѣніяхъ теперь преобладаютъ гипотезы, имѣющія только одинъ крупный недостатокъ—свойственный имъ всеобщій и абсолютный характеръ; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ гипотезы эти вполнѣ стоятъ на высотѣ современнаго спеціальнаго знанія.

56 (стр. 12). Простое сравненіе между собою группъ или рядовъ фактовъ, входящихъ въ оба обобщенія эти — въ законъ трехъ типовъ и въ законъ соотношенія,—ясно обнаруживаетъ, что первая, частная формула имѣетъ чисто эмпирическій характеръ: она выражаетъ собою дѣйствительное осуществленіе, въ данномъ сочетаніи историческихъ условій, требованій болѣе общей формулы.

57 (стр. 15). Въ частности, метафизическое единство вещей достигается путемъ возведенія одного разряда явленій (либо уже признаннаго наукою въ качествѣ несводимаго далѣе разряда, либо объединеннаго только обыкновеннымъ опытомъ) въ прототипъ всѣхъ остальныхъ. Въ эпоху, когда рядъ наукъ состоялъ еще изъ ряда пробѣловъ знанія, такое игнорированіе всѣхъ категорій явленій, за исключеніемъ одной, было неизбѣжною ошибкою, заблужденіемъ, въ которое впадали самые просвѣщенные умы; но по мѣрѣ развитія и умноженія положительныхъ знаній, систематическое игнорированіе всѣхъ разрядовъ явленій, за исключеніемъ одной категоріи, пріобрѣтало уже всѣ свойства невѣжества въ худшемъ смыслѣ слова.

58 (стр. 16). По поводу закона *трехъ* (а не болѣе) типовъ, резюмирующаго нашу классификацію философскихъ системъ прошедшаго, считаемъ не лишнимъ привести здѣсь слѣдующую гнѣвную тираду матеріалиста Л е ф е в р а противъ новыхъ „троицъ“, постоянно изобрѣтаемыхъ человѣческимъ умомъ. „Чего только, говоритъ Лефевръ, нельзя расположить въ группу изъ трехъ членовъ? Божество, міръ и человѣка; мужчину, женщину и ребенка; большую посылку, меньшую и заключеніе, —ибо и логика имѣетъ свою троицу. Интересная книга могла бы выйти изъ исторіи троицъ и тринитаріевъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Индія дала бы свою „тримурти“, свои три міра, свои треглазые идолы; Египетъ — свои кровосмѣсительныя троицы; классическая миѳологія — своихъ Юпитера, Нептуна и Плутона; религія маговъ — своего Зерванъ-Акерена, своего Ормузда и своего Аримана; александрійское христіанство — свои три ипостаси и т. п.; контизмъ, наконецъ—свой великій фетишъ, свое великое существо и свою великую среду. Передъ нашими глазами прошли бы всѣ метафизическія троицы: чувство, разсудокъ и разумъ; прошедшее, настоящее и будущее,

три составныя части силлогизма, наконецъ, даже прудоновская (собственно гегелевская?) серія; въ особое приложеніе могли бы быть включены всѣ жертвы „Numero Deus impare“, поклонники числа 7, мученики числа 19 (Бабисты), и въ заключенье Фурье, которому такъ полюбилось число 32: безуміе его было четное. Вѣра въ силу и достоинство чиселъ, одинъ изъ догматовъ математическаго мистицизма, не давала покоя многимъ глубокимъ умамъ, начиная съ Пиѳагора. Троица гораздо древнѣе христіанства. Ламенне, Піеръ Леру и многіе другіе мыслители, еще находящіеся въ живыхъ, стремясь обновить ея формулу и смыслъ, только резюмировали заблужденія длиннаго ряда вѣковъ“. Renaissance du matérialisme. Paris. 1881. Стр. 81.

Неудовольствіе, возбужденное во французскомъ матеріалистѣ однимъ воспоминаніемъ о „троицахъ“, имѣетъ свою комическую сторону. Въ своемъ „иконоборческомъ“ увлеченіи Лефевръ не только забываетъ, что есть разныя троицы, но и теряетъ изъ виду слѣдующія двѣ старыя истины психологіи, которыя мы и позволяемъ себѣ напомнить ему: 1) Всякая аналитическая операція ума есть не что иное, какъ актъ различенія тѣхъ или другихъ свойствъ или признаковъ въ данномъ сочетаніи явленій, и это различеніе непзмѣнно выражается распредѣленіемъ наблюдаемыхъ признаковъ, по меньшей мѣрѣ, въ *двѣ* группы; 2) этотъ основной, но грубый дуализмъ неизбѣжно исправляется дальнѣйшимъ, болѣе глубокимъ и тонкимъ анализомъ, отдѣляющимъ отъ первыхъ двухъ группъ ихъ внутренніе, соприкасающіеся члены, изъ которыхъ и образуется то промежуточное, связующее звено, та *третья* группа, которою всегда такъ дорожатъ научно-образованные умы,—хотя бы только въ силу стараго принципа: natura non facit saltus...

59 (стр. 17). Законъ трехъ состояній есть законъ *философіи*, поскольку онъ опредѣляетъ послѣдовательныя состоянія нашего *знанія*, а поскольку имъ опредѣляются послѣдовательныя состоянія человѣческихъ *обществъ*—законъ *соціологіи*. См. G. Wyroubоff: La philosophie matérialiste et la philosophie positive, въ Revue positive, Janv.-Févr. 1879, стран. 12. Съ этимъ мнѣніемъ Вырубова мы не можемъ согласиться. Въ первомъ смыслѣ обобщеніе или законъ Конта принадлежитъ не философіи, а спеціальной наукѣ, той отрасли психологіи, которая называется теоріей познаванія и изслѣдуетъ законы, управляю-

щіе всѣми явленіями знанія. Но и помимо этого соображенія, Вырубову можно возразить, что состояніе нашего *знанія* есть сложный фактъ: если въ немъ есть сторона психологическая, требующая особаго изученія въ соотвѣтствующей наукѣ, то въ немъ есть и много такихъ сторонъ, которыя могутъ быть надлежащимъ образомъ изслѣдованы только соціологомъ.

60 (стр. 23). Утверждать, что составъ нашего знанія измѣняется не только количественно, но и качественно, и основывать это мнѣніе на томъ, что всѣ разряды нашихъ понятій, въ томъ числѣ и научныя, имѣютъ сначала теологическій, потомъ метафизическій и, наконецъ, положительный характеръ, можно только по недоразумѣнію, имѣющему своимъ источникомъ неправильное и неточное употребленіе терминовъ философскаго языка. Убѣдиться въ этомъ весьма не трудно, если принять во вниманіе, что въ общеупотребительности того или другого сочетанія извѣстныхъ терминовъ нельзя еще видѣть гарантіи для логической совмѣстимости обозначаемыхъ этими терминами понятій. Это всего лучше доказывается примѣромъ такихъ выраженій, какъ теологическое или метафизическое „знаніе“. Къ сожалѣнію, языкъ науки лишь мало по-малу очищается отъ оборотовъ рѣчи и отъ терминовъ, основанныхъ на недостаточномъ различеніи понятій и ведущихъ къ дальнѣйшему безсознательному смѣшенію ихъ. Подъ вліяньемъ тѣхъ или другихъ ложныхъ представленій, возникаетъ терминологія, которая изъ обыкновенной рѣчи переходитъ и въ языкъ науки, и сохраняется тутъ даже тогда, когда породившія ее ошибочныя мнѣнія уже утратили свою прежнюю силу. Такъ, мы еще теперь говоримъ о „теологическомъ“ или „метафизическомъ“ состояніи науки (т. е. о чемъ-то весьма схожемъ съ „темнымъ“ состояніемъ свѣта), несмотря на то, что ту же мысль можно выразить гораздо проще и не насилуя логики языка, сказавъ, что наука развивается постепенно и медленно, что многіе разряды явленій долго остаются необъясненными научно, или что умъ человѣка не сразу достигаетъ истины, а проходитъ прежде чрезъ цѣлый рядъ заблужденій, которыя, благодаря нѣкоторымъ общимъ и типичнымъ чертамъ, сводятся къ двумъ категоріямъ — къ ошибкамъ теологическаго и метафизическаго характера.

Не лишнее также будетъ замѣтить здѣсь, что качественная измѣняемость философскихъ концептовъ, о которой упоми-

нается въ текстѣ, выражается *исключительно:* во первыхъ и вообще—въ смѣнѣ однихъ міропониманій другими; и во вторыхъ и въ частности—въ распаденіи метафизики на нѣсколько основныхъ типовъ съ ихъ многочисленными оттѣнками. Въ этихъ предѣлахъ, колебаніямъ философской мысли нѣтъ конца. Наблюдаемая сверху, съ птичьяго полета, исторія философіи представляетъ необыкновенную пестроту и разнообразіе. Но насъ ожидаетъ какъ-разъ противоположное зрѣлище, когда мы спускаемся внизъ и, близко подходя къ каждой крупной разновидности философскихъ ученій, разсматриваемъ ее отдѣльно отъ всѣхъ остальныхъ. Тутъ насъ поражаетъ, напротивъ того, полнѣйшая неизмѣняемость, въ отношеніи основныхъ гипотезъ, главныхъ типовъ метафизической мысли — матеріализма, идеализма и сенсуализма. См. сказанное нами по этому поводу въ первой части этого труда, въ главѣ о матеріализмѣ, стр. 18.

61 (стр. 30). Термины „теологическая“ и „метафизическая“ философія могутъ быть терпимы только до тѣхъ поръ, пока въ умахъ между понятіемъ о „философіи“ и представленіемъ о „научныхъ объясненіяхъ“ не образуется, наконецъ, такая же прочная и неразрывная связь, какая уже давно образовалась между этимъ представленіемъ и понятіемъ о наукѣ (вслѣдствіе чего и сочетаніе признаковъ теологическій и метафизическій съ терминомъ „наука“ является уже логическимъ противорѣчіемъ). Но прилагая этотъ взглядъ къ вопросу объ отношеніяхъ науки къ философіи, мы необходимо встрѣчаемся съ слѣдующею дилеммою: или конкретное проявленіе человѣческой мысли, не совсѣмъ точно называемое теологическимъ и метафизическимъ состояніемъ науки и давно уже сведенное къ понятію о несуществующемъ или, вообще, слабо развитомъ спеціальномъ знаніи, вызываетъ и обусловливаетъ и то конкретное проявленіе мысли, которому до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ въ общемъ сознаніи, еще не придано дѣйствительно принадлежащаго ему значенія „міронепониманія“ или несуществующей философіи; или, наоборотъ, конкретное проявленіе мысли въ общихъ вопросахъ, называемое теологіей и метафизикою, и равносильное отсутствію истиннаго объясненія такихъ общихъ вопросовъ, порождаетъ и конкретное проявленіе мысли въ частныхъ вопросахъ, точно также равносильное отсутствію истиннаго объясненія послѣднихъ. Какъ извѣстно читателю, мы рѣшаемъ вопросъ

въ первомъ смыслѣ: мы признаемъ, что „незнаніе“ есть настоящій источникъ „мнѣнепониманія“, а не наоборотъ. Что же касается формулы Конта, то, какъ мы уже видѣли, она скорѣе приводитъ къ произвольному принятію противоположной гипотезы, для которой нѣтъ достаточныхъ фактическихъ доказательствъ. Дѣйствительно, ни въ одну историческую эпоху всѣ наши частныя объясненія вещей или понятія, съ которыми имѣетъ дѣло наука, не были исключительно теологическими или метафизическими, или даже вообще ложными. Вмѣстѣ съ ученіями супранатурализма и метафизическими системами, т. е. вмѣстѣ съ несомнѣнно ложными объясненіями всей совокупности природы, мы застаемъ на исторической сценѣ и вполнѣ вѣрныя объясненія отдѣльныхъ группъ явленій, періодъ же полнаго расцвѣта метафизики совпадаетъ съ существованіемъ и развитіемъ настоящаго знанія—въ видѣ ряда уже установившихся наукъ неорганическаго и, частью, органическаго міра.

Интересно замѣтить также, что уже Аристотель, одинъ изъ основателей научнаго метода, пришелъ къ той же оцѣнкѣ философскихъ продуктовъ первой фазы развитія, къ которой, по необходимости, приводитъ и законъ Конта. Аристотель отрицаетъ у нихъ всякое научное значеніе· „Не стоитъ, говоритъ онъ, сколько-нибудь серьезно заниматься тѣми, кто философствовалъ въ мистической формѣ“ (Metaphys III, 4. 17).

62 (стр. 34). На оба обобщенія наши — законъ трехъ метафизическихъ типовъ и законъ соотношенія между наукою и философіей—можно смотрѣть, какъ на простую попытку правильнѣе и точнѣе истолковать извѣстную формулу Конта. Дѣйствительно, въ связываемыхъ послѣднею формулою группахъ фактовъ уже содержится отдаленное указаніе на основное условіе, въ силу котораго происходитъ послѣдовательная смѣна трехъ главныхъ способовъ объясненія міра и тѣхъ общихъ умственныхъ состояній, которыя зависятъ отъ преобладанія того или другого философскаго метода. Но формула Конта прямо не раскрываетъ этого основного условія и потому подаетъ поводъ къ произвольнымъ и частью ошибочнымъ толкованіямъ историческихъ фактовъ. Наши два обобщенія составляютъ въ этомъ смыслѣ только необходимое дополненіе и разъясненіе закона трехъ состояній. Нашъ общій законъ выражаетъ собою то постоянное отношеніе соціологическихъ

факторовъ, въ силу котораго только и можетъ произойти послѣдовательность, наблюденная и, въ значительной степени, провѣренная Контомъ. Нашъ частный законъ выражаетъ собою то же отношеніе, какъ оно осуществилось въ теченіе метафизической фазы развитія философіи; но онъ ближе стоитъ къ конкретной дѣйствительности, чѣмъ общій законъ или его послѣдствіе, законъ трехъ состояній; изъ области высшихъ отвлеченій онъ возвращаетъ насъ на почву легче провѣряемыхъ фактовъ и отношеній и потому самъ служитъ лучшимъ доказательствомъ вѣрности общаго закона.

63 (стр. 38). Такого доказательства обыкновенно и добиваются отъ своихъ противниковъ новѣйшіе защитники метафизики, обѣщая, въ случаѣ удовлетворенія своего требованія, считать вопросъ о „необходимости“ метафизики окончательно сданнымъ въ архивъ. Но пусть вѣритъ ихъ обѣщаніямъ, кто хочетъ.

Отмѣтимъ здѣсь, кстати, еще другое требованіе этихъ „друзей“ метафизики, хорошо рисующее крайнее, безвыходное положеніе, въ которомъ они сами находятся. Они именно желаютъ, „чтобы понятіе о метафизикѣ было указано со всевозможною опредѣленностью, чтобы съ совершенною точностью были выдѣлены задачи и вопросы, которые она себѣ присвоиваетъ“; они утверждаютъ, далѣе, что, „обращаясь къ лучшимъ и самымъ авторитетнымъ философамъ позитивизма“, не трудно убѣдиться, „что въ ихъ понятіяхъ о метафизикѣ нѣтъ той отчетливости, какой можно было бы ожидать отъ нихъ“. Упрекъ этотъ явно несправедливъ, поскольку онъ дѣйствительно касается вопроса объ опредѣленіи метафизики и точнаго указанія ея *спеціальныхъ* задачъ. Начиная съ Конта,—и пожалуй даже раньше его, если принять наше мнѣніе объ историческомъ позитивизмѣ (ч. I, гл. VII, стр. 213—215)—позитивисты единогласно утверждали и доказывали (хорошо или дурно—другой вопросъ): во 1-хъ) что метафизика *не имѣетъ своихъ спеціальныхъ задачъ*, а преслѣдуетъ *ту же* задачу, какую въ глубокомъ прошедшемъ стремилась разрѣшить теологія и какую теперь старается рѣшить научная философія, во 2-хъ) что задача эта состоитъ въ объединеніи, въ одномъ общемъ міропониманіи, всѣхъ категорій нашихъ познаній; и въ 3-хъ) что метафизика есть только методъ или способъ такого объединенія, и методъ не-

сомнѣнно ложный. Позитивистамъ, слѣдовательно, оставалось только показать, въ чемъ заключались пріемы этого метода, а это было сдѣлано ими не одинъ разъ См. Herbert Spencer. First Principles, ч. 2-ая, The Knowable; гл. 1-ая· Definition of philosophy.

63 bis (стр. 43). По важному, но все еще не выясненному (именно вслѣдствіе изученія его на почвѣ не спеціальной науки, а философіи) и все еще порождающему массу недоразумѣній и софизмовъ вопросу объ ограниченности нашихъ познавательныхъ средствъ и способностей, просимъ у читателя позволенія привести здѣсь мнѣніе К Кавелина, который въ своемъ, во многихъ отношеніяхъ, превосходномъ этюдѣ—*Задачи этики*,—говоритъ слѣдующее: „Для человѣка ни безусловнаго знанія, ни безусловной объективности нѣтъ и не можетъ быть. Знаніемъ родъ человѣческій не можетъ подняться выше самого себя, вырваться изъ своей природы. То, что человѣкъ считаетъ объективнымъ міромъ, есть или внѣшняя природа, которой часть онъ составляетъ, или другіе люди и человѣческое общество, посреди которыхъ онъ живетъ, или явленія и факты его психической жизни и дѣятельности. Мышленіе и результатъ его—знаніе—есть не что иное, какъ лишь свойственный человѣку способъ относиться къ явленіямъ дѣйствительности, чтобъ прилаживать ихъ къ своимъ нуждамъ, а себя къ условіямъ, посреди которыхъ онъ поставленъ. Далѣе этой относительной и условной дѣятельности человѣческій умъ не идетъ и знаніе не простирается, не потому, чтобы разумъ былъ слабъ, немощенъ, недостаточенъ, а потому, что такова его функція въ человѣческомъ организмѣ. Не приписываемъ же мы безсилію, немощи, несовершенству глаза, что онъ не слышитъ, уха — что оно не видитъ. Психическія способности и отправленія гораздо труднѣе поддаются точнымъ изслѣдованіямъ; оттого относительно ихъ и удерживаются дольше разныя ошибочныя представленія, сложившіяся путемъ отвлеченной логики и неправильныхъ обобщеній". Задачи этики, стр. 46. Та же мысль развивается авторомъ еще на стр. 86 и 87.

Отдавая полную справедливость послѣднему труду Кавелина, посвященному „молодому поколѣнію" и вполнѣ оправдывающему такое посвященіе благородствомъ и возвышенностью стремленій и выводовъ автора, мы должны, однако, замѣтить,

что съ главнымъ, основнымъ тезисомъ всего этюда мы радикально расходимся. Тезисъ этотъ всецѣло содержится въ немногихъ слѣдующихъ словахъ автора (стр. 48): „Таково современное положеніе. Наблюденіе и опытъ поколебали безграничное довѣріе къ объективному міровоззрѣнію, указали на его односторонность, недостаточность, неполноту и на необходимость исправить эти недостатки поднятіемъ и выработкою личной психической жизни и дѣятельности. Въ этомъ заключается глубокій смыслъ кризиса, чрезъ который проходитъ современное человѣчество. Въ обращеніи всѣхъ лучшихъ силъ знанія и практической опытности на нравственное развитіе единичнаго, индивидуальнаго типа и будетъ состоять переходъ рода человѣческаго въ новый періодъ развитія". — Въ этомъ мнѣніи глубоко справедлива главная посылка и глубоко невѣрно заключеніе. Односторонность, недостаточность и неполнота всѣхъ господствовавшихъ до сихъ поръ міровоззрѣній составляютъ, дѣйствительно, фактъ, въ которомъ человѣчество все болѣе и болѣе убѣждается. Отсюда — то субъективное безпокойство, то отсутствіе гармоніи и равновѣсія, та тоска и неудовлетворенность, тотъ разбродъ мнѣній и тотъ кажущійся или дѣйствительный этическій упадокъ, которыми страдаетъ современное человѣчество и которые одинаково тревожатъ людей мысли и людей дѣла. Но „глубокій смыслъ переживаемаго нынѣшнимъ человѣчествомъ кризиса" не можетъ заключаться въ направленіи всѣхъ усилій въ сторону простого послѣдствія, не трогая и не касаясь его причины. Всякіе призывы къ подъему личной психической жизни, къ исправленію индивидуальнаго типа, всѣ эти sursum corda—исторія доказала это сотни разъ—безплодны и безплодны, какъ древній вавилонскій плачъ, безплодны, часто, даже въ смыслѣ личнаго исправленія. Выходъ изъ современнаго кризиса можетъ быть найденъ единственно и исключительно на пути дружнаго напряженія всѣхъ силъ знанія, и только знанія (а вовсе не практической опытности), съ цѣлью построенія міропониманія, которое бы соотвѣтствовало нынѣшнему состоянію этого знанія и которое только тогда и успокоитъ отдѣльную личность, и подниметъ ее на нужную этическую высоту.

64 (стр. 50). Эта особенность имѣетъ свое значеніе для научнаго обоснованія теоріи Конта. Фактъ внутренняго сходства эволюціи личности съ эволюціей человѣчества подмѣченъ вполнѣ

вѣрно и самъ по себѣ уже говоритъ въ пользу того, что эволюція человѣчества понята правильно. Мы имѣемъ тутъ предъ собою драгоцѣнное біологическое (и частью психологическое) подтвержденіе истины общественнаго характера. Въ той или другой формѣ, индивидуальная основа этой истины признавалась многими мыслителями; такъ, напримѣръ, Фейербахъ прямо говоритъ „Богъ былъ моей первою мыслью; разумъ—второю; человѣкъ—моею третьей и послѣдней мыслью". Пессимистъ Гартманъ, съ своей стороны, говоритъ о трехъ основныхъ иллюзіяхъ, чрезъ которыя проходитъ всякій человѣкъ и все человѣчество. Примѣровъ аналогичныхъ взглядовъ, впрочемъ, можно привести очень много. Но и въ личной эволюціи, какъ каждый можетъ въ томъ убѣдиться на собственномъ опытѣ, происходитъ лишь смѣна трехъ общихъ умственныхъ состояній, или вѣрнѣе трехъ міропониманій, а не смѣна трехъ различныхъ ступеней или состояній знанія.

Къ тому же общему закону эволюціи сводится и слѣдующее, болѣе конкретное и частное социологическое обобщеніе Дюбуа-Реймона. (Рѣчь въ королевск. Академіи наукъ, произнесенная 30-го января 1868 г.). „Можно, говоритъ Дюбуа-Реймонъ, указать на законъ умственнаго развитія, который болѣе или менѣе осуществился въ Эллядѣ, Римѣ, Италіи, Англіи, Франціи и Германіи, и въ силу котораго всякій народъ производитъ сначала своихъ великихъ поэтовъ, потомъ своихъ великихъ философовъ (т. е., разумѣется, метафизиковъ) и, наконецъ, своихъ великихъ естествоиспытателей".

65 (стр. 52). Если рѣчь идетъ о частныхъ гипотезахъ, то въ нихъ никогда не было недостатка въ наукахъ, и трудно себѣ представить, чтобы такія гипотезы могли попасть изъ теологіи въ спеціальное знаніе. Если же рѣчь идетъ объ основной гипотезѣ всякой теологіи — о признаніи сверхъестественныхъ силъ или силы, — то эта гипотеза, хотя несомнѣнно и носилась предъ умственнымъ взоромъ изслѣдователей природы въ первую эпоху научнаго развитія, однако едва-ли могла дѣйствительно помочь имъ выбраться изъ эмпиризма на путь теоретическаго знанія. Съ этою цѣлью ученые прибѣгали къ научнымъ, т. е. спеціальнымъ и, по существу своему, провѣряемымъ предположеніямъ. Теологическіе постулаты могли играть въ сферѣ спеціальнаго знанія лишь роль темныхъ догадокъ, вѣрно отражавшихъ собою совершенную безпомощность

этого знанія на первыхъ порахъ. То же самое можно сказать и о метафизикѣ; но эта сторона вопроса (законъ трехъ типовъ) была уже достаточно выяснена нами.

66 (стр. 56). Эти поздніе плоды метафизики имѣютъ большое внѣшнее сходство съ міропониманіемъ строго-научнымъ и сплошь да рядомъ (въ особенности въ плуралистической фазѣ своей) выдаются и принимаются за него. Но сходство это обманчиво. научно-философскія системы расходятся съ философіей наукъ въ главномъ и существенномъ. Истинная философія наукъ, для объясненія совокупности природы, не прибѣгаетъ ни къ какимъ гипотезамъ; а неизмѣнныя отношенія, охватывающія однимъ узломъ всю сумму міровыхъ свойствъ, не только въ высокой степени гипотетичны, но, вслѣдствіе всеобщности своей, необходимо ускользаютъ отъ всякой опытной повѣрки. Мы говоримъ, разумѣется, о попыткахъ, имѣющихъ цѣлью безусловное отожествленіе всѣхъ свойствъ или отношеній вещей, а не о совершенно законномъ стремленіи частныхъ наукъ, ихъ спеціальныхъ философій и, наконецъ, ихъ общей философіи къ условному и символическому объединенію конкретныхъ явленій.

67 (стр. 57). Логическая и психологическая возможность такого превращенія очевидна. Метафизическіе идеи и концепты метафизичны или трансцендентальны только съ внѣшней или формальной стороны. По своему содержанію, по тѣмъ внутреннимъ элементамъ, изъ которыхъ онѣ состоятъ, эти идеи суть продукты опыта въ такой же степени, въ какой такими продуктами можно считать всякіе, вообще, идеи и концепты. Въ нихъ нѣтъ ни одной частицы, ни одного атома, ни малѣйшаго слѣда чего-либо сверхчувственнаго. Это давно доказано сенсуалистическою психологіей, и въ новѣйшее время блистательно подтверждено работами Льюиса и многихъ другихъ философовъ. См. напр. S t r i c k e r: Physiologie des Rechts, Wien, 1884. Штрикеръ по этому поводу разсуждаетъ такимъ образомъ. Знаніе наше есть или возможное, потенціальное (это—запасъ опытовъ, въ которомъ свободно можетъ черпать наша память), или дѣятельное и живое (lebendiges Wissen—состоящее изъ нашихъ представленій о чемъ либо въ данную минуту и проистекающее изъ двухъ источниковъ: непосредственнаго воспріятія, unmittelbare Wahrnehmung и потенціальнаго знанія).

Но такъ какъ изъ нашего возможнаго знанія нельзя ничего извлечь, что не было бы предварительно запасено опытнымъ путемъ, т. е. нельзя ничего извлечь, помимо данныхъ о внѣшнемъ мірѣ или о нашихъ соматическихъ процессахъ, то отсюда необходимо слѣдуетъ, что когда умъ нашъ занятъ какими-нибудь спекулятивными идеями — напримѣръ, идеями о первой причинѣ или раціональной сущности вещей,—въ немъ могутъ возбуждаться только такія представленія, которыя уже прежде были внесены въ него изъ поименованныхъ двухъ источниковъ. Научаясь чему-либо, мы научаемся извѣстнымъ словамъ и смыслу, какой другіе люди придавали или придаютъ тѣмъ же терминамъ. Къ сожалѣнію, философы, спекулирующіе въ области метафизическихъ идей, постоянно забываютъ, что они изъ своего потенціальнаго знанія могутъ почерпать лишь новыя сочетанія старыхъ умственныхъ пріобрѣтеній.

68 (стр. 58). Въ видѣ примѣра, укажемъ на два весьма важныя научныя обобщенія. на такъ-называемый законъ сохраненія энергіи, и на другой эмпирическій законъ, въ силу котораго мысль неразлучна съ спеціальною организаціей или составляетъ функцію нервно-мозговой структуры. Обобщенія эти несомнѣнно возникли на почвѣ положительнаго знанія, и притомъ первоначально въ формѣ гипотезъ, которыя мало-по-малу подтверждались и повѣрялись цѣлымъ рядомъ фактическихъ данныхъ Сравнимъ теперь эти научныя предположенія съ двумя гипотезами, которыя всего ближе соотвѣтствуютъ имъ въ области философіи. съ механическою теоріею матеріализма и біологическою гипотезою плозоизма (сведеніе всѣхъ явленій къ движенію матеріальныхъ атомовъ и оживотвореніе всѣхъ разрядовъ явленій въ природѣ). Въ глаза кидается, что эти гипотезы имѣютъ безусловно непровѣряемый характеръ, и потому лишены всякаго научнаго значенія. Непровѣряемость же ихъ зависитъ, очевидно, отъ того, что онѣ относятся не къ одному разряду свойствъ въ природѣ (хотя бы и общихъ всѣмъ конкретнымъ явленіямъ, какъ, напримѣръ, свойства числа, мѣры, физическія и химическія), а ко всѣмъ разрядамъ одновременно и безразлично; или, другими словами, отъ того, что онѣ впадаютъ въ явную логическую ошибку, называемую petitio principii· онѣ признаютъ достовѣрнымъ то, что̀ ничѣмъ не удостовѣрено и что̀ еще требуетъ доказательства, именно *тожество* всѣхъ свойствъ въ природѣ.

69 (стр. 59). Мы ставимъ слѣдующую общую формулу: въ наукѣ не можетъ быть *непровѣряемой* гипотезы, а въ философіи не можетъ быть гипотезы *провѣряемой*. Это значитъ, что наука, имѣя дѣло съ частными явленіями, не боится гипотезъ: ни частныхъ, относящихся къ спеціально изучаемому ею разряду свойствъ въ природѣ, ни общихъ, относящихся къ нѣсколькимъ разрядамъ несводимыхъ свойствъ или ко всей совокупности ихъ; ибо само собою разумѣется, что спеціальная наука повѣряетъ гипотезы послѣдняго рода лишь постольку, поскольку онѣ касаются изучаемыхъ ею явленій. Такимъ образомъ, повѣркѣ философской гипотезы въ области частнаго знанія необходимо предшествуетъ соотвѣтствующая спеціализація такой гипотезы. Наоборотъ, философія должна опасаться всякихъ гипотезъ; ибо и научная гипотеза не можетъ сдѣлаться философскою, не будучи предварительно распространена на всѣ категоріи явленій и свойствъ въ природѣ. А такое распространеніе, въ силу логической необходимости, всегда влечетъ за собою непровѣряемость гипотезы. Объяснить это можно слѣдующимъ простымъ образомъ. Назовемъ чрезъ **a**, **b**, **c**, **d**, различныя группы несводимыхъ свойствъ, изучаемыя рядомъ отвлеченныхъ наукъ, а чрезъ **A** ихъ сумму или совокупность; мы получимъ тогда слѣдующее уравненіе. **a**+**b**+**c**+**d**=**A**. Объ **A** мы можемъ весьма правильно утверждать, что оно=**A**. Но если мы скажемъ, что **A**=**F**, то это уже будетъ гипотезою, и при томъ такою, которая по отношенію къ самому **A** остается произвольною и непровѣряемою до тѣхъ поръ, пока мы не докажемъ, что и **a**+**b**+**c**+**d**=**F**; а доказать это мы, очевидно, можемъ только обратившись къ спеціальному изслѣдованію, въ отдѣльности, свойствъ **a**, **b**, **c**, **d**. Другими словами, философская гипотеза, какъ таковая, непровѣряема; только спеціализація ея, только обращеніе ея въ научную гипотезу можетъ сообщить ей это драгоцѣнное свойство, составляющее conditio sine qua non допустимости гипотезы вообще. Но такое обращеніе, очевидно, равносильно самоупраздненію философской гипотезы.

Какъ извѣстно, однако, все это ни мало не признавалось въ предшествовавшія намъ эпохи, которыя держались прямо противоположныхъ взглядовъ, допуская гипотезу въ философіи и изгоняя ее изъ спеціальныхъ наукъ. Изгнаніе это, впрочемъ, имѣло чисто теоретическое значеніе, какъ лучше всего видно на примѣрѣ Ньютона, который такъ начинаетъ изложе-

ніе своей теоріи тяготѣнія: „Quidquid ex phaenomenis non deducitur, hypothesis vocanda est; et hypotheses, seu metaphysicae, seu physicae, seu qualitatum occultarum, seu mechanicae, in philosophia experimentali (т. е. въ естественныхъ наукахъ) locum non habent“ (Phil. nat. principia mathem. Въ связи съ этимъ мѣстомъ находится и знаменитое изреченіе Ньютона „Hypotheses non fingo“). Но формула наша имѣетъ весьма мало защитниковъ даже въ настоящее время, когда уже никто не оспариваетъ у науки права на широкое пользованіе гипотезою. Теперь можно часто встрѣтить мнѣніе, вполнѣ приравнивающее философію къ наукѣ и требующее допущенія и въ область первой „самыхъ смѣлыхъ гипотезъ, самыхъ слабыхъ вѣроятностей“. См., напр., K. Kroman: Unsere Naturerkenntniss. Kopenhagen, 1883, и его же статью въ V. j. schrift fur wissenschaftliche Philosophie, I, 1885: Ueber Wesen und Bedeutung der Philosophie, стр. 21.

По поводу „смѣлыхъ гипотезъ и слабыхъ вѣроятностей“ можно еще замѣтить, что даже самыя сильныя вѣроятности значатъ весьма мало, когда рѣчь идетъ о гипотезахъ. Вѣроятныя гипотезы, правдоподобныя объясненія способны обманывать насъ гораздо болѣе, чѣмъ предположенія прямо невѣроятныя. Исторія наукъ кишитъ примѣрами правдоподобныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ложныхъ объясненій. Такъ, до открытія электричества, явленіе молніи и грома было, собственно говоря, необъяснимо. Между тѣмъ, его не переставали объяснять, и извѣстный врачъ, химикъ и ботаникъ Boerhaave (1668—1738) предложилъ съ этою цѣлью гипотезу, которая одно время всѣми признавалась за истинное объясненіе. Молнія считалась послѣдствіемъ воспламененія жирныхъ, маслянистыхъ и взрывчатыхъ частицъ, которыя, будто бы, поднимаются съ земной поверхности съ другими испареніями и сгущаются въ облакахъ; а громъ—результатомъ послѣдовательныхъ взрывовъ этихъ частицъ, скопившихся въ большія массы. См. Tarde, Revue philosophique, 1884 г., № 6, статья по поводу интересной книги итальянскаго философа Vadala-Papale: Darwinismo Naturale e Darwinismo Sociale. Torino. Ermano Loescher. 1882.

69 bis (стр. 62). Ясное описаніе роли и значенія научной гипотезы даетъ П. Милославскій, одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ и симпатичныхъ представителей новой школы русской научной философіи (Гротъ, Троицкій и нѣкот. др.). Милославскій, къ несчастію, умеръ въ полномъ цвѣтѣ

силъ и едва приступивъ къ рѣшенію той великой задачи (обновленіе живыхъ источниковъ современнаго міропониманія), которая тревожила его наравнѣ съ лучшими и наиболѣе сильными умами въ Европѣ. Онъ оставилъ два сочиненія: Типы современной философской мысли въ Германіи (очерки изъ путешествія за границу), Казань, 1878, и неоконченный трудъ— Основанія философіи какъ спеціальной науки, Казань, 1883, томъ I. – Вотъ что говоритъ Милославскій о гипотезѣ въ наукѣ: „Процессъ научнаго отвлеченія, умозрѣнія, развивается въ научно-дисциплинированномъ воображеніи въ научную гипотезу. Въ наукѣ, какъ извѣстно, бываютъ случаи, когда для рѣшенія извѣстнаго вопроса не представляется возможнымъ ни опытъ, ни наблюденіе, а существующія теоріи оказываются недостаточными. Въ такихъ случаяхъ, далеко не рѣдкихъ, изслѣдователь остается какъ бы покинутымъ природой: для него безполезны глаза, уши, осязаніе, микроскопы, телескопы,— всѣ чувства, всѣ инструменты; ничто ему не говоритъ и повидимому не можетъ сказать о томъ, чего онъ ищетъ, что желаетъ знать. Тогда изслѣдователь, предоставленный самому себѣ, собирается съ мыслями, сочетаетъ идеи и образы, возбуждаемые даннымъ вопросомъ, и наконецъ самъ, въ своемъ умѣ и воображеніи, строитъ гипотезу, предположеніе о томъ, что лежитъ въ основѣ извѣстныхъ вещей и явленій. Въ гипотезѣ не природа предлагаетъ человѣку возможность открывать эмпирическіе и теоретическіе законы явленій и требуетъ ихъ признанія, а напротивъ, самъ изслѣдователь предлагаетъ природѣ возможность открывать свои тайны и требуетъ, чтобы она подтвердила его собственныя догадки, предположенія. Гипотезу изслѣдователь предъявляетъ природѣ какъ проектъ какого-нибудь факта, или закона, который природѣ остается или принять, или не принять. Не имѣя возможности ни индуктивно, ни дедуктивно объяснить причину свѣтовыхъ, тепловыхъ и т. д. явленій, ученый проектируетъ по всей вселенной упругую среду, эѳиръ, атомы. Зная причины океаническихъ теченій, но не имѣя возможности открыть и объяснить ихъ законы, ученый проектируетъ и законы. Если бы подобные проекты ума и воображенія, гипотезы, получили болѣе или менѣе полное индуктивное или дедуктивное подтвержденіе отъ самой природы, тогда они превратились бы въ научныя истины. Но до тѣхъ поръ очевидно научныя гипотезы остаются лишь проектами, вопросами, обращенными къ природѣ

единственно по природной необходимости для человѣка знать, во что бы то ни стало, какъ можно больше, по природной склонности и способности человѣка къ наукѣ, по любви къ знанію, къ мудрости (φιλοσοφία) Гипотеза, являясь послѣднимъ шагомъ научнаго метода, понимаемаго въ его цѣльномъ, истинномъ смыслѣ, возникая въ умѣ человѣка послѣ возможнаго въ данное время опытнаго познанія о природѣ (μετὰ τὰ φυσικὰ) есть не иное что, какъ научная метафизика". (Типы, стр. 219—220). — Все это совершенно справедливо, и вотъ почему другой метафизики — кромѣ той, которою по необходимости занимаются (treiben, какъ говорятъ нѣмцы) спеціальныя науки — намъ и не надо. Гипотетическая философія была бы уже не научною, а, такъ сказать, метафизическою метафизикою. Милославскій, однако, не признаетъ этого. По его мнѣнію, „въ философіи дедукція, умозрѣніе, теорія и *гипотеза* естественно становятся преобладающею стороною процесса познанія" (стр. 226) Вообще весь взглядъ Милославскаго на задачи и методъ философіи кажется намъ глубоко ошибочнымъ — и далеко не новымъ, это взглядъ, раздѣляемый, въ той или другой формѣ, очень многими современными философами, въ особенности среди нѣмцевъ. Онъ, очевидно, сложился подъ прямымъ вліяніемъ прежняго сенсуализма и нынѣшняго критицизма. Сущность его выражена у Милославскаго такъ: „Неужели явленія знанія не реальныя явленія и неужели сами науки не могутъ и не должны быть предметомъ особой, *спеціальной науки*? Ясная постановка этого вопроса прямо ведетъ къ утвердительному и рѣшительному отвѣту *явленія*, представляемыя человѣческимъ познаніемъ въ его происхожденіи и развитіи его различныхъ формъ, и могутъ, и должны быть предметомъ особой, *спеціальной* науки, и задачею этой науки будетъ научно-методическое открытіе и объясненіе законовъ этихъ явленій, построеніе теорій и гипотезъ для научнаго пониманія ихъ. Теперь — назовите эту науку, какъ угодно, но если упрямство и чувства, чуждыя науки, не дозволяютъ вникнуть въ дѣло, справиться съ исторіей и понять, что такою именно *наукой*, хотя и самымъ несовершеннымъ образомъ, была до сихъ поръ, и должна развиваться далѣе *философія*, — тогда нужно будетъ во что бы то ни стало положить основаніе такой *спеціальной* наукѣ о наукахъ и сочинить ей имя болѣе пріятное, чѣмъ „философія" (любовь къ мудрости)" (стран. 236—237); и въ другомъ мѣстѣ: „Философія должна быть естественной наукой о явленіяхъ по-

знанія, и возникающія въ ней задачи не могутъ быть рѣшаемы никакой другой изъ спеціальныхъ наукъ“ (стр. 308).

Какъ извѣстно, уже Ог. Контъ настоятельно требовалъ—„faire de l'étude des généralités une spécialité de plus“; но подъ „généralités“ онъ, конечно, понималъ не одни „явленія познанія“, — точка зрѣнія, которая неминуемо возвращаетъ насъ къ сенсуалистическому субъективизму со всѣми его горькими философскими плодами. Какъ бы то ни было, впрочемъ, но въ стремленіяхъ Милославскаго и многихъ другихъ мы ясно видимъ двѣ капитальныя ошибки: одна касается методологическихъ пріемовъ, рекомендуемыхъ философіи (гипотеза); другая—самаго содержанія, ей усердно навязываемаго Содержаніе это—явленія познанія—уже всецѣло принадлежитъ другой спеціальной наукѣ, психологіи (теорія познанія) Эта часть психологіи изучаетъ явленія познанія со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія: она изслѣдуетъ эти явленія и въ исторіи (пользуясь для этого матеріалами и выводами соціологіи), и въ повседневной жизни, и въ рядѣ отвлеченныхъ и конкретныхъ наукъ, и у дикарей, и у ребенка и т. п. Затѣмъ общіе результаты такихъ изслѣдованій психологія передаетъ своей спеціальной философіи (или спеціальной философіи біологіи, или, наконецъ, спеціальнымъ философіямъ біологіи и соціологіи — это зависитъ отъ взгляда на психологію, какъ на самостоятельную абстрактную науку, или на часть біологіи, или, наконецъ, какъ на науку конкретную). И вотъ, уже только послѣ такой передачи, и послѣ новой и окончательной обработки первоначальныхъ результатовъ психологическаго изслѣдованія пріемами и способами, о которыхъ мы теперь, при настоящемъ состояніи нашего знанія, въ отсутствіе спеціальныхъ философій наукъ, можемъ составить себѣ только довольно смутное понятіе, могутъ эти результаты сдѣлаться предметомъ изученія и размышленій философа. Но послѣдній, сличая ихъ съ результатами, полученными точно такимъ же образомъ отъ спеціальныхъ философій всѣхъ остальныхъ отвлеченныхъ наукъ, всегда будетъ видѣть въ „явленіяхъ познанія“ только часть, и даже сравнительно небольшую, того матеріала, который нуженъ ему для построенія обширнаго зданія дѣйствительно „научнаго“ пониманія міра. Само собою разумѣется, впрочемъ, что двѣ капитальныя ошибки, въ которыя впадаетъ Милославскій, поддавшись вліянію нѣмецкихъ школъ, не мѣшаютъ ему правильно ставить и рѣшать другіе, уже второстепенные во-

просы современной философіи. У русскаго философа встрѣчается много вѣрныхъ мыслей и замѣчаній. Къ числу ихъ можно отнести все, что онъ говоритъ на стр. 232 о философскихъ наклонностяхъ современныхъ спеціалистовъ, или на стр. 233 о томъ, что „стоитъ только спеціалисту коснуться *ипълаго*—и онъ уже eo ipso становится метафизикомъ“, или, наконецъ, на стр 234 о томъ, что координація положительнаго знанія привела Конта къ координаціи міра, т. е къ превращенію позитивизма въ настоящую философію, и т. д.

Мы сказали выше, что основной взглядъ Милославскаго на задачи философіи не отличается оригинальностью и не составляетъ шага впередъ. Дѣйствительно, буквально того же мнѣнія держались уже Юмъ и Кантъ, какъ это прекрасно доказываетъ Гексли (въ цит. этюдѣ его о Юмѣ, стр. 63—66, 70 и 73). Гексли и самъ убѣжденъ, что„ философія должна быть всецѣло основана на психологіи“, что „она имѣетъ предметомъ изученіе внутреннихъ основаній и первыхъ принциповъ тѣхъ умственныхъ операцій, которыя образуютъ то, что мы называемъ нашей мыслью“, и наконецъ, что и „философія пользуется для этой цѣли общимъ методомъ всѣхъ спеціальныхъ наукъ—гипотезой“.

70 (стр. 65). Объясненіе какихъ либо явленій другими, чуждыми имъ, по существу, фактами составляетъ, безъ сомнѣнія, общую, родовую черту всякой метафизики. Мы въ этомъ могли убѣдиться на каждомъ шагу нашего изслѣдованія. Черту эту необходимо постоянно имѣть въ виду при полномъ научномъ описаніи всѣхъ признаковъ метафизическаго способа мышленія. См. въ этой же главѣ стр. 89—91.

71 (стр. 67). Вопросъ о составныхъ частяхъ нашихъ представленій можно сравнить съ нѣкоторыми задачами современной политической экономіи, которая также, подобно психологіи, есть наука возникающая, описательная, не выдѣлившая изъ себя своей дѣйствительно абстрактной части (наперекоръ обычному мнѣнію, которое всякія отвлеченныя *разсужденія* готово принять за отвлеченные *явленія* и *законы*). Таковы въ этой наукѣ отдѣлы, трактующіе о составныхъ элементахъ цѣнности (понятія, играющаго здѣсь такую же роль, какую въ психологіи играетъ понятіе о представленіи), о спросѣ и предложеніи, капиталѣ, рентѣ и т. п. Большинство самыхъ широкихъ, съ виду, обобщеній экономической науки

представляетъ собою или чистѣйшую „тавтологію“, или поверхностный „эмпиризмъ“, необходимо ведущій къ одностороннимъ, узкимъ рѣшеніямъ. Но то же самое слѣдуетъ сказать и объ обобщеніяхъ психологіи познаванія, если можно такъ выразиться. Психологія эта до сихъ поръ занята почти исключительно *постановкою* или, вѣрнѣе, *безконечною перестановкою наиболѣе элементарныхъ вопросовъ*.

72 (стр. 68). Субъективность, какъ справедливо замѣтилъ уже Дюрингъ, не есть что-либо самостоятельное, а представляетъ собою, на основѣ всей остальной природы, „причинное сочетаніе второй степени“—„ein causales Gebild zweiter Ordnung“. Но такое же несамостоятельное значеніе имѣетъ и все противопоставленіе субъекта объекту. „Къ нѣкоторымъ изъ нашихъ представленій, говоритъ Стюартъ Миллъ, мы привыкли относиться, главнымъ образомъ, субъективно, а къ другимъ—главнымъ образомъ, — объективно. Что касается первыхъ, то мы всего чаще и легче видимъ ихъ *отношеніе* къ ряду чувствованій, составную часть которыхъ они образуютъ и которыя, будучи собраны и соединены мыслью въ одинъ концептъ, получаютъ названіе субъекта. Что касается вторыхъ, то мы преимущественно видимъ ихъ связь съ извѣстною группою или съ извѣстнымъ родомъ группъ „постоянныхъ возможностей ощущеній“; существованіе этихъ группъ въ каждую данную минуту удостовѣряется испытываемымъ нами въ эту минуту ощущеніемъ, которому и дается наименованіе объекта...Всѣ наши ощущенія имѣютъ свой объектъ; и всѣ могутъ быть помѣщены въ какую-нибудь группу *постоянныхъ возможностей*, притомъ такъ, что присутствіе или наличность этой особенной совокупности возможностей является предшествующимъ условіемъ, или настоящею причиною, *ихъ собственнаго существованія*“. *Examination of the Philosophy of sir W. Hamilton*, гл. XI.—Наконецъ, не малая доля интереса, возбуждаемаго тѣмъ же противопоставленіемъ субъекта объекту, зависитъ и отъ ничтожности нашихъ психологическихъ познаній, отъ той таинственности, которою окружены психическіе факты и которая всегда такъ привлекательна. Это обстоятельство не слѣдуетъ также упускать изъ виду при объясненіи, какимъ образомъ, благодаря одному изъ основныхъ самообмановъ ума—иллюзіи общности—спеціально психологическій вопросъ могъ получить общій или философскій характеръ.

По вопросу о противоположеніи объекта субъекту см. еще

Кавелинъ „Задачи этики“, стр. 33, а также 41 и 42. „Соединенныя усилія психологіи и естественныхъ наукъ, говоритъ, между прочимъ, авторъ, проложили дорогу чрезъ кажущуюся пропасть, показавъ, что представляющійся объективнымъ міръ внѣшнихъ реальностей и идей есть продолженіе личнаго, индивидуальнаго, субъективнаго міра, а также и то, какъ и почему объективный міръ, съ развитіемъ субъективнаго и соотвѣтственно съ нимъ, измѣняется въ своихъ формахъ. Самый фактъ такой ихъ связи былъ уже давно извѣстенъ; теперь выясняются его условія и законы... Такимъ образомъ, явленія субъективнаго и объективнаго міра, сперва казавшіяся раздѣленными другъ отъ друга непереступаемой пропастью, стали мало-по-малу сближаться, рѣзкія и точныя границы между ними болѣе и болѣе стушевываться. Безусловное выдѣленіе человѣка изъ природы, психическихъ явленій изъ матеріальныхъ, которое сначала казалось такъ просто и легко, становилось все труднѣе и труднѣе. Трудности эти пробовали устранить, въ XVIII вѣкѣ, два геніальныхъ изслѣдователя—Локкъ и Кантъ. Первый обратилъ особенное вниманіе на содержаніе представленій и мыслей, и нашелъ въ основаніи ихъ внѣшнія впечатлѣнія; второй—на законы и формы умственной дѣятельности и приписалъ имъ, а не содержанію представленій и мыслей, знаніе объективнаго міра. Этимъ было положено первое начало научному объясненію связи между субъективнымъ и объективнымъ міромъ, человѣкомъ и окружающей его средой. Оно явилось въ двухъ противоположныхъ другъ другу направленіяхъ, изъ которыхъ одно, указанное Локкомъ, пустило корни въ Англіи и Франціи, другое, родоначальникомъ котораго былъ Кантъ—въ Германіи Каждое выставило длинный рядъ выдающихся ученыхъ и мыслителей, создателей философскихъ ученій. Труды ихъ далеко раздвинули знаніе въ ширь и глубь, но не разрѣшили вопроса. Въ наше время самый вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ субъективнаго и объективнаго міра далеко не такъ живо занимаетъ умы, какъ прежде, вѣра въ возможность рѣшить его какъ будто охладѣла....“ См. также Littré. „De la méthode en psychologie“, въ Revue positive, томъ I-й.

72 bis (стр. 70). Нѣтъ надобности прибавлять, что къ этой классификаціи „теорій познаванія“ непосредственно и тѣсно примыкаетъ и классификація философскихъ системъ; ибо болѣе чѣмъ очевидно, что матеріалистическая философія при-

нимаетъ первое ученіе, идеалистическая становится на сторону второго, а сенсуалистическая является представительницей третьяго.

Впрочемъ, идеалисты и матеріалисты не разъ сходились на почвѣ реальнаго идеализма, или теоріи познаванія, выработанной сенсуалистическою метафизикою. Они никогда не могли помѣняться только занимаемыми ими крайними позиціями. Эта послѣдняя черта имѣла, сама по себѣ, второстепенное значеніе и, сверхъ того, обрисовалась сколько-нибудь опредѣленно лишь въ болѣе позднюю фазу развитія обоихъ ученій. Первоначальное же и самое существенное различіе между ними—повторяемъ еще разъ—состояло не въ этомъ. Корень мнимаго знанія обѣихъ философій одинаково лежалъ въ области „психическаго неизвѣстнаго". Но въ то время, какъ послѣдовательный матеріалистъ старался объяснить психическія явленія при помощи аналогіи, почерпнутой изъ области болѣе извѣстныхъ процессовъ неорганическаго міра, — послѣдовательный идеалистъ, принципіально отвергая грубое, по его мнѣнію, сравненіе матеріалиста и признавая самостоятельный характеръ еще не объясненныхъ наукою явленій, уже безсознательно представлялъ своей точкою исхода будущее развитіе положительнаго знанія. Въ концѣ концовъ, однако, и онъ неизбѣжно впадалъ въ ошибку матеріалиста; но въ своихъ мірообъяснительныхъ попыткахъ онъ прибѣгалъ уже къ обратной, такъ сказать, аналогіи: изъ скудныхъ матеріаловъ еще не установившихся высшихъ наукъ онъ строилъ общія гипотезы, которыми и старался объяснить всю остальную природу. Что же касается до непослѣдовательныхъ матеріалистовъ (этихъ предшественниковъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ философіи, нынѣшнихъ позитивистовъ), то о нихъ можно сказать то же, что и о непослѣдовательныхъ идеалистахъ и сенсуалистахъ: непослѣдовательность въ ошибкѣ или иллюзіи, являясь крупнымъ недостаткомъ въ „формальномъ" отношеніи, въ „матеріальномъ" есть большое достоинство, есть часто необходимое условіе для постепеннаго достиженія истины. Извѣстный пессимистическій парадоксъ, по которому „противорѣчіе есть знакъ истины", уже потому не заслуживаетъ вызываемой имъ иногда презрительной улыбки, что противорѣчіе, въ весьма многихъ случаяхъ, есть знакъ искренности, этой вѣчно юной и вѣчно прекрасной спутницы истины. См. E. Caro: Littré et le positivisme. Paris. 1883, стр. 6.

73 (стр. 86). Всѣмъ извѣстно, что подобныя объясненія нерѣдки въ средѣ спеціальныхъ ученыхъ; но не менѣе извѣстно и то, что когда наукѣ дѣйствительно удается объяснить болѣе сложный фактъ болѣе простымъ, т. е. вполнѣ и безъ всякаго остатка свести первый къ послѣднему, она перестаетъ видѣть въ немъ то, что видѣла прежде,— біологическое, химическое или физическое явленіе, и немедленно включаетъ его въ болѣе простую категорію несводимыхъ свойствъ природы.

74 (стр. 92). Трудность или даже неразрѣшимость задачи обратной „индивидуализаціи“, вывода прежняго конкретнаго изъ „квинтэссенцированнаго“ абстрактнаго очень наглядно видна на примѣрѣ цѣлыхъ школъ въ средніе вѣка, — школъ, которыя, подобно скоттистамъ или раннимъ италіанскимъ натуръ-философамъ, прилагали всѣ свои старанія къ тому, чтобы возстановить „сущее“ въ его полномъ, совершенномъ видѣ и возвратить ему его живое единство. Какъ справедливо замѣчаетъ Маріонъ (Revue philosophique, 1882 г. Т. XIV, стр. 140), „схоластика усвоила себѣ привычку разсматривать отдѣльно аристотелевскія вещество, форму, причину и цѣль, т. е. тѣ четыре стороны, которыя умъ нашъ открываетъ въ каждомъ фактѣ или явленіи; вотъ почему она скоро позабыла, что Аристотель смотрѣлъ на эти начала всего существующаго какъ на нѣчто неразрывно соединенное въ дѣйствительности, въ реальныхъ предметахъ, и различное только для нашей мысли; мало-по-малу, этимъ началамъ было придано самостоятельное, независимое отъ вещей существованіе. Наступила даже минута, когда наитруднѣйшею задачей сдѣлалось отысканіе конкретной дѣйствительности, исчезнувшей подъ этими сущностями или, скорѣе, растаявшей и какъ-бы обратившейся въ дымъ подъ вліяніемъ работы отвлеченія. Задача „индивидуализаціи“, которая такъ долго раздѣляла „школу“ и которую Лейбницъ избралъ предметомъ для своей первой диссертаціи, заключалась именно въ разрѣшеніи вопроса о томъ, какимъ образомъ индивидуальное существованіе могло возникнуть изъ „универсаловъ“, или общихъ свойствъ, въ родѣ матеріи и формы, которыя принимались за предсуществующіе реальные элементы“.

Примѣчанія къ части третьей.

75 (стр. 102). Дѣйствительно, для народной массы супранатурализмъ есть всегда столько-же, если даже не болѣе, дѣло и потребность ума, сколько и чувства; для просвѣщеннаго же меньшинства онъ составляетъ почти всегда исключительно потребность одного чувства, и вѣра этого меньшинства, поэтому, является полною противорѣчій, сомнѣній и т. п.

76 (стр. 105). Гоббсъ объясняетъ также, что внутреннимъ источникомъ супранатурализма служитъ стремленіе человѣка къ поспѣшнымъ, непровѣряемымъ заключеніямъ, и что естественные зародыши (semen naturale) всѣхъ супранатуралистическихъ доктринъ сводятся къ слѣдующимъ четыремъ условіямъ: къ ужасу, внушаемому неизвѣстными силами природы, къ незнанію вторыхъ причинъ (causae secundae), къ чувству подобострастной зависимости отъ окружающихъ явленій и къ обращенію случайныхъ фактовъ въ знаменія и предвѣщанія. См. Leviathan, гл. 6, стр. 89.

77 (стр. 105). Здѣсь мы позволимъ себѣ небольшое отступленіе, нужное намъ для того, чтобы защитить нашъ взглядъ на супранатурализмъ отъ возраженія, которымъ его встрѣчаютъ всякій разъ, когда онъ высказывается, но которое, на самомъ дѣлѣ, скорѣе подтверждаетъ, чѣмъ опровергаетъ наше мнѣніе. Указываютъ именно на то, что супранатурализмъ вообще и догматическая его форма, или теологія, вещи

разныя и потому-де не все, что вѣрно относительно послѣдней, одинаково справедливо и относительно перваго.

Одинъ изъ лучшихъ истолкователей и біографовъ Юма, Гексли, видитъ въ опредѣленіи супранатурализма, даномъ его любимымъ философомъ, очевидное слѣдствіе обычнаго смѣшенія области вѣры и области супранатуралистическаго истолкованія природы. Huxley Hume, sa vie et sa philosophie, переводъ Compayré. Paris. 1880, стр. 196. Другой писатель, пользующійся глубокимъ уваженіемъ нашимъ, также предостерегаетъ противъ грубой ошибки, въ которую впадаютъ поверхностные умы и которая состоитъ въ недостаточномъ различеніи супранатурализма вообще отъ догматической его формы. Супранатурализмъ вообще, говоритъ онъ (Philosophie positive, XI-ой годъ, т. XXII; Wyroubоff, La philosophie matérialiste et la philosophie positive), есть постоянно измѣняющаяся въ своихъ формахъ совокупность чувствъ и обрядовъ, устанавливающихъ извѣстныя отношенія между человѣкомъ и сверхъестественнымъ началомъ, которое онъ признаетъ; догматическій же супранатурализмъ есть доктрина этого начала, внѣ-естественное или сверхъестественное объясненіе явленій природы. Первый, поэтому, можетъ имѣть метафизическій характеръ, т. е. можетъ быть соединенъ съ метафизическимъ объясненіемъ природы; второй-же всегда сохраняетъ присущій ему характеръ философіи сверхъестественнаго. Но намъ кажется, что это различеніе, полезное, конечно, въ практической жизни, теряетъ всякое значеніе въ абстрактной соціологіи. Дѣйствительно, совершенно достаточно, чтобы на лицо существовала та совокупность чувствъ и обрядовъ, о которыхъ говорилось выше, и даже одна совокупность чувствъ, безъ всякихъ обрядовъ, какъ это видно на примѣрѣ раціоналистическихъ сектъ, чтобы въ испытывающихъ подобныя чувства личностяхъ и слояхъ общества признать одновременное присутствіе и значительной доли того, что цитированный нами писатель называетъ доктриной, сверхъестественнымъ объясненіемъ. Во первыхъ, никакія чувства не могутъ существовать въ человѣкѣ безъ соотвѣтствующихъ представленій и понятій; любить извѣстное существо, напр., или бояться его можно, только имѣя понятіе о немъ и поскольку имѣешь это понятіе. Во вторыхъ, убѣжденіе въ существованіи сверхъестественной причины вещей, составляющее основу всякаго супранатурализма, уже содержитъ въ себѣ въ зародышѣ и сверхъесте-

ственное объясненіе не отдѣльныхъ явленій, а именно всей совокупности ихъ или, по крайней мѣрѣ, ихъ первоначальнаго происхожденія или, наконецъ, того или другого постояннаго отношенія между міромъ и управляющимъ имъ началомъ.

Итакъ, супранатурализмъ, разсматриваемый какъ соціологическое явленіе, не долженъ быть отдѣляемъ отъ своего догматическаго воплощенія: оба вмѣстѣ составляютъ философію сверхъестественнаго или-ту форму философіи незнанія, которая одна свойственна первобытному человѣчеству и отъ него, по праву прямаго наслѣдства, переходитъ къ естественнымъ представителямъ этого человѣчества во всѣ послѣдующія эпохи, къ отдѣльнымъ личностямъ и цѣлымъ классамъ общества, которые, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не могли увеличить запаса своихъ знаній и соотвѣтственно расширить свой умственный кругозоръ.

78 (стр. 107). Какъ-бы то ни было, впрочемъ, но реакція, выдвигающая впередъ сверхъестественное объясненіе вещей, имѣетъ своимъ неизмѣннымъ послѣдствіемъ умственное паденіе высшихъ классовъ общества, слѣдующимъ образомъ описываемое однимъ изъ наиболѣе даровитыхъ представителей современной нѣмецкой философіи. „Отсутствіе критики и непоколебимая субъективная увѣренность, отличающія низшія ступени мышленія, становятся тогда удѣломъ и болѣе образованныхъ личностей въ народѣ, и черты эти все болѣе и болѣе закрѣпляются при помощи внѣшняго могущества того начала, которое, несмотря на то, что власть его не отъ міра сего, создаетъ и поддерживаетъ земныя царства. Этотъ внѣшній успѣхъ, въ связи съ этическими требованіями и несомнѣнно проистекающимъ изъ нихъ этическимъ дѣйствіемъ вѣры въ сверхъестественное, часто заслоняетъ собою теоретическую, метафизическую сторону послѣдней, заставляетъ совершенно забыть о ея существованіи или побуждаетъ старательно прикрывать ее, какъ это дѣлаютъ раціоналисты нашего времени. Между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что теоретическое ядро супранатурализма состоитъ изъ метафизической системы. Догмы послѣдней неразрывно срастаются съ представленіями ежедневной жизни, входятъ въ кругъ обычной ассоціаціи идей, и среди вѣрующихъ такимъ образомъ образуется психологическая необходимость, надолго замѣняющая логиче-

скую, объективную необходимость науки и влекущая за собою субъективную общность познаванія или даже самаго мышленія. При помощи воспитанія и привычки, трансцендентныя начала становятся чѣмъ-то извѣстнымъ, знакомымъ и, съ точки зрѣнія вѣрующаго, всего лучше объясняющимъ то, что, вслѣдствіе незнанія природы и ея законовъ, не можетъ быть объяснено объективною, присущею самимъ явленіямъ причинностью. Сюда присоединяются еще и практическіе моменты внутренней удовлетворенности, успокоенія, надежды и проч. Бытіе и мысль сливаются еще тѣснѣе въ глазахъ вѣрующаго, чѣмъ въ глазахъ философствующаго догматика. „Во что вѣришь, то и имѣешь; во что не вѣришь, того не имѣешь“,—это изреченіе Лютера содержитъ въ себѣ ученіе о тожествѣ мысли и бытія, которое, по легко понятнымъ причинамъ, защищается противъ критики всѣми средствами теоріи и практики. Наивная идеологія этой точки зрѣнія тожества обнаруживается при этомъ весьма часто самымъ недвусмысленнымъ образомъ, — ибо и побѣда критики надъ вѣрою приравнивается къ потерѣ сверхъестественнаго объекта вѣры, къ дѣйствительному исчезновенію его“.. Carl Göring, System der kritischen Philosophie, 1875, II Theil, стр. 86—87.

79 (стр. 110). Что способностью отдаваться этимъ иллюзіямъ человѣкъ преимущественно и отличается отъ высшихъ животныхъ,—составляетъ ходячую истину, хотя сравнительная психологія далеко еще не сказала по этому поводу своего послѣдняго слова; но если бы взглядъ этотъ и подтвердился, онъ могъ бы лишь служить доказательствомъ того, что человѣкъ уже въ самой ранней порѣ своего духовнаго и общественнаго развитія, самыми грубыми и несовершенными способами своего мышленія, глубоко разнится отъ наиболѣе близкихъ къ нему въ біологическомъ отношеніи организмовъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, однако, что отъ этихъ біологическихъ родичей еще рѣзче отдѣляютъ насъ, во всѣхъ слѣдующихъ фазахъ психической и общественной эволюціи, тѣ болѣе совершенные пріемы разсужденія и привычки мышленія, въ которыхъ или уже нѣтъ и малѣйшаго намека на метафизическую логику нашего соціальнаго дѣтства, или эти „духовныя орудія каменнаго вѣка“ являются простыми историческими обломками, постепенно исчезающими слѣдами далекаго атавизма.

80 (стр. 111). „Существуетъ ли сверхъестественное начало?“ спрашиваетъ въ своемъ матеріалистическомъ катехизисѣ Лефевръ,—и отвѣчаетъ: „Это вопросъ, для предложенія котораго нѣтъ достаточнаго основанія при нынѣшнемъ состояніи нашихъ знаній. Существуетъ ли подобное начало, такой вопросъ неизбѣжно встрѣчается теперь другимъ: существуютъ ли событія или явленія, которыя могли бы внушить современному уму идею этого начала? Самое слово остается, исторически, памятникомъ одного изъ могущественнѣйшихъ усилій, когда-либо сдѣланныхъ человѣкомъ, чтобы уподобить себѣ міръ и понять его по своему образу и сходству,—величественная попытка, которую дѣйствительность, однако, осудила окончательно и безповоротно“. L e f è v r e, Renaissance du matérialisme, Paris, 1881, стр. 308.

Рядомъ съ этимъ мнѣніемъ матеріалиста, мнѣніемъ, которому нельзя отказать ни въ умѣренности, ни въ достоинствѣ, не лишнее будетъ привести образчикъ взглядовъ на тотъ же предметъ, высказываемыхъ философами позитивной школы. Говоря о спиритуалистической философіи, Вырубовъ, напр., утверждаетъ, что эта философія освѣщала яркимъ свѣтомъ ту самую половину общаго пониманія міра, которую матеріализмъ оставлялъ въ тѣни, несмотря на то, что въ практическомъ отношеніи она была наиболѣе важною, именно — общее пониманіе человѣка и образуемыхъ имъ обществъ. „Спиритуалистическая философія объясняла эти явленія въ мельчайшихъ подробностяхъ, придавая своимъ объясненіямъ полнѣйшую очевидность; разумѣется, не реальную, фактическую очевидность, которая требуется нами, людьми точной науки, а идеальную и логическую очевидность, которая вполнѣ удовлетворяла людей тогдашней эпохи“. „Безъ сомнѣнія“, говоритъ еще тотъ же писатель, „можно жить и даже размышлять, заключивъ себя въ болѣе или менѣе тѣсный кругъ доступныхъ нашему познанію вещей — нѣкоторые современные ученые представляютъ тому ежедневные примѣры, и древніе матеріалисты служатъ тому лучшимъ доказательствомъ; но это не общая судьба, и нельзя, не впадая въ явную несправедливость, обвинять нашихъ предковъ за предпочтеніе, которое они отдавали спекуляціямъ психологическаго, онтологическаго и политическаго характера передъ спекуляціями о матеріи или о четырехъ элементахъ. Въ обоихъ случаяхъ достигалась истина временная, непрочная, сомнительная; съ тою разни-

цею, однако, что можно было жить и развиваться въ общественномъ смыслѣ и безъ яснаго представленія о сцѣпленіи матеріальныхъ причинъ, управляющихъ явленіями природы, между тѣмъ какъ существованіе соціальныхъ группъ, въ которыхъ каждый членъ не имѣетъ опредѣленнаго взгляда на собственное происхожденіе и отношенія къ другимъ людямъ, прямо невозможно. Спиритуализмъ, слѣдовательно, не былъ ни „зломъ“, ни „бичемъ“ для человѣчества, а необходимостью, условіемъ sine qua non прогресса. Развитіе спиритуализма, его борьба, его внутренніе раздоры были не менѣе полезны въ общемъ ходѣ историческихъ событій, чѣмъ приращенія положительныхъ знаній“. (Philosophie positive, T. XXII; La philosophie matérialiste, стр. 17).

81 (стр. 113). Вотъ въ этомъ смыслѣ прекрасная страница, принадлежащая философу, на мнѣнія котораго мы здѣсь уже не разъ ссылались. „Несмотря на то“, говоритъ Геринг, „что супранатурализмъ, если не своимъ возникновеніемъ, то, по крайней мѣрѣ, своимъ быстрымъ распространеніемъ и властью надъ умами былъ обязанъ отчужденію отъ всего земнаго, онъ вскорѣ сдѣлался основою новыхъ формъ государственности, новаго искусства и новой науки. Но возвращая, такимъ образомъ, человѣку все, что составляетъ красоту жизни и придаетъ ей цѣну, супранатурализмъ пробуждаетъ и укрѣпляетъ влеченіе къ мірскому и земному, и тѣмъ самымъ косвенно и медленно, но вѣрно и неотразимо, отклоняетъ помышленія отъ сверхъестественнаго или трансцендентнаго: ибо тамъ, гдѣ интересы, тамъ и мысли. Сперва медленно, а потомъ все быстрѣе совершается этотъ процессъ обращенія помысловъ къ мірскому ..... Борьба психологической съ логическою необходимостью принимаетъ все болѣе и болѣе благопріятный для послѣдней оборотъ; значеніе науки постепенно возрастаетъ, и она начинаетъ уже занимать видное мѣсто на ряду съ вѣрою. Ея полное освобожденіе составляетъ вопросъ времени, зависящій отъ отказа не только отъ содержанія догматовъ супранатурализма, но и отъ самаго метода, которымъ эти догматы были достигнуты,—процессъ, который происходитъ со времени упадка схоластики и еще ждетъ своего завершенія“. Göring, System der kritischen Philosophie, T. II, стр. 89.

82 (стр. 118). Всякое супранатуралистическое начало даже,

такое, которое ссылается на разумъ, и всякая олицетворяемая, антропоморфно или анимистически понимаемая общая идея (напр., одухотворенный концептъ безконечнаго) есть не что̀ иное, какъ фетишъ, матеріальный, нравственный или только словесный. Lefèvre, Renaissance du matérialisme, стр. 303 и 453

83 (стр. 119) Матеріалистъ Лефевръ горячо убѣжденъ въ этомъ, и онъ, быть можетъ, не совсѣмъ ошибается. „Ничему другому, какъ философіи", говоритъ онъ, „обязаны мы страннымъ понятіемъ о безплотности или невещественности, духовности, идеальнымъ толкованіемъ миѳовъ, нравственнымъ смысломъ, вносимымъ въ извѣстныя церемоніи, изобрѣтеніемъ замогильнаго правосудія, олицетвореніемъ общихъ терминовъ языка и т. п. Гораздо ранѣе появленія писанныхъ или устно преподанныхъ системъ, философія уже работала надъ сверхъестественными объясненіями міра, представлявшими собою одно догматическое цѣлое. Сотрудничество ея вполнѣ очевидно въ брамизмѣ, въ буддизмѣ, въ египетскомъ ритуалѣ, въ греко-римскомъ политеизмѣ, въ гвеберскомъ дуализмѣ и т. д. Спиритуализмъ, идеализмъ, раціонализмъ — все это ублюдки, помѣси анимизма и философіи". Renaissance, стр. 455—6.

Тотъ-же писатель старается объяснить и главнѣйшія причины, содѣйствовавшія анимистическому направленію значительной части философіи прошедшаго. „Первые мыслители, говоритъ онъ, пытавшіеся замѣнить анимизмъ менѣе простымъ и ребяческимъ пониманіемъ міра и человѣка, столкнулись съ препятствіемъ двоякаго рода: отсутствіемъ всякихъ средствъ и орудій, необходимыхъ для опытнаго изслѣдованія, и упрочившеюся силою наслѣдственнаго заблужденія, которому вѣрно служили языки, созданные вмѣстѣ съ этимъ заблужденіемъ, чрезъ него и для него. Неудовлетворительность орудій изслѣдованія была тормозомъ, причиною задержки; но заразительный ядъ анимизма, прососавшійся въ умственную организацію человѣка, и неизлечимый антропоморфизмъ языка были причинами прямаго уклоненія и, что значительно ухудшало дѣло, причинами, дѣйствіе которыхъ вовсе не сознавалось философами. Пораженные, подобно всѣмъ современникамъ своимъ, олицетворяющимъ помѣшательствомъ, они оживили продукты отвлеченія, полезные въ своемъ мѣстѣ элементы логики, общіе термины языка; они придали имъ какую-то темную силу и власть, вовсе не подозрѣвая, что тѣмъ самымъ

дают̀ъ жизнь цѣлому рою воображаемыхъ существъ. Такъ возникли всѣ метафизическія сущности: время, пространство, форма, жизнь, мысль, любовь, красота, добродѣтель, справедливость, добро и зло и ихъ замѣстители, суррогаты и противоположности, – сущности, которыя то помѣщались въ пантеоны или царили на алтаряхъ, то группировались въ качествѣ атрибутовъ вокругъ верховныхъ деміурговъ, то оставались безличными, но все же искусственными, сочиненными началами.... И какъ отказать въ такомъ значеніи νοῦς'у Анаксагора и „разуму“ Вольтера, категоріямъ Аристотеля и Канта, типамъ Платона, гипостазамъ александрійцевъ, мыслящимъ атомамъ Спинозы, монадамъ Лейбница или геометрическимъ точкамъ Тэна?.. Наконецъ и наука съ великимъ трудомъ избѣгаетъ того-же первороднаго грѣха. Присущія вещамъ возможности и всякія силы долго были началами, ничего не объясняющими.... Одна сущность переживаетъ на нашихъ глазахъ всѣ эти археи, именно—законъ. Множество философовъ, множество ученыхъ не произносятъ этого слова иначе, какъ съ чисто-религіозною напыщенностью. Сказавъ: такой-то законъ управляетъ такимъ-то разрядомъ явленій, они убѣждены, что такой приговоръ обладаетъ особою чудодѣйственною силою; они, повидимому, совершенно забываютъ, что законъ есть краткая формула, выражающая рядъ наблюденій, что онъ ровно ничѣмъ не управляетъ, что онъ самъ подчиненъ наблюденнымъ фактамъ, что онъ не имѣетъ никакого значенія внѣ этихъ фактовъ“. Ibid., стр. 456—7.

84 (стр. 122). Иначе понимаетъ эту борьбу, въ другомъ видѣ представляетъ себѣ общую картину развитія человѣческой мысли К а в е л и н ъ въ своемъ уже дважды цитированномъ нами этюдѣ „Задачи этики“.

Взглядъ Кавелина, несмотря на свою неопредѣленность и недостаточную мотивировку, можетъ быть противопоставленъ нашему объясненію тѣхъ же явленій. „Что̀ такое объективный міръ“, говоритъ Кавелинъ на стр. 39 своего этюда, „дѣйствующій на людей, самъ по себѣ, независимо отъ человѣка—вотъ вопросъ, который тотчасъ же задалъ себѣ человѣкъ, какъ только въ немъ пробудилось сознаніе, и этотъ вопросъ занималъ его столько же, сколько вопросъ о его личномъ существованіи. Оба, по самому существу дѣла, находились въ тѣснѣйшей взаимной связи, но въ то же время не смѣшивались,

разрѣшались каждый особо и потому имѣютъ, каждый, свою историческую судьбу и развитіе. Изслѣдователи исторіи человѣческой мысли до сихъ поръ мало обращали вниманія на это коренное различіе двухъ параллельныхъ ея теченій. Не разглядѣвъ его посреди безпрестанныхъ, взаимно перекрещивающихся вліяній ихъ другъ на друга, они смѣшали оба ряда вопросовъ и оттого совсѣмъ спутали картину судебъ философіи. Чтобы возстановить ее въ настоящемъ свѣтѣ, необходимо строго различить усилія выяснить смыслъ, значеніе и законы объективной дѣйствительности, отъ попытокъ найти для индивидуальнаго лица точку опоры посреди окружающаго міра. Только сдѣлавъ это различеніе, мы поймемъ многое, что остается до сихъ поръ темнымъ и загадочнымъ въ исторіи человѣческой мысли. Оно покажетъ, что исходной точкой и движущей причиной всего развитія рода человѣческаго всегда были насущныя жгучія потребности и—спѣшимъ прибавить—не однѣ матеріальныя, но и психическія; что превратности, которымъ человѣческая мысль подвергалась въ своемъ развитіи, объясняются не только общими свойствами человѣческой природы, но и различными возрастами, въ какихъ народы и весь родъ человѣческій находился въ разные періоды и эпохи исторіи; наконецъ, оно откроетъ, что исканіе личнаго удовлетворенія и изслѣдованіе объективныхъ условій, развиваясь рядомъ бокъ-о-бокъ, и непрерывно вліяя другъ на друга, рѣдко совпадали по времени: то одно, то другое опережало и выдвигалось впередъ, заслоняя и пріостанавливая другое, и налагало на него свой характеръ и краски. Эпохи, когда субъективныя психическія потребности стояли на первомъ планѣ, смѣнялись періодами дѣятельныхъ преобразованій и изслѣдованій объективныхъ условій и пренебреженіемъ этическихъ требованій, и наоборотъ; но смѣняясь и какъ бы чередуясь въ исторіи, каждое изъ этихъ направленій пользовалось тѣмъ, что, благодаря другому, предшествовавшему, было выработано, изслѣдовано и уяснено". Эту періодическую смѣну двухъ направленій, это чередованіе субъективнаго прилива съ объективнымъ отливомъ Кавелинъ замѣчаетъ вездѣ, на крайнемъ Востокѣ, въ древнемъ греко-римскомъ мірѣ и у новыхъ европейскихъ народовъ

85 (стр. 125). Внѣ этихъ двухъ основныхъ условій, супранатурализмъ входитъ въ науку объ обществѣ только черезъ

узкую дверь археологіи. Нѣтъ надобности особенно настаивать на томъ, что міросозерцаніе, вытѣсняющее вѣру въ „сверхъестественное“ изъ среды дѣятельныхъ факторовъ общественнаго развитія, должно существенно отличаться отъ всякаго предшествовавшаго ему способа пониманія міра; ибо въ противномъ случаѣ мы имѣли бы дѣло лишь съ простою замѣною одной формы супранатурализма другою, болѣе утонченною и совершенною. Само собою разумѣется также, что общественныя группы, среди которыхъ происходятъ измѣненія такой первостепенной важности, могутъ одинаково состоять изъ небольшой школы мыслителей или обнимать собою обширные классы общества.

86 (стр. 127) Нѣкоторые изслѣдователи (напр, Bréal: Mélanges de mythologie et de linguistique) видятъ въ миѳахъ лишь особую „болѣзнь языка“; миѳическія формулы, говорятъ они — „непонятыя метафоры“. Но другіе ученые, какъ напримѣръ James Darmesteter (въ Essais Orientaux, Paris, 1883), возражаютъ, что „языкъ можетъ создавать лишь второстепенные миѳы, путемъ случайнаго столкновенія уже существующихъ миѳическихъ формулъ. Первоначальные же миѳы—созданія не языка: они составляютъ продуктъ прямого созерцанія того или другого естественнаго явленія, и потому миѳологія — *болѣзнь мысли*, а не языка“.

87 (стр. 160). Въ первобытныя времена, какъ справедливо замѣчаетъ Lazarus (Das Leben der Seele in Monographien über seine Erscheinungen und Gesetze, Berlin, 1882), не было еще никакого раздѣленія между вѣрою, нравственностью, правомъ и т. п.: все это вмѣстѣ составляло „идеальную сторону“ жизни и дѣятельности. Но именно это безмѣрно и увеличивало цѣнность супранатурализма въ прошедшемъ, это и придавало ему, такъ сказать, всеобъемлющее значеніе. См. статью Paulhan: Les conditions du bonheur et l'évolution humaine (въ Revue philosophique, Décembre 1882), и E. Caro: Le prix de la vie humaine et la question du bonheur dans le positivisme (Revue des Deux-Mondes, 1-er Août 1882); а также сочиненіе W. Graham'a: The creed of science, religious moral and social, и M. W. Mallock: Is life worth living?

88 (стр. 165). Изъ всего сказаннаго въ текстѣ явствуетъ, что и главныя, и второстепенныя условія, порождающія и

поддерживающія ошибочное представленіе о вѣрѣ въ сверхъестественное, какъ объ основной и неизмѣнной потребности человѣческой природы, сводятся всѣ къ одному источнику—недостатку положительныхъ знаній въ области психическихъ и соціальныхъ явленій. Но незнаніе (для современной эпохи — въ указанномъ сейчасъ объемѣ, а для предшествовавшихъ періодовъ—въ масштабѣ несравненно болѣе обширномъ) всегда было и до сихъ поръ остается и настоящимъ источникомъ всякаго супранатурализма. Таково, между прочимъ, мнѣніе и Спенсера (см. послѣднюю главу шестой части его „Началъ Соціологіи“, или отдѣльно напечатанную въ 1884 г. во многихъ иностранныхъ философскихъ журналахъ статью подъ заглавіемъ: „Прошедшее и будущее религій“), который также видитъ въ человѣческомъ „незнаніи“ главный, если не единственный источникъ супранатурализма и соотвѣтствующихъ ему чувствъ. Но на этомъ и кончается наше согласіе съ мнѣніемъ Спенсера; дальше мы уже радикально расходимся. Вотъ тезисъ, защищаемый Спенсеромъ: незнаніе — прямой источникъ супранатурализма; но незнаніе есть нѣчто вѣчное, нѣчто, что̀ всегда будетъ существовать, въ томъ или другомъ видѣ и въ той или другой степени; ergo, и супранатурализмъ есть нѣчто такое, что никогда окончательно не исчезнетъ изъ сознанія человѣчества. Но тезисъ этотъ — не что̀ иное, какъ софизмъ. Въ дѣйствительности, на самомъ дѣлѣ, супранатурализмъ порождается и питается только извѣстною, опредѣленною, и с т о р и ч е с к о ю „величиною“ незнанія. Конечно, именно эта величина (минимумъ и максимумъ которой чрезвычайно далеко отстоятъ другъ отъ друга) можетъ на долго, если не навсегда, остаться удѣломъ той или другой части человѣчества; и въ этомъ условномъ смыслѣ, какъ мы признали это въ текстѣ, окончательное упраздненіе супранатурализма должно считаться своего рода утопіей. Но явленіе, о которомъ идетъ рѣчь, имѣетъ, все-таки, точные предѣлы. Всякая бо́льшая величина „незнанія“, или величина, превышающая ту, которую мы назвали „историческою“, уже не даетъ возникнуть супранатуралистическимъ идеямъ, какъ мы это видимъ на примѣрѣ нѣкоторыхъ, наиболѣе дикихъ племенъ и всѣхъ высшихъ животныхъ. А всякая ме́ньшая величина убиваетъ эти идеи въ корнѣ, замѣняя ихъ метафизическими понятіями; становясь еще меньше, наше „незнаніе“ допускаетъ, наконецъ, и замѣну метафизическаго міропониманія научною философо-

фіею. Таковы факты, отрицать ихъ невозможно. Разсужденіе Спенсера, впрочемъ, грѣшитъ въ своемъ основаніи еще и потому, что подъ одно общее понятіе о „супранатурализмѣ“ Спенсеръ подводитъ совершенно различныя явленія — фантастическія грезы дикарей, пантеизмъ Спинозы, агностицизмъ современныхъ ученыхъ и т. п. См. статью E. Morselli: I concetti ultimi della scienza secondo il Spencer (въ Rivisto di philosophia scientifica, Gennaio 1884). Морселли справедливо замѣчаетъ, что если бъ супранатурализмъ, какъ того, повидимому, требуетъ Спенсеръ, возвысился до знанія или воспріятія „непознаваемаго“, онъ неминуемо превратился бы въ науку; а если бъ наука, забывая свое прямое назначеніе, вздумала развивать въ человѣкѣ чувство „неизвѣстнаго“, она въ свою очередь обратилась бы въ супранатурализмъ.

Еще одно замѣчаніе. Супранатуралистическія доктрины и метафизическія системы одинаково создаются отдѣльными личностями, представителями потребностей своей эпохи или своего народа; но охраняются и оберегаются онѣ исключительно болѣе или менѣе подвижными массами—общественными классами, цѣлыми народами и т. п. Отъ степени подвижности или, вѣрнѣе, неподвижности этихъ массъ зависитъ уже и долговѣчность міросозерцаній. Объ отношеніи супранатурализма къ нравственности см. Герценъ, томъ IX, стр. 246—7.

88 bis (стр. 169). Если сверхъестественная сила безлична или пребываетъ въ человѣчествѣ, она составляетъ не только чистую абстракцію, но и концептъ ума, которому въ дѣйствительности соотвѣтствуетъ нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ то, что, въ силу несознаваемой иллюзіи, видитъ въ немъ разумъ; если сила эта есть все, она тѣмъ самымъ, очевидно, есть ничто. „Прибавьте такую силу къ міру, отнимите ее, результатъ будетъ одинъ и тотъ же. Ничто отъ этого въ мірѣ не измѣнится ... Вездѣ этотъ концептъ метафизики уличается въ синониміи, въ полномъ тожествѣ съ человѣкомъ или природою. а отсюда уже прямо слѣдуетъ, что за нимъ не скрывается предполагаемой имъ силы“. Renaissance du matérialisme, стран. 433—4.

89 (стр. 175). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что выводы настоящей главы могутъ имѣть только весьма отдаленное примѣненіе. Насъ, поэтому, могутъ спросить, говоря словами Спен-

сера: „Зачѣмъ высказывать и поддерживать теорію, столь отличную отъ той, которая наиболѣе приспособлена къ нуждамъ современной эпохи?“ На этотъ вполнѣ естественный вопросъ мы отвѣчаемъ словами Спенсера же: „Помимо того соображенія, что долгъ всякаго, кто придаетъ значеніе извѣстной доктринѣ и видитъ въ ней истину, заключается въ томъ, чтобы сдѣлать все отъ него зависящее для ея распространенія, не заботясь о возможныхъ результатахъ, надо еще принять во вниманіе слѣдующее: если, посреди всѣхъ соглашеній и компромиссовъ, дѣйствительно или только повидимому оправдываемыхъ обстоятельствами времени, не существуетъ пониманія „лучшаго“ и „худшаго“ въ общественномъ устройствѣ, если за требованіями текущей минуты не видно ничего болѣе, и люди пріучаются отожествлять ближайшее „лучшее“ съ „лучшимъ“ окончательнымъ,—тогда не можетъ быть истиннаго прогресса. Какъ бы далека ни была цѣль, какъ бы многочисленны ни были препятствія, отдѣляющія насъ отъ нея и могущія заставить насъ своротить съ единственной дороги, къ ней ведущей, совершенно очевидно, что надо знать по крайней мѣрѣ, гдѣ именно, въ какомъ направленіи лежитъ самая цѣль“. (См. Post-scriptum къ сборнику статей, въ которомъ помѣщены извѣстные этюды Спенсера о „Грядущемъ рабствѣ“, и „Новомъ торизмѣ“, о „Грѣхахъ законодателей“ и о „Великомъ политическомъ суевѣріи“). Еще одно необходимое замѣчаніе. Въ первой и второй главахъ третьей части, а также въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ этой книги, авторъ, уже въ корректурѣ и по соображеніямъ собственно „географическаго“ свойства, замѣнилъ употребленные имъ въ рукописи термины другими, и притомъ такими, которыхъ, при иныхъ обстоятельствахъ, онъ, конечно, старался бы избѣгнуть, уже изъ чисто литературныхъ мотивовъ.

90 (стр. 181). См. часть I, главу VIII, §§ 5—10. Два элемента присущи всякому методу: наблюденіе, сырой матеріалъ, и логическая обработка его. Одно пассивное собираніе наблюденій или одна логическая обработка слишкомъ малочисленныхъ или дурно наблюденныхъ фактовъ не можетъ привести ни въ наукѣ, ни въ философіи, къ какимъ бы то ни было полезнымъ и прочнымъ результатамъ. Но величайшіе философы, въ пылу творческаго вдохновенія, не замѣчали, что ни количество, ни качество матеріала, которымъ они

располагали, не соотвѣтствовало тѣмъ логическимъ усиліямъ, которыя они затрачивали на его отдѣлку и разработку. Вотъ почему справедливо отчасти и мнѣніе датскаго философа К р о м а н а (Ueber Wesen und Bedeutung der Philosophie, V. j. s. für wiss. Phil., 1885, I, Heft, стр. 7—8), что вся громадная разница между методомъ спеціальныхъ наукъ и методомъ философіи сводится, въ концѣ концовъ, къ *простому различію въ способахъ выполненія одной и той же методологической задачи.*

90 b i s (стр. 186). Не говоря о томъ, что въ первые періоды умственнаго развитія наука и философія были занятіемъ однихъ и тѣхъ же лицъ, что, напримѣръ, Ѳалесъ, Анаксимандръ и Анаксименъ были астрономами и математиками, Пиѳагоръ Самосскій математикомъ и физикомъ, а Демокритъ и Аристотель даже разработывали всѣ отрасли знанія, существовавшія въ ихъ эпоху,—мы видимъ, что блестящіе успѣхи математики въ XVII столѣтіи дали новый толчокъ философскимъ изслѣдованіямъ, обративъ ихъ на путь чистой дедукціи (системы Декарта, Спинозы и Лейбница). То же самое, въ еще болѣе сильной степени, замѣчается и въ наше время. Успѣхи экспериментальныхъ наукъ побудили и такъ называемую „большую публику“ обратить вниманіе на философскіе вопросы, которые прежде возбуждали интересъ только въ ограниченномъ кругѣ „посвященныхъ“. Физіологія нервовъ и психіатрія расширили задачи той интроспективной психологіи, которою всегда занималась метафизика. Открытія химіи и физики заставили подвергнуть самой строгой критикѣ традиціонные концепты атома, силы, вещества. Развитіе теоретической и экспериментальной физики, доктрина эволюціи, данныя, собранныя статистикой, наконецъ, новѣйшія соціологическія изслѣдованія измѣнили кореннымъ образомъ всѣ прежніе взгляды на значеніе и взаимныя отношенія индуктивнаго и дедуктивнаго методовъ, на природу научныхъ гипотезъ, на вопросъ о свободѣ воли и нравственной отвѣтственности, на множество задачъ, которыя считались уже рѣшенными и которыя теперь приходится ставить вновь, но уже совершенно иначе, чѣмъ прежде. См. Статью S t a d l e r'a объ отношеніяхъ логики и науки въ Philosophische Monatshefte, за 1881 г.

90 t e r (стр. 187) Какъ справедливо замѣчаетъ S h a d w o r t h

Hodgson („Философія въ ея отношеніяхъ къ собственной исторіи", въ американскомъ Journal of Speculative Philosophy, за 1882 г.), всякій предметъ, великій или малый, умозрительный или практическій, содержитъ въ себѣ раціональный элементъ, составляющій его философію, т. е. его раціональную связь съ болѣе обширнымъ цѣлымъ.

91 (стр. 191). Метафизика, само собою разумѣется, никогда ясно не сознавала, что она была формою незнанія, непониманія природы и человѣка. Напротивъ того, она всегда считала себя самою общею „наукою о свойствахъ и внутренней сущности міра". Стремленіе разрѣшить міровую загадку не простыми средствами субъективной фантазіи, а путемъ строго логическаго или объективнаго мышленія, было всегда признакомъ, рѣзко отличавшимъ всякую метафизику отъ поэзіи и миѳологіи. Дѣло въ томъ, однако, что это стремленіе такъ и оставалось стремленіемъ; оно никогда не достигало—и, при данныхъ условіяхъ, не могло достигнуть—своей цѣли. Всеобщее знаніе было недостижимымъ идеаломъ всей философіи прошедшаго. Внѣшняя форма метафизическихъ системъ постоянно обманывала самихъ философовъ: они bona fide считали строго-научнымъ то, что́ на самомъ дѣлѣ, или по своему внутреннему содержанію, было болѣе или менѣе фантастическимъ, было болѣе или менѣе миѳологіею. См. въ части I-й главу, посвященную общей характеристикѣ философіи прошедшаго; а также цитир. статью К. Кромана: „Ueber Wesen und Bedeutung der Philosophie".

91 bis (стр. 192). Изъ всего сказаннаго нами по этому вопросу еще въ первой части настоящаго труда ясно слѣдуетъ, между прочимъ, что „односторонность" метафизики и „характеръ всеобщаго знанія", который она себѣ приписывала, были явленіями, не только постоянно сопровождавшими другъ друга, но и строго соотносительными. Философская система не могла не отличаться односторонностью своихъ точекъ исхода, разъ она ставила себѣ цѣлью—обнять всю природу, т. е. въ числѣ другихъ явленій и такія, которыя не были изслѣдованы въ тѣсныхъ предѣлахъ спеціальнаго знанія. Но односторонность философіи еще правильно возрастала вмѣстѣ съ универсальностью ея стремленій. Иначе и не могло быть, конечно: ибо единственною мѣрою явленій, которою въ дѣй-

ствительности располагала философія, была сумма наличнаго знанія; а измѣряя этою суммой то бо́льшій, то меньшій объемъ или количество фактовъ, мы въ первомъ случаѣ (бо́льшій объемъ), естественно, нисколько не увеличиваемъ итога нашего наличнаго знанія. Въ этомъ случаѣ, напротивъ того, незначительность такого итога, его микроскопическіе размѣры должны были выступать рѣзче, чѣмъ тогда, когда мы ту же мѣру прикладывали къ менѣе обширному числу фактовъ. См. Kroman, op. cit., стр. 11 — 12. Кроманъ справедливо замѣчаетъ, что универсальность взглядовъ, а, слѣдовательно и ненаучность ихъ были присущи различнымъ системамъ въ весьма различной степени, и что черты эти не вовсе отсутствовали и въ тѣхъ философскихъ ученіяхъ, которыя ограничивали кругъ своихъ изслѣдованій психологіей, теоріей познаванія или этикою и формально отказывались отъ разрѣшенія общей космогонической задачи о происхожденіи и сущности міра. Съ внѣшней стороны ученія эти, по выраженію Кромана, были похожи на „торсъ съ оторванными членами“; но это не мѣшало имъ быть настоящими философіями, искавшими въ человѣческомъ духѣ и его многоразличныхъ функціяхъ истиннаго ключа къ пониманію всей остальной природы.

Напомнимъ здѣсь еще, что развитіе философіи было подчинено иным условіямъ, чѣмъ развитіе вполнѣ установившихся спеціальныхъ наукъ. Философскія системы слѣдовали другъ за другомъ, смѣняли одна другую и противорѣчили другъ другу совершенно такъ же, какъ различныя теоріи, различныя объясненія въ наукахъ неустановившихся, т. е. въ отрасляхъ знанія, которыя, хотя имѣли опредѣленное содержаніе и преслѣдовали опредѣленныя цѣли, но не имѣли еще опредѣленнаго метода. Къ своимъ наблюденіямъ такія отрасли знанія еще не умѣли приложить точныхъ, т. е. наиболѣе пригодныхъ именно въ данной области явленій, пріемовъ изслѣдованія. Но въ томъ же положеніи находилась и метафизика. Сходство этихъ условій поразительно, и оно ясно обнаруживаетъ истинный *возрастъ* философіи въ продолженіе всей ея многовѣковой исторіи. Слѣдующій признакъ правильно характеризуетъ младенческіе годы и философіи, и науки. Онъ состоитъ въ томъ, что въ теченіе этого періода и философскія системы и научныя теоріи не только не вытекаютъ логически изъ болѣе раннихъ системъ и теорій, но представляютъ собою настоящій хаосъ, въ которомъ можно нѣсколько разобраться

только если смотрѣть на каждую данную систему или теорію, какъ на сложный результатъ всей конкретной индивидуальности философа или ученаго и всей совокупности господствовавшей культуры.

92 (стр. 197). Какого рода вліянье апріорная философія оказывала на науку, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ Thury («Une hypothèse sur la succession des espèces». Genève, 1882): „Философское мнѣніе, введенное въ изслѣдованія естественной исторіи, — все равно, что камень, введенный въ живой организмъ; необходимо, чтобы организмъ сильно реагировалъ противъ посторонняго тѣла, до тѣхъ поръ, пока это тѣло изъ него не выдѣлится". Объ эвристическомъ значеніи прежней философіи см., впрочемъ, Lange, op. cit., Томъ II, стр. 437, и Томъ I, стр. 266—268.

93 (стр. 205). По вопросу о непознаваемомъ" см. J. Stuart Mill: «Examination of the philosophy of sir W. Hamilton», и критическій разборъ этого сочиненія, недавно сдѣланный ученикомъ Гамильтона, гласговскимъ профессоромъ John Veitch'омъ (Hamilton; London, Blackwood's collection, 1882).

Смѣшеніе „непознаваемаго" съ „несводимымъ", въ новѣйшихъ научно-философскихъ системахъ, имѣло послѣдствіемъ, между прочимъ, возобновленіе старой метафизической гипотезы о сводимости всѣхъ свойствъ въ природѣ къ одной какой-нибудь категоріи, которая, такъ или иначе, и отожествляется съ „непознаваемымъ" (см. заключительную главу моей книги о соціологіи). Сводимость эту, однако, напрасно выставляютъ какъ завоеваніе современной науки. Этотъ метафизическій принципъ процвѣталъ уже давно; онъ ярко выразился, напримѣръ, у Bayle'a; см. Lange, op. cit., т. I, стр. 274. См. также статью Ettore Regalia въ Rivista di philosophia scientifica, 1883—4, № 3: «La vita secondo lo Spencer».

О „непознаваемомъ" можно найти нѣсколько хорошихъ страницъ у русскаго философа Милославскаго. См. уже цитированное мною сочиненіе: „Типы современной философской мысли въ Германіи". Отмѣтимъ прежде всего интересное и живое изложеніе оригинальной теоріи познаванія нѣмецкаго философа Дроссбаха (Типы, стр. 116 — 141). Ученію Дроссбаха (Милославскій называетъ эту доктрину абсолютнымъ реализмомъ) нельзя отказать въ извѣстномъ значеніи

для будущаго развитія психологіи; но теорія эта представляетъ собою рѣзкій примѣръ превращенія частной, гносеологической гипотезы въ философскую основу цѣлаго міропониманія, со всѣми крайними послѣдствіями такой ошибки. Укажемъ затѣмъ на мнѣніе русскаго философа о „научной познаваемости“ сущности явленій. „Каждое новое обобщеніе въ наукѣ, говоритъ Милославскій, а особенно каждая научная теорія, гипотеза, есть естественный и желательный шагъ отъ вещей и явленій къ ихъ сущности. Развѣ не сущность вещей открылъ Ньютонъ въ тяготѣніи и его законахъ?... Такъ или иначе, научныя открытія и научныя теоріи и гипотезы, безъ сомнѣнія, придвигаютъ нашъ умъ къ сущности вещей и явленій несравненно ближе, чѣмъ простое, непосредственное міросозерданіе дикаря, или схоластическая метазифика“ (стр. 248—249). И страницей дальше: „Сущность вещей составляетъ общій центръ тяготѣнія для всѣхъ спеціальныхъ наукъ съ философіей включительно. Философы понимаютъ это лучше ученыхъ и справедливо заключаютъ, что познаніе сущностей возможно. Но если мы сравнимъ успѣхи ученыхъ и философовъ на пути познанія, мы увидимъ поразительно странную разницу: философы, считая сущности вещей познаваемыми и энергически стремясь познать ихъ, до сихъ поръ не пришли ни къ какому положительному результату; а ученые, какъ будто не имѣя въ виду сущностей, изучая одни явленія и даже считая сущности непознаваемыми, проникли въ сущность вещей успѣшнѣе и дальше, чѣмъ философы“.—Объ относительности не только человѣческаго знанія, но и человѣческаго незнанія, Милославскій говоритъ слѣдующее: „Подъ руководствомъ опыта и положительной науки англійскіе эмпирики, особенно Юмъ, а въ новое время Гамильтонъ, С. Милль и Спенсеръ, привели въ ясность и тотъ фактъ, что человѣческое знаніе относительно. Раскрывая этотъ фактъ, философы-эмпирики и ученые подошли къ совершенно противоположному результату съ идеалистами. Идеалисты считали относительнымъ человѣческое незнаніе: пока человѣческая мысль имѣетъ отношеніе къ чувственнымъ даннымъ, человѣкъ не знаетъ истинно-сущаго, но лишь только мысль останется сама съ собой, внѣ всякихъ отношеній къ опыту, человѣческое познаніе становится безотносительнымъ и равнымъ безотносительнымъ сущностямъ. У эмпириковъ вышло теперь наоборотъ: открывши фактъ и установивши законъ относительности познанія, они признаютъ

безотносительнымъ незнаніе. Какъ всеобъясняющая абсолютная идея была послѣднимъ словомъ идеализма, такъ ничего необъясняющее абсолютное непознаваемое можетъ быть названо послѣднимъ словомъ эмпиризма, равно какъ и каждой спеціальной науки. Достиженіе этого послѣдняго результата эмпирической философіи и глубокое, энергическое его изложеніе и составило славу О. Конта, популярность и приманку позитивизма, какъ въ свое время абсолютная идея составляла славу Гегеля и популярность гегеліанства. Соображая историческое развитіе идеализма и эмпиризма и вникая въ современное положеніе обоихъ направленій, мы должны будемъ согласиться, что идеалистамъ некуда итти дальше Гегеля, а эмпирикамъ некуда итти дальше Конта" (стр. 258—259). О философствующихъ ученыхъ, отвергающихъ возможность познанія сущности вещей, Милославскій замѣчаетъ еще (стр. 279): „Они какъ будто не подозрѣваютъ, что идутъ наперекоръ той самой истинѣ, на которую опираются,—не сознаютъ, что если относительно познаніе, то столько же относительно и незнаніе, и что ни въ природѣ, ни въ человѣкѣ нѣтъ преградъ и предѣловъ для относительнаго познанія сущности вещей. По нѣмецкой пословицѣ, философы не видятъ въ лѣсу деревьевъ, за то ученые спеціалисты, видя деревья, не видятъ лѣса". См., далѣе, наше примѣч. 108.

93 bis (стр. 207) Ср. Карѣева: „Основные вопросы философіи исторіи", т. I, стр. 300—304. „Метафизики, говоритъ, между прочимъ, г. Карѣевъ, суть поэты, попавшіе не на свое мѣсто: вѣрнѣе нельзя придумать опредѣленія для метафизиковъ, и нужно только прибавить, что, какъ поэты, это большею частью очень плохіе поэты... Метафизика дѣйствуетъ на воображеніе, какъ и поэзія, но слишкомъ, если можно такъ выразиться, сухо; она дѣйствуетъ на мышленіе, какъ и наука, но слишкомъ его насилуя своими условными понятіями. Въ этой полинялой поэзіи, облекшейся въ формы науки, предъ умственнымъ взоромъ возникаетъ странный міръ, населенный незаконнорожденными дѣтьми фантазіи и абстракціи, міръ логическихъ образовъ и поэтическихъ формулъ, міръ объективированныхъ идей и наукообразныхъ романовъ". См. также Милославскаго, op. cit., стр. 59: „Наука одна для всѣхъ должна быть общеобязательной, а философствовать каждый воленъ, какъ ему заблагоразсудится .. Кто возьмется за

философію, во всякомъ случаѣ, долженъ помнить, что всѣ философскія понятія, идеи, остаются вымыслами, игрой воображенія, поэзіей ума, идеаломъ... Дитя нисколько не смущается, когда ему говорятъ, что его куклы не живыя существа; онѣ живы въ душѣ дитяти, въ мірѣ его идей. То же, говорятъ, и съ философами"... „На словахъ все это очень хорошо", заключаетъ г. Милославскій,—„но на дѣлѣ философы все-таки должны быть людьми очень недальняго ума, если они согласятся признать разъ навсегда всю философію выдумкой, не имѣющею ни малѣйшаго научнаго достоинства, и несмотря на то, какъ ни въ чемъ не бывало, будутъ серьезно продолжать свои занятія. Тогда наконецъ трудно будетъ найти серьезное различіе между философомъ и субъектомъ, подверженнымъ тихому помѣшательству: и тотъ и другой будутъ жить въ мірѣ идей „реальныхъ только какъ психическія состоянія".

94 (стр 207). Чѣмъ дальше отъ фактовъ, тѣмъ дальше и отъ истины,—вотъ краткая научная формула этого процесса, которая съ полнымъ правомъ можетъ быть противопоставлена древней формулѣ чистаго идеализма: чѣмъ дальше отъ фактовъ, тѣмъ ближе къ истинѣ. Ср. L a n g e, op. cit, т. I, стр. 67.

95 (стр. 213) „Эстетическая" теорія метафизики, говоря вообще, обоснована очень слабо. Точка зрѣнія идеала здѣсь вовсе не примѣнима. Если справедливо, что идеалъ есть только сумма желаній и цѣлей, къ осуществленію которыхъ вѣчно стремятся наука и трудъ человѣка, то преслѣдованіе идеала, очевидно, не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ отвлеченіями метафизическаго мышленія. Но противъ этой теоріи одинаково громко говорятъ и исторія супранатуралистическихъ и метафизическихъ доктринъ, и современная психологія: функціи искусства и философскаго объясненія міра различны по существу своему; сваливать въ одинъ разрядъ умственныхъ фактовъ „живыя" химеры искусства и „химерическія" гипостазы философіи не позволительно ни съ исторической, ни съ психологической точки зрѣнія. Мы разумѣемъ здѣсь, конечно, искусство въ тѣсномъ его смыслѣ, и вовсе не желаемъ играть словами; иначе мы охотно предложили бы нашимъ противникамъ такое опредѣленіе метафизики: искусство неправильно ставитъ наиболѣе общіе вопросы, могущіе занимать умъ человѣка, и превращать ихъ такимъ образомъ

въ неразрѣшимыя задачи. Въ теченіе долгихъ вѣковъ своего существованія, метафизика выработала себѣ въ этомъ отношеніи особую технику и довела ее до рѣдкаго совершенства.

Замѣтимъ еще, что „эстетическая теорія“ метафизики была извѣстна уже поэту и мыслителю Гете; въ немъ она нашла рѣдкаго по своей полноправности критика. Какъ художникъ, Гете былъ не прочь потребовать отъ метафизическаго раціонализма того высшаго успокоенія или уравновѣшенія духа, которое достижимо только въ области и средствами чистаго искусства; но какъ мыслитель, онъ хорошо понималъ, что такая задача не подъ силу даже наиболѣе поэтическимъ системамъ идеализма. Выборъ между ровнымъ, полнымъ свѣтомъ положительнаго знанія и мерцающими огнями идеалистическихъ гипотезъ не долго затруднялъ его. Что же до матеріализма и сенсуализма, то гипотезы этихъ философій, по его мнѣнію, могутъ лишь навсегда отвратить насъ отъ всякой метафизики и съ новымъ пыломъ бросить насъ въ объятія живой науки, живого опыта, живого дѣла и истинной поэзіи (Wahrheit und Dichtung, гл. XI).

Если не „эстетическую“, то довольно близкую къ ней теорію міросозерцанія, основаннаго на мотивахъ чувства, проповѣдуетъ датскій философъ Кроманъ (op cit., стр. 22). „Желая составить себѣ какое-нибудь опредѣленное міровоззрѣніе—говоритъ онъ,—мы не можемъ ограничиться одними результатами научной философіи; мы должны пойти далѣе и обязаны уяснить себѣ, что наше міропониманіе, въ дальнѣйшемъ и окончательномъ своемъ развитіи, основано уже на мотивахъ чувства, на субъективномъ, личномъ выборѣ. Но именно это уясненіе имѣетъ въ моихъ глазахъ громадное значеніе“. Оспаривать взглядъ Кромана мы здѣсь не станемъ; замѣтимъ только по этому поводу, что мы сами очень далеки отъ мысли совѣтовать вовсе изгнать изъ философіи такъ называемое „чувство“. Les grandes pensées viennent du coeur“, эта мысль Вовенарга доказываетъ самое себя; справедливость ея прямо „чувствуется“, какъ чувствуется и справедливость стиха Вольтера объ истинѣ: «Qui la cherche de coeur, un jour peut la connaître“ (Генріада, I). Представленія, идеи могутъ становиться предметомъ „чувства“: это не подлежитъ сомнѣнію. Но почему великія идеи, въ большинствѣ случаевъ, такъ тѣсно сливаются съ чувствомъ, или такъ сильно напрягаютъ въ насъ струны чувства, что намъ невольно начинаетъ казаться, будто именно въ

этой области эти идеи и зарождаются, будто именно тутъ онѣ и почерпаютъ свое первое бытіе и начало? А потому, что оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ новѣйшая психологія. Чувство, прежде всего,—показатель извѣстной степени силы, принадлежащей возбудившей его идеѣ или представленію; но чувство же, при извѣстныхъ условіяхъ, легко становится и почвою, на которой, въ свою очередь, возникаютъ новыя серіи представленій и идей

96 (стр. 214). Предметомъ искусства можетъ быть только воспроизведеніе (болѣе или менѣе идеальное) реальнаго. Но воспроизведеніе реальнаго, хотя и не мыслимо безъ предварительнаго обобщенія реальнаго, т. е. безъ предварительнаго знанія, какъ бы слабо и незначительно ни было послѣднее (сравните состояніе искусства у первобытныхъ народовъ съ состояніемъ его у высококультурныхъ расъ), — однако не есть само такое обобщеніе или знаніе. Искусство немыслимо безъ науки, хотя бы рудиментарной, потому что оно основано на ней Но оно не наука, какъ домъ не фундаментъ, на которомъ онъ стоитъ. Философія представляетъ въ этомъ отношеніи самое близкое сходство съ искусствомъ. Она также, во первыхъ, основана на наукѣ, на частномъ знаніи частныхъ явленій, и, во вторыхъ, сама — не наука, не частное обобщеніе явленій. Но она и не воспроизведеніе этихъ явленій, или искусство. Она скорѣе прямая противоположность, антиподъ искусства. Это, вѣроятно, всего болѣе и содѣйствовало смѣшенію ихъ между собою. Знаніе реальнаго, какъ бы гадательно и неполно оно ни было, знаніе, возможное только въ формѣ обобщенія реальнаго,—вотъ общій центръ, въ которомъ сходятся или, вѣрнѣе, изъ котораго расходятся эти двѣ столь близкія и вмѣстѣ съ тѣмъ столь различныя функціи человѣческаго духа: *эстетическая*, соединяющая разрозненныя обобщенія реальнаго *конкретною* связью, которая и называется его идеальнымъ (а не абстрактнымъ) воспроизведеніемъ, — и философская, связывающая между собою частныя обобщенія реальнаго связью не менѣе крѣпкою, но имѣющею уже прямо противоположный, именно, въ высшей степени *абстрактный* характеръ Можно еще сказать, что связь или единство, которое *достигается* искусствомъ (а не къ которому оно стремится: отсюда тенденціозное искусство, какъ тонко замѣтилъ Тургеневъ),— всегда *идеально - конкретное*, а связь

или единство, къ которому *стремится* (и котораго никогда не достигаетъ) философія, — всегда *идеально-абстрактное*. Но допуская подобную терминологію, надо твердо помнить, что идеально-абстрактное никогда не можетъ быть равно и тождественно ни идеальному вообще, ни идеально-конкретному въ частности.

На отношенія философіи къ искусству можно взглянуть еще съ другой точки зрѣнія. Что бы ни говорили объ искусствѣ, и какимъ бы новымъ экспериментамъ его ни подвергали, единственнымъ вѣчнымъ содержаніемъ его всегда останется—красивое или *прекрасное*, т. е. необходимое реальное (необходимое даже въ силу простой механической непзбѣжности, какъ доказываетъ профессоръ T. Vignoli: «I tre fattori naturali dell'estetica», въ Rendiconti dell'Istituto lombardo, Ser. II, vol. XIV, fascic. 12, 13, 14, Milano, 1881). Прекрасное, т. е. наиболѣе реальное, realissimum, то, что хорошо, нормально, здорово, умно и цѣлесообразно само по себѣ или, по крайней мѣрѣ, что лучше, здоровѣе, умнѣе и цѣлесообразнѣе остального окружающаго и что, поэтому, въ борьбѣ за существованіе, путемъ естественнаго подбора, всегда остается, въ концѣ концовъ, побѣдителемъ, всегда превозмогаетъ некрасивое, т. е. болѣе слабое, хилое и менѣе цѣлесообразное. Искусенъ не только художникъ, но искусно, т. е. испытано и выдержало испытаніе, и то, что онъ воспроизводитъ, находя этого побѣдителя и избранника уже таковымъ въ самой природѣ. Вотъ та глубокая причина, почему прекрасное есть всегда и въ высшей степени реальное, есть, въ сущности, *пререальное*, и почему искусство не терпитъ ни малѣйшей неправды, или даже тѣни фальши. Но можетъ ли то же „прекрасное“ быть послѣднею цѣлью усилій и философа? Можетъ ли „красота“ занять всю ширь его умственнаго кругозора, захватить все пространство его духовнаго зрѣнія? Можетъ ли и онъ лишь прославлять то, что испокònъ вѣку славитъ и чему искони даетъ перевѣсъ и преобладаніе вся природа?—Его задача шире, труднѣе и въ тысячу разъ неблагодарнѣе. Потому-то метафизика въ концѣ концовъ и сдѣлалась притчей во языцѣхъ, что она всегда гонялась за ens realissimum, за тѣнью того куска, который, выражаясь тривіально, уже давно былъ въ зубахъ у искусства. Не наиреальнѣйшее составляетъ объектъ философіи, т. е. не избранное между многимъ и запечатлѣнное естественными дарами и преимуществами, а вся совокуп-

ность явленій и та внутренняя, невидимая связь ихъ, которая соединяетъ въ одно неразрывное цѣлое сильное и слабое, дурное и хорошее, цѣлесообразное и просто необходимое, прекрасное и уродливое. Но преслѣдуя иную задачу, чѣмъ искусство, философія столь же мало, какъ и послѣднее, терпитъ неправду, и такъ же мало можетъ мириться съ ложью и неискренностью. Тутъ искусство и философское мышленіе опять сходятся въ чертѣ или признакѣ, который въ равной съ ними степени принадлежитъ и наукѣ — ихъ общему и незыблемому фундаменту.

По вопросу собственно о научной основѣ эстетики, кромѣ цитированнаго выше сочиненія Виньоли, можно еще указать на интересную работу Giacomo Cattaneo. Le forme fondamentali degli organismi (въ первыхъ трехъ нумерахъ Riv. di phil. scient. 1883 г.). Наконецъ, нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній относительно задачъ и цѣлей, преслѣдуемыхъ искусствомъ, можно встрѣтить и въ цитир. нами этюдѣ Кавелина. Въ особенности хорошо разработанъ здѣсь вопросъ о художественномъ ощущеніи, какъ той послѣдней цѣли, которой служитъ спеціальный видъ объективной дѣятельности, называемый художественнымъ творчествомъ. См. „Задачи этики“, стр. 95—99.

97 (стр. 218). См., напримѣръ, Souriau: «Les sensations et les perceptions» (въ Revue philosophique, 1883, № 7). Ср. также Wundt «Physiologische Psychologie»; Stricker: «Studien über die Bewegungsvorstellungen», 1882, и «Physiologie des Rechts», 1884; W. James: «The feeling of effort», 1880 и наконецъ два труда русскихъ ученыхъ. Н. Грота — Психологія чувствованій, Спбр., 1880, и М. Троицкаго—Наука о духѣ, два тома, Москва 1882.

97 bis (стр. 222). Заблужденіе заблужденію рознь,—и между заблужденіями есть такія, которыя, въ дѣйствительности, суть только дробныя или неполныя истины. И вотъ именно къ нимъ вполнѣ приложимо то, что говоритъ о филіаціи идей Edmond Perrier въ своей книгѣ: „Philosophie zoologique avant Darwin“ (Bibl. Scient. Intern.).Выписываемъ здѣсь это мѣсто: „Только что появившіяся на свѣтъ идеи какъ будто теряются между болѣе старыми идеями, подъ сѣнью которыхъ ростутъ и съ которыми ежеминутно смѣшиваются; мало-по-малу, однако, новыя идеи дифференцируются, отдѣляются отъ старыхъ, до-

стигаютъ извѣстной степени силы и власти, преобразуются и, наконецъ, умираютъ, порождая другія идеи, которымъ предстоитъ одинаковая участь. Но въ одномъ и томъ же семействѣ идей есть такія, которыя угасаютъ, не сыгравъ никакой роли, не оказавши никакого вліянья, не вызвавъ никакого движенія,—и такія, которыя, почти ничѣмъ не отличаясь въ началѣ отъ первыхъ, становятся потомъ, на болѣе или менѣе продолжительное время, великими руководительницами умственнаго движенія человѣчества. И тогда каждому начинаетъ казаться, что онъ уже встрѣчалъ эти идеи прежде, что онъ видѣлъ ихъ еще маленькими, и каждый охотно объявилъ бы себя ихъ отцомъ. Вотъ почему такъ трудно написать исторію идей, которая бы всѣхъ удовлетворила и всѣмъ показалась бы вполнѣ безпристрастною; и вотъ почему каждый, кто внесъ или даже только воображаетъ, что внесъ новую идею въ сокровищницу человѣчества, тотчасъ же встрѣчается горячими протестами толпы болѣе или менѣе мнимыхъ предшественниковъ, которымъ, для упроченія царства ихъ собственныхъ идей, недоставало лишь бездѣлицы—умѣнья вдохнуть въ нихъ жизнь".

Сторонники теоріи, выводящей истину изъ заблужденія, ошибаются именно потому, что не различаютъ между дробною истиною и заблужденіемъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Знаніе одной стороны предмета, въ не строго выдержанной или некритической терминологіи, легко противопоставить знанію двухъ, многихъ или всѣхъ его сторонъ; но если послѣднее знаніе признается истиною—а это всегда такъ и бываетъ,—то первое не трудно смѣшать съ явнымъ заблужденіемъ. На самомъ же дѣлѣ, ошибочно вовсе не оно: а невѣрны и не соотвѣтствуютъ реальнымъ отношеніямъ вещей неправильные выводы, поспѣшныя обобщенія, произвольныя гипотезы, всѣ промахи нашей логики, которые, будучи современны первымъ и неполнымъ истинамъ, мыслятся нами не иначе, какъ въ тѣсной и неразрывной связи съ ними, какъ образующими вмѣстѣ одно органическое цѣлое. Ассоціація идей и тутъ, такимъ образомъ, является въ своей обычной роли — вовсе просмотрѣнной изъ за безспорныхъ достоинствъ — постояннаго и весьма важнаго источника умственныхъ иллюзій.

98 (стр. 229). Относительно фактической стороны этого вопроса см. William Whewell (History of the induct-

ve sciences, три тома); de Alphonse Candolle (Histoire des sciences et des savants depuis deux siècles, 2 éd., 1885, Genève); Hartpole Lecky (Geschichte der Aufklarung in Europa); John William Draper (History of the intellectual development of Europe, въ особенности томъ второй), Ch. Daremberg (La Médecine, histoire et doctrines, 1865 и Histoire des sciences médicales, Paris, 1870); Prantl (Geschichte der Logik im Abendlande); Humboldt (Cosmos, въ особ. т. II, стр. 256 и др.), Liebig (Chemische Briefe, въ особен. 3 и 4 письмо)

99 (стр. 229). Этому взгляду на генезисъ наукъ и научной философіи мы придаемъ тѣмъ болѣе значенія, что противоположное мнѣніе успѣло уже прочно укорениться, преимущественно вслѣдствіе смѣшенія понятій, которое въ данномъ случаѣ проявляется въ недостаточно строгомъ различеніи науки отъ ея матеріаловъ. Собираемые мало-по-малу факты, отрывочныя наблюденія, опыты, и первыя попытки объяснить ихъ,—все это не наука, а только сырой матеріалъ для будущей науки. Но именно этотъ матеріалъ намъ обыкновенно и выдаютъ за науку въ эмбріоническомъ состояніи, науку перваго періода и т. п. Избѣгнуть этой иллюзіи исторической точки зрѣнія довольно трудно; но отъ нея необходимо отдѣлаться, необходимо разъ навсегда убѣдиться, что смѣсь плохо изслѣдованныхъ фактовъ съ ложными теоріями не есть наука ни въ какомъ смыслѣ, и что между этимъ состояніемъ знанія и истинною наукою существуетъ только внѣшняя, историческая, а не внутренняя, генетическая связь.

100 (стр. 229). Обоснованіе философіи наукъ составляетъ задачу, которая только теперь стала утрачивать неразрѣшимый характеръ, такъ долго отличавшій ее въ прошедшемъ На полное достиженіе этой конечной цѣли научнаго развитія, однако, нельзя разсчитывать ни въ настоящемъ, ни даже въ ближайшемъ будущемъ. *Точная философія*, подобно источнику ея, *точной наукѣ*, можетъ быть лишь результатомъ непрерывныхъ усилій длиннаго ряда поколѣній. Замѣтимъ еще мимоходомъ, что спеціальныя науки всегда признавали эту постепенность въ развитіи; онѣ подвигались впередъ шагъ за шагомъ и съ большою осторожностью. Когда высшія отрасли знанія находились въ младенчествѣ, между ними и науками вполнѣ „установившимися“ проводилась настолько стро-

гая демаркаціонная линія, что первыя даже вовсе не считались науками. Иное видимъ мы въ области философіи, у которой, очевидно, не было критерія для распознанія точнаго міропониманія отъ фантастическаго. Съ другой стороны, однако, нельзя не сдѣлать слѣдующаго замѣчанія. Въ нашей борьбѣ школъ, въ вѣчномъ столкновеніи противоположныхъ точекъ зрѣнія, мы нерѣдко бываемъ несправедливы не только къ настоящему, но и къ прошедшему— вѣрнѣйшій признакъ нашей собственной неправоты или односторонности. Мы, напримѣръ, охотно представляемъ себѣ метафизику въ видѣ одного corpus scientiae, или области, вполнѣ сходной съ областью той или другой частной науки; а такъ какъ въ послѣднихъ нѣтъ одновременно мѣста для двухъ противорѣчивыхъ объясненій, и здѣсь одна точка зрѣнія должна необходимо восторжествовать надъ остальными, то мы то же требованіе предъявляемъ и къ философіи прошедшаго. Но мы при этомъ забываемъ, что каждое главное направленіе метафизики обнимаетъ исключительно одну группу наукъ, а потому и на послѣдователей различныхъ системъ прежней философіи надо, по всей справедливости, смотрѣть какъ на адептовъ различныхъ и самостоятельныхъ отраслей знанія.

100 bis (стр. 229). Ср. K. Kroman. Ueber Wesen und Bedeutung der Philosophie, въ Vierteljahrsschrift fur wissenschaftliche Philosophie, 1885, I Heft, стр. 12, 13, 17 и 21.

101 (стр. 230). Не лишнее будетъ замѣтить, что отъ этой иллюзіи исторической точки зрѣнія, отъ этого чрезмѣрнаго увлеченія индуктивнымъ методомъ всего менѣе гарантированы, можетъ статься, именно тѣ изслѣдователи, которые лучше другихъ сознаютъ высокое научное значеніе, въ каждой области умственной дѣятельности, постояннаго возвращенія къ прошедшему и тщательнаго изученія заключающихся въ немъ указаній на будущее.

102 (стр. 231). Такое значеніе имѣетъ, напримѣръ, рѣшительный отказъ многихъ критиковъ позитивизма признавать въ этой доктринѣ настоящую философію. Вообще говоря, однако, дилемма поставлена совершенно правильно: или строго научное міровоззрѣніе есть философія,—и тогда все, что слыло и еще слыветъ подъ этимъ названіемъ, *не есть* философія, или

же, наоборотъ, систематическое пониманіе міра возможно только въ общихъ формахъ, завѣщанныхъ намъ прошедшимъ,— и тогда никакая систематизація знанія никогда не замѣнитъ намъ того, что мы утрачиваемъ, переставая признавать цѣлесообразность непровѣряемыхъ гипотезъ въ области общаго объясненія природы.

103 (стр. 233). Составляютъ ли *спеціальныя науки источникъ философіи*, или, наоборотъ, философія есть *общій производитель и родникъ*, дающій жизнь и начало спеціальнымъ наукамъ, — вопросъ этотъ, огромное принципіальное значеніе котораго трудно отвергнуть, рѣшается почти всѣми, занимавшимися имъ современными философами, именно въ послѣднемъ смыслѣ. Но самымъ талантливымъ представителемъ оспариваемаго нами взгляда явился недавно извѣстный итальянскій философъ Roberto Ardigò. См. его статью: «Il compito della filosofia et la sua perennità» въ № 1, за 1884 г., итал. журнала Rivista di philosophia scientifica, а также второй томъ его Opere filosofiche (Padova, 1884). Ардиго прямо говоритъ: «La filosofia è il concepimento del problema scientifico. La scienza speciale ne è la soluzione. Per ciò le scienze speciali sono state precedute dalla filosofia, e le succedettero. Ma succedendo le scienze speciali alla filosofia, essa ricomparve sempre ancora, perchè l'avvenimento delle scienze speciali produsse il concepimento di problemi nuovi. E così sarà in seguito senza fine. La scienza speciale è il distinto mentale preceduto costantemente da un indistinto, che è l'ogetto della filosofia, ed ha quindi con essa una relazione come di posteriore ed anteriore» (стр. 6). Въ другомъ мѣстѣ Ардиго называетъ философію «la nebulosa primordiale delle nozioni problematiche», изъ которой мало по малу и выдѣляется «un corpo di cognizioni accertate» или «una scienza positiva». Однимъ словомъ, философія, по его мнѣнію «è la matrice eterna della scienza, come la natura in genere lo è delle sue forme. L'indistinto della natura è un infinito, dal quale scaturisce la serie infinita dei distinti. La filosofia del pari, o l'indistinto del pensiere umano, è un infinito dal quale scaturisce la serie senza termine delle dottrine scientifiche determinate» (стр. 8).

Совершенно одинаковаго взгляда держится и бельгійскій философъ Delboeuf. См. его статью въ Revue philos 1884, № 9· «La matière brute et la matière vivante». До какой степени доходитъ это преувеличеніе роли философіи, это приписываніе ей значенія живого источника научныхъ задачъ и вопросовъ,

можно видѣть изъ восклицанія Delboeuf'a: «La mission de la philosophie n'est-elle pas d'élaborer les questions jusqu'au point ou elles puissent être remises aux mains des sciences positives?» (Op. cit,, стр. 242). Делбефъ, очевидно, считаетъ эту миссію философіи аксіомой, не требующей доказательствъ. Намъ же кажется, что происхожденіе философіи изъ спеціальныхъ наукъ отвергается единственно въ силу обычнаго заблужденія—предполагать несуществующимъ то, чего мы не видимъ. Что философія (но какая, въ этомъ весь вопросъ) предшествовала существующимъ нынѣ наукамъ, это—фактъ, бросающійся въ глаза, а что философія должна еще выработаться изъ нынѣшнихъ наукъ,—этого, конечно, нельзя констатировать de visu.

104 (стр. 233). Въ настоящую минуту почти нельзя встрѣтить философской системы, которая не выдвигала бы впередъ, въ видѣ главной и капитальной цѣли своихъ усилій—задачи окончательнаго примиренія науки съ философіею. Нельзя раскрыть философскаго сочиненія, написаннаго въ послѣднія двадцать—тридцать лѣтъ, не найдя въ немъ обильныхъ и болѣе или менѣе блестящихъ варіацій на тему о безотложной необходимости „размежевать науку отъ философіи и такимъ образомъ водворить согласіе между этими двумя враждующими сестрами, антагонизмъ которыхъ, медленно выросшій на почвѣ прошедшаго, когда онъ почти не сознавался, вноситъ теперь въ умы большую смуту“.„Ни школа Платона и Аристотеля—утверждаютъ приверженцы такого взгляда,—ни послѣдователи Декарта не знали этой вражды и этой серьезной умственной опасности. Въ древности, и даже у картезіанцевъ, философія видѣла въ наукѣ скорѣе послушную данницу, чѣмъ равноправную союзницу. Но наступило время, когда наука почувствовала въ себѣ достаточно силы, чтобы стряхнуть такую опеку. Путемъ естественной реакціи, смиренная зависимость перваго періода смѣнилась нетерпѣливой оппозиціей, а прежняя покорность—современными притязаніями. Выйдя побѣдительницей изъ борьбы за свое освобожденіе, наука, гордая своими успѣхами, ринулась въ новыя битвы, но на этотъ разъ уже за власть и преобладаніе. Тогда оказалось нужнымъ призвать науку къ большей умѣренности и, вмѣсто роли побѣдительницы философіи, предложить ей впредь болѣе скромную роль простой союзницы послѣдней“. (D. Nolen: Introduction à l'histoire du matérialisme par F. A. Lange; Vaihinger: Hartmann, Duhring und Lange, стр. 4, 17, 21). Въ

этомъ стереотипномъ отголоскѣ ходячихъ мнѣній по вопросу о необходимости установленія между наукою и философіей какого нибудь прочнаго modus vivendi одинаково знаменательно и отношеніе къ философіи науки, которая никакого соглашенія съ философіей не искала и не ищетъ, и отношеніе къ наукѣ философіи. Послѣдняя сначала мирно уживается съ первою, а потомъ, вступивъ съ нею въ борьбу, испытываетъ цѣлый рядъ тяжелыхъ пораженій. Конечно, нельзя отрицать того, что этотъ историческій романъ съ разрывомъ по несовмѣстимости стремленій и цѣлей, слѣдующимъ за чрезвычайно проблематическимъ союзомъ, въ которомъ каждая сторона только и думала о томъ, чтобы подчинить себѣ другую, находитъ нѣкоторое подтвержденіе въ главныхъ внѣшнихъ событіяхъ и во многихъ подробностяхъ фактической эволюціи наукъ и философскихъ системъ. Иначе это поверхностное объясненіе отношеній философіи и науки не могло бы все снова повторяться и пользоваться такой популярностью въ самыя различныя эпохи. Но то же объясненіе уже гораздо менѣе согласимо со внутреннимъ смысломъ и истиннымъ ходомъ научнаго и философскаго развитія. Въ этомъ мы могли не разъ убѣдиться въ продолженіе настоящаго изслѣдованія, которое, какъ намъ кажется, вполнѣ доказало, что вопросъ, занимающій умы большинства философовъ уже начиная съ половины прошлаго столѣтія—мы говоримъ о *примиреніи науки и философіи*, —либо вовсе не составляетъ вопроса, либо является задачей, явно неразрѣшимою. Дѣйствительно, примирять съ наукою приходится или научную философію, или прежнюю метафизику; но такая задача, очевидно, сводится къ тому, чтобы с о г л а с о в а т ь, въ первомъ случаѣ, посылки съ выводомъ, постулатъ съ н е о б х о д и м о в ы т е к а ю щ и м ъ изъ него заключеніемъ; во второмъ же философію незнанія—съ результатами положительнаго знанія!

Не въ склонности современныхъ мыслителей ставить такія задачи видимъ мы, впрочемъ, главную причину безплодности всѣхъ попытокъ прочно обосновать научную философію. Причина эта лежитъ глубже, и мы не разъ указывали на нее, говоря о нынѣшнемъ состояніи цѣлой группы отвлеченныхъ наукъ. Но въ упомянутыхъ стремленіяхъ мы видимъ вѣрное и неизбѣжное отраженіе этой основной и естественной причины въ фактѣ, имѣющемъ такое же преходящее и чисто историко-литературное значеніе, какое, въ совершенно другой области,

имѣли въ свое время или имѣютъ и теперь извѣстныя формулы классицизма, романтизма, реализма, натурализма и т. п. Раскрыть внутренній смыслъ этихъ стремленій чрезвычайно важно. Этимъ путемъ не создастся, конечно, новая философія, но образуется ядро людей, которые, стоя въ сторонѣ отъ движенія, будутъ ясно понимать откуда оно идетъ и къ чему должно привести; а это, въ свою очередь, значительно облегчитъ переходъ отъ заблужденія къ истинѣ: первая группа еретическихъ мыслителей будетъ возростать до тѣхъ поръ, пока мнѣнія ея не сдѣлаются убѣжденіемъ большинства руководящихъ умовъ.

105 (стр. 238). Правда, адепты позитивизма держатся иного взгляда на значеніе своей доктрины. Большинство ихъ убѣждено въ томъ, что положительная философія и философія наукъ—понятія вполнѣ равнозначащія. Развитіе умственной культуры, по ихъ мнѣнію, должно, рано или поздно, привести къ полному торжеству именно этой формы философіи. Взглядъ этотъ, конечно, ошибоченъ. Но заблужденіе позитивистовъ не можетъ имѣть особенно вредныхъ послѣдствій до тѣхъ поръ, пока они сами не будутъ слишкомъ грубо погрѣшать противъ провозглашеннаго ими начала воздержанія въ области философскаго творчества.

106 (стр. 242). Если изгнать гипотезу изъ философіи, у послѣдней останется, повидимому, одинъ методъ: чистая или формальная дедукція. Но допуская еще существованіе особой практической или прикладной философіи, мы, конечно, могли бы съ пользою примѣнять къ ея изслѣдованіямъ и индуктивный силлогизмъ, или временную дедукцію Милля.

По поводу чистой дедукціи, какъ метода теоретической философіи, напомнимъ здѣсь о слѣдующемъ, сдѣланномъ еще Гоббсомъ, опредѣленіи разсужденія вообще. „Разсужденіе, говоритъ Гоббсъ, есть не что иное, какъ собраніе и соединеніе названій вещей при помощи глагола быть. Отсюда слѣдуетъ, что чисто разсудочнымъ путемъ мы не можемъ ровно ничего открыть касательно природы вещей: мы видимъ только, хорошо или дурно, согласно или несогласно съ нами же самими установленными условіями, мы сочетали названія вещей..." Но научное пониманіе міра есть именно общее сочетаніе разрозненныхъ познаній нашихъ, или общая повѣрка правильно-

сіи той формальной связи, которою мы ихъ соединяемъ, побуждаемые къ тому присущимъ намъ стремленіемъ къ логическому единству.

107 (стр. 242). Считаемъ вполнѣ умѣстнымъ, въ философскомъ трудѣ, сослаться на наблюденія такого чуткаго къ жизненной и психической правдѣ художника, какимъ выказалъ себя Зола въ послѣднемъ и, по нашему мнѣнію, самомъ глубокомъ своемъ произведеніи: „L'Oeuvre". Въ этой психологической драмѣ, полной животрепещущаго интереса, удивительно тонко и реально изображены всѣ перипетіи вѣчной борьбы между приближеніемъ, l'à peu près, и достиженіемъ, или идеаломъ. Законы всякаго творчества, художественнаго, научнаго и философскаго, всегда и вездѣ одинаковы; и конечно, эти законы легче вывести изъ наблюденій и „человѣческихъ документовъ" Зола, чѣмъ изъ нѣкоторыхъ теоретическихъ изслѣдованій, въ которыхъ эрудиція, книжное знаніе, заглушаетъ живой пульсъ реальной дѣйствительности. Мы не говоримъ, разумѣется, о тѣхъ случаяхъ, когда съ эрудиціей соединяется большой талантъ или даже геній; тогда книжное знаніе только помогаетъ отысканію живой истины. Это всего лучше видно изъ сравненія книги Зола съ однимъ изъ любопытнѣйшихъ психологическихъ этюдовъ нашего вѣка: Parerga и Paralipomena Шопенгауера. Близкое духовное родство этихъ двухъ произведеній безспорнаго таланта не можетъ не кидаться въ глаза. Многое изъ того, что пережилъ, выстрадалъ и выразилъ въ рядѣ необыкновенно ясныхъ формулъ великій нѣмецкій мыслитель, сорокъ лѣтъ спустя пережилъ, выстрадалъ и выразилъ въ поразительно живыхъ образахъ великій французскій художникъ. (Ср., въ особенности, взгляды обоихъ писателей на славу, на умственный трудъ, на наслажденія и страданія, неразлучныя съ процессомъ творчества, на честолюбіе въ молодости и старости и т. п.).

108 (стр. 259). Согласно плану, изложенному въ предисловіи, болѣе обстоятельное разсмотрѣніе вопросовъ, касающихся *философіи наукъ*, ея метода и ея возможнаго или необходимаго *содержанія*, должно составить предметъ особаго изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ не лишнимъ дополнить уже сказанное нами здѣсь по этому предмету еще нѣсколькими краткими указаніями, которыя мы и заимствуемъ изъ матеріа-

ловъ и замѣтокъ, приготовленныхъ для упомянутаго выше спеціальнаго изслѣдованія.

1) *Почему въ настоящее время еще нѣтъ философіи наукъ?* Мы уже не разъ говорили, что главная причина, мѣшающая возникновенію научной философіи, заключается въ недостаточной зрѣлости многихъ наукъ (въ особенности соціологіи и конкретной психологіи) и въ совершенномъ почти отсутствіи спеціальныхъ философій не только этихъ наиболѣе сложныхъ отраслей знанія, но и всѣхъ другихъ, начиная съ біологіи и кончая физикой и математикой. Такія спеціальныя философіи, съ одной стороны, еще не выдѣлились изъ состава соотвѣтствующихъ отвлеченныхъ наукъ, съ другой — еще постоянно смѣшиваются съ общею философіей, въ которую, такимъ образомъ, и вносится множество *непровѣренныхъ* гипотезъ. Въ какой степени это справедливо, видно на любомъ вопросѣ, имѣющемъ какое-либо значеніе для философіи. Укажемъ, напримѣръ, на вопросъ объ относительности нашего знанія, этомъ основномъ догматѣ трехъ главныхъ теченій современной философіи — позитивизма, критицизма и эволюціонизма (законныхъ наслѣдниковъ матеріализма, идеализма и сенсуализма). Въ нынѣшнемъ состояніи психологіи и теоріи познаванія даже этотъ вопросъ не можетъ считаться вполнѣ рѣшеннымъ, а, слѣдовательно, не можетъ служить точкою исхода для сколько-нибудь безошибочныхъ выводовъ и обобщеній въ области философіи наукъ. См. по этому поводу Journal of speculative philosophy за 1883 г., статью Dewey (Knowledge and relativity of sensation), а также неудачную попытку Tarde'a (Revue phil., 1884, № 4: Qu'est—ce qu'une société)? объединить въ одной формулѣ верховные законы трехъ категорій свойствъ природы—движенія, жизни, общественности. Что научная философія должна основываться исключительно на спеціальныхъ философіяхъ отвлеченныхъ наукъ, видно уже изъ капитальнаго возраженія противъ всякой иной философіи: мы не можетъ занять положеніе *внѣ міра*, чтобы судить о мірѣ, какъ о *цѣломъ*. Возраженіе это имѣетъ силу для всѣхъ попытокъ прійти къ опредѣленному пониманію природы не путемъ терпѣливаго сложенія или суммированія частностей, а способомъ, такъ сказать, обозрѣнія цѣлаго à vol d'oiseau. Послѣдній методъ всегда ведетъ къ произвольному, фантастическому утвержденію (догматическія системы) или къ такому же отрицанію (скептицизмъ и теорія непознаваемаго). Ни

въ наукѣ, ни въ философіи мы не можемъ разрѣшить ни одного вопроса иначе, какъ по частямъ, т. е. аналитически.

2) *Значеніе соціологической точки зрѣнія.* Итакъ, въ философіи наукъ слѣдуетъ различать двѣ части, общую и особенную. Изъ нихъ послѣдняя, состоя изъ спеціальныхъ философій отвлеченныхъ наукъ, предшествуетъ первой и образуетъ ея естественный фундаментъ, но именно въ этой части выдающееся мѣсто принадлежитъ философіи самой сложной отвлеченной науки—соціологіи Причины, обусловливающія относительное господство соціологической точки зрѣнія, были указаны нами въ своемъ мѣстѣ (см. напр. ч I, гл. I, §§ 2 и 3, гл. III, §§ 9 — 11, гл. VI, § 10 и гл. VIII, §§ 13 — 15) Для современной философіи, впрочемъ, большое значеніе имѣетъ уже одно то обстоятельство, что соціологія составляетъ до сихъ поръ наименѣе развитую отрасль нашихъ знаній. Въ какой степени это справедливо, видно на примѣрѣ логической ошибки, въ которую сплошь и рядомъ впадаютъ новѣйшіе послѣдователи Канта, или неокантіанцы и неокритицисты, защищая свой странный идеалъ философіи, какъ міропониманія, нереальный или фиктивный характеръ котораго съ лихвою выкупается эстетическими и этическими достоинствами. Воззрѣніе это заключаетъ въ себѣ явное логическое противорѣчіе. И эстетика, и этика, какъ прикладныя отрасли знанія, всецѣло основаны на теоретическихъ истинахъ; а потому одновременно и фиктивная, и эстетично-этическая философія есть міропониманіе, которое въ одно и то же время и ложно, и истинно. Но противорѣчіе это именно тѣмъ и объясняется, что вся школа Канта игнорируетъ соціологію, какъ отвлеченную науку. Не выработай Контъ своихъ извѣстныхъ взглядовъ на соціологію, онъ, вѣроятно, не избѣгъ бы многихъ ошибокъ Канта, а его школа, легко можетъ статься, пришла бы и къ воззрѣніямъ Ланге на задачи и характеръ философіи. Становясь на соціологическую точку зрѣнія, не трудно понять, почему „идеализація дѣйствительности“ играетъ такую важную роль въ теоріяхъ современныхъ нѣмецкихъ философовъ, съ устъ которыхъ рѣшительно не сходятъ слова „идеалы“ и „идеальный“. Дѣло въ томъ, что понятія, выражаемыя этими терминами, всецѣло принадлежатъ двумъ соціологическимъ спеціальностямъ прикладнаго характера—этикѣ (идеалы поведенія) и эстетикѣ (идеалы дѣйствительности въ тѣсномъ смыслѣ слова). Но именно эти спеціальности упомянутые мыслители

постоянно и включаютъ въ философію, какъ нѣчто, не входящее ни въ одну изъ признанныхъ наукъ (по старому рецепту метафизики).

Значеніе соціологической точки зрѣнія и даже необходимость, для современнаго философа, быть прежде всего *соціологомъ*, рѣзко выступаютъ еще на слѣдующемъ примѣрѣ. Шиллеровскую, какъ кто-то мѣтко назвалъ міропониманіе Ланге, философію „этическихъ и эстетическихъ идеаловъ“ ученики и поклонники нѣмецкаго мыслителя выдаютъ за великое открытіе, и самъ Ланге торжественно противополагаетъ свое ученіе, какъ „Kernwahrheit“ нашей эпохи, мнѣнію Конта о необходимости устранить (abschaffen) метафизическую спекуляцію или, другими словами, философію незнанія. Нужно не устранить метафизику, говоритъ Ланге, а указать ей надлежащее мѣсто. И это мѣсто онъ дѣйствительно указываетъ ей—въ сознаніи, въ совѣсти каждаго изъ насъ; философія, какъ онъ ее понимаетъ, превращается у него въ „Privatweltanschauung“, въ міропониманіе индивидуума. Но тутъ именно и кроется крупное недоразумѣніе. Открытіе Ланге было уже сдѣлано до него, — и сдѣлано никѣмъ инымъ, какъ Контомъ. Если Контъ и предлагаетъ устранить метафизику, то только какъ нѣчто общее, обязательное, какъ *общую науку*, и онъ же именно и указываетъ ей, а также и „супранатурализму“, послѣднее, но за то уже вполнѣ законное и неоспоримое убѣжище—индивидуальную совѣсть. Вся разница между Ланге и Контомъ заключается въ томъ, что послѣдній, какъ *соціологъ*, хорошо понималъ, что было время, когда и супранатурализмъ, и метафизика имѣли полное и законное право на общее и обязательное признаніе, и что только успѣхи положительныхъ наукъ (т. е. опять-таки группа соціологическихъ причинъ) лишили ихъ этого значенія. Ланге же и всѣ критицисты, всѣ ученики Канта, не отдаютъ себѣ яснаго отчета въ соціологическомъ характерѣ и послѣдствіяхъ этого процесса. Сверхъ того, на прежнее, т. е. общее въ соціологическомъ смыслѣ, мѣсто метафизики Ог. Контъ и его школа, какъ извѣстно, ставятъ науку и основанную на ней философію. Школа же Ланге признаетъ общеобязательное значеніе только за спеціальною наукою. Но и тутъ Ланге непослѣдователенъ и противорѣчитъ самому себѣ. Его „приватное“ міропониманіе приватно только въ своихъ подробностяхъ, мелочахъ; въ главномъ же и существенномъ оно такъ же обяза-

тельно для всѣхъ, какъ и прежняя метафизика. Оно каждому изъ насъ ставитъ въ *непремѣнную обязанность* пополнять „громадные пробѣлы знанія идеалами, принципами". Но не болѣе того требовала отъ насъ и метафизика. Однимъ словомъ, реформа философіи, произведенная *психологомъ* Ланге, является реформою только по имени, между тѣмъ какъ реформа, произведенная *соціологомъ* Контомъ, дѣйствительно измѣняетъ прежнія отношенія вещей, дѣйствительно вноситъ новые элементы въ постановку вопроса о будущей роли и значеніи метафизики.

3) *Возможна ли въ ближайшемъ будущемъ философія наукъ?* Устранимы ли, вообще говоря, препятствія, съ которыми до сихъ поръ безполезно боролась философская мысль, и которыя сдѣлали изъ философіи нѣчто крайне наивное въ своей выдуманной, вымученной, искусственной глубинѣ и крайне безпомощное при всѣхъ своихъ необъятныхъ притязаніяхъ? И нѣтъ ли тутъ рокового закона, которому должна будетъ подчиниться и философія наукъ? Гдѣ ручательство не только въ томъ, что философія достигнетъ цѣли, постоянно ускользавшей отъ усилій прежнихъ мыслителей, но даже и въ томъ, что она окончательно покинетъ путь, на которомъ цѣлые вѣка безплодно блуждали три основныя разновидности метафизики, матеріализмъ, идеализмъ, сенсуализмъ? Конечно, рѣшительный отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать только будущее,—и примѣръ старой и новѣйшей метафизики долженъ служить серьезнымъ предостереженіемъ для всѣхъ, кто въ этомъ отношеніи сталъ бы предаваться преувеличеннымъ надеждамъ. Но, съ другой стороны, надобно еще болѣе остерегаться и впаденія въ противоположную крайность, въ совершенное отрицаніе самой возможности дѣйствительно научной философіи. Не слѣдуетъ забывать, что не всѣ препятствія, о которыхъ разбивалась метафизика, имѣютъ характеръ постоянно дѣйствующихъ или неустранимыхъ причинъ. Значительная часть этихъ препятствій всецѣло сводится къ признакамъ, дифференцирующимъ первобытнаго мыслителя и первыя ступени знанія отъ мыслителя позднѣйшей эпохи и отъ ряда уже развившихся и окрѣпшихъ наукъ. Вотъ почему позитивизмъ и остальныя научно-философскія системы стали возможны только въ самое послѣднее время. Объяснить совершившуюся перемѣну не трудно. Дѣло въ томъ, что міръ, который надо понять въ отвлеченіи, символически, въ немно-

гихъ общихъ формулахъ (а вовсе не непремѣнно въ одной), составляетъ, во всѣ эпохи, смѣсь *извѣстнаго* съ *неизвѣстнымъ*. Въ этой смѣси послѣдній элементъ, или неизвѣстное, всегда, по всей вѣроятности, будетъ значительно больше перваго элемента, или извѣстнаго, хотя самое отношеніе между ними останется неопредѣленнымъ. Но ни до этого отношенія, ни до этого преобладанія одного элемента надъ другимъ намъ нѣтъ теперь и не можетъ быть и впредь никакого дѣла. Насъ должно занимать и озабочивать иное отношеніе и иное преобладаніе. Рѣчь можетъ итти только объ отношеніи между такимъ *извѣстнымъ*, которое уже сдѣлалось достояніемъ точнаго знанія, предметомъ изученія установившихся наукъ, и такимъ, которое еще не подверглось строго научной разработкѣ. Это послѣднее „извѣстное“ и составляетъ наше, человѣческое, т. е. *относительное неизвѣстное*, точно такъ же, какъ первое составляетъ, въ свою очередь, только наше *относительное* извѣстное. Міръ состоитъ для насъ исключительно изъ того, что мы дѣйствительно *знаемъ* (воспринимаемъ, анализируемъ, сравниваемъ и т. п.); въ него не можетъ войти ни одного атома изъ того, чего мы *не знаемъ;* но одни разряды явленій мы уже подчинили наукѣ, и въ этомъ смыслѣ мы уже управляемъ ими—это наше „относительное извѣстное“; другіе же разряды мы еще не подчинили ни наукѣ, ни, слѣдовательно, себѣ, и въ этомъ смыслѣ не они намъ, а мы имъ подвластны—это наше „относительное неизвѣстное“. Но тутъ-то, т. е. съ этой единственно разумной и плодотворной точки зрѣнія, и открывается, что только въ началѣ общественной эволюціи наше относительное неизвѣстное было дѣйствительно больше нашего относительнаго извѣстнаго Первый элементъ „пониманія міра“ становится затѣмъ все меньше и меньше, сравнительно со вторымъ, такъ что въ простой формулѣ: міръ=А (извѣстное)+x (неизвѣстное), послѣдняя величина, x, только въ одной фазѣ эволюціи (супранатурализмъ и метафизика) дѣйствительно больше А, или равна ему; потомъ x становится рѣшительно меньше А. Въ такомъ видѣ и представляется это отношеніе въ настоящее время. Противъ этого, вѣроятно, никто спорить не будетъ, какъ никто не будетъ оспаривать и того, что x, (т. е. по нашему опредѣленію, *разряды* явленій, еще не сдѣлавшіеся предметомъ строго-научнаго изслѣдованія), видимо идетъ на убыль, все болѣе и болѣе приближаясь къ О. Но допустивъ, что это сокращеніе неизвѣстнаго x уже достигло своего крайняго пре-

дѣла, т е. допустивъ, что и біологія (психическія явленія), и соціологія сдѣлались науками въ полномъ смыслѣ слова, мы получимъ формулу: міръ===А + В, т. е. міръ равенъ суммѣ, въ которой всѣ слагаемыя являются уже величинами опредѣленными. Другими словами, мы впервые будемъ имѣть возможность произвести дѣйствительное сложеніе, получить дѣйствительную сумму. Вотъ главное основаніе, говорящее въ пользу возможности философіи наукъ въ настоящее время или въ самомъ ближайшемъ будущемъ. Ибо сущность философіи трудно объяснить иначе, какъ чрезъ сравненіе міропониманія съ суммою или итогомъ. Если въ этотъ итогъ, вмѣсто, скажемъ, десяти *наличныхъ* слагаемыхъ, ихъ войдетъ только два, онъ, очевидно, будетъ неполнымъ и невѣрнымъ уже для своего времени, для текущей эпохи То же справедливо и по отношенію къ каждой спеціальной наукѣ. Развитіе науки представляетъ собою безконечный рядъ такихъ состояній ея, изъ которыхъ каждое предшествующее, въ сравненіи съ каждымъ послѣдующимъ, есть не что иное, какъ неполная и въ этомъ смыслѣ невѣрная сумма знаній. Все дѣло, повторяемъ, заключается въ *наличности* извѣстныхъ слагаемыхъ, въ наличности современной, дѣйствительной, а не въ наличности будущаго, предполагаемой и только возможной. Наличность будущаго есть такой же призракъ нашего воображенія, и такое же противорѣчіе, какъ непознаваемое, которое въ каждую данную минуту есть лишь неизвѣстное. Эти призраки, однако, парализуютъ нашу дѣятельность уже въ настоящемъ. Они одинаково мѣшаютъ намъ и познать міръ, какъ онъ есть, и подвести итогъ нашимъ наличнымъ знаніямъ о немъ, т. е. понять его. Ср. съ нашей статьей въ журналѣ *Знаніе*, Май, 1875 г.: „*Наука и метафизика*“.

Возможность дѣйствительно научной философіи отвергается еще по той причинѣ, что между объектомъ и субъектомъ существуетъ, будто бы, пропасть, которую никогда не удастся уничтожить, какихъ бы результатовъ ни достигло со временемъ положительное знаніе. Другими словами, философія вѣчно осуждена быть или философіей одного объекта (матеріализмъ и матеріалистическій сенсуализмъ), или философіей одного субъекта (идеализмъ и идеалистическій сенсуализмъ). Изъ этого дуализма и изъ этой дилеммы нельзя выйти, и никакой высшій синтезъ, очевидно, невозможенъ. Къ счастію, однако, аргументація эта ложна въ самомъ основаніи своемъ

Во первыхъ, матеріализмъ не есть философія объекта вообще, какъ обыкновенно думаютъ. Матеріализмъ не можетъ дать адэкватное (т. е. равное своему предмету, вполнѣ его обнимающее или объясняющее) понятіе о всей той части объекта, которая еще мало или вовсе не изслѣдована въ положительной наукѣ (психофизика, соціологія, конкретная психологія). Матеріализмъ поэтому является адэкватною философіей только одной *части объекта*—міра механико-физико-химическаго; это философія неорганической природы, синтезъ трехъ спеціальныхъ философій: математики, физики и химіи. Но на матеріализмъ все-таки можно смотрѣть, какъ на преждевременную попытку создать философію наукъ, чего ужъ никакъ нельзя сказать объ идеализмѣ, который и теперь, очевидно, нисколько неадэкватенъ съ міромъ субъекта и въ которомъ, поэтому, должно видѣть лишь простую, хотя и весьма полезную реакцію противъ увлеченій матеріализма. Здѣсь нѣтъ надобности объяснять, какимъ образомъ матеріализмъ хоть отчасти приблизился къ истинной цѣли всякой философіи, а идеализмъ не могъ этого сдѣлать. Такимъ объясненіемъ служитъ вся настоящая книга. Для будущей философіи наукъ относительный успѣхъ матеріалистическаго міропониманія чрезвычайно важенъ другою своей стороною: именно тѣмъ, что онъ былъ достигнутъ, несмотря на существованіе между разрядами явленій, объединяемыми матеріализмомъ, *перерывовъ* нисколько не менѣе, если даже не болѣе полныхъ, чѣмъ логическая противоположность объекта и субъекта, въ которой отражается научная несводимость явленій жизни (а слѣдовательно и сознанія) къ явленіямъ неорганическаго порядка. Несводимость химическихъ явленій къ физическимъ, а этихъ послѣднихъ къ явленіямъ движенія (несводимость, далеко еще не исчезнувшая судя по попыткамъ современной науки выразить эти явленія въ *формулахъ* движенія) не помѣшала матеріализму достигнуть идеальнаго объединенія цѣлой половины природы. Но отсюда слѣдуетъ, что и противоположность между объектомъ и субъектомъ не должна быть разсматриваема, какъ совершенно непреодолимое препятствіе. Дальнѣйшее научное развитіе біологіи, психологіи и соціологіи поможетъ философіи, если не окончательно устранить, то по крайней мѣрѣ обойти это препятствіе, и тогда откроется возможность идеальнаго объединенія уже всѣхъ, безъ исключенія, разрядовъ явленій.

Наконецъ, въ пользу нашего тезиса говоритъ еще слѣдую-

щее соображеніе. Послѣ недостатка научнаго матеріала, главною причиной, тормозившею успѣхи философіи, былъ ложный методъ a priori, отъ котораго философія не могла отказаться именно вслѣдствіе существованія громадныхъ пробѣловъ въ различныхъ областяхъ знанія. Но понятно, что отъ обращенія къ научнымъ пріемамъ изслѣдованія и въ особенности отъ спеціализаціи послѣднихъ сообразно истинной функціи философіи, совершенно отличной отъ функціи науки (пониманіе міра, а не объясненіе его),—можно ожидать уже совершенно иныхъ результатовъ.

4) *Объединеніе знанія.* Къ этой цѣли философія можетъ стремиться двумя путями. *А.* Можно думать, что знаніе объединено, когда объединены *условія познавания*. Этотъ путь избирается предпочтительно тѣми, кто въ субъектѣ видитъ корень, основную причину, ultima ratio всѣхъ явленій, или еще тѣми кто интересуется не столько знаніемъ, сколько его *генезисомъ*, условіями его происхожденія. Послѣдняя точка зрѣнія вполнѣ законна; но она очевидно нисколько не соотвѣтствуетъ требованіямъ задачи. Объединеніе условій познавания есть понятіе частное, входящее въ концептъ объединенія знанія, какъ одинъ изъ его составныхъ элементовъ. Между тѣмъ, цѣлый разрядъ философовъ воображаетъ, что, объединяя незначительную частицу знанія, имѣя дѣло съ спеціальною философіей одной науки, мы объединяемъ все знаніе, или имѣемъ дѣло съ общею философіей наукъ. Такое смѣшеніе части съ цѣлымъ естественно порождаетъ въ умѣ длинный рядъ софизмовъ. Господствующая нынѣ „словесная“ философія, по собственному сознанію ея приверженцевъ, нуждается прежде всего въ установленіи постулатовъ, „безъ которыхъ мы не можемъ мыслить“ (Spencer, First principles, стр. 181) и которые различаются ею на основоначальные (непознаваемое, субъектъ и объектъ и т. п.) и производные (пространство, время, вещество, сила и т. д.). Очевидно, однако, что анализомъ этихъ отвлеченій должна заниматься не общая философія наукъ, а спеціальная философія біологіи, куда, вмѣстѣ съ самимъ явленіемъ мышленія, прямо относятся и всякіе его „постулаты“. *Б.* Можно полагать также, что знаніе объединено, когда сгруппированы въ немногія высшія соотношенія результаты, достигнутые порознь отвлеченными науками и ихъ спеціальными философіями. Какъ извѣстно читателю, именно этого воззрѣнія на задачу философіи мы и

держимся. Но подъ „результатами“ частнаго знанія мы отнюдь не понимаемъ одни, такъ называемые, высшіе концепты ума. объектъ, субъектъ, пространство, время, вещество, сила, бытіе и т. п., или генетическое объясненіе этихъ понятій (какое дано, напр., Спенсеромъ въ III главѣ его First principles) Результатами частнаго знанія мы называемъ: 1) ставшіе извѣстными законы всѣхъ разрядовъ явленій, и 2) ставшіе извѣстными способы или методы, помощью которыхъ эти законы открыты и установлены. Вотъ все, что философія наукъ стремится объединить, т. е. еще болѣе упростить и обобщить. Такая задача выполнима. Мы уже не говоримъ объ общей методологіи наукъ; возможность удовлетворительнаго разрѣшенія этой части задачи философіи очевидна. Но относительно другой половины той же задачи могутъ возникнуть нѣкоторыя сомнѣнія. Не входя ни въ сущность, ни въ подробности вопроса, укажемъ только на постановку, которую, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ придать ему. Мыслить значитъ находить въ явленіяхъ сходства и различія. Но точное знаніе тѣмъ и отличается отъ „чистаго мышленія“, что оно всегда твердо опредѣляетъ и, такъ сказать, разъ навсегда закрѣпляетъ открываемыя въ явленіяхъ сходства и различія. Эта цѣль достигается научными *законами*. Но не иначе должны поступать и спеціальныя философіи наукъ, и ихъ общая философія. Въ устанавливаемыя ими сходства и различія, или вообще въ свое „мышленіе“, онѣ должны стремиться внести всѣ тѣ признаки, все то, чѣмъ научная мысль отличается какъ отъ обыкновеннаго, повседневнаго, такъ и отъ чистаго или апріорнаго мышленія. До сихъ поръ это было невозможно по причинамъ, имѣвшимъ временное, преходящее или собственно историческое значеніе. Въ самомъ существѣ дѣла, однако, такой невозможности не обрѣтается. Въ то время, какъ объектомъ научнаго мышленія или научнаго *сравненія* служатъ *конкретныя явленія* извѣстной категоріи, объектомъ мышленія или сравненія спеціальныхъ философій должны служить *частные законы одной* категоріи, а объектомъ сравненія философіи — *общіе законы различныхъ* категорій явленій. Знакомый съ исторіей наукъ и нынѣшнимъ ихъ состояніемъ легко пойметъ, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ *матеріаломъ*, который въ количественномъ отношеніи постепенно и правильно уменьшается по мѣрѣ того, какъ отъ частныхъ спекуляцій и сравненій науки мы переходимъ

къ общимъ спекуляціямъ и сравненіямъ философіи. Незначительное число прочно установленныхъ до сихъ поръ въ различныхъ областяхъ знанія общихъ законовъ ставитъ точную философію въ то же положеніе, въ какомъ находилась любая спеціальная наука въ началѣ своей эволюціи. Философіи, однако, не приходится вслѣдствіе того слагать руки и терпѣливо ждать дальнѣйшихъ приращеній положительнаго знанія. Все, что она *можетъ* дать въ настоящую минуту, она и *должна* дать. Несмотря на свою отрывочность и неполноту, міропониманіе, которое явится результатомъ ея усилій, будетъ все-таки—принимая во вниманіе успѣхи скептицизма и окончательную утрату вѣры въ реальность прежнихъ фикцій — гораздо болѣе въ состояніи удовлетворить насъ, чѣмъ самая совершенная и раціональная метафизическая система.

Замѣтимъ, мимоходомъ, что и въ философіи наукъ мы, по необходимости, встрѣтимся со многими вопросами и со всей почти терминологіей прежней метафизики и современныхъ научно-философскихъ системъ. Но старымъ вопросамъ и старымъ терминамъ философія наукъ придастъ новую жизнь и значеніе, въ строгомъ соотвѣтствіи съ даннымъ, наличнымъ состояніемъ положительнаго знанія, изъ котораго она, въ свою очередь, будетъ стремиться извлечь самые общіе элементы бытія, все то, что необходимо для построенія общей „схемы міра“.

5) *Философія наукъ имѣетъ дѣло исключительно съ объективною общностью и объективною же необходимостью явленій и ихъ психическихъ символовъ, понятій.* Опредѣленіе философіи, какъ общей науки, правильно лишь въ томъ смыслѣ, что философія вращается въ кругу высшихъ отвлеченій нашего ума, т. е. въ сферѣ самыхъ общихъ и, слѣдовательно, самыхъ необходимыхъ отношеній явленій между собою. Но именно съ „необходимостями“ подобнаго общаго характера постоянно имѣла дѣло и метафизика. Какимъ же образомъ, спрашивается, можетъ философія наукъ, очевидно преслѣдующая одну цѣль съ метафизикою, избѣгнуть участи послѣдней? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ нужно, прежде всего, вникнуть въ сущность главной или основной ошибки метафизики. Заблужденіе метафизики было то самое, въ какое постоянно впадаетъ обыкновенное или повседневное, т. е. ненаучное мышленіе. Давно пора (въ особенности послѣ трудовъ Канта, Гердера и Гербарта съ его школою, а въ но-

вѣйшее время Геринга, Ланге и мн. др.) убѣдиться въ томъ, что такъ-называемое „чистое мышленіе“ философа ничѣмъ, по существу своему, не отличается отъ обыкновеннаго или повседневнаго способа разсуждать и „умозаключать“. См. ч. I, гл. VIII, § 6—9 включ. Какъ бы странно это ни казалось, но пріемы разсужденія, къ которымъ прибѣгаетъ ребенокъ, составляютъ также въ своемъ родѣ „чистое“ мышленіе,—т. е. мышленіе свободное отъ всѣхъ, подчасъ очень тяжелыхъ условій, стѣсненій и ограниченій, совокупность которыхъ образуетъ то, что называется научными методами сочетанія понятій и объясненія явленій. Нельзя не видѣть, однимъ словомъ, что одна и та же причина — незнаніе фактовъ и ихъ истинныхъ отношеній — побуждала прежде философовъ, какъ она побуждаетъ теперь дѣтей и всѣ некультивированные умы, слишкомъ быстро обобщать явленія и даже начинать всегда съ общаго и слѣдовательно отвлеченнаго, а не частнаго и слѣдовательно конкретнаго. (См. Herder, Versland und Er, fahrung, Vernunft und Sprache, eine Metakritik zur Kritik der reinen Vernunft, II, стр. 396: „Ein Kind generalisirt gern. Wenn es einen Elephanten sieht, so glaubt es alle gesehen zu haben; das Individuum wird ihm Typus des Geschlechts mit allen seinen Partikularitaten. War der Elephant grau, so mussen alle Elephanten grau sein“ и т. д. См. также Goring, System der kritischen Philosophie, I, стр. 252 — 266). Сперва общее, потомъ частное — вотъ девизъ всѣхъ видовъ „чистаго мышленія“. Но это заблужденіе прямо приводило къ новой иллюзіи: общее есть причина, частное есть послѣдствіе (post hoc, ergo propter hoc). Въ глазахъ метафизики „общее“ стало основою всякаго знанія, чѣмъ-то такимъ, что само себя подтверждало и объясняло. Зная общее, мы уже знаемъ все частное. Но нѣтъ надобности доказывать, что такая общность была не *объективною* (вполнѣ соотвѣтствующею частному и конкретному), а только *субъективною*.

Такое же субъективное значеніе имѣла, такою же, въ сущности, иллюзіей мыслящаго субъекта была и „необходимость“, которую метафизика приписывала объектамъ своего знанія, или своимъ обобщеніямъ. Необходимость (см. Герингъ, op. cit., I, стр. 255) бываетъ двухъ родовъ. Одна чисто психическая: наши органическія или психическія стремленія, все то, что называется волею, направлено въ сторону извѣстной цѣли: такая *цѣль* и есть *необходимое*. Эту необходимость можно назвать *субъективною*; она имѣетъ телеологическій характеръ. Но су-

ществуетъ и другая необходимость; она возникаетъ въ умѣ, какъ атрибутъ тѣхъ или другихъ представленій, всякій разъ, когда наши психическія стремленія сталкиваются съ какими-либо непреоборимыми *препятствіями*· послѣднія (т. е. уже не цѣль, а нѣчто совсѣмъ противоположное ей) и составляютъ въ этомъ случаѣ *необходимое*. Такую необходимость, вытекающую изъ свойствъ вещей, а не изъ нашего отношенія къ нимъ, можно назвать *объективною*. Замѣтимъ, мимоходомъ, что обѣ необходимости имѣютъ одинаково условное и *относительное* значеніе; ибо если цѣли, преслѣдуемыя различными индивидуумами (субъективная необходимость) различны по самому существу своему, то и значеніе препятствій, встрѣчаемыхъ нами на пути къ этимъ цѣлямъ (объективная необходимость), различно для разныхъ индивидуумовъ. Какъ бы то ни было, впрочемъ, не трудно понять, что метафизика должна была приписывать всѣмъ своимъ концептамъ и обобщеніямъ не объективную, а именно субъективную необходимость. Будучи продуктомъ незнанія, метафизика не могла избѣгнуть характеристическаго самообмана, свойственнаго незнанію или „чистому мышленію“ и заключающагося въ томъ, что всѣ наши понятія мы себѣ представляемъ не иначе, какъ подчиненными цѣлямъ нашей воли. Но наши понятія—символы дѣйствительныхъ, реальныхъ явленій, которыя такимъ образомъ также получаютъ чисто телеологическую окраску. Что разумно, что служитъ цѣлямъ нашей воли, то и необходимо, и наоборотъ, что необходимо (а слѣдовательно что существуетъ), то и разумно: метафизика не выходила изъ этого двойного ложнаго круга.

Однимъ словомъ, отличительною чертою всякой метафизики было признаніе одной только *субъективной общности* и *субъективной* же *необходимости*.

Но противъ этого-то основного свойства метафизики постоянно и возставалъ всякій философскій *эмпиризмъ*, горячо отстаивавшій права „частнаго“ и „случайнаго“ въ области философіи. Къ сожалѣнію, эмпиризмъ вооружился не только противъ апріорной, но и противъ всякой всеобщности и необходимости. Самыя слова эти стали ему ненавистны, сдѣлались для него настоящимъ кошмаромъ. Очевидно однако, что, поступая такимъ образомъ, эмпиризмъ измѣнялъ собственному знамени: ибо заодно съ апріорною, онъ отвергалъ и апостеріорную всеобщность и необходимость. Онъ впалъ въ странное про-

тиворѣчіе съ самимъ собою; будучи по преимуществу реализмомъ, т. е. увѣренностью въ дѣйствительномъ существованіи внѣшняго міра, эмпиризмъ систематически игнорировалъ основу, ultima ratio реализма—объективную необходимость или тѣ непреодолимыя препятствія, которыми на каждомъ шагу ограничиваются наши психическія стремленія или волевые импульсы. Вотъ почему, можетъ быть, съ эмпиризмомъ такъ легко всегда справлялись, по крайней мѣрѣ въ чисто логическихъ бояхъ, скептицизмъ и идеалистическій сенсуализмъ. Нѣтъ надобности также настаивать на томъ, что съ объективною необходимостью всегда тѣсно связана, какъ непремѣнное условіе ея, и объективная общность или всеобщность; ибо очевидно, что тѣ или другіе атрибуты и свойства вещей могутъ быть препятствіями, ограничивающими стремленія нашей воли, лишь постольку, поскольку и эти атрибуты, и эти свойства общи или всеобщи (т. е. встрѣчаются въ одномъ, въ нѣсколькихъ или во всѣхъ разрядахъ явленій — различныя степени общности). Это такъ справедливо, что вмѣстѣ съ уменьшеніемъ общности явленій всегда уменьшается, въ нашихъ глазахъ по крайней мѣрѣ, и ихъ необходимость. Соціальныя явленія, напримѣръ, кажутся намъ менѣе необходимыми (легче измѣняемыми), чѣмъ біологическія, которыя, въ свою очередь, представляются намъ менѣе необходимыми, чѣмъ факты физико-химическіе и т. д. (Весьма возможно, впрочемъ, что тутъ дѣйствуетъ простая иллюзія умственнаго зрѣнія, зависящая какъ отъ видимаго уменьшенія самой площади, если можно такъ выразиться, встрѣчаемаго нами со стороны внѣшнихъ фактовъ отпора, такъ и отъ большей сложности частныхъ явленій: одну необходимость легче побороть другою и т. п.).

Итакъ, настоящій апостеріоризмъ одинаково далекъ какъ отъ эмпиризма, такъ и отъ апріоризма или субъективизма. Но это, другими словами, значитъ, что философія наукъ должна замѣнить въ своихъ изслѣдованіяхъ метафизическую или субъективную всеобщность и необходимость (понятій, представленій и явленій) всеобщностью и необходимостью объективными. Такимъ образомъ, мы снова, хотя и другою дорогою, приходимъ къ заключенію, высказанному нами въ § 13 настоящей главы: преслѣдуя ту же цѣль, что и метафизика, философія наукъ старается достигнуть ее существенно различными средствами.

УЧЕТ 1935 Г.
Библиотека Высшей проф
№
Кафедра философии